This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

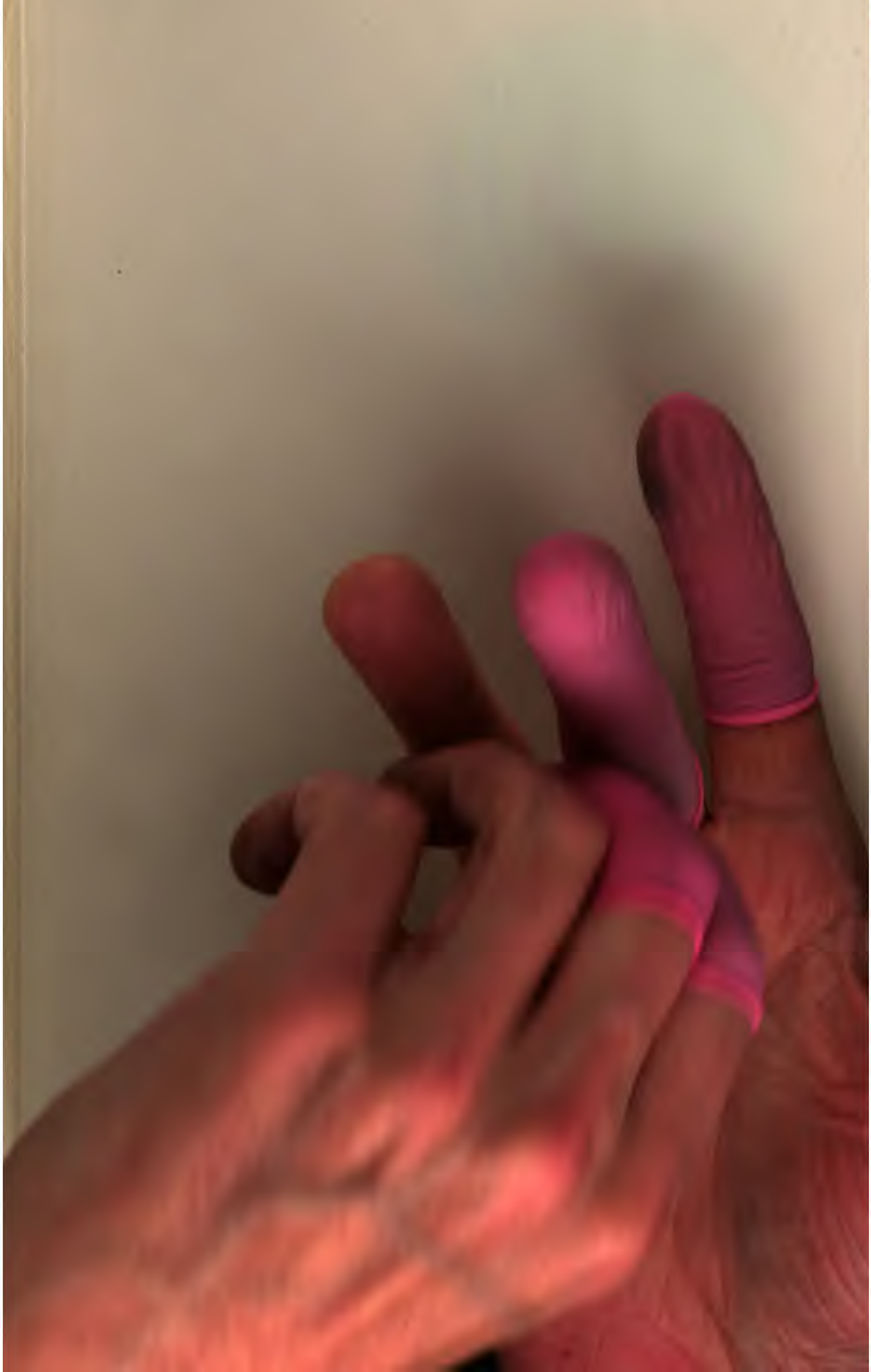
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

WID-LC

55
1904
10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



UID-LC
AP
50
M55
. 1904
10]

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

A W10-Lc AP 50 .M55 vol. 1904 No. 10
1807

Мирный Трудъ

№ 10.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY
FEB 24 1983
FAS 30 Photo
35

1904.

Въ редакціи журнала Мирный Трудъ (Харьковъ. Дѣвичья, № 14-й) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" продаются слѣдующія изданія Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія.

Альбицкій В. И. проф. „Объ устройствѣ судоходства на Днѣпровскихъ порогахъ". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 к.

Бородкинъ М. М. Памяти В. Л. Величко (о его поэзіи). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к.

Бородкинъ М. М. „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Бородкинъ М. М. „О литературныхъ заслугахъ гр. А. К. Толстого". Цѣна 20 коп.

Бродовичъ І. А. проф. „Христіанство въ Японіи". Цѣна [illegible]

Буцинскій П. Н. проф. „Предпріимчивость русскаго человѣка". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Восточные вопросы". Цѣна 10 коп.

Вициненій В. П. „Санитарныя нужды нашей арміи на Маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій". Цѣна 25 к. съ пер. 30 к.

Денисовъ Я. А. проф. „Несостоятельность обвиненій, взведенныхъ г. Меньшиковымъ на русскій народъ". Цѣна 20 к.

Завитневичъ В. З. проф. „Мѣсто Алексѣя Степановича Хомякова въ исторіи русскаго самосознанія". Цѣна 25 коп. съ пер. 30 коп.

Праздникъ русскаго самосознанія (открытіе Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к.

Савиновъ. „О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими". Выпускъ I. Цѣна 20 к съ пер. 25 коп. Выпускъ II. Цѣна 20 коп.

Стефанъ, епископъ Сумскій. „Памяти В. Л. Величко". Цѣна 10 к. съ пер. 15 коп.

Страховъ. „Кантъ, какъ учитель нравственности". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Шаховской М. Л. князь. „Мелкая земская единица". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Ф. В. „Мечты русскаго патріота". Цѣна 20 коп.

Выручка отъ продажи изданій Отдѣла жертвуется на военныя нужды.

Кромѣ вышеупомянутыхъ изданій Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія въ редакціи продается книжка: Таубе М. Ф. баронъ. „Всеславянское значеніе Руслана и Людмилы". Цѣна 20 коп. Чистый доходъ предназначается на усиленіе русскаго флота.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

МИРНЫЙ ТРУДЪ.

(Повременное научно-литературное и общественное изданіе).

№ 10.

(Декабрь).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.
1904.

Дозволено цензурою. г. Харьковъ, 13 Декабря 1904 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ*)

Декабрьской книжки журнала „Мирный Трудъ“.

Стр.

„Кащей“, сказка въ 4 д. и 7 карт. **кн. Д. П. Голицына-Муравлина** . . . . 1—38
„Уваровскій Университетъ“, IX—X, **Н. Н. Родзевича** . . 39—69
„Христіанство въ Японіи“, **проф. I. Бродовича** . . . . 70—91
„Иванъ Грозный и Россія его времени въ освѣщеніи польскаго ученаго“, **А. Маляренко** . . . . 92—99
„Памяти Сергѣя Михайловича Соловьева“, **М. Рождественскаго** . . . . 100—105
* * * стих. **П. Оленича-Гнененко** 106
„В. В. Верещагинъ о русскомъ народномъ искусствѣ“, **В. П. Карпова** . . . . 107—118
„Русь“, стих. **Ф. Берга** 119
„Несостоятельность обвиненій, взведенныхъ г. Меньшиковымъ на русскій народъ“, **проф. Я. А. Денисова**. 120—142
„Изъ славянскихъ журналовъ“, **I. Микша** . . . . . . 143—149
„За что насъ ненавидитъ Европа?“, **студ. В. Ермоловъ**. 150—154
„Изъ забытаго альбома“, стих. **Ф. Пестрякова** 154
Дѣятельность Обществъ: „Русскій Кружокъ въ Варшавѣ“, **Д. С. В.**; „Харьковскій Отдѣлъ Русскаго Собранія“, **П. Хорсова** . . . . 155—175

***) Набранныя статьи: „Изъ записной книжки русскаго монархиста“ Н. Черняева, „Обозрѣніе духовныхъ журналовъ“ В. Задонскаго и „Гоненія на русскую молодежь“ А. Каута отложены, за недостаткомъ мѣста, до Январьской книжки.**

„Необходимость самодержавія для Россіи“, М. Бородкина 176—201
„Письмо въ редакцію“, Дмитрія Вергуна . . . . 202—203
„Отвѣтъ Вѣстнику Европы“, А. Каута . . . . 204—209
„Слово преосвященнаго Алексія, епископа Сумскаго, въ день тезоименитства Государя Императора Николая Александровича . . . . 110—112
„О «веснѣ»“, Монархиста . . . . 113—115
„Общія причины антисемитизма“, В. Лазара, перев. съ франц. Д. Людвинскій . . . . 216—224
Военное обозрѣніе, Н. Черникова . . . . 225—230
Библіографія: Религіозно-философская библіотека. Выпускъ VII. Вышній-Волочекъ, 1904. А. Каута. Указатель книгъ духовнаго содержанія для домашняго чтенія дѣтей. Москва, 1904. П. Хорсова . . 231—233
Списокъ книгъ поступившихъ въ редакцію по 1 декабря 234
Объявленія . . . . 235—256

КАЩЕЙ

сказка въ 4 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ

Князя Д. П. Голицына (Муравлина).

(Исполнена въ 1-й разъ на сценѣ театра Литературно-Художественнаго Общества, въ С.-Петербургѣ, 10 октября 1903 г.).

ДѢЙСТВІЕ III.

Картина IV. Поляки.

Дѣйствующія лица:

Князь Гжатскій (Иванъ-Царевичъ).
Княгиня Гжатская (Царь-Дѣвица).
Панъ воевода (Кащей).
Паны: 1-й, 2-й
Паны: 3-й, 4-й
Старикъ.
Отрокъ (Правда).
Пажъ (Кривда).

Гости воеводы, слуги, стража.

Палата въ хоромахъ князей Гжатскихъ. *Паны* пируютъ. Едва поднялся занавѣсъ, черезъ сцену нѣсколько паръ проносятся мазуркой. Въ теченіе всего дѣйствія за сценой музыка, временами затихающая. *Слуги.*

Панъ 1. Люблю веселье! Въ царствѣ москалей
Душа едва отъ смѣха не отвыкла.

Панъ 2. Сюда вина!

Панъ 3. И мнѣ!

Панъ 4. И мнѣ налей!

Панъ 1. Мы варварамъ даруемъ вѣкъ Перикла,
Они-жъ даровъ подобныхъ не цѣня,
Противятся!

Панъ 2. Должно быть, не въ коня
Хорошій кормъ...

Панъ 1. Престранное отродье!
Какъ нѣкій скиѳъ, упорствуетъ москаль.

Панъ 3. Его земля—пустынное угодье.

Панъ 4. Всякъ за свое стоитъ! Родного жаль!

Панъ 1. То варвары, имъ за себя не страшно.
Чего жалѣть! Рубилъ я ихъ съ плеча.

Панъ 2 (*смѣясь*).
Съ монахомъ разъ я бился рукопашно.
Одинъ изъ нихъ сорвался сгоряча,—
Должно быть слылъ онъ буйной головою,—
Въ монашеской одеждѣ на конѣ
Летитъ впередъ... Онъ подскочилъ ко мнѣ
И замахнулся тяжкой булавою.
Смѣшно смотрѣть! Я вмѣстѣ съ клобукомъ
Снялъ голову. Ударъ былъ безподобный!
Я перегналъ монаха въ міръ загробный.

Панъ 1. Нѣтъ, москалю не спорить съ полякомъ.

Панъ 4. Да споръ теперь покончен. Царь поставленъ
Изъ польскихъ рукъ.

Панъ 3. Димитрій развѣ царь?

Панъ 2. Онъ волей нашей царственно прославленъ.

Панъ 4. Онъ, мнится, прирожденный государь.

Панъ 1. Отрепьевъ?

Панъ 4. Нѣтъ! Отрепьева моложе
Лѣтъ на десять.

Панъ 1. Да царь Димитрій—кто же?

Панъ 2. Димитрій.

Панъ 3. Нѣтъ, не стали бы паны
Такъ хлопотать. У насъ разсчетъ былъ тонокъ,—
Дать своего. Димитрій безъ вины
Палъ въ Угличѣ.

Панъ 1. Нѣтъ, это былъ ребенокъ
Какого-то безвѣстнаго попа.

Панъ 2. Товарищи, никакъ вся Русь слѣпа!
Средь бѣла дня народъ смотрѣлъ на тѣло
Убитаго и толкомъ не узналъ.
Теперь, царя нашли,—другое дѣло:
Не знаютъ, кто онъ!

Панъ 3. Царству ихъ финалъ!
Въ историки московскаго народа
Не Геродотъ потребенъ,—Ювеналъ.

Панъ воевода (*входитъ, за нимъ пажъ*).
Давай вина!

Всѣ. Виватъ, панъ воевода!

Панъ воевода.
Эхъ, молодость! Пьютъ долго и до дна,
А тамъ идетъ веселье. Танцы, пѣнье...
А гдѣ-жъ хозяинъ? Дать ему вина!

Пажъ. Наверхъ ушелъ.

Панъ воевода. Съ женою?

Панъ 1. Заглядѣнье
Жена его!

Панъ воевода. Тотчасъ его сюда!
На насъ смотрѣть не можетъ онъ безъ злости—
Такъ пусть сгоритъ сегодня со стыда
За то, что бросилъ насъ. Его мы гости!
Поди, безъ насъ былъ скученъ этотъ домъ.
Мы оживили мертвое жилище!

Пажъ. Ему обидно. Говоритъ—Содомъ!
И на меня онъ поднялъ кулачище,
Когда я вздумалъ звать его на пиръ.

Панъ воевода.
Онъ хочетъ ссоры? Предлагалъ я миръ...
Его вина. Позвать сюда нахала!
Скажи ему: хочу я, чтобъ жена
Его вино мнѣ въ кубокъ подливала.
Пусть жалуетъ немедля къ намъ она.
Я такъ велю. Привесть его насильно,
Коль не придетъ онъ самъ! (*Пажъ уходитъ*).

Панъ 2. Весьма обильно
Мы вспоены, а все почета нѣтъ.

Панъ 3. На все у нихъ всегда одинъ отвѣтъ:
Бери мой домъ, жену оставь въ покоѣ.

Панъ 4. Хозяинъ правъ.

Панъ 1. Хозяева-то мы!

Панъ 4. Его мы оскорбляемъ.

Панъ 2. Что-жъ такое?
Мы вносимъ свѣтъ въ потемки ихъ зимы.

Панъ 4. А мнится мнѣ,—мы дразнимъ ихъ напрасно.
Для насъ полезенъ былъ бы съ ними миръ.

Панъ воевода.
Панъ секретарь, когда затѣянъ пиръ,
Не говори: „зачѣмъ вино прекрасно?“
А кубокъ свой ты выпивай до дна.
Допьемъ мы Русь,—она вкуснѣй вина.

Панъ 1. Мы въ ней свое насадимъ просвѣщенье,
Смогли мы дать имъ своего царя...
За нами Римъ. Онъ, въ знакъ порабощенья,
Войдетъ побѣдно въ дверь ихъ алтаря!

Панъ 4. Чрезмѣрно Риму стали мы послушны.
Толкаетъ насъ на русскихъ езуитъ.

Панъ 1. Панъ секретарь, вы слишкомъ благодушны.

Панъ 3. А что-жъ, по мнѣ, онъ правду говоритъ.

Панъ воевода.
Случилось такъ, что мы надъ ними властны.
Отнынѣ—наша русская земля...
Для нихъ тѣмъ лучше! Чѣмъ они несчастны?

Всѣ. Виватъ, виватъ! За здравье короля!

Князь (*входитъ, воеводѣ*).
Ты звалъ меня?

Панъ воевода. Тебя мы приглашали...
Намъ безъ тебя, хозяинъ, жизнь скучна.
Повеселись ты съ нами. (*Вернулся пажъ*).

Князь. Въ дни печали
Лишь врагъ Руси пируетъ. Пей вина
Поболѣе и плясомъ непристойнымъ
Шумъ поднимай.

Панъ-воевода. А гдѣ твоя жена?
Намъ, чести той, конечно, недостойнымъ,
Пусть поднесетъ венгерскаго она.

Панъ 1. Взоръ женщины проникнетъ сквозь кольчуги,
И отъ него сердца у насъ въ огнѣ.

Князь. Когда меня мои спросили слуги,
Служить ли имъ полякамъ, какъ и мнѣ,
Я имъ сказалъ: поляки словно гости,
Войны ужъ нѣтъ, и царь ихъ пригласилъ.

Панъ 2. Чтобъ насъ прогнать, у васъ не хватитъ силъ.
Ты покорись, съ охотой иль со злости.

Князь. Я имъ сказалъ: война уже прошла,
Мы подчинимся мирному разбою.
Они святой Москвы не брали съ бою,
Но Русь къ себѣ съ царемъ ихъ приняла,
Какъ отъ судьбы пріемлются недуги...
Я такъ сказалъ. Мои вамъ служатъ слуги.
Со всѣмъ добромъ своимъ я отдалъ ихъ,—
И будетъ съ васъ. Вы гости слугъ моихъ,
А не мои.

Пажъ. Вели, панъ воевода,
За эти рѣчи свесть подъ батоги.

Панъ воевода.
Ты думаешь?

Пажъ. Для этого народа
Лишь въ батогахъ есть толкъ. И для слуги,
И для бояръ. Слова поймутъ едва-ли.
Москаль, что рабъ, къ насилію привыкъ.
Ты палкою умѣрь его языкъ!

Панъ 1. Что говорить, мы Русь завоевали.

Князь. Бахвалишься. Московская земля
Не Кракова рабыня и Варшавы.
Мы не подвластны волѣ короля.

Пажъ. Панъ воевода, глупы и нездравы
Его сужденья.

Панъ 4. Нѣтъ, онъ правъ.

Пажъ. Ему
Отвѣчу я.

Панъ воевода. А, диспутъ, превосходно!
Я президентство въ диспутѣ возьму.

Пажъ. Мнѣ говорить?

Панъ воевода. Начни, мнѣ такъ угодно.

Пажъ (*князю*). Ты говоришь, бояринъ, что Москва
Не отошла къ крулевскому владѣнью?

Панъ 2. Онъ такъ сказалъ.

Панъ 3. Да, такъ.

Панъ 4. Его слова.

Пажъ. Теперь внимай такому разсужденью:
Мы для себя избрали короля,
А не для васъ. Останется онъ съ нами.
Зачѣмъ ему Московская земля
Съ ея упорно дикими сынами!
Мы на Руси поставили царя,—
Онъ на Москвѣ былъ Краковомъ поставленъ.
Правителемъ вамъ Дмитрія даря,
Тѣмъ Сигизмундъ несказанно прославленъ.
Намѣстника поставивъ надъ Москвой,
Онъ закрѣпилъ всю землю за собою,
И вы сдались, безславные, безъ бою,
Вы выдали отчизну головой.

Князь. (*воеводѣ*).
Скажи щенку, чтобъ лаялъ осторожно!

Панъ воевода.
Плохой отвѣтъ! Подобныя слова
Намъ въ диспутѣ принять никакъ не можно.
Пусть отвѣчаетъ мальчику Москва.

Панъ 1. Поговори. Послушаемъ сначала,
Потомъ рѣшимъ.

Панъ 4. Бранится, сгоряча.

Князь. Москва не разъ полякамъ отвѣчала.
Ея отвѣтъ на остріѣ меча.
Познала Русь нашествіе Батыя,
И вся земля стонала въ тѣ года,
Но помогли намъ силы пресвятыя!
Ушелъ татаринъ, нѣтъ его слѣда.
Димитрій далъ на Куликовомъ полѣ
Отечеству грядущіе вѣка.
Теперь другой Димитрій на престолѣ,
На нашу Русь навелъ онъ поляка.
Но велика священная отчизна,
Еще не всѣ прославлены поля,
И гдѣ теперь господствуетъ польщизна,
Когда-нибудь отпразднуется тризна
Надъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ горестна земля.
„Долой съ Руси!"—раздастся кликъ народа,
Настанетъ часъ желанный торжества,
И, возвратясь съ напраснаго похода,
Вы скажете: „отвѣтила Москва!"

Панъ 1. Предерзокъ онъ.

Панъ 2. Скажи, панъ воевода,
Чтобъ онъ молчалъ.

Панъ 3. То наглыя слова.

Пажъ. Гдѣ батоги?

Панъ 1. Димитрія безславитъ,
А на Руси теперь Димитрій правитъ!

Панъ 2. На судъ его!

Панъ 3. Скатится голова,
Другимъ въ примѣръ, на лобномъ мѣстѣ!

Панъ 1. Злости
Хоть отбавляй. Судить его. Отвѣтъ
Ему держать за рѣчи тѣ!

Княгиня (*вошла, держитъ кубокъ на блюдѣ*). Вы, гости,
Въ веселый часъ примите мой привѣтъ.

Князь (*быстро подходитъ къ ней*).
Зачѣмъ пришла?

Княгиня (*тихо*). Тебя спасаю, Ваня,

Князь. А кто тебя спасетъ?

Княгиня. Себя спасу
Сама. (*Воеводѣ*).
Пришла на шумъ я ликованья...
Дай, вздумалось, я гостю поднесу
Первѣйшему во здравье добрый кубокъ
Изъ-за моря добытаго вина.

Панъ 1. Какъ хороша! (*Пажъ уходитъ*).

Панъ 4. И граціи полна.

Панъ 3. За поцѣлуй ея прелестныхъ губокъ
Я-бъ отдалъ все.

Панъ 2. Кусъ лакомый она!

Панъ воевода (*беретъ кубокъ*).
Красавица, скажу тебѣ безъ лести,
Любуюсь я твоею красотой
Ты къ намъ пришла... мы ждали этой чести;
Но вотъ, твой мужъ,—онъ человѣкъ пустой,—
Надѣялся лишить насъ чести той.

Княгиня. Тутъ чести нѣтъ,—обычай нашъ уставный,
Чтобъ подносить во здравіе вино.

Панъ 4. Прими же ты отъ насъ привѣтъ заздравный.

Панъ воевода.
Да будетъ намъ на вѣки суждено
Здѣсь пировать! Уютенъ и просторенъ
Твой старый домъ. Понравился онъ намъ.
(*Киваетъ на князя*).
Скажи ему, чтобъ былъ онъ намъ покоренъ
И угождалъ вельможнѣйшимъ панамъ.

Князь. Ждешь отъ меня напрасно угожденья.
Вернись домой и мнѣ тѣмъ угоди.

Панъ воевода.
Зачѣмъ? Мнѣ здѣсь отлично. Впереди
Мерещатся такія наслажденья,
Которыхъ я и дома не найду.

Князь! Ты замолчи! Накличешь ты бѣду.
Ты мнѣ не гость: моя рука свободна,
Обычаемъ не связана святымъ,
Къ мечу найдетъ дорогу, и пустымъ
Твоимъ рѣчамъ конецъ!

Княгиня (*воеводѣ*). Когда угодны
Тебѣ у насъ веселье и покой,—
Не принуждай ты властною рукой
Къ тому, что въ даръ приносится свободно.
Гостепріимство дѣдовское чтя,
Мы всѣхъ пановъ...

Панъ воевода (*перебиваетъ*). Прелестное дитя,
Не говори! Слова твои напрасны.
Не для того уста твои прекрасны,
Чтобъ убѣждать. Уста тебѣ даны
Для поцѣлуевъ. Будь гостепріимна,
И на устахъ прекраснѣйшей жены
Раздастся звукъ чарующаго гимна
Лобзаній тѣхъ, что нѣжности полны.

Князь. Остерегись!

Княгиня (*князю*). Молчи. (*Воеводѣ*).
Должно быть въ Польшѣ
Таковъ законъ? Хозяйка тамъ должна
Быть ради гостя мужу невѣрна
И дорожить забавой гостя больше,
Чѣмъ честью? Нашъ законъ—совсѣмъ другой.
Прости же насъ ты, гость нашъ дорогой,
Не осуди.

Панъ 1. У васъ плохіе нравы...
Но свѣтъ идетъ отъ насъ, а вы неправы.

Пажъ (*входитъ, спѣшитъ къ воеводѣ*).
Двухъ странниковъ поймали... Привести?

Панъ воевода (*съ досадой*).
Ты погоди, не время.

Пажъ. По пути,
Знать, на Москву они попались стражѣ...

Я думаю, что съ жалобой. Старикъ
Одинъ изъ нихъ... Другой моложе, даже
Совсѣмъ дитя, и ростомъ невеликъ.

Панъ воевода.
Гони ихъ прочь.

Пажъ. Ихъ отпустить не трудно,
Но позабавить насъ они-бъ могли.
Ты позови сюда ихъ.

Панъ 1. Это чудно!

Панъ 2. Допросимъ ихъ.

Панъ 3. Привесть ихъ повели.

Князь. Вамъ русское страданіе въ забаву!
Вамъ весело, понеже Русь слаба.
Со старикомъ ребенка на расправу
Вамъ посылаетъ къ радости судьба.

Княгиня (*воеводѣ*).
Пиръ веселъ вашъ... Какой еще потѣхи?!
Ты странниковъ на волю отпусти!
Скорѣе ждать веселію помѣхи
Отъ старика, уставшаго въ пути.

Пажъ (*указывая на князя и княгиню*).
Ихъ слушаться?

Панъ воевода. Сюда ихъ привести!
Мы цѣну знаемъ шуткамъ и потѣхамъ.
Въ нихъ превосходный отдыхъ для души.
Мы дань беремъ порою также смѣхомъ.

Князь. Ты смѣхомъ тѣмъ проклятья заглуши,
Которыя наполнили всю землю...

Панъ воевода.
Сегодня пиръ... Я только смѣху внемлю.
(*Стража вводитъ старика и отрока*).

Старикъ. Куда ведутъ?

Отрокъ. Въ хоромы мы вошли.
Великія здѣсь, дѣдушка, палаты.

Старикъ. А что за люди?

Отрокъ. Одѣтые богато
Поляки.

Старикъ. Къ нимъ почто насъ привели?

Панъ воевода.
А, странники! Куда вы путь держали?

Старикъ. Онъ что сказалъ?

Отрокъ. Идемъ мы безъ пути..
Обитель злые люди разогнали..
Не вѣдаемъ, куда теперь идти.

Пажъ (*воеводѣ*).
Шатаются безъ толку по дорогѣ.
Старикъ—медвѣдь...Ему бы жить въ берлогѣ,
А мальчика ты въ клѣтку посади.

Князь (*княгинѣ*).
Нѣтъ мочи... пусть погибну.

Княгиня Погоди,
Придетъ пора...

Панъ воевода (*старику*). Коль бродишь ты безъ цѣли
Такъ по дорогѣ съ нами посиди.
Тебя бы мы по новому одѣли
И одарили-бъ звонкою казной.

Панъ 1. За Сигизмунда только выпей чашу!

Панъ 3. За короля и за ойчизну нашу.

Старикъ. Я старъ и слѣпъ.

Пажъ. Охъ, старенькій, не ной.
Вы, русскіе, до жалобы охочи,
До оханья, и слушать васъ нѣтъ мочи.

Панъ 2. Ты пѣсню спой, спляши мазурку ты.

Панъ 1. Намъ нуженъ шутъ.

Панъ 3. Годишься ты въ шуты.

Отрокъ. Ты, дѣдушка, ихъ рѣчи слышишь?

Старикъ. Слышу.
Я старъ и слѣпъ. Помиловалъ Господь,
Не захотѣлъ, чтобъ къ старости я видѣлъ
Земли родной великую печаль.

Я слѣпъ и старъ. Стою я у могилы.
Не долго мнѣ скорбѣть. Великъ Господь!
Не захотѣлъ, чтобъ жить пришлось мнѣ долго
Въ лихое время горестсй земли.
Со смертію мы издавна сосѣди.
Пора мнѣ въ гробъ. Пришло такое время,
Что мертвому завидуетъ живой.

Панъ воевода.
Не дорожишь своей ты головой?

Старикъ. Вели казнить. На томъ тебѣ спасибо.
Разрушена привычная обитель...
Пріуготовь обитель мнѣ въ гробу.

Панъ 3. Каковъ старикъ!

Панъ 2. Упоренъ!

Панъ 1. Не хотите-ль
Съ безумцемъ весть словесную борьбу!

Панъ воевода.
Казнить тебя я вовсе не намѣренъ.
Твой спутникъ пусть отвѣтитъ за тебя.

Старикъ (*отроку*).
Что, дитятко, боишься лютой казни?
Богъ милостивъ.. Душою покривлю,
Что захотятъ они, я все исполню,
Чтобъ надъ тобою сжалились поляки.
А Богъ проститъ мнѣ подневольный грѣхъ.

Отрокъ. Пускай казнятъ! Коль я умру сегодня,
И не увижу завтрашняго дня,—
Ты вознеси молитву за меня
Къ подножію величія Господня.
Всевышнему молитвенно скажи:
„Ты отрока избавилъ отъ страданья.
Мои мученья также развяжи,
Чтобъ не видать мнѣ злого испытанья
И мукъ земли“...
(*Панамъ*). Готовьте вы ножи
Иль палачей зовите на работу!
Въ такіе дни любому смерть въ охоту.

Панъ воевода.
Мы палачей не держимъ. Послужи
И ты въ шутахъ... Панове, такъ ли?

Панъ 1. Славно!
Пусть посмѣшитъ онъ насъ.

Панъ 2. Конечно, такъ.
Намъ шутъ потребенъ.

Панъ 3 (*отроку*). Ты служи исправно.

Панъ 4. Плохія шутки...

Панъ 1 (*хочетъ надѣть старику на голову большую чашу*).
Вотъ тебѣ колпакъ.

Князь (*ударяетъ пана 1 по рукѣ*).
Оставь его!

Панъ 1. Погибнешь ты!
(*Хочетъ броситься на князя*).

Панъ воевода. Довольно!
Разнять! (*Указываетъ на князя*).
Схватить! (*Стража схватываетъ князя*).
Горячъ, бояринъ, больно!

Панъ 1 (*князю*).
Сойдемся мы съ тобой съ мечемъ въ рукахъ!
Отвѣтишь ты за наглость! Поединокъ
Разсудитъ насъ!

Панъ 2. Ему дороже инокъ,
Чѣмъ жизнь!

Княгиня. Опомнись, Ваня!

Князь. Что за страхъ!
Мой мечъ найдетъ къ его груди дорогу!
Разсудитъ поле.

Княгиня (*старику*). Старецъ пресвятой,
Въ тяжелый часъ за насъ молися Богу!

Старикъ. Молись и ты.

Панъ воевода. Все разговоръ пустой (*Пану 1 тихо*).
Панъ, устыдись! Ты самъ всему виною.
Не обнажай напрасно ты меча!

Панъ 1. Пусть извинится дерзкій предо мною.

Панъ воевода.
Иной не то бы сдѣлалъ сгоряча. (*Громко*).
Не разрѣшу подобной я дуэли.
Виновенъ князь. И судъ мы учинимъ
Безжалостный немедленно надъ нимъ...
(*Пану 4*).
Панъ секретарь, готовься...

Панъ 4 (*тихо*). Неужели
Ты такъ рѣшилъ? Нарушишь ты законъ...

Панъ воевода (*тихо*).
Дай пошутить. Наказанъ будетъ онъ,
Но только не замученъ, а осмѣянъ. (*Князю*).
Тебѣ конецъ. Тобою бунтъ затѣянъ.

Пажъ. Приговорите къ батогамъ, паны.

Князь (*хочетъ вырваться*).
Пустите, прочь!

Панъ воевода (*стражѣ*). Преступника должны
Держать вы крѣпко.

Княгиня. Слушай, воевода,
Оставь его. Расправу, а не судъ
Надъ нимъ творишь.

Панъ воевода. На что ему свобода?
Онъ русскій, ergo—рабъ.

Отрокъ. Напрасный трудъ
Его просить.

Панъ воевода (*княгинѣ*). Меня ты побалуй,
И можетъ быть, я смилуюсь немного...
Ты не смотри, красавица, такъ строго
И подари мнѣ сладкій поцѣлуй.

Старикъ (*князю*).
Почто меня ты защищалъ, бояринъ!

Я-бъ все стерпѣлъ, съизмальства терпѣливъ,
А для тебя покорство въ стыдъ и тягость.

ПАЖЪ. Бояринъ онъ, поэтому спѣсивъ.

ПАНЪ ВОЕВОДА.
Итакъ, судить преступника мы станемъ
Я – президентъ. Панъ секретарь—сюда.
Садитесь, судьи!

ПАНЪ 2. Чести не обманемъ,
Не постановимъ празднаго суда.

ПАНЪ 3. Виновенъ онъ. Казнить его, и баста!

ПАНЪ 1. Большая польза русскимъ отъ кнута.
Назначь ему ударовъ полтораста.
Пусть помнитъ онъ. Не сунется спроста!

ПАНЪ ВОЕВ. Вашъ приговоръ?

ПАНЪ 1. Карать его нещадно!
Онъ не бояринъ, нѣтъ, онъ буйный воръ.

ПАНЪ 2. Чего жалѣть!

ПАНЪ 3. Жену отнять!

ПАНЪ ВОЕВОДА. Что-жъ, ладно!
Рѣшительный я ставлю приговоръ. (*Пану 1*).
Тебѣ нанесъ ударъ онъ. Въ искупленье,
Къ тебѣ пойти въ прислужницы должна
Его красой богатая жена.
За оскорбленье платитъ оскорбленье!

КНЯЗЬ. Пустите... Смерть горитъ въ моей рукѣ!

ПАНЪ ВОЕВОДА (*стражѣ*).
Держите крѣпче. (*Подходитъ къ князю*).
Было-бъ легче, право,
Тебѣ увидѣть старца въ колпакѣ,
Чѣмъ подвергаться шуточной расправѣ.
Я пошутилъ. (*По его знаку князя отпускаетъ стража*).
Полякъ всегда шутливъ,
Но просвѣщенъ. Иль, думаешь, мы турки?
Прощай, хозяинъ. (*Протягиваетъ руку. Князь ее отстраняетъ*).

Больно ты спѣсивъ. (*Панамъ*).
Эй, вы, за мной!.. Умчитъ насъ вихрь мазурки!
Мы выпили достаточно вина.
Пойдемъ плясать подъ музыку родную.
Прощай же, князь.

Панъ 2. А хороша жена
Его.

Панъ воевода. Цѣлуй ее. Я не ревную.
(*Панъ воевода, паны и пажъ уходятъ*).

Княгиня. Мы тяжкое глумленіе снесли.
Я-ль не искала съ ними примиренья!
Напрасно.

Князь. Оскорбители земли!
Сносить отъ васъ должны мы униженья!
Татаринъ рѣзалъ, грабилъ, убивалъ,
Онъ русской кровью землю заливалъ,
А вы пришли къ намъ ради оскорбленья
Страдальческой, измученной Москвы.

Старикъ. Терпи, бояринъ, вѣчной нѣтъ вражды.

Князь. Достаточно мы терпимъ поруганье
Родныхъ святынь!

Княгиня. Во власти ляховъ мы!

Отрокъ. Ниспослано на время испытанье.
Пробьется свѣтъ. Конецъ наступитъ тьмы.
(*Слышится пѣніе стихійныхъ силъ Руси*).

Хоръ стихійныхъ силъ Руси.

Годины темныя унынья и мученья
Пошлетъ на Русь судьба.
Но не познаетъ Русь стыда порабощенья,—
Спасетъ ее борьба.
Она, покорная велѣньямъ вдохновенья,
Земному не раба!

Старикъ. Ты, въ Угличѣ безвинной жертвой павшій,
Кто-бъ ни былъ ты, предъ Богомъ Всемогущимъ
За родину святую заступись!
Моли Творца всего на свѣтѣ блага,
Чтобъ миновало злое лихолѣтье,
Чтобъ ожила, въ порывѣ силъ исконныхъ,
Не по грѣхамъ скорбящая земля.
Верни, Творецъ, народъ свой православный
Къ путямъ покоя, силы и труда.
Мощь насади, ведущую насъ къ правдѣ,
Дарованную милостью Твоей.

Княгиня. Служила Русь лишь Твоему завѣту!
Путемъ, Тобой указаннымъ, мы шли.

Князь. Побѣду дай. Враговъ поставь къ отвѣту!
Дай увидать спасеніе земли.

Отрокъ. Спаси людей, взывающихъ мольбою,
Въ тяжелый часъ взывающихъ къ Тебѣ.
Святая Русь безвинна предъ Тобою...
Не дай изныть рабамъ Своимъ въ борьбѣ.

Старикъ. Святой Руси—сестра родная Польша.
Дай, Господи, чтобъ доброе согласье
Ихъ озарило въ будущихъ вѣкахъ.
Всѣмъ вѣдомо,—нерѣдко братья вздорятъ,
И въ распрѣ ихъ находятъ чужаки
Себѣ добычу, выгоду и радость.

Отрокъ. Когда-нибудь, въ порывѣ благодатномъ,
Соединятся наши племена,
И ихъ сведетъ не буйная война.
Не ненависть столкнетъ на полѣ ратномъ,
А братскихъ чувствъ горячая волна!
(*Слышится хоръ стихійныхъ силъ Руси*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Картина V. Герцогъ.

Дѣйствующія лица:

Герцогъ (Кащей). Князь Гжатскій (Ив.-Цар.).
Княжна Гжатская (Правда).
Княжна Чернская (Царь-Дѣвица).
Вильгельмина, дочь герцога (Кривда).
Баронъ.

Зала во дворцѣ герцога. *Герцогъ* сидитъ за столомъ, просматриваетъ бумаги, подаваемыя ему *барономъ*.

Баронъ. Сегодня, ваша свѣтлость, машкерадъ
Даете вы?

Герцогъ. Да, машкерадъ.

Баронъ. Отлично!

Герцогъ. Васъ радуетъ сей праздникъ?

Баронъ. Да, я радъ.
Во-первыхъ, вы научите прилично
Ихъ танцовать... Вѣдь здѣшній кавалеръ
Страхъ неуклюжъ...

Герцогъ (*смѣется*). Вы правы. Я намѣренъ
И тутъ помочь.

Баронъ. Der Russe ist ein Bär,
Ihn müssen wir noch viel und fleissig lehren.
Er ist noch wild.

Герцогъ (*перебиваетъ*). Постойте.

Баронъ. Bitte sehr?

Герцогъ. Баронъ, родной языкъ мы свой оставимъ.
Къ нѣмецкой мысли русскія слова
Мы подберемъ. Такъ лучше дѣло справимъ...

Баронъ. О! ваша свѣтлость, какъ всегда, права.
У насъ еще осталось два прошенья.
Графъ Александръ Иванычъ Хомутовъ...

Герцогъ. А, знаю! Ждетъ никакъ себѣ прощенья?
Его простить, пожалуй, я готовъ...
Онъ говорилъ, что я Россіи вреденъ,
Что я разбойникъ и курляндскій кнехтъ...
И вообще не мало разныхъ бредень.
Теперь въ тюрьмѣ онъ познаетъ решпехтъ
Ко мнѣ. Давно сидитъ онъ?

Баронъ. Годъ, не болѣ.

Герцогъ. Да, годъ всего! И я за годъ одинъ
Все покорилъ своей упорной волѣ!

Баронъ. Надъ русскими вы нынѣ господинъ...
Но, ваша свѣтлость, это не причина,
Чтобъ выпускать изъ крѣпости врага.

Герцогъ. Прощенья проситъ онъ... Онъ мнѣ слуга!

Баронъ. Слуга порой свергаетъ господина.
Пусть посидитъ. Забытъ друзьями онъ.

Герцогъ. Его родня...

Баронъ. Всѣ сосланы.

Герцогъ. Невѣста?

Баронъ. Я въ этотъ мигъ никакъ не вспомню мѣста,
Куда сослали вы ее...

Герцогъ (*смѣется*). Баронъ,
Я вижу, вы усердны. Что-жъ, прекрасно,
Забудемъ графа. Намъ онъ не родня.
Пусть посидитъ и помнитъ онъ меня,
Прошеніемъ унизившись напрасно!

Баронъ. Въ другой бумагѣ жалуется вамъ
Баронъ фонъ-Роль, Вильгельмъ-Оттонъ-Евгеній,
На Гжатскаго...

Герцогъ (*радостно*). На Гжатскаго? Словамъ
Фонъ-Роля я внимаю! Добрый геній
Направилъ васъ съ докладомъ симъ ко мнѣ...
Въ чемъ дѣло?

Баронъ. Гжатскій... нѣтъ, не онъ, а только
Его слуга...

Герцогъ (*перебиваетъ*). Но по его винѣ!
Тутъ оправданья нѣтъ ему нисколько...
Что сдѣлалъ онъ?

Баронъ. Нанесъ ударъ слугѣ
Фонъ-Роля.

Герцогъ. Только?

Баронъ. Только...

Герцогъ. Словно мало.

Баронъ. Коль захотѣть, найдется здѣсь начало
Дѣламъ большимъ... Найдите во врагѣ
Лишь слабый пунктъ... Фонъ-Роль въ родствѣ съ баварскимъ
Посланникомъ.

Герцогъ (*съ досадой*). Хотя бъ съ посломъ татарскимъ!
Что пользы въ томъ?

Баронъ. Обида для посла.

Герцогъ. Чрезмѣрныхъ не боитесь вы натяжекъ.
Слуга слугу побилъ. Большого зла,
Пожалуй, нѣтъ.

Баронъ. Проступокъ князя тяжекъ.
Онъ возбудилъ рѣчами слугъ своихъ.
Онъ все кричитъ, что власть въ рукахъ у нѣмцевъ,
Что слѣдуетъ скорѣе выгнать ихъ,
Что вся страна въ плѣну у иноземцевъ...
Вотъ и рѣшился Гжатскаго слуга
Слугу побить фонъ-Роля... Тутъ начало
Возстанія. Коль власть вамъ дорога,
Не ждите, чтобъ Россія зарычала
И кинулась на насъ...

Герцогъ. Я прикажу
Его позвать.

Баронъ. Его невѣсту тоже?
Княжну Елену Чернскую... Служу
Я всей душой. Все вижу.

Герцогъ. Помоложе
Когда-бъ я былъ! Скажите, чтобъ пришли
Они тотчасъ. (*Баронъ уходитъ*).
Годился-бъ въ короли
Надъ ними я. Сердиты, а подвластны,
Меня бранятъ, но мнѣ подчинены.
Я тѣмъ силенъ, что всѣ они несчастны.
Но самъ я не во власти ли княжны?
Ея краса всесильна надо мною.

Баронъ (*входитъ*).
За княземъ я послалъ.

Герцогъ. А за княжною?!

Баронъ. Княжна у вашей дочери.

Герцогъ. Она
У Вильгельмины?

Баронъ. Да, но не одна—
Съ сестрою жениха.

Герцогъ. Давно?

Баронъ. Недавно
Пріѣхала.

Герцогъ. Пришлите дочь скорѣй.

Баронъ. Княжну потомъ?

Герцогъ. Потомъ. А все исправно
Для машкерада? Вашъ костюмъ?

Баронъ. Борей.
А ваша свѣтлость?

Герцогъ. Я хочу Кащеемъ
Безсмертнымъ нарядиться.

Баронъ. Мысль вѣрна.
Безсмертны мы, навѣки мы владѣемъ
Вліяніемъ.

Герцогъ. Пришлите дочь. Княжна
Пожалуетъ потомъ.

Баронъ. Исполню точно. (*Уходитъ*).

Герцогъ. Что говорить, я мѣсто занялъ прочно.
Что захочу—то будетъ. Но она
Какъ будто издѣвается нарочно.

Вильгельмина (*входитъ*).
Ты звалъ меня?

Герцогъ (*торопливо*). Ты говорила съ ней?

Вильгельм. Да, говорила.

Герцогъ. Разскажи подробно.

Вильгельм. Я ей сказала: „стороной виднѣй,
Кому что нужно, что кому удобно.
По красотѣ вы первая. Нужна
Оправа вамъ достойная. Къ чему же
За Гжатскаго вамъ выходить, княжна?
Онъ только князь. Что толку въ этомъ мужѣ!
Вы рождены повелѣвать"... Она
Отвѣтила: „мнѣ этого не нужно,
Я по любви за князя выхожу".

Герцогъ. Не поняла въ чемъ дѣло?

Вильгельм. Нѣтъ, наружно
Была спокойна. Такъ ли я сужу,
Не знаю, но я думаю, что надо
Ее заставить. Гжатскаго сошли.

Герцогъ. Ты умница. Готовься къ машкераду.

Княжна Гжатская (*входитъ*).
А вотъ и я... Къ вамъ можно?

Герцогъ. Привели
Ко мнѣ васъ духи добрые. Отраду
Вы вносите въ мой скучный кабинетъ.
Добро пожаловать. Присядьте.

Кн. Гжатская. Нѣтъ,
Пора домой, а то до машкерада
Я не успѣю...

Вильгельм. Милая моя,
Не назвала ты своего наряда...

Кн. Гжатская.
Я буду Правдой.

Вильгельм. (*хлопая въ ладоши*). Кривдой буду я?

Герцогъ (*тихо дочери*).
Уйди. Хочу я съ ней имѣть бесѣду.

Вильгельм. Ach, lieber Gott... Забыла про княжну
Елену. Къ ней бѣгу. (*Быстро уходитъ*).

Кн. Гжатская. А я поѣду.

Герцогъ. Я васъ прошу минутку лишь одну
Мнѣ подарить.

Кн. Гжатская. Примите вы въ подарокъ
Хоть пять минутъ.

Герцогъ. Вашъ братъ въ своихъ словахъ
Неостороженъ, нравомъ слишкомъ жарокъ.
Подумайте, о двухъ онъ головахъ?

Кн. Гжатская.
Но двухъ головъ ему совсѣмъ не нужно!
Одной онъ мыслитъ правильно вполнѣ.

Герцогъ. Вы съ нимъ друзья?

Кн. Гжатская. Живемъ мы съ братомъ дружно.

Герцогъ. Ему помочь вы можете, и мнѣ...

Кн. Гжатская.
Ему помочь я буду очень рада,
Но чѣмъ могу я быть полезна вамъ?

Герцогъ. И вамъ была-бъ по выбору награда...

Кн. Гжатская (*насмѣшливо, присѣдая*).
Внимаю вашей свѣтлости словамъ.

Герцогъ. Я вамъ сказалъ, что онъ неостороженъ,
Ко мнѣ открыто создаетъ вражду.
Такъ на себя накличетъ онъ бѣду.
Я терпѣливъ, но вѣдь предѣлъ возможенъ
Терпѣнію. Когда нибудь найду
Необходимымъ строгимъ быть.

Кн. Гжатская. Тогда
Случится, ваша свѣтлость, съ нимъ бѣда?

Герцогъ. Я думаю.

Кн. Гжатская. Такъ думаю я то-же...
Но что же дѣлать?

Герцогъ. Будьте съ нимъ построже...
Я очень добръ... Я все простить готовъ...
Но пусть забыть онъ о себѣ поможетъ.
Поговорите съ нимъ. Уѣхать можетъ
Въ деревню онъ.

Кн. Гжатская. А! Ссылка..

Герцогъ. Страшныхъ словъ
Я не боюсь. Съ такой душою пылкой
Ужъ многіе знакомились съ тюрьмой
И съ палачомъ, не только что со ссылкой.
Онъ лишній здѣсь. Пусть ѣдетъ онъ домой.

Кн. Гжатская.
Такъ рѣшено?

Герцогъ. Почти. Указъ написанъ,
Правительницей будетъ онъ подписанъ,
Повѣрьте мнѣ. Я властью дорожу,
Я добръ, но строгъ.

Кн. Гжатская. Задержка въ чемъ?

Герцогъ. Скажу
Я это князю. Пусть благоразуменъ
Онъ будетъ... Я тогда его спасу.

Кн. Гжатская.
Онъ не утихнетъ, нѣтъ, онъ слишкомъ
шуменъ...

Герцогъ (*грозно*)
Рѣшилъ я такъ: я голову снесу
Его долой, а то сошлю далеко,
Иль заключу навѣки въ казематъ.
Онъ—пѣшка. Я король.

Кн. Гжатская. Но шахъ и матъ
Лишь королю дается.

Герцогъ. Я высоко
Стою, а онъ—внизу... Но я не звѣрь.
Могу простить. Предъ нимъ раскрыта дверь
Къ спасенію. Пусть ищетъ онъ забвенья.
Повѣрьте, я о немъ же хлопочу
Готова цѣпь, но если захочу,
Разсыплются тяжелой цѣпи звенья.

Кн. Гжатская.
Теперь я все отмѣнно поняла.
Да, ваша свѣтлость, вы на все готовы.
Жениться мысль вамъ въ голову пришла.
Вамъ надоѣло, что вы долго вдовы.
Влюбились вы въ прекрасную княжну,
Въ княжну Елену, да, въ невѣсту брата...
Рѣшили такъ: ее я припугну,
Скажу, что дверь раскрыта каземата,
Куда навѣкъ войдетъ ея женихъ...

Герцогъ (*перебиваетъ*).
Помилуйте... Мои—другія цѣли.
Ошибочно вы судите о нихъ.
Повѣрьте мнѣ...

Кн. Гжатская (*откланиваясь*). Простите.

Герцогъ. Неужели
Такая мысль вамъ въ голову пришла!

Кн. Гжатская. До вечера...

Герцогъ. Сердиты?

Кн. Гжатская. Я не зла
И не сердита, только откровенна
И думаю, что откровенность цѣнна
На всѣхъ путяхъ. Простите. (*Уходитъ*).

Герцогъ (*со злобой*). Поняла!

Баронъ (*открывая потайную дверь*).
Княжна идетъ.

Герцогъ. Введите. (*Баронъ уходитъ*).
Будетъ трудно.
(*Баронъ вводитъ княжну Черискую и скрывается*).

Герцогъ (*идетъ на встрѣчу княжнѣ*).
Княжна Елена Павловна! Прошу!
Я очень радъ... Вы какъ здоровы?

Кн. Черская (*съ насмѣшкою*). Чудно!

Герцогъ (*волнуется и теряется*).
Я очень радъ... Садитесь... Не пашу
Турецкаго, не дикаго тирана
Вы предъ собою видите, княжна.
Клевещутъ всѣ... Скажу вамъ безъ обмана,—
Чувствъ дружескихъ душа моя полна.
Вы сирота. Во мнѣ ищите друга,
Меня не бойтесь...

Кн. Черская. Нѣтъ во мнѣ испуга,
И я ничѣмъ въ душѣ не смущена,
Но знать хочу, зачѣмъ меня позвали.

Герцогъ. Я преданъ вамъ.

Кн. Черская. Такую честь едва ли
Я заслужить сумѣю.

Герцогъ (*въ сторону*). Хороша! (*Княжнѣ*).
Правитель также человѣкъ. Душа
И въ немъ горитъ. Во имя этикета,
Онъ принужденъ притворствовать порой,
Тѣмъ избѣгая осужденья свѣта.
Политику я назову игрой,
Въ которой каждый дѣйствуетъ притворно.
Но человѣкъ одною правдой живъ.
Княжна, предъ вами я не буду лживъ.
Позвольте вамъ сказать...

Кн. Черская. Прошу покорно!

Герцогъ. Княжна, Елена Павловна, пойду
Я къ цѣли прямо... Долго я вдовѣю...

Кн. Черская (*смѣясь*).
Я вашей грусти вдовьей не развѣю.
Я выхожу за Гжатскаго.

Герцогъ (*гнѣвно*). Суду
Онъ подлежитъ, тюрьмѣ, изгнанью, казни...

(*Нѣжно*). Но ради васъ, изъ доброй къ вамъ пріязни,
Я оправданье дерзкому найду.

Кн. Черская. Прощайте, герцогъ.

Герцогъ. Вашъ отвѣтъ?

Кн. Черская. Отвѣта
Вы просите? Во имя этикета,
Я-бъ промолчала...
Какъ я вамъ скажу,
Что сватовство мнѣ непріятно ваше,
Что я васъ препротивнымъ нахожу,
Что съ вами жизнь едва ли смерти краше!
Ахъ! Этикетъ! Какъ онъ удобенъ вамъ!
А ваша свѣтлость на него пеняли...
Вы сердитесь? О, Боже, на меня ли?
Не придавайте дѣвичьимъ словамъ
Чрезмѣрно непріятнаго значенья.
Готова я просить у васъ прощенья.
Себя на томъ я съ ужасомъ ловлю,
Что я не васъ, а Гжатскаго люблю.
Нехорошо! Вы герцогъ, вы всевластны,
Повиноваться всѣ мы вамъ должны...
А я отвергла васъ. Такой вины
Я не прощу себѣ. Но вы пристрастны,
Когда за то, что нравомъ я плоха,
Вы не меня казните—жениха!
О! Господи! Какъ женщины несчастны
И безтолковы!
Вѣдайте одно!
Намъ не страшны обѣщанныя бѣды.
Коль князь Ивану горе суждено,—
Погибну съ нимъ. Не будетъ вамъ побѣды
Въ томъ, что пошлете князя вы въ тюрьму.
Смерть выручитъ меня...

Герцогъ. Княжна, ему
Вы скажете?

Кн. Черская. Ни слова.

Герцогъ. Почему?

Кн. Чернская.

Достаточно и безъ того онъ гнѣвенъ...
Для герцоговъ здѣсь не найдется женъ,
Въ чужихъ краяхъ ищите вы царевенъ,
Не домогайтесь ласки отъ княженъ,
(*идетъ къ той двери, въ которую вошла*)

Герцогъ (*ведетъ ее къ другой двери*).

Сюда прошу... До вечера?

Кн. Чернская (*присѣдая*). Конечно. (*Уходитъ*)

Герцогъ. За этотъ мигъ, расплата будетъ вѣчна!
Verdammtes Volk!

Баронъ (*входитъ въ потайную дверь*). Здѣсь Гжатскій.

Герцогъ. Отомщу

А! русскіе, не цѣните вы ласки!
Я вамъ такой обиды не прощу.
Придетъ пора. Я не надѣну маски
Для Гжатскаго. Противенъ машкерадъ!
Пусть онъ войдетъ. Его принять я радъ.
Я отомщу!.. А вы останьтесь съ нами
Мнѣ ваша помощь можетъ быть нужна.
(*Баронъ вводитъ князя Гжатскаго*)

Герцогъ (*князю*).

Я васъ позвалъ... Великими винами
Вы провинились.

Кн. Гжатскій (*поклонившись, сухо*).

Въ чемъ моя вина?

Герцогъ. Дошло до насъ..

Кн. Гжатскій (*перебиваетъ*). До васъ и до барона

Герцогъ. Нѣтъ, до меня...

Кн. Гжатскій. А, царственное „мы"!..

Герцогъ. Дошло до насъ, что нашего урона
Вы ищите, что, не боясь тюрьмы,
Вы противъ насъ и противъ нашей власти
Поднять хотите валъ народной страсти.

Кн Гжатскій. О! ваша свѣтлость, это пустяки!

Герцогъ. Не правда?

Кн. Гжатскій. Нѣтъ, пожалуй, справедливо...
Я на законъ не поднялъ бы руки...
На васъ другое дѣло. Что за диво,
Что я врага браню своей страны!

Герцогъ. Я врагъ.

Кн. Гжатскій. О томъ не можетъ быть и спора
Вы намъ чужой, а намъ свои нужны.
Избавимся отъ васъ, надѣюсь, скоро.

Баронъ (*тихо, герцогу*).
Онъ что-то тихъ сегодня.

Герцогъ (*барону*). Подождемъ. (*Князю*).
Я слушаю.

Кн. Гжатскій. При вашемъ управленьѣ
Мы неуклонно къ гибели идемъ.
Русь чужакамъ дается на съѣденье.
Вы раздаете русскую казну
Невѣдомо откуда пришлымъ нѣмцамъ,
Мирволите открыто чужеземцамъ,
А русскимъ людямъ ставите въ вину,
Что у себя имъ хочется быть дома.

Баронъ (*тихо, герцогу*).
Какъ заготовить? Ссылка, иль тюрьма?

Кн. Гжатскій. Тутъ дива нѣтъ, что насъ взяла истома
По низверженью чуждаго ярма.

Герцогъ. Итакъ, хотите вы переворота?

Кн. Гжатскій. Переворотъ у насъ свершили вы.
Мы прозѣвали. Вы вошли въ ворота,
Хозяйничать вы стали.

Герцогъ. Головы
Вамъ не сберечь:

Кн. Гжатскій. Головъ-то больно много
Подобныхъ той, что на моихъ плечахъ.
Иной молчитъ, а я въ своихъ рѣчахъ
Не скрою правды.

Герцогъ. Будете вы строго
Наказаны. Терплю уже давно,
Но не всегда терпѣнье—добродѣтель
Въ правителяхъ.

Баронъ (*тихо, герцогу*). Мнѣ слово лишь одно
Сказать позвольте... Я плохой свидѣтель,
Но если будетъ выслушать дано
Его слова сегодня лицамъ многимъ,
То можно будетъ смѣло къ мѣрамъ строгимъ
Прибѣгнуть. Будетъ всѣмъ его вина
Достаточно понятна и ясна.
Судить его нельзя, какъ судятъ вора.

Герцогъ (*тихо*).
Совѣтъ хорошъ.

Кн. Гжатскій. Что-жъ, жду я приговора.

Герцогъ (*добродушно*).
Князь, полноте... Вы видите врага,
Гдѣ нѣтъ его... Мнѣ оправдаться нужно.
Конечно, власть порою и строга...
Но цѣль моя—дать многія блага
Россіи... Что-жъ, съ пришельцами я дружно
Стараюсь жить, но не на зло страны,
И не всегда же по своей охотѣ...
Намъ иноземцы многіе нужны.
Они помогутъ русскому въ работѣ.
Да, я могу порой въ ошибку впасть.
Я человѣкъ, погрѣшностямъ подверженъ,
Но обратить свою желаю власть
На благо всей страны... Коль буду сверженъ,
Не доведя строенья до конца,
У васъ пойдетъ великій непорядокъ.
Повѣрьте, князь, что жребій мой не сладокъ,
Что ореолъ мой отлитъ изъ свинца.
Но передать возможно-ль все словами!
Когда нибудь столкуемся мы съ вами,
Оцѣнимъ мы другъ друга. А пока
Я вамъ не врагъ,—и вотъ моя рука.

Кн. Гжатскій. Рукопожатьемъ намъ спѣшить не надо.
Успѣется.

Герцогъ. Сегодня-жъ докажу,
Что искренно я съ вами, князь, дружу.
Пожалуйте на праздникъ машкерада,
И вѣрьте мнѣ, понятно станетъ всѣмъ,
Что вы неправы...

Кн. Гжатскій. Я приду.

Герцогъ. Затѣмъ
Прошу простить. Дѣла. О, тяжко бремя
Моихъ заботъ! (*Провожаетъ князя до двери. Князь уходитъ*).
Баронъ, наступитъ время
Мы побѣдимъ! Спасибо за совѣтъ.
При всѣхъ сегодня вызову отвѣтъ
Его такой, что будетъ онъ виновенъ
Не въ оскорбленьи одного меня!

Баронъ. Онъ не воспитанъ, золъ и многословенъ,
Его прихлопнетъ наша западня!

Занавѣсъ.

Картина VI. Машкерадъ.

Дѣйствующія лица:

Герцогъ (Кащей). Баронъ.
Князь Гжатскій (Иванъ-Царевичъ) Маркизъ.
Княжна Гжатская (Правда). Гости 1-й.
Княжна Черíская (Царь-Дѣвица) Гости 2-й.
Вильгельмина (Кривда). Гости 3-й.

Гости въ машкерадныхъ нарядахъ.

Машкерадъ во дворцѣ герцога. Танцуютъ менуэтъ. Среди танцующихъ проходитъ на авансцену *баронъ*.

Баронъ (*наряженный Бореемъ*).
Нѣтъ Гжатскаго?

Гость 1. Онъ прибылъ.

БАРОНЪ. А княжна,
Его невѣста?

ГОСТЬ 1. Здѣсь. Съ его сестрою
Пріѣхала.

БАРОНЪ. Не вѣдаетъ она,
Что наступилъ конецъ. Я все устрою.

ГОСТЬ 1. Онъ будетъ сосланъ?

БАРОНЪ. Будетъ подъ кнутомъ
Кричать, какъ песъ презрѣнный, а потомъ—
Въ Березовъ.

ГОСТЬ 1. Такъ... А всѣ его имѣнья?

БАРОНЪ. Въ награду—мнѣ.

ГОСТЬ 1. Невѣста?

БАРОНЪ. Красота
Ее спасетъ и дастъ ей положенье.

ГОСТЬ 1. А Гжатскаго сестрица?

БАРОНЪ. Дѣвка та
Пойдетъ хоть къ вамъ, хотите, въ услуженье.

(*Отходятъ. Танцы. На авансцену выходятъ княжна Гжатская и гость 2*).

ГОСТЬ 2. Отъ васъ, княжна, я просто безъ ума!

КН. ГЖАТСКАЯ (*одѣтая Правдой*).
Вы безъ ума отъ моего наряда.
Одѣвшись Правдой, можетъ быть сама
Безумно поступила. Очень рада,
Что нравится.

ГОСТЬ 2. Вы—Правда?

КН. ГЖАТСКАЯ. Въ наши дни
Она совсѣмъ въ загонѣ.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА (*одѣтая Кривдой*).
Машкерада
Подобнаго не видѣла... Они

Бѣгутъ за мной, что мошки на огни!
Превесело!
(*Подходитъ княжна Черская, одѣтая Царь-Дѣвицей*).

Кн. Гжатская. Вотъ наша Царь-Дѣвица.
Какъ хороша!

Гость 1. Красавица.

Гость 2. Царица!

Кн. Черская (*княжнѣ Гжатской*).
Гдѣ братецъ твой? Боюсь я за него...

Кн. Гжатская. Страшусь и я, недоброе я чую.
А герцогъ гдѣ?

Кн. Черская. Не знаю. Ничего
Не слышала?

Кн Гжатская. Все тихо.

Гость 1. Я ночую
Подъ бочкою испанскаго вина!
Здѣсь угощаютъ дивно.
(*Подходитъ баронъ и маркизъ*).

Баронъ. Гдѣ княжна?
Княжна Елена Павловна... Въ Парижѣ
О вашихъ чарахъ держится молва.
Маркизъ, прошу васъ, подойдите ближе...
(*Представляетъ*).
Маркизъ де-Сурильонъ... Его слова
Исполнены восторгомъ къ вашимъ чарамъ,
А онъ французъ и видѣлъ свѣтъ недаромъ.

Маркизъ. A peine ayant touché les bords de la Néva.
En ce pays lointain je vois une patrie,
Car mon coeur en ce lieu de plaisir retrouva
La loi qui nous régit et qui veut que l'on rie.
Je vois que ce pays, méconnu par l'été,
Sait réparer l'oubli du roi de tous les astres...
Il a donné le jour à la noble beauté
Qui peut faire oublier de bien plus grands de-
sastres.

(*Отходятъ. Танцы*).

Кн. Гжатскій (*въ одеждѣ Ивана Царевича*).
Не по душѣ мнѣ машкерадъ.

Баронъ (*насмѣшливо*). Еще бы!
Плохъ тотъ танцоръ, въ комъ слишкомъ много злобы.

Гость 1. А русскіе вѣдь только трепака
Откалывать умѣютъ...

Гость 2. Реверанса
Не сдѣлаютъ.

Гость 3. Задача не легка—
Въ себѣ развить всю прелесть контенанса.

Кн. Черская (*князю*).
Тебя ищу.

Кн. Гжатскій. Елена!

Кн. Черская. Милый мой!
Мнѣ боязно... Ты уѣзжай отсюда...
И я поѣду.

Кн. Гжатская. Намъ пора домой.

Гость 1. Иванъ-Царевичъ съ Царь-Дѣвицей! Чудо!

Гость 2. Они разскажутъ сказку для дѣтей.

Кн. Гжатскій (*взглянувъ на нихъ, сестрѣ*).
Уѣхалъ бы, да раньше надо словно
Двухъ или трехъ мнѣ проучить гостей
Свѣтлѣйшаго разбойника.

Гость 2. Онъ—ровно
Нарядный шутъ.

Кн. Черская. Уѣхать намъ пора.

Кн. Гжатская. Пора намъ, Ваня.

Гость 1 (*напѣвая*). Ваня, Ваня, Ванька!
Ступай домой, шататься перестань-ка...
Такъ дѣлай, какъ велитъ тебѣ сестра.

Кн. Гжатскій (*грозно*).
Ты что сказалъ?

Гость 1. Какое обращенье!

Гость 2. Такъ говорятъ, на ты, лишь мужики.

Кн. Гжатскій (*замахивается*).
Извѣдавъ тяжесть княжеской руки,
Ты-бъ получилъ достойное ученье.

Кн. Гжатская. Напрасно!

Кн. Черская. Ваня!

Баронъ. Что это! Разбой!

Гость 2. Онъ лютый звѣрь!

Гость 3. Онъ дикъ!

Гость 1. Онъ оскорбленье
Наноситъ тѣмъ хозяину!

Кн. Гжатскій. Съ тобой
Раздѣлаюсь еще не такъ!

Герцогъ (*одѣтъ Кащеемъ*). Въ чемъ дѣло?

Баронъ. О, ваша свѣтлость! Чистая бѣда!
Отъ князя вновь недоброе приспѣло.
Гдѣ-бъ ни былъ онъ, бѣдъ натворитъ всегда.
Оскорблены жестоко ваши гости!

Гость 1. Онъ замахнулся дерзко на меня.

Гость 3. И выбранилъ.

Гость 2. Онъ дикъ и полонъ злости!

Баронъ. Умѣрьте пылъ столь буйнаго огня.

Герцогъ. Въ моемъ дворцѣ нанесъ онъ оскорбленье,
Нанесъ безчестье гостю моему!?
Князь совершилъ такое преступленье,
Котораго я не прощу ему!
Въ моихъ рукахъ сильнѣйшій слабъ и хрупокъ,
Надъ всѣми власть мнѣ полная дана!
Скажите, князь, чѣмъ вызванъ вашъ поступокъ?
Иль выпили чрезмѣрно вы вина?

Кн. Гжатскій. Онъ оскорбилъ меня.

Гость 2. Простая шутка
Его гнѣвитъ!

Кн. Гжатскій. Угодны вамъ шуты,—
Держите нѣмцевъ.

Баронъ (*тихо гостю 2*) Продолжайте.

Гость 2. Ну-тка!

Гость 1. Я пошутилъ, а онъ сказалъ мнѣ „ты“,
Съ повадкою невѣжливо-мужичьей,
И замахнулся

Гость 3. Русскій то обычай,
Чтобъ поступать подобно мужику!

Гость 2. Вамъ на печи лежать бы, на боку,
Не посѣщать такіе машкерады.

Кн. Гжатскій. Всѣ эти псы сошлись и лаять рады
На русскаго! Хозяинъ, отгони!
Нѣтъ, я забылъ, что въ этомъ домѣ надо
Быть нѣмцемъ, чтобъ не лаяли они.
Вы, ваша свѣтлость, славно воспитали
Своихъ собакъ. Натасканы онѣ
Охотиться на Русь. Не знаю, та ли
Была тутъ цѣль, но только мнится мнѣ,
Что ваша свѣтлость во главѣ охоты
И въ упоеньи топчете поля,
Объ урожаѣ отложивъ заботы.
Знать, терпѣлива русская земля!
Топчите, грабьте, если не лѣнивы!
Власть забирай, кому она нужна!
Мы не для васъ свои вспахали нивы,
Но вы пришли,—и вами Русь полна.

Герцогъ. Мнѣ кажется, онъ осуждать правленье
Рѣшается. Правительницей мы
Поставлены. Ея распоряженье
Кто осудилъ,--достоинъ тотъ тюрьмы.

Кн. Гжатская.

Погибнетъ онъ, но молвилъ онъ правдиво!
Пусть рѣчь свою онъ держитъ до конца.

Баронъ. Онъ говоритъ весьма краснорѣчиво.
Казнить пріятно будетъ молодца.

Кн. Черская (*князю*).

Пойду съ тобой на всякое мученье.
Ты, Ваня, правъ, и мыслю я съ тобой.
Пусть насъ постигнетъ ихъ лихое мщенье...
Твои слова пробудятъ Русь на бой!

Кн. Гжатскій. Для насъ—что вѣкъ, то новая верига
Подвижникамъ страдальческой земли.
Давило насъ мученье злого ига,
Татаре намъ неволю принесли
И не одно насъ мучили столѣтье.
Въ года тяжелой смуты и борьбы
Мы польское познали лихолѣтье,
И храмы гибли, множились гробы.
Платили дань мы всякими дарами,
Платили хану мѣхомъ, серебромъ...
Вы дань берете также, только съ вами
Считаемся духовнымъ мы добромъ.
Вы русскій духъ врагомъ своимъ назвали
И тѣмъ для насъ страшнѣе вы татаръ.
Татаре съ нами честно воевали,
А вы пришли, какъ воры на пожаръ.
Поляки къ намъ водили самозванцевъ...
То были годы бунта, мятежа...
Вы къ намъ толпою жалкихъ оборванцевъ
Вошли въ черту родного рубежа.
Не въ день одинъ, а долгими годами
Одѣлись вы, насытились .. Теперь
Вы назвались надъ нами господами
И родичамъ своимъ раскрыли дверь,
Зовете ихъ и празднуете тризну
Надъ русскимъ духомъ, топчете его...
Но Богъ спасетъ, помилуетъ отчизну,
И не отдастъ отчизна своего!

(*Слышится хоръ стихійныхъ силъ Руси*).

Наступитъ день—и родина святая
Произнесетъ на вашу рѣчь отвѣтъ:
Наносный соръ всевластно отметая,
Воскликнемъ мы „Виватъ Елисаветъ!“

(*Внезапная темнота. Слышенъ хоръ стихійныхъ силъ Руси. Внезапно—яркій дневный свѣтъ*).

Картина VII. Стихійныя силы Руси.

Дѣйствующія лица.

Царь-Дѣвица. Кащей-Безсмертный.
Иванъ-Царевичъ. Правда.

Стихійныя силы Руси, добрые молодцы, красныя дѣвицы, кащеевы люди, татаре, ляхи и нѣмчины.

Всѣ дѣйствующія лица—на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ ихъ засталъ конецъ второй картины. Появляются стихійныя силы Руси.

Хоръ стихійныхъ силъ Руси.

Годины темныя унынья и мученья
Послала намъ судьба,
Но не познала Русь стыда порабощенья,
Спасла ее борьба.
Она, покорная велѣньямъ вдохновенья,
Земному—не раба!

(*Кащей, его люди, татаре, ляхи и нѣмчины во время пѣнія постепенно исчезаютъ*).

Князь Д. П. Голицынъ.
(Муравлинъ).

Уваровскій Университетъ.

(Окончаніе)

IX.

Таково было положеніе университетовъ по уставу 1835 г. Но почти тотчасъ же за изданіемъ устава стали издаваться отдѣльныя распоряженія, отчасти дополнявшія, отчасти видоизмѣнявшія уставъ. Мы уже указывали въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ на нѣкоторыя изъ такихъ распоряженій, напр. на усиленіе штата инспекціи. Мы не намѣрены здѣсь касаться и тѣхъ правилъ, изданіе которыхъ уже предусматривалось уставомъ, какъ, напр., инструкціи инспекторамъ, правилъ о пріемныхъ и переводныхъ испытаніяхъ, положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени. Намъ предстоитъ ознакомиться съ остальными распоряженіями и установить, по возможности, какъ причины, ихъ вызвавшія, такъ и вліяніе, которое они оказывали на студенческую жизнь. Не перечисляя всѣхъ состоявшихся распоряженій, мы укажемъ здѣсь лишь наиболѣе важныя.

Уже въ 1835 г. послѣдовало нѣсколько подобныхъ распоряженій: циркулярнымъ предложеніемъ отъ 2-го октября подтверждено было требованіе 1828 г. объ исключеніи изъ университетовъ казеннокоштныхъ, „кои, по явной неспособности къ наукамъ и малымъ успѣхамъ, не заслуживаютъ пользоваться казеннымъ содержаніемъ“. Затѣмъ, въ разъясненіе 94 ст. устава—о переходѣ студентовъ изъ одного университета въ другой, министерство постановило, чтобы означенные студенты принимались въ другой университетъ лишь въ началѣ учебнаго года, и чтобы въ выдаваемыхъ изъ прежняго университета свидѣтельствахъ указывались причины, по которымъ оставленъ университетъ. Далѣе, въ октябрѣ же было разъяснено, что уставъ разрѣшаетъ посѣщать лекціи въ качествѣ вольнослушателей, безъ предварительнаго испытанія, лишь чи-

новникамъ. „Что касается до молодыхъ людей, нигдѣ не служащихъ и не служившихъ, то освобождать ихъ отъ предварительнаго испытанія и допускать къ слушанію лекцій въ качествѣ вольныхъ слушателей—не согласно было-бы съ цѣлью учрежденія таковаго испытанія, которая состоитъ исключительно въ томъ, чтобы обезпечить пользу университетскаго преподаванія: ибо слушатели, недостаточно приготовленные, не могутъ съ полнымъ успѣхомъ посѣщать профессорскія лекціи"[1]). Нѣсколько времени спустя послѣдовало смягченіе этого правила: въ „Положеніи о производствѣ въ ученыя степени" отъ 6 апрѣля 1844 г. разрѣшается „всѣмъ вообще лицамъ свободнаго состоянія" посѣщать университетскія лекціи безъ вступительнаго экзамена. На основаніи этого пункта, министръ разрѣшилъ допускать въ университетъ въ качествѣ вольнослушателей и тѣхъ молодыхъ людей, которые подвергались испытанію, но не выдержали его[2]). Въ слѣдующемъ 1845 г. изданы были министромъ болѣе подробныя правила о „приватныхъ слушателяхъ": имъ предоставлено право подвергаться испытанію на степень кандидата, или на званіе дѣйствительнаго студента, но лишь въ томъ случаѣ, если они представятъ свидѣтельство о выдержаніи испытанія изъ гимназическаго курса. Переводнымъ экзаменамъ въ университетѣ они не подвергаются; они не могутъ пользоваться защитою университета и преимуществами, которыя предоставлены студентамъ, за то внѣ лекцій они не состоятъ подъ надзоромъ университетскаго начальства[3]).

При такихъ льготныхъ условіяхъ, число вольнослушателей должно было быстро возрастать, что было совершенно не въ видахъ министерства, стремившихся ограничить число лицъ, получающихъ высшее образованіе, и подчинить учащихся бдительному надзору. Именно съ 1845 г. такая тенденція сдѣлалась особенно замѣтною, а потому и по отношенію къ вольнослушателямъ наступаетъ реакція. Проэктъ новаго положенія, представленный въ 1846 г. с.-петербургскимъ попечителемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, переданъ былъ на обсужденіе особаго комитета изъ профессоровъ с.-петербургскаго университета. Самъ министръ стоялъ за упраздненіе разряда приватныхъ слушателей съ допущеніемъ къ слушанію лекцій лишь такихъ лицъ, „коимъ университетское образованіе, или свѣдѣнія въ

[1]) Сб. расп. II стр. 67—69.

[2]) Сб. пост. II стр. 358; сб. расп. II, стр. 771.

[3]) Сб. расп. II, стр. 805.

нѣкоторыхъ предметахъ, въ университетахъ преподаваемыхъ, нужны по ихъ состоянію и роду занятій, и кои по гражданскимъ или служебнымъ ихъ отношеніямъ не могутъ поступать прямо въ студенты университетовъ" [1]). Въ этомъ смыслѣ и состоялось Высочайше утвержденное 16 іюня 1847 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта [2]).

Что касается студентовъ, то министерство старалось поднять научный ихъ уровень: устанавливались новыя правила о пріемныхъ и переводныхъ испытаніяхъ, а въ 1840 г. возложена была кромѣ того на инспекцію обязанность слѣдить за исправностью посѣщенія лекцій студентами; студенты, пропустившіе въ теченіе года значительное число лекцій безъ уважительныхъ причинъ, не допускались къ переводнымъ экзаменамъ [3]). Относительно пріема студентовъ въ университетъ и уставъ и положеніе 1837 г объ испытаніяхъ устанавливаютъ, какъ мы видѣли, двойной порядокъ: пріемъ по испытанію, или по гимназическому аттестату; послѣдній открывалъ доступъ въ университетъ лишь съ особаго разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, смотря по степени довѣрія къ гимназіи, Въ послѣдующихъ распоряженіяхъ видна нѣкоторая, впрочемъ очень слабая, тенденція придать большее значеніе гимназическимъ свидѣтельствамъ: издавались распоряженія о пріемѣ безъ испытанія изъ 1-й кіевской гимназіи, изъ 1-й и 2-й московской, изъ виленскаго дворянскаго института. Такимъ образомъ, нѣкоторыя гимназіи пользовались почему-то особымъ довѣріемъ министерства. Въ Кіевскомъ округѣ гимназіямъ даже дано было еще въ 1837 г. *исключительное право* готовить въ университетъ: распоряженіемъ министерства предписывается. въ цѣляхъ стройнаго и однообразнаго приготовленія юношества, вступающаго въ университетъ св. Владиміра", принимать лишь тѣхъ, которые получили свое образованіе въ гимназіяхъ [4]). Это послѣднее распоряженіе, быть можетъ, находится въ связи съ тѣми прокламаціями, которыя, какъ мы сообщали выше, найдены были въ Кіевѣ лѣтомъ 1837 г. и которыя доказывали существованіе постоянныхъ сношеній студентовъ съ польскими революціонными кружками: гимназія дастъ хоть нѣкоторое ручательство за благонадежность своихъ воспитанниковъ; образъ же мыслей и направленіе тѣхъ, которые поступаютъ со стороны, университету совершенно неизвѣстны.

---

1) *Рождественскій*. Op. cit. стр. 257.

2) Сб. пост II: стр. 697.

3) Сб. расп. II стр. 454.

4) Ib 253.

Эти же прокламаціи вызвали еще въ сентябрѣ 1837 г. предложеніе попечителю кіевскаго округа „о мѣрахъ къ предупрежденію безпорядковъ въ университетѣ св. Владиміра“ [1]). „Принимая во вниманіе безпорядки, возникшіе въ послѣднее время между нѣкоторыми изъ студентовъ университета св. Владиміра, и желая на будущее время предохранить университетъ отъ послѣдствій, долженствующихъ произойти отъ легкомыслія и дурного домашняго направленія юношества, а равно и отъ внѣшняго вліянія людей неблагонамѣренныхъ“,—министерство сочло нужнымъ усилить нравственный надзоръ за поведеніемъ студентовъ и слушателей кіевскаго университета. Для этого увеличивалось число помощниковъ инспектора и, кромѣ того, предлагались слѣдующія мѣры: 1) „обратить особенное вниманіе на то, чтобы студенты и слушатели имѣли свои квартиры въ такихъ частяхъ города, въ коихъ они были бы менѣе подвержены вліянію разврата, и избѣгали всѣхъ связей съ людьми подозрительными и неблагонадежными“. 2) Для болѣе правильнаго надзора за студентами, „не заслуживающими еще совершеннаго довѣрія“, министръ предоставлялъ себѣ испросить Высочайшее разрѣшеніе на наемъ особаго дома для „*студентовъ не вполнѣ благонадежныхъ, а равно и тѣхъ, кои по своей бѣдности* не въ состояніи имѣть квартиры въ приличныхъ мѣстахъ города, гдѣ онѣ вообще дороже“. (Это повидимому и былъ тотъ „штрафгаузъ“, о которомъ мы упоминали выше). 3) Если бы нѣкоторые студенты отказывались отъ казенной квартиры, подъ предлогомъ недостаточности своихъ денежныхъ средствъ, то таковыхъ *увольнять изъ университета*, такъ какъ „если и при таковомъ дѣлаемомъ имъ пособіи, они не находятъ возможнымъ содержать себя въ университетѣ, то безъ сего пособія еще менѣе могутъ имѣть способовъ къ своему приличному содержанію и къ дальнѣйшему прохожденію университетскаго курса“. Далѣе, идутъ распоряженія объ аккуратномъ посѣщеніи лекцій, о соблюденіи формы и т. д. Здѣсь уже проглядываетъ та тенденція, которая ясно сказывается въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ той эпохи: ограничить доступъ въ университетъ лицамъ, принадлежащимъ къ низшимъ сословіямъ.

Мотивы, вызывавшіе такое стремленіе, изложены въ рескриптѣ, данномъ еще въ 1827 г. на имя министра народнаго просвѣщенія: „До свѣдѣнія моего дошло“, говорится въ рес-

[1]) Сб. расп. II, стр. 232. Какъ можно думать это предложеніе сдѣлано не Уваровымъ, а гр. Протасовымъ, который былъ оберъ-прокуроромъ Синода временно управлялъ министерствомъ: по крайней мѣрѣ, всѣ другіе документы этихъ дней исходятъ отъ его имени.

криптѣ: „что часто крѣпостные люди, изъ дворовыхъ и поселянъ, обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій: съ одной стороны сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или у родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ“... „съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, несоотвѣтствующимъ ихъ состоянію“ [1]).

Уваровъ, со своими аристократическими взглядами, далъ дальнѣйшее развитіе изложеннымъ въ рескриптѣ принципамъ. 9 мая 1837 г. данъ былъ снова рескриптъ на его имя—„о точномъ и повсемѣстномъ наблюденіи правилъ о пріемѣ въ учебныя заведенія людей различныхъ состояній“. Главной мыслью всей нашей учебной системы было, по словамъ рескрипта: „доставить всѣмъ состояніямъ въ государствѣ ближайшіе способы къ образованію науками, *соразмѣрно истиннымъ потребностямъ того рода жизни, къ коему каждый предназначенъ*, не преграждая, впрочемъ, пути отличнымъ способностямъ достигать и высшаго образованія, *при извѣстныхъ и опредѣленныхъ условіяхъ*“. Въ рескриптѣ далѣе указывается, какія это условія: отъ дворянъ и почетныхъ гражданъ требуются успѣхи, обнаруженныя на испытаніяхъ; отъ мѣщанъ и крестьянъ свободнаго сословія помимо того увольнительныя свидѣтельства отъ рекрутской повинности и другихъ обязанностей, выданныя тѣми обществами, къ которымъ они принадлежатъ, отъ крѣпостныхъ—увольненіе отъ крѣпостного состоянія по волѣ помѣщика [2]).

Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи является предложеніе Уварова попечителю кіевскаго округа отъ 22-го октября 1840 г. Предложеніе касается вопроса „о мѣрахъ къ устраненію недостатковъ наружнаго образованія“ и будетъ разсмотрѣно нами ниже; въ данное время для насъ представляетъ интересъ лишь 3-й пунктъ этого предложенія: чтобы устранить отъ поступленія въ университетъ молодыхъ людей „не получившихъ въ домахъ бѣдныхъ и низкаго происхожденія родителей никакого наружнаго образованія и не вознаграждающихъ сей недостатокъ отличными способностями“,— предлагается установить правило, чтобы желающіе поступить въ университетъ подавали прошенія попечителю лично, чтобы

---

[1]) Сб. пост. II₁, стр. 60.

[2]) Сб. пост. II₁ стр. 988. Курсивъ вездѣ нашъ.

тотъ могъ всегда „*подъ благовиднымъ предлогомъ*" устранять тѣхъ молодыхъ людей „которые не выкупятъ недостатки наружнаго образованія отличными способностями". Такимъ образомъ, здѣсь указывался и способъ, посредствомъ котораго можно было не допускать въ университетъ лицъ, даже удовлетворяющихъ условіямъ, изложеннымъ въ рескриптѣ 1837 г. „Впрочемъ", добавляетъ министръ: „эта мѣра должна быть принимаема во всякомъ случаѣ съ крайней осмотрительностью". Далѣе, въ предложеніи поясняется, что „необходимо нужно обращать нѣкоторое вниманіе какъ на происхожденіе молодыхъ людей, посвящающихъ себя высшимъ ученымъ занятіямъ, такъ и на открывающуюся передъ ними будущность. Если съ одной стороны просторное развитіе умственныхъ способностей приноситъ несомнѣнную пользу, то съ другой—это развитіе должно быть соразмѣряемо съ будущимъ назначеніемъ въ жизни гражданской..."; „при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое приложеніе коихъ впослѣдствіи весьма часто не подтверждается успѣхомъ, обманываетъ недостаточныхъ родителей и мечтательное ожиданіе юношей" [1]). Эти послѣднія соображенія дословно повторены въ циркулярномъ предложеніи отъ 31-го декабря того же 1840 г [2]). Министръ предлагалъ попечителямъ учебныхъ округовъ высказать свои соображенія о мѣрахъ къ ограниченію прилива въ университеты лицъ низшаго состоянія; попечители с.-петербургскій, одесскій, дерптскій и харьковскій, соглашаясь съ мыслью министра, предлагали рядъ косвенныхъ мѣръ, какъ-то: возвышеніе платы за ученіе, требованіе отъ поступающихъ свидѣтельства о матеріальномъ обезпеченіи, устройство для низшихъ классовъ спеціальныхъ реальныхъ училищъ, уничтоженіе для лицъ податного состоянія служебныхъ привилегій по образованію, воспрещеніе принимать этихъ лицъ на казенныя стипендіи. За то казанскій попечитель Мусинъ-Пушкинъ и московскій Строгановъ высказались противъ предложенія министра. Первый указывалъ на то, что люди низшихъ сословій поступаютъ обыкновенно на философскій и медицинскій факультеты и выходятъ въ учителя или во врачи, а эти вѣдомства всегда нуждаются въ людяхъ; вообще, по мнѣнію Мусина-

[1]) Сб. расп. II, стр. 485.
[2]) Ib. стр. 494.

Пушкина, у насъ еще не наступила пора полагать преграды образованію. Еще болѣе рѣзко возражалъ гр. Строгановъ: по его мнѣнію всякія стѣснительныя въ этомъ отношеніи мѣры „повлекутъ за собою вредныя послѣдствія для распространяющагося у насъ народнаго просвѣщенія и едва-ли будутъ согласны съ общественнымъ мнѣніемъ. Конечно, университеты наши опустѣютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, можно смѣло сказать, уничтожатся и всѣ начатые успѣхи въ дѣлѣ народнаго образованія".

Возраженія Мусина-Пушкина и Строганова не поколебали мнѣнія Уварова и 1 декабря 1844 г. онъ представилъ Государю докладную записку о средствахъ ограничить приливъ юношества въ высшія учебныя заведенія; министръ считалъ нужнымъ: 1) не допускать, безъ крайней необходимости, людей податного состоянія къ учительскимъ должностямъ, 2) не принимать окончившихъ съ неудовлетворительными успѣхами гимназистовъ податного состоянія въ университеты и лицеи и 3) увеличить плату за ученіе со своекоштныхъ. Мѣры эти, по мнѣнію министра, должны быть вводимы съ большой осторожностью: „при дѣйствіи подобныхъ мѣръ, тихихъ и негласныхъ, облеченныхъ лишь формою министерскихъ распоряженій, можно надѣяться, что стремленіе молодыхъ умовъ къ образованію, столь замѣтное нынѣ, будетъ удержано въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій, безъ явнаго, однако, нарушенія коренного начала, которымъ движется государство уже въ теченіе цѣлаго столѣтія, и къ которому нельзя прямо прикоснуться безъ величайшихъ затрудненій". Государь одобрилъ предположенія министра [1]). Изъ намѣченныхъ въ докладной запискѣ мѣръ, получила, однако, осуществленіе лишь послѣдняя—возвышеніе платы за право ученія. Еще до представленія Государю докладной записки, Уваровъ, въ циркулярномъ предложеніи отъ 26 октября 1844 г. затребовалъ отъ попечителей ихъ мнѣнія о желательныхъ размѣрахъ платы; получивъ отзывы изъ учебныхъ округовъ, министръ 9 іюня 1845 г. представилъ снова Государю докладную записку: „не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій",—Уваровъ испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія на возвышеніе платы: въ С.-Петербургѣ и Москвѣ до 40 р. сер., въ Харьковѣ, Казани и Кіевѣ до 20 р., возвы-

[1]) *Рождественскій.* Op. cit., стр. 254—256.

шалась также плата въ лицеяхъ и гимназіяхъ. Государь 11-го іюня нашелъ и это повышеніе недостаточнымъ и собственноручною помѣткою назначилъ плату: въ Петербургѣ и Москвѣ 50 р. сер., въ Харьковѣ, Казани и Кіевѣ по 40 руб. [1]). Министръ позволилъ себѣ въ новой докладной запискѣ выразить опасеніе, что „значительное вдругъ увеличеніе платы за ученіе можетъ затруднить министерству способы удержать за публичнымъ воспитаніемъ въ его заведеніяхъ перевѣсъ надъ воспитаніемъ домашнимъ и частнымъ. Въ теченіе 12 лѣтъ постоянно были направлены къ этому мои усилія, и хотя нынѣ намѣренія мои осуществлены въ значительной степени, хотя въ Имперіи опасенія на этотъ счетъ не такъ велики, какъ въ Царствѣ Польскомъ, однако я вмѣняю себѣ въ священный долгъ не скрыть передъ Вашимъ Величествомъ, что для губерній юго-западнаго края Имперіи—это составляетъ обстоятельство особенной важности. Въ самой Россіи плата за ученіе есть установленіе не очень давнее. Доселѣ всѣ привыкли къ мысли, что у насъ образованіе народное есть великодушный даръ щедраго правительства". Уваровъ испрашивалъ разрѣшенія сохранить на пять лѣтъ тотъ размѣръ платы, который былъ предложенъ имъ въ докладной запискѣ отъ 9 іюня; Государь согласился сохранить лишь на 3 года [2]). 31-го декабря 1848 г. состоялось постановленіе о новомъ возвышеніи платы до размѣровъ, указанныхъ Государемъ въ 1845 году [3]).

На докладной запискѣ отъ 9 іюня 1845 г. сдѣлана была также Высочайшая отмѣтка: „сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ?" Въ министерствѣ еще до того разрабатывался этотъ вопросъ и 3 іюня внесенъ былъ въ комитетъ министровъ проектъ—отъ поступающихъ въ гимназіи дѣтей купцовъ и мѣщанъ требовать увольнительныя свидѣтельства отъ обществъ, къ которымъ они принадлежали, подобно тому, какъ это требовалось до тѣхъ поръ отъ поступающихъ въ университеты. Мнѣніе это было Высочайше утверждено 14 іюня, при чемъ, по волѣ Государя, отъ представленія такихъ свидѣтельствъ освобождены были лишь дѣти купцовъ 1-й гильдіи. Такимъ образомъ, достигнуто было министерствомъ сословное разграниченіе средняго образованія: „съ запрещеніемъ принимать въ гимназіи безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ купцовъ и мѣщанъ", надѣется Уваровъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, „заведенія сіи сдѣлаются преимуще-

[1]) Сб. постан. II, стр. 493—495.
[2]) Ib. стр. 497.
[3]) Ib. стр. 842.

ственно мѣстомъ воспитанія для дѣтей дворянъ и чиновниковъ; среднее сословіе обратится въ уѣздныя училища" [1]).

Университетамъ и гимназіямъ стремились, такимъ образомъ, придать почти исключительно дворянскій характеръ. Въ связи съ этимъ обращалось также большое вниманіе на поведеніе студентовъ и на ихъ наружность. Инструкціи инспекторамъ дополнялись новыми распоряженіями, касавшимися поведенія студентовъ и предѣловъ власти инспекціи. Такъ, въ 1839 году издано было распоряженіе министерства „о мѣрахъ къ усиленію надзора за студентами харьковскаго университета". Чтобы инспекція могла легче слѣдить за тѣмъ, насколько исправно студенты посѣщаютъ лекціи, назначены были для каждаго студента опредѣленныя мѣста въ аудиторіяхъ; были введены нѣкоторыя ограниченія для студентовъ, отлучающихся изъ дома, или отправляющихся въ отпускъ; наконецъ, учреждена была особая „черная книга", въ которую заносились, по постановленію правленія, имена нѣкоторыхъ, особенно провинившихся студентовъ. Занесенный въ черную книгу выписывался оттуда не ранѣе, какъ черезъ годъ, въ случаѣ засвидѣтельствованія инспекторомъ и ректоромъ о хорошемъ его поведеніи въ теченіе этого времени. Тотъ же, кто до истеченія года совершалъ новый проступокъ, исключался изъ университета; исключенію подлежалъ также тотъ, кто, два раза бывши выписанъ изъ черной книги, заслуживалъ внесенія въ нее въ 3-й разъ. Для поощренія студентовъ отличнаго поведенія, было постановлено, чтобы списки таковыхъ, а равно и кондуитные списки прочитывались на торжественномъ засѣданіи въ концѣ каждаго академическаго года [2]).

Соблюденіе формы было предметомъ особеннаго вниманія со стороны университетскаго начальства. Въ 1837 г. издано было министромъ распоряженіе о ношеніи форменной одежды; студентамъ даны были шпаги и трехугольныя шляпы; шпаги должны были носиться во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, въ праздники и въ многолюдныхъ собраніяхъ; трехуголка была обязательна въ обществѣ на улицѣ и въ мѣстахъ общественныхъ гуляній, фуражки сохранялись только для домашняго употребленія. Отъ студентовъ требовалось отданіе чести не только особамъ Императорской Фамиліи, но также и всѣмъ генераламъ [3]). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя предписано было обратить вниманіе на стрижку волосъ и наблюдать, чтобы

[1]) Сб. пост. II₂ стр. 496.
[2]) Сб. расп., II, стр. 403.
[3]) Ib. стр. 129.

студенты носили волосы „въ пристойномъ видѣ“ [1]). Въ 1840 г. послѣдовало извѣстное уже намъ предложеніе попечителю кіевскаго округа—„о мѣрахъ къ устраненію недостатковъ наружнаго образованія студентовъ университета Св. Владиміра“. Поводомъ къ этому предложенію было неудовольствіе, выраженное Государемъ при посѣщеніи имъ кіевскаго университета въ августѣ 1840 г. Студенты только что возобновленнаго университета не были образцами изящества по одеждѣ, чистоплотности и манерамъ; особенно же поразилъ Императора одинъ угрюмый „сынъ черниговскихъ лѣсовъ“, мрачно смотрѣвшій исподлобья. Эта природная черта его была принята Государемъ, „какъ личное озлобленіе и протестующая оппозиція“. Еще больше возросло недовольство Государя, когда онъ узналъ, что означенный студентъ не полякъ, а русскій. Попечитель кн. Давыдовъ всполошился: „онъ не въ состояніи былъ смягчить послѣдствія, вводя событіе въ его нормальные предѣлы“. Онъ подалъ Уварову записку о мѣрахъ, которыя и утверждены были въ вышеупомянутомъ „предложеніи“ [2]). Всѣмъ студентамъ предписывалось упражняться въ танцахъ, фехтованіи и „по мѣрѣ удобства“ въ гимнастикѣ; чтобы доставить студентамъ случай бывать въ хорошемъ обществѣ, министръ разрѣшилъ устраивать въ домѣ для казеннокоштныхъ танцовальные и литературные вечера, на которые предполагалось приглашать лучшее общество города; на эти вечера разрѣшалось ассигновать отъ 1000 до 1800 руб. сер. въ годъ изъ суммы, собираемой за обученіе. Къ этому присовокуплялись разсмотрѣнныя уже нами выше распоряженія, клонившіяся къ ограниченію доступа въ университетъ лицамъ „низкаго происхожденія“ [3]).

Нарушеніе формы и неотданіе чести строго преслѣдовались и взысканія за эти проступки составляли, какъ мы видѣли выше, самую многочисленную категорію взысканій, по крайней мѣрѣ въ петербургскомъ университетѣ. Студенческія воспоминанія того времени пестрятъ разсказами о столкновеніи съ инспекціей изъ-за формы и о тѣхъ уловкахъ, къ которымъ прибѣгали студенты, чтобы ускользнуть отъ бдительнаго ока начальства. Нельзя винить и инспекцію въ излишнемъ усердіи: напротивъ, студенты сами сохранили чувство благодарности къ инспектору Нахимову за то, что тотъ забиралъ ихъ, не по формѣ одѣтыхъ, подъ арестъ и тѣмъ спасалъ отъ болѣе строгаго взысканія, если бы они попались на глаза

[1]) Ib. стр. 257.

[2]) *Владимірскій-Будановъ.* Op. cit. стр. 254.

[3]) Сб. расп., II, 485.

другому болѣе суровому начальнику. Не только инспекторъ, попечитель былъ отвѣтственъ за наружный видъ студентовъ: по словамъ Никитенка, удаленіе Волконскаго и назначеніе въ Петербургъ Мусина-Пушкина вызвано было отчасти именно тѣмъ, что Государь остался недоволенъ наружнымъ видомъ студентовъ. Впрочемъ, въ назначеніи Мусина-Пушкина можно уже видѣть начало той общей реакціи, которая стала замѣчаться въ отношеніи къ университетамъ приблизительно съ 1845 г. и которая была какъ бы предвѣстникомъ грозы 1849 г.

X.

Ранѣе всего эта реакція постигла кіевскій университетъ: здѣсь она была прямымъ слѣдствіемъ того броженія среди польскаго студенчества, которое было обнаружено въ 1837 г. и о которомъ мы уже говорили. Закрытіе университета совпало съ перемѣнами въ высшемъ управленіи края: генералъ-губернаторомъ вмѣсто Гурьева былъ назначенъ Бибиковъ, а попечителемъ вмѣсто фонъ-Брадке—Давыдовъ. Всѣ студенты были удалены изъ университета, при чемъ, однако, всѣмъ не находившимся подъ слѣдствіемъ было разрѣшено поступать въ другіе университеты, безъ испытанія и съ зачетомъ времени, проведеннаго въ университетѣ св. Владиміра; студентамъ 4 курса позволено было подвергнуться испытанію на ученую степень въ университетѣ св. Владиміра. Всѣмъ преподавателямъ и чиновникамъ сохранено было жалованье впредь до открытія лекцій въ университетѣ; устроено было временное управленіе университета. Указъ о закрытіи университета былъ данъ 9 января 1839 года, фактически же чтеніе лекцій продолжалось до 17 марта, а осенью того же года чтеніе лекцій снова возобновилось [1]). Такимъ образомъ, университетъ оставался закрытымъ всего лишь полгода и своимъ возобновленіемъ онъ обязанъ въ значительной степени тому же Уварову, который можетъ считаться и создателемъ этого университета; его закрытіе было бы сильнымъ ударомъ просвѣтительной системѣ Уварова въ западномъ краѣ, заключавшейся въ томъ, чтобы посредствомъ образованія положить начало примиренію и сліянію русской и польской національностей [2]).

Вскорѣ послѣ этихъ событій изданъ былъ новый уставъ для кіевскаго университета, уставъ 1842 г. Еще до вышеописанныхъ событій обсуждался вопросъ объ измѣненіи устава

1) *Владимірскій-Будановъ*, стр. 173 и слѣд.

2) Ib., стр. 75.

1833 г.: въ 1838 г. совѣтъ университета представилъ свои замѣчанія на прежній уставъ, но послѣдній былъ оставленъ въ силѣ еще на 4 года. События 1839 г. и выходъ нѣкоторыхъ профессоровъ изъ университета, повліяли, однако, на образъ мыслей совѣта, что видно напр. изъ слѣдующаго факта: въ 1838 г. большинство совѣта было противъ распространенія на кіевскій университетъ § 63 общаго устава, въ силу котораго ректору предоставлялось право дѣлать выговоры и замѣчанія профессорамъ. При вторичномъ пересмотрѣ устава въ 1840 г., большинство высказалось въ обратномъ смыслѣ, и статья эта была внесена и въ уставъ 1842 г. [1]).

Уставъ этотъ, какъ было уже замѣчено выше, представляетъ собою распространеніе на университетъ св. Владиміра главныхъ положеній общаго устава: срокъ ректорскихъ полномочій опредѣленъ 4-лѣтній, а не 2 лѣтній, какъ это было въ уставѣ 1833 г.; введенъ двойной способъ замѣщенія каѳедръ, путемъ выбора и путемъ назначенія; всѣ статьи устава 1835 г., касающіеся порядка факультетскихъ засѣданій, правъ и обязанностей правленія и совѣта,—распространены и на университетъ св. Владиміра. Существенное измѣненіе сдѣлано въ порядкѣ опредѣленія ректора: совѣту университета предоставлено избирать не ректора, а только *двухъ кандидатовъ на должность ректора*, о которыхъ и представляется министру народнаго просвѣщенія: „сей послѣдній, испрашивая на такое избраніе Высочайшаго утвержденія, имѣетъ право излагать свое мнѣніе въ пользу того или другого кандидата". Тутъ можно видѣть уже стремленіе къ ограниченію профессорской автономіи.—Сохраняя статью о пріемѣ студентовъ два раза въ годъ, уставъ 1842 года болѣе послѣдовательно проводитъ семестральный порядокъ чтенія лекцій. Годичныя испытанія были уничтожены: сохранилось только окончательное испытаніе на ученую степень или на званіе, при чемъ факультетамъ предоставлялось съ одобренія совѣта и попечителя и съ утвержденія министра, раздѣлять это испытаніе на двѣ части, съ допущеніемъ между ними достаточнаго промежутка времени. Для казеннокоштныхъ студентовъ учреждены были испытанія въ концѣ каждаго полугодія; отъ успѣшности этихъ испытаній зависѣло оставленіе ихъ на казенномъ содержаніи или увольненіе съ правомъ продолжать ученіе на свой счетъ.— Относительно пріема въ университетъ, въ уставъ вошло распоряженіе 1837 г. (не распространенное, однако, на другіе университеты), о пріемѣ исключительно тѣхъ, которые окон-

[1]) Ib., стр. 302.

чили курсъ въ гимназіяхъ или равныхъ имъ заведеніяхъ; при этомъ, однако, отъ всѣхъ требовалось выдержать вступительное испытаніе. Желающіе вступить въ университетъ должны представить свидѣтельства: a) о рожденіи и вѣроисповѣданіи и b) о непринадлежности къ податному сословію, или же увольнительное свидѣтельство отъ своего общества. Сверхъ того, университетскому начальству вмѣнено въ обязанность удостовѣряться въ нравственности вступающихъ. Всѣ принятые въ университетъ вносятся въ списки студентовъ, при чемъ такое внесеніе въ списокъ оставалось въ силѣ лишь въ теченіе 4 лѣтъ, а на медицинскомъ факультетѣ—5 лѣтъ. Въ случаѣ уважительныхъ причинъ допускалось продлить этотъ срокъ, но лишь съ разрѣшенія попечителя и не болѣе какъ на одинъ годъ. Наконецъ, въ уставъ включено требованіе, чтобы студенты соблюдали форменную одежду и въ точности исполняли университетскія постановленія, подъ угрозой воспрещенія посѣщать университетскія лекціи [1]. До сихъ поръ это требованіе входило лишь въ инструкціи для инспекторовъ.

Итакъ, ограниченіе правъ совѣта, болѣе точное опредѣленіе условій для пріема студентовъ, ограниченіе пребыванія въ университетѣ извѣстнымъ срокомъ (что было равносильно запрещенію оставаться два года на одномъ курсѣ), наконецъ, статья о соблюденіи студентами формы и университетскихъ правилъ,—вотъ важнѣйшія нововведенія въ уставѣ 1842 г. Побудительной причиной къ дальнѣйшимъ репрессіямъ было броженіе, которое продолжало обнаруживаться въ западномъ краѣ. Въ 1840 г. обнаружено было, что по краю разъѣзжали польскіе революціонные эмиссары, производившіе среди помѣщиковъ сборъ пожертвованій; открыты были сношенія помѣщиковъ съ составленнымъ въ Галиціи и Венгріи обществомъ „славянской республики". Кромѣ того, администраціи удалось напасть на слѣдъ тайнаго общества „мщенія" въ подольской губерніи, а въ другихъ губерніяхъ—общества „безголовыхъ братьевъ" и „балагуловъ". Тревожное настроеніе умышленно поддерживалось слухами о близкой войнѣ съ Франціей, въ которой должны были участвовать и польскіе эмигранты,—о пораженіи, которое будто бы потерпѣли русскія войска на Кавказѣ [2]). Польская литература раздувала патріотическія стремленія поляковъ и пророчила „единственной христіанской странѣ" див-

[1]) Сб. пост., II₂, стр. 228.

[2]) *Шульгинъ* „Югозападный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе" (1838—1863), стр. 41

ную и великую будущность [1]). Если это броженіе отзывалось въ университетахъ, то только въ кіевскомъ, гдѣ въ 1845 г. основана была студентомъ Нагурнымъ университетская гмина между студентами уроженцами волынской губерніи; но и это повидимому оставалось неизвѣстнымъ университетскому начальству [2]). Тѣмъ не менѣе политическое броженіе въ западномъ краѣ создавало въ высшей степени тревожное настроеніе, пугливую осторожность, склонность преувеличивать опасность.

Въ половинѣ 40 годовъ стало проявляться на югѣ, преимущественно въ Харьковѣ и Кіевѣ, движеніе, получившее впослѣдствіи названіе *украйнофильства*. Въ 1843 году появился въ Харьковѣ малороссійскій сборникъ „Молодикъ", подъ редакціей Бецкаго и при участіи Шаховского, Квитки, Костомарова, Шевченка; здѣсь впервые появились сочиненія Щербины и Кулиша [3]). Сборникъ былъ исключительно литературный: здѣсь помѣщались пьесы и романы изъ малороссійской жизни; кромѣ того, сотрудники „Молодика" ставили себѣ задачей изученіе исторіи Малороссіи, собираніе пѣсенъ, преданій и пословицъ [4]). Но тутъ уже замѣчался поворотъ отъ общерусскаго націонализма 30-хъ г.г. къ украинскому славянофильству 40-хъ г.г. Вотъ какъ характеризуетъ эти два направленія историкъ украинской литературы: „украинскіе ученые и писатели этого времени (т. е. 30-хъ г.г.) избирали для себя мѣстное удѣльное содержаніе, но разсматривали его, какъ необходимую часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа и часто писали даже на общемъ литературномъ языкѣ—русскомъ. Называя русскаго царя роднымъ своимъ батькомъ, они ставили рядомъ съ нимъ свою родную мать-Украину и идеализировали ея прошедшую исторію и современную жизнь"... „Другіе украинскіе ученые и писатели отправились на дальнѣйшіе поиски за существенными, отличительными особенностями малорусской жизни", ... „и пришли къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ выводамъ относительно отличительныхъ особенностей малороссовъ, мѣста и значенія ихъ среди другихъ племенъ. То были украинофилы, которыхъ вѣрнѣе было бы назвать украинскими славянофилами"... „Существенное отличіе украинскаго славянофильства или панславизма отъ московскаго состоитъ въ томъ частномъ пунктѣ, что украинофилы считали малороссовъ особымъ племенемъ,

[1]) *Сидоровъ.* „Польское возстаніе 1863 г.", стр. 18.
[2]) *Шульгинъ.* Стр. 49.
[3]) *Барсуковъ.* „Жизнь и труды Погодина". VII, стр. 136.
[4]) *Барсуковъ,* стр. 149.

среди другихъ племенъ славянскаго міра, со своимъ особымъ языкомъ и культурой, имѣющими право на дальнѣйшее развитіе, чего не допускало большинство московскихъ славянофиловъ" [1]).

Зародившись въ Харьковѣ, это новое направленіе въ украинской литературѣ скоро перешло въ Кіевъ; первоначально оно и здѣсь поддерживалось кружкомъ „лѣвобережныхъ украинцевъ", при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, напр. Костомаровъ, прямо перешли изъ Харькова.

Въ Кіевѣ образовался кружокъ украинскихъ патріотовъ, которые поставили себѣ цѣлью воздвигнуть родную націю изъ духовнаго мрака, а украинскаго „крепака" (крѣпостного) освободить отъ неволи духовной и соціальной. Этотъ кружокъ или, какъ называетъ его Кулишъ, „украинское апостольство" предполагало дѣйствовать исключительно мирными средствами; программой являлись слова Спасителя: „И уразумѣете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными". Уничтожить крѣпостное право хотѣли лишь путемъ нравственнаго воздѣйствія на пановъ; хотѣли, что бы паны „вкусивши отъ божественной чаши знанія", „видѣли яко благъ Господь и сами исполнились Его благостію по отношенію къ крепаку". Во избѣжаніе какого-либо преслѣдованія, общество не имѣло писаннаго устава и программы. Девизомъ было „будьте неуловимы, какъ воздухъ". Въ этомъ братствѣ наибольшей, повидимому, популярностью пользовался Шевченко, котораго Кулишъ называетъ „національнымъ пророкомъ".

Въ 1846 году, по словамъ Кулиша, прежнее братство преобразовалось въ товарищество Кирилла и Меѳодія, составило себѣ уставъ и имѣло свой символъ—перстень литого желѣза съ буквами К. М. Впрочемъ, самъ Кулишъ не былъ членомъ вновь образовавшагося товарищества; члены товарищества даже скрывали отъ Кулиша и Шевченко существованіе устава и увѣряли Кулиша, что это была лишь ребяческая затѣя и что они сами, спохватившись, сожгли уставъ, а перстни покидали въ воду. Но это была лишь отговорка, приготовленная для Кулиша и Шевченка, которыхъ не хотѣли принимать въ общество, цѣня ихъ заслуги и не желая подвергать ихъ опасности. По словамъ Кулиша, общество это преслѣдовало уже политическія цѣли, имѣя въ виду образованіе славянской федераціи подъ покровительствомъ русскаго императора, а если бы русскій императоръ не пожелалъ, то какъ-нибудь иначе [2]).

[1]) *Петровъ.* „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія", стр. 178, 282, 288.

[2]) *Кулишъ.* „Хуторна поэзія", стр. 9—28.

Кулишъ не сообщаетъ, отъ кого онъ узналъ о существованіи Кирилло-Меѳодіевскаго общества и о содержаніи устава. Поэтому, весьма цѣнными являются для насъ показанія одного изъ главныхъ участниковъ кіевскаго кружка—Н. И. Костомарова. Костомаровъ совершенно отрицаетъ существованіе такого общества; „нельзя“ говоритъ онъ: „считать организованнымъ обществомъ разговоры частныхъ лицъ, случайно сошедшихся для бесѣды безъ всякой предвзятой цѣли“. Дѣло, по словамъ Костомарова, происходило такъ: въ началѣ 1846 г. Костомаровъ съ нѣсколькими пріятелями (Н. И. Гулакомъ, Бѣлозерскимъ и Навроцкимъ) толковали о томъ, чтобы знакомить русское общество съ славянскимъ міромъ: намѣчены были главнѣйшія desiderata, которыя „должны были лечь въ основу будущей славянской взаимности“. Первое желаніе предписывало искренность и правдивость лицамъ, которыя бы взялись быть *„апостолами славянскаго возрожденія“*; далѣе, слѣдовали желанія, касавшіяся славянъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ подъ власти иноплеменниковъ, 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ между ними федеративной связи, 3) уничтоженіе всякаго рабства „подъ какимъ бы видомъ оно не скрывалось“, 4) упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, 5) религіозная свобода и вѣротерпимость, 6) употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ, 7) полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова и 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей. Члены кружка очень желали образованія общества на подобныхъ началахъ, но тайнаго общества, повторяетъ Костомаровъ, съ выборами, предсѣдателями, членскими взносами и т. п. организовано не было. У Костомарова было кольцо съ именами славянскихъ апостоловъ; нѣсколькимъ его знакомымъ понравилась идея и они заказали себѣ такія же; отсюда возникло потомъ подозрѣніе, что это было символомъ общества [1]). По доносу, сдѣланному какимъ-то студентомъ, которому удалось войти въ общество и пріобрѣсти довѣріе членовъ кружка, всѣхъ ихъ внезапно арестовали и подъ конвоемъ отправили въ Петербургъ; около того же времени арестовали Кулиша и Шевченка. Кулишъ былъ арестованъ въ Варшавѣ вмѣстѣ съ Бѣлозерскимъ, въ то время какъ оба они собирались выѣхать заграницу для изученія славянскихъ нарѣчій. Въ III отд. до-

---

[1]) *Костомаровъ.* „Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность“. „Кіев. Ст“. 1883, II, стр. 226.

прашивали всѣхъ арестованныхъ; когда они отрицали существованіе организованнаго общества, то это объясняли упорствомъ и нежеланіемъ показать правду. Кулиша обвиняли въ томъ, что онъ былъ руководителемъ общества и стремился произвести въ Малороссіи переворотъ въ пользу крестьянъ. Арестована была его частная переписка, гдѣ Кулишъ иногда подписывался „рукою властною" (т. е. собственноручно); отсюда возникло подозрѣніе, будто Кулишъ предназначался въ гетманы украйны [1]). Наконецъ, Бѣлозерскій, а за нимъ Костомаровъ и Гулакъ, чтобы избавиться отъ допроса, написали по совѣту секретаря тайной экспедиціи, признаніе въ томъ, что они будто-бы дѣйствительно участвовали въ обществѣ, которое имѣло цѣлью подчинить всѣ славянскіе народы россійскому скипетру и распространить между ними православіе [2]).

Независимо отъ участія въ обществѣ, Кулишу и Шевченкѣ была поставлена въ вину ихъ литературная дѣятельность. Суровѣе всѣхъ былъ наказанъ Шевченко, въ стихотвореніяхъ котораго были оскорбительные отзывы о высочайшихъ особахъ: онъ былъ отданъ въ солдаты, съ запрещеніемъ рисовать и писать [3]). Кулишъ незадолго до своего ареста помѣстилъ въ дѣтскомъ журналѣ—„Звѣздочка"—написанную для дѣтей „повѣсть объ украинскомъ народѣ"; по недосмотру цензора, повѣсть эта была пропущена, но затѣмъ на нее было обращено вниманіе Государя и цензоры пострадали за свою оплошность. Самъ Кулишъ впослѣдствіи говорилъ объ этой повѣсти, что это была компиляція изъ разныхъ выдумокъ, которыя лѣтописцы сочиняли про ляховъ, или которыя кобзари складывали про жидовъ на потѣху пьянымъ казакамъ, да изъ тѣхъ, что разбросаны въ разныхъ яко-бы древнихъ сказаніяхъ и въ подложныхъ документахъ. „Это было одно изъ тѣхъ утопическихъ и фантастическихъ твореній, безъ критики, изъ которыхъ сшита у насъ вся исторія борьбы Польши съ Москвою. Казаки здѣсь выступали, какъ нація, а все что дѣйствительно составляетъ націю, игнорировалось или откидывалось въ противоположный лагерь. Всѣ казацкіе враги изображены здѣсь людоѣдами, а сами казаки праведными мучениками и благородными патріотами" [4]). Самаринъ отзывается объ этой книгѣ такъ: „Этотъ мастерской, прекрасно написанный очеркъ исторіи украины замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что факты,

[1]) *Кулишъ*. op. cit., стр. 23—33.

[2]) *Костомаровъ*, op. cit., стр. 228—229.

[3]) Ib., стр. 229.

[4]) *Кулишъ*, стр. 34.

въ немъ выведенные, ясно обличаютъ односторонность воззрѣнія автора и доказываютъ неопровержимо мысль прямо-противоположную той, на которую онъ намекаетъ довольно ясно во многихъ мѣстахъ. Украйна могла бы сдѣлаться самостоятельной, если бы не измѣна дворянства и не владычество Москвы, убившей ея народность—вотъ, что старается внушить авторъ" [1]).

Никитенко сообщаетъ, что кіевское общество было обнаружено, благодаря представленіямъ австрійскаго правительства [2]). Мы знаемъ что открыто было общество инымъ путемъ, но весьма понятно, что австрійское правительство было встревожено существованіемъ общества, имѣвшаго цѣлью освобожденіе славянскихъ народовъ, особенно же въ виду событій въ Галиціи. Какъ разъ въ 1846 г. въ Краковѣ и Галиціи вспыхнуло польское возстаніе, подавленное австрійскимъ правительствомъ, при помощи крестьянъ, которые уже раньше возбужденные воззваніями Мирославскаго, теперь поднялись, поддерживаемые австрійскими властями, и произвели рѣзню помѣщиковъ. Слѣдствіемъ этого было занятіе русскими и австрійскими войсками города Кракова, который послѣ этого перестагъ быть вольнымъ городомъ и былъ присоединенъ къ Австріи. Движеніе въ Галиціи нашло себѣ слабый отзвукъ и въ царствѣ польскомъ: на югѣ царства появилось нѣсколько небольшихъ повстанческихъ отрядовъ, предпринято было даже нападеніе на Сѣдлецъ, окончившееся полной неудачей. Въ Варшавѣ составился какой то заговоръ между гимназистами старшихъ классовъ; но былъ своевременно раскрытъ. Общее число арестованныхъ въ царствѣ польскомъ по дѣлу возстанія 1846 года было 316 человѣкъ. Среди крестьянъ царства польскаго также обнаружилось движеніе противъ помѣщиковъ, но было остановлено Паскевичемъ [3]). Все это усиливало тревогу и заставило обратить на украйнофильское движеніе больше вниманія, чѣмъ оно, можетъ быть, заслуживало.

Главные участники кіевскаго кружка, а также Кулишъ и Шевченко подверглись наказанію. Но вслѣдъ за тѣмъ были приняты общія мѣры противъ украйнофильскаго движенія на югѣ Россіи. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ коснулись университетовъ и цензуры. Такъ, еще въ 1846 году по смерти харьковскаго попечителя гр. Головкина управленіе округомъ на правахъ попечителя возложено было на ген.-губернатора кн.

[1]) Рус. Арх. 1877 г. кн. 2, стр. 229.

[2]) *Никитенко*. I, стр. 486.

[3]) *Сидоровъ*, op. cit., стр. 15—16.

Н. А. Долгорукова [1]); со смертью же Долгорукова въ 1847 г. попечительская власть перешла къ новому ген.-губернатору Кокошкину [2]). Подобная передача управленія учебнымъ округомъ въ руки административной власти произошла и въ Кіевѣ, гдѣ Высочайшимъ приказомъ отъ 18 ноября 1848 г. уволенъ по болѣзни отъ должности попечитель ген.-маіоръ Трескинъ І-й и управленіе учебнымъ округомъ поручено кіевскому военному, подольскому и волынскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Бибикову [3]).

Въ маѣ 1847 года т. е. какъ разъ во время раскрытія кіевскаго „общества", цензоръ Никитенко получилъ секретное предписаніе о томъ, чтобы въ повременныхъ изданіяхъ разсужденія о вопросахъ политическихъ допускать лишь съ большой осторожностью. „Особеннаго вниманія"—говорилось въ предписаніи—„требуетъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необдуманныхъ порывовъ патріотизма, общаго или *провинціальнаго, становящагося иногда, если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія онъ можетъ имѣть*" [4]).

Исторія съ кіевскимъ украйнофильствомъ оказала нѣкоторое вліяніе на отношеніе правительства и къ московскимъ славянофиламъ. Раньше это движеніе пользовалось даже нѣкоторымъ покровительствомъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ стремленія славянофиловъ во многомъ сходились съ программой Уварова—„православіе, самодержавіе и народность". Но извѣстіе о кіевскомъ панславизмѣ съ сепаративно-демократическимъ оттѣнкомъ бросило тѣнь подозрѣнія и на московскихъ славянофиловъ. На границѣ былъ арестованъ славянофилъ Чижовъ. Послѣ допроса, онъ былъ тотчасъ выпущенъ, но 29 мая Уваровъ по Высочайшему повелѣнію обратился къ попечителямъ учебныхъ округовъ съ циркуляромъ, въ которомъ излагалась та оффиціальная точка зрѣнія на народность, которой слѣдовало держаться въ университетскомъ преподаваніи. „Въ концѣ прошлаго вѣка",—говорилось въ циркулярѣ,—„родилась между соплеменными намъ народами на Западѣ, именно въ Богеміи, мысль, что всѣ народы словенскаго происхожденія, разсѣянные по Европѣ и подвластные разнымъ скипетрамъ, должны когда-либо слиться въ одно цѣлое и составить государство Словенское. Эта мысль мало по

---

1) Сб. пост. т. II₂, стр. 607.
2) Ib., стр. 694
3) Ib., стр. 7:8
4) *Никитенко*, I. стр. 486.

малу овладѣла всѣми вѣтвями Словенскаго племени въ Европѣ, сперва въ литературномъ, потомъ и въ политическомъ смыслѣ". „Эти идеи Запада о Словенствѣ естественно тяготѣютъ къ Россіи"... „Но у насъ западныя понятія могутъ увлечь людей пылкихъ и не прозрѣвающихъ опасности своихъ мечтаній". Для охраненія преподавателей отъ „вреднаго вліянія разрушительныхъ началъ", министръ считалъ долгомъ „изложить значеніе *народнаго начала* въ видахъ правительства". Русская словесность, говорилась далѣе, „должна выражать безусловную приверженность къ Православію и Самодержавію"... „Словенству русскому—должна быть чужда всякая примѣсь политическихъ идей; тогда остальнымъ началомъ, въ немъ сокровеннымъ, будетъ наше государственное начало, на которомъ непоколебимо стоитъ тронъ и алтарь"...

Циркуляръ Уварова былъ прочитанъ въ засѣданіи совѣта въ петербургскомъ университетѣ и ректоръ отъ имени совѣта выразилъ попечителю благодарность за довѣріе правительства и увѣренія во всеобщемъ усердіи; то же произошло и въ другихъ университетахъ кромѣ московскаго. Между тѣмъ Уваровъ особенно имѣлъ въ виду именно московскій университетъ какъ центръ славянофильства: „Московскій университетъ"—говорилось въ заключеніе циркуляра—„старый блюститель отечественнаго языка, въ сердцѣ Россіи, предъ стѣнами священнаго Кремля, свидѣтеля и бѣдствій, и радостей народныхъ, въ особенности долженъ показать пламенное усердіе въ развитіи Русскаго Просвѣщенія изъ Русскаго начала нашей народности". Препровождая циркуляръ къ гр. Строганову, Уваровъ присовокупилъ еще конфиденціальное письмо, въ которомъ, изъясняя важность циркуляра, предлагалъ созвать чрезвычайное засѣданіе университетскаго совѣта и приказать прочесть бумагу въ присутствіи самого Строганова. Этотъ послѣдній отвѣтилъ оффиціальнымъ письмомъ, въ которомъ находилъ „страннымъ и необычнымъ"—этотъ способъ „касаться двусмысленными и неопредѣленными выраженіями до столь важнаго и щекотливаго вопроса", онъ, поэтому, воздержался отъ сообщенія профессорамъ циркуляра; „я продолжалъ"—пишетъ онъ—„дѣйствовать такъ, какъ мнѣ казалось полезнымъ для блага ввѣреннаго мнѣ университета".—Письмо это отъ 10-го іюля 1847 года, Государь призналъ „въ высшей степени неприличнымъ и несоотвѣтствующимъ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ обязанъ находиться подчиненный къ своему начальнику",—о чемъ и велѣлъ передать Строганову черезъ гр. А. Ѳ. Орлова, вмѣнивъ ему въ обязанность немедленно исполнить предписа-

ніе Уварова. Оскорбленный Строгановъ обратился 3 ноября съ всеподданнѣйшимъ письмомъ къ Государю: „опасаясь, что при постоянномъ состязаніи съ графомъ Уваровымъ, онъ (Строгановъ) легко можетъ переступить границы, указанныя ему служебными отношеніями, и не чувствуя себя способнымъ оставаться безгласнымъ исполнителемъ его (министра) направленій",—Строгановъ просилъ уволить его отъ должности. Просьба эта была исполнена и 20 ноября 1847 года состоялся Высочайшій указъ объ отставкѣ Строганова.

Уходъ Строганова вызвалъ общее сожалѣніе въ московскомъ университетѣ; совѣтъ университета избралъ его своимъ почетнымъ членомъ, а многіе письменно выразили ему свое сожалѣніе. Студенты, къ великому неудовольствію Уварова, поднесли своему попечителю альбомъ съ серебряными украшеніями и съ собственноручными подписями всѣхъ студентовъ.—Бѣлинскій, по поводу отставки Строганова, писалъ Кавелину: „это событіе прискорбно для всѣхъ друзей общаго блага и просвѣщенія въ Россіи" [1]).

Скоро произошли событія, которыя оттѣснили на второй планъ вопросъ объ украйнофильствѣ и славянофильствѣ, и вызвали рядъ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ университетамъ и печати. Въ февралѣ 1848 года вспыхнула въ Парижѣ революція; революціонное движеніе быстро распространилось и на другія государства Европы. Мартовскіе дни въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, революціонное движеніе въ Германіи, въ Италіи—все это вызывало страхъ за грядущее и создавало крайне тревожное настроеніе. Дѣло Петрашевскаго, слухи о волненіяхъ въ Тифлисѣ, Варшавѣ, Ригѣ [2])—все это только усиливало тревогу, и заставляло принимать рядъ мѣръ предосторожности.

Еще 11 марта 1848 года Уваровъ „по настоящимъ заграничнымъ обстоятельствамъ" нашелъ нужнымъ пріостановить заграничные отпуски и командировки для чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія [3]). Вслѣдъ за тѣмъ, 19-го марта разослано было по учебнымъ округамъ секретное предписаніе „объ усугубленіи надзора по воспитанію въ учебныхъ заведеніяхъ". „Чтобы пагубныя мудрованія преступныхъ нововводителей не могли проникнуть въ многочисленныя учебныя заведенія наши", министръ предписывалъ обратить вниманіе на духъ преподаванія, на поведеніе и образъ мыслей студен-

[1]) *Барсуковъ*. „Жизнь и труды Погодина" т. IX, стр. 235—246.

[2]) Дневникъ *Валуева*. „Рус Стар." 1891 г., т. IV, стр. 172.

[3]) Сб. расп., II, стр. 994.

товъ, на благонадежность наставниковъ и воспитателей, а также на частныя учебныя заведенія и пансіоны, особенно содержимыя иностранцами. Средства предохранить юношество „отъ заразы вольнодумства“ рекомендовались слѣдующія: 1) усиленіе преподаванія Закона Божія, 2) недопущеніе преподаванія того, что могло бы „поколебать вѣру или уменьшить убѣжденіе въ необходимости и пользѣ основныхъ учрежденій нашего Правительства“ и 3) бдительный надзоръ за нравственностью учащихся.

Въ отвѣтъ на это предписаніе къ Уварову стали поступать донесенія самаго успокоительнаго характера. Директоръ Педагогическаго института доносилъ, что онъ бесѣдовалъ съ профессорами философіи, педагогики, всеобщей исторіи и статистики „о тѣхъ частяхъ ихъ наукъ, которыя подаютъ поводъ къ различнымъ хитросплетеніямъ и лжемудрствованіямъ“... и удостовѣрился, „что всѣ они, одушевленные чувствованіями любви къ престолу и отечеству, изображаютъ юношамъ во всемъ величіи и нашу Православную вѣру и благополучное правленіе нашихъ Вѣнценосцевъ и благоденствующую подъ ихъ скипетромъ дражайшую Россію, непоколебимую своими нравами, вѣрованіями и преданіями“. Далѣе, директоръ сообщалъ, что онъ усилилъ надзоръ за учащимися, особенно въ праздники. На родителей и родственниковъ, у которыхъ они бываютъ, возложена обязанность давать отчетъ въ ихъ поступкахъ. Дерптскій попечитель просилъ лифляндскаго губернатора обратить вниманіе на живущихъ въ Дерптѣ иностранцевъ, а также жителей западныхъ губерній и царства польскаго, такъ какъ надзоръ полиціи недостаточно бдителенъ, а между тѣмъ люди неблагонамѣренные могутъ имѣть дурное вліяніе на студентовъ. Что же касается учащихся, то онъ доносилъ, что они ведутъ себя хорошо. Успокоительный отвѣтъ получился также отъ попечителя петербургскаго учебнаго округа. Онъ доносилъ о частыхъ посѣщеніяхъ квартиръ, гдѣ жили студенты; особенное вниманіе обращено было на студентовъ—уроженцевъ царства польскаго и западныхъ губерній. Студентовъ обыкновенно заставали за приготовленіемъ къ экзаменамъ; они радушно встрѣчали своихъ начальниковъ [1]).

Получивъ подобные отзывы, и лично осмотрѣвъ осенью 1848 г. московскій университетъ, Уваровъ такъ отзывался въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о настроеніи юношества: „я осмѣливаюсь донести, что не только не оказывается ничего

[1]) Арх. Департ. Нар. Пр. Дѣло № 98004. / карт. 8315.

предосудительнаго, но что по моему замѣчанію и по мнѣнію многихъ уважительныхъ наблюдателей общій духъ какъ будто утвердился и броженіе умовъ утихло при видѣ европейскихъ событій. Этотъ оборотъ въ понятіяхъ обнаруживается болѣе или менѣе во всѣхъ классахъ общества. Кажется, что умы, устрашенные внѣшними ужасами, ближе сомкнулись около народныхъ началъ и учрежденій. Вездѣ слышенъ отголосокъ общаго сознанія, что посреди бурь, волнующихъ окрестныя государства, Россія, опираясь на твердомъ и незыблемомъ началѣ своемъ, сохраняетъ величественное спокойствіе, соотвѣтствующее ея достоинству и силѣ. Отвращеніе къ печальнымъ явленіямъ въ западной Европѣ можно считать всеобщимъ". Далѣе, Уваровъ доносилъ, что имъ даны попечителю указанія на нѣкоторыя слабыя стороны въ постановкѣ дисциплины. Какъ на главное зло, министръ указывалъ на существованіе у студентовъ мысли, будто они составляютъ особое сословіе, имѣющее свои права. „Въ продолженіе университетскаго ученія студенты in corpore не должны быть допускаемы *ни къ какому общему изъявленію общей мысли*". Здѣсь впервые, кажется, высказанъ былъ взглядъ министерства на корпоративное устройство. Далѣе, Уваровъ поручилъ совѣту петербургскаго университета пересмотрѣть программы юридическихъ и политическихъ наукъ съ цѣлью ихъ сокращенія, и выработать инструкцію деканамъ для наблюденія за исполненіемъ программъ. Наконецъ, министръ полагалъ усиленіемъ строгости пріемныхъ экзаменовъ „положить начало постепенному, такъ сказать, очищенію университета". „Студентовъ будетъ меньше"—говорилъ онъ,—„и они будутъ лучше образованны и нравственнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ. Тщеславное усиліе умножить цифру студентовъ, дабы выказать тѣмъ благосостояніе университета, есть безсомнѣнно первый шагъ къ совершенному упадку подобныхъ заведеній" [1]).

Та же цѣль—„очищеніе университета" преслѣдовалась повидимому и министерскимъ распоряженіемъ 9 іюня 1849 г.: прежнее правило о недозволеніи казеннокоштнымъ студентамъ оставаться по два года на одномъ курсѣ—распространено было теперь и на своекоштныхъ „съ тѣмъ, чтобы оставленіе ихъ въ одномъ курсѣ на два года допускаемо было не иначе, какъ съ разрѣшенія Министерства, по удостовѣренію начальства университетовъ объ особыхъ законныхъ къ тому уваженіяхъ" [2]).

---

[1]) *Рождественскій*, op. cit. стр. 260.

[2]) Сб. распор. по М. Н. П., II, стр. 1057.

Еще до того, 30 апрѣля 1849 г. Уварову объявлено было черезъ статсъ-секретаря Танѣева Высочайшее повелѣніе ограничить штатъ студентовъ числомъ 300 въ каждомъ университетѣ, съ прекращеніемъ пріема доколѣ наличное число студентовъ не войдетъ въ узаконенный размѣръ. На будущее же время приказывалось избирать изъ кандидатовъ лишь „самыхъ отличныхъ по нравственному образованію". 11-го мая на докладѣ министра послѣдовало Высочайшее указаніе, что это ограниченіе не касается казеннокоштныхъ студентовъ, а только *вольноприходящихъ и слушателей*. При этомъ, разрѣшено было на медицинскій факультетъ принимать *„неограниченное число*, но съ условіемъ строгой нравственности" [1]). 1-го августа вслѣдствіе всеподданнѣйшаго представленія рижскаго военнаго губернатора и генералъ-губернатора эстляндскаго, лифляндскаго и курляндскаго кн. Суворова о нераспространеніи ограниченія студентовъ на дерптскій университетъ,—послѣдовало Высочайшее соизволеніе: „не ограничивать числа поступающихъ въ *богословскій* и *медицинскій* факультеты". Для прочихъ факультетовъ Государь полагалъ достаточнымъ число 300, „признавая полезнѣе, чтобы дѣти благороднаго сословія искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной передъ службой гражданской" [2]). Такимъ образомъ, отчасти подтверждается сообщеніе барона М. А. Корфа, что „истинное побужденіе къ ограниченію числа студентовъ заключалось не въ политическихъ событіяхъ того времени, а въ уклоненіи дворянъ отъ военной службы, такъ что для замѣщенія офицерскихъ вакансій приходилось выпускать изъ корпусовъ неокончившихъ курса юношей" [3]). Врядъ-ли, однако, это было главнымъ побужденіемъ: ограничительныя мѣры для лицъ низшихъ классовъ, вышеприведенныя слова Уварова, что умноженіе студентовъ есть первый шагъ къ упадку университетовъ, требованіе принимать въ университеты подъ условіемъ строгой нравственности—все это показываетъ, что главной цѣлью ограниченія было стремленіе уменьшить число студентовъ въ университетахъ путемъ строгаго выбора между кандидатами. „Студентовъ будетъ меньше"—припомнимъ мы еще разъ слова Уварова,—„и они будутъ лучше образованы и нравственнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ".

До 1848 г. дѣятельность Уварова встрѣчала, повидимому, полное одобреніе Высочайшей власти. Объ этомъ свидѣтель-

1) Сб. постан. II₂, стр. 877 и 879.

2) Ib. стр. 912.

3) См. *Рождественскій*, op. cit., стр. 262.

ствуютъ Высочайшія замѣтки на отчетахъ министра; 1 іюля 1846 г. Уварову пожаловано было потомственное графское достоинство; принципы его программы—„православіе, самодержавіе, народность"—вошли, какъ девизъ, въ его графскій гербъ [1]). Началомъ немилости, постигшей Уварова была записка о вредномъ направленіи нашей литературы, поданная Государю въ февралѣ 1848 г. Ближайшимъ слѣдствіемъ этой записки было учрежденіе по Высочайшему повелѣнію особаго комитета для разсмотрѣнія „правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы?" Комитетъ долженъ былъ докладывать непосредственно Государю „гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т. е. министерства народнаго просвѣщенія". Въ комитетъ назначены: предсѣдателемъ морской министръ кн. Меньшиковъ, членами—д. т. с. Бутурлинъ, бар. Корфъ, ген.-адъют. Александръ Строгановъ (бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, братъ московскаго попечителя) и ст. секр. Дегай. Комитетъ этотъ былъ временнымъ, но вслѣдъ за тѣмъ 2 апрѣля учрежденъ былъ постоянный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина, съ участіемъ Дегая и бар. Корфа. Такимъ образомъ, Уваровъ главный начальникъ цензурнаго вѣдомства, не вошелъ ни въ этотъ ни въ другой комитетъ и это, конечно, не могло не показаться немилостью по отношенію къ нему: министръ оказывался въ положеніи контролируемаго и, слѣдовательно, заподозрѣннаго въ чемъ-то лица. Между гр. Уваровымъ и Государемъ стоялъ комитетъ. „Высочайшая воля по дѣламъ цензурнаго вѣдомства объявлялась гр. Уварову черезъ комитетъ *и изъ дѣлъ не видно, чтобъ министръ въ это время имѣлъ личные доклады у Государя.* Все это до такой степени лишило гр. Уварова всякой самостоятельности, направленія, инициативы, что онъ иногда не рѣшался самъ, и даже съ помощью главнаго управленія, разрѣшать или запрещать статьи, а посылалъ ихъ на предварительное обсужденіе главноначальствующаго III отдѣленіемъ гр. Орлова" [2]).

Будучи подчиненъ непосредственно Государю, бутурлинскій комитетъ не былъ оффиціальнымъ учрежденіемъ: никто изъ цензоровъ и авторовъ не зналъ оффиціально о его существованіи. Комитетъ былъ негласнымъ и дѣйствія его были облечены строгой тайной до такой степени, что даже одинъ изъ членовъ главнаго управленія цензуры, Пржецлавскій, ко-

---

[1]) *Рождественскій*, стр. 225.

[2]) *Лемке*. „Очерки по исторіи цензуры". Рус. Богат. 1903 г. т. I, стр. 227—237.

торый казалось, могъ болѣе другихъ знать объ организаціи комитета, сообщаетъ о немъ лишь весьма неопредѣленныя извѣстія. Другіе современники,—Никитенко и Веселовскій сообщаютъ лишь слухи, ходившіе въ обществѣ. Поэтому, свѣдѣнія, сообщаемыя ими, весьма сбивчивы и неопредѣленны. Трудно даже установить, кто былъ авторомъ записки, поданной Государю и послужившей, повидимому, поводомъ къ образованію комитета. По словамъ Никитенка, „графъ С. Г. Строгановъ, бывшій попечитель московскаго университета, *движимый злобой на министра народнаго просвѣщенія Уварова*, который былъ причиной его увольненія отъ должности попечителя, представилъ Государю записку объ ужасныхъ идеяхъ, будто-бы господствующихъ въ нашей литературѣ особенно въ журналахъ, благодаря слабости министра и его цензуры. Баронъ М. А. Корфъ, желая свергнуть Уварова, чтобы занять его постъ, представилъ *другую такую же записку*". Веселовскій говоритъ лишь объ одной запискѣ, которую подалъ Строгановъ, но не изъ побужденій личныхъ, а потому, что Корфъ убѣдилъ его въ необходимости „обезопасить Россію отъ заноса къ намъ разрушительныхъ идей", и въ слабости цензуры. Самъ же Корфъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что онъ подалъ записку, и ничего не говоритъ о запискѣ Строганова. Наконецъ, въ оффиціальномъ документѣ, изданномъ въ 1862 г. по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, подъ заглавіемъ „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи",—авторомъ записки названъ кн. Вяземскій; о запискахъ же Строганова и Корфа не упоминается ни однимъ словомъ [1]).

Дѣйствія бутурлинскаго комитета вызвали сильное смущеніе въ обществѣ и печати; таинственность его еще усиливала впечатлѣніе. Авторы подвергались отвѣтственности за статьи, пропущенныя цензурой. Сами цензоры страшно боялись этой контръ-цензуры и этимъ опасеніемъ оправдывали свою излишнюю осторожность. „Ужасъ овладѣлъ всѣми мыслящими и пишущими", сообщаетъ Никитенко. „Тайные доносы и шпіонства еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей". „Поворотъ назадъ", пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—„сдѣлался гораздо легче, чѣмъ ожидали и надѣялись нѣкоторые мечтатели. Это даже не ходъ на-

[1]) Ib. стр. 224 и сл. См. также *Никитенко*, I, стр. 493. *Веселовскій*. „Отголоски старой памяти" Рус. Стар. 1899 г. X и записки барона М. А. *Корфа* Рус. Стар. 1900 г. III.

задъ, а быстрый бѣгъ обратно"... „Наука блѣднѣетъ и прячется" [1]). И было отъ чего придти въ ужасъ: грозныя распоряженія комитета слѣдовали одно за другимъ. Министръ, которому передавались эти распоряженія, утвержденныя Высочайшей властью, дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія и внушенія цензорамъ и редакторамъ журналовъ. Строго запрещены были всякія разсужденія о правительственныхъ мѣропріятіяхъ; редакторамъ объявлено, что „за всякое дурное направленіе статей ихъ журналовъ, хотя бы оно выражалось косвенными намеками, они лично подвергнутся строгой отвѣтственности, независимо отъ отвѣтственности цензуры". Особенное вниманіе обращено было на „Современникъ" и „Отечественныя Записки" и редакторамъ было объявлено, что ихъ ожидаетъ строгое взысканіе, если впредь въ ихъ журналахъ замѣчено будетъ что-либо предосудительное. Сосланъ былъ въ Вятку начинавшій тогда свое литературное поприще М. Е. Салтыковъ; Далю, находившемуся на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, было предложено на выборъ продолжать службу или писать [2]). Арестованы были славянофилы Самаринъ и Аксаковъ, но послѣ допроса отпущены [3]). Петербургскому университету приказано не выписывать совсѣмъ журналовъ и даже ректору Плетневу грозило увольненіе, такъ какъ въ лекціяхъ его бутурлинскій комитетъ нашелъ слѣды либеральныхъ идей. Удары на печать сыпались одинъ за другимъ; въ самыхъ невинныхъ, благонамѣренныхъ статьяхъ комитетъ находилъ что-либо опасное, входилъ съ представленіемъ къ министру, а редакторамъ и авторамъ статей дѣлались чуть-ли не безпрерывно строгія внушенія [4]).

Удары, наносимые печати, были въ то же время и ударами для Уварова, какъ главнаго начальника цензурнаго вѣдомства. „Положеніе графа Уварова поколебалось", пишетъ Рождественскій. „Съ этого времени онъ сталъ терять престижъ самостоятельнаго руководителя своего вѣдомства и сдѣлался пассивнымъ исполнителемъ такихъ мѣропріятій, которыя уже нарушали созданную имъ систему. Онъ соглашался на нихъ, по мѣткому замѣчанію профессора Владимірскаго-Буданова,

---

[1]) *Никитенко.* I, стр. 494 и 498

[2]) *Лемке.* Op. cit „Рус. Богат." 1903 г., I, стр. 229—246.

[3]) *Никитенко.* I, стр. 511—512.

[4]) Подробности о дѣятельности комитета см. *Лемке* op. cit. „Русск. Богатство" 1903 г, I и II и „Очерки по исторіи цензуры въ царствованіе Императора Николая I". „Рус. Стар." 1903 г., VII.

какъ на жертвы, которыми онъ спасалъ главное дѣло, подобно моряку, выбрасывающему дорогой грузъ за бортъ для спасенія корабля“ [1]).

Ограниченія, которымъ подверглись университеты, вызвали въ обществѣ слухи о предстоящемъ будто-бы полномъ ихъ преобразованіи. Говорили, будто Ростовцевымъ поданъ проэктъ закрытія петербургскаго университета и учрежденія вмѣсто того въ Петербургѣ и Москвѣ двухъ высшихъ корпусовъ исключительно для высшаго сословія [2]). Въ опроверженіе подобныхъ слуховъ, однимъ изъ близкихъ къ Уварову лицъ, директоромъ педагогическаго института И. И. Давыдовымъ помѣщена была въ мартовской книжкѣ „Современника“ за 1849 г. статья „О назначеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи“. Редакторомъ и цензоромъ этой статьи былъ самъ Уваровъ. „Мысли объ университетахъ“,—говорилось въ заключеніе статьи—„пускаемыя въ общественное обращеніе людьми поверхностными, уничтожаются историческими доводами и статистическими выводами. Разливать благотворный свѣтъ современной науки, немеркнущій въ вѣкахъ и народахъ, хранить во всей чистотѣ и богатить отечественный языкъ, органъ нашего православія и самодержавія, содѣйствовать развитію народной самобытной словесности, этого самопознанія нашего и цвѣта жизни, передавать юному поколѣнію сокровища мудрости, освященной любовью къ вѣрѣ и престолу,—вотъ *назначеніе русскихъ университетовъ и участіе ихъ въ общественномъ образованіи*“.

Статья произвела впечатлѣніе и журналъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Бутурлинскій комитетъ нашелъ, однако, что хотя статья „*по внѣшнему ея изложенію* не имѣетъ ничего предосудительнаго“, но „если вникнуть во *внутренній ея смыслъ*, то ясно, что здѣсь есть неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣла правительства и, сверхъ того, подъ благовидной оболочкой сокрыта такая тайная мысль, выраженія которой отнюдь не надлежало допускать въ печати“... Комитетъ не считалъ возможнымъ допустить, чтобы частное лицо брало на себя „разбирать и опредѣлять тономъ законодателя, сравнительную пользу учрежденій государственныхъ, каковы университеты и другія учебныя заведенія“. „Такое преданіе вопроса правительственнаго на судъ публики, такой призывъ къ общественному мнѣнію, представляетъ явленіе столь же

[1]) *Рождественскій*, стр. 226.

[2]) *Никитенко*, I, стр. 502.

новое, сколько и нетерпимое въ общественномъ нашемъ устройствѣ. Если допускать подобныя статьи, то не будетъ предначертаній правительства, которыя, сдѣлавшись какъ-либо извѣстными публикѣ, не могли бы быть опровергаемы въ видѣ возраженій противъ мнимыхъ *частныхъ* мнѣній, а тогда журналы поставятъ себя судьями вопросовъ государственныхъ..." Комитетъ полагалъ потребовать отъ гр. Уварова свѣдѣній объ авторѣ статьи и предложить ему поставить на видъ редакторамъ журналовъ и цензорамъ, что подобныя статьи не должны быть допускаемы. Государь, утвердивъ заключеніе комитета, изъявилъ желаніе *„знать, какъ сіе могло быть пропущено?"*

Уваровъ рѣшился обратиться лично съ письмомъ къ Государю. Онъ указывалъ на то, что „нелѣпые слухи" о преобразованіи университетовъ распространялись въ обществѣ и что слухи эти не могли произвести благопріятнаго дѣйствія; слухи эти проникли и въ провинцію и потревожили тамъ умы родителей, которые стали опасаться за дальнѣйшее образованіе своихъ дѣтей. По рукамъ ходила даже записка, „которая направлена прямо противъ общей системы народнаго образованія, принятой русскимъ правительствомъ со временъ Петра Великаго, и въ особенности противъ нашихъ университетовъ, противъ ихъ существованія и пользы, которая, наконецъ, требуетъ уничтоженія всѣхъ русскихъ университетовъ, оставляя одинъ дерптскій неприкосновеннымъ". Въ виду этого, Уваровъ полагалъ, что вышепоименованная статья „можетъ содѣйствовать косвенно къ исправленію возбужденныхъ въ публикѣ превратныхъ толковъ и ошибочныхъ понятій". Возражая по пунктамъ на мнѣніе бутурлинскаго комитета, Уваровъ прибавлялъ въ заключеніе: „Государь! Статья въ „Современникѣ" была представлена мнѣ и мною одобрена. Если за нее кто-либо долженъ подлежать отвѣтственности, то эта отвѣтственность, по совѣсти и закону, должна единственно пасть на меня. Въ такомъ положеніи вещей, когда съ одной стороны министерство, руководствуясь своими узаконеніями и указаніями начальства, носящаго открыто и законную отвѣтственность, дѣйствуетъ въ опредѣленномъ кругу, а съ другой—комитетъ, состоящій внѣ министерства, и безъ сношенія съ онымъ, не требуя никакихъ предварительныхъ объясненій и не имѣющій въ виду никакихъ справокъ, дѣлаетъ свои заключенія, кои по Высочайшемъ одобреніи принимаютъ силу закона,—недоумѣнія и столкновенія были и будутъ неизбѣжны". Поэтому Уваровъ ходатайствовалъ о полномъ отдѣленіи цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія и о передачѣ ея комитету.

На этой запискѣ Государь положилъ слѣдующую резолюцію: „Не вижу никакой уважительной причины измѣнять существующій нынѣ порядокъ; нахожу статью, пропущенную въ „Современникѣ", неприличною, ибо ни хвалить, ни бранить наши правительственныя учрежденія, для отвѣта на пустые толки, не согласно ни съ достоинствомъ правительства, ни порядкомъ, у насъ, къ счастію, существующимъ. Должно повиноваться, а разсужденія свои держать про себя. Объявить цензорамъ, чтобы впредь подобнаго не пропускали, а въ случаяхъ недоумѣній спрашивали разрѣшенія. Вамъ же путь ко мнѣ всегда доступенъ". Послѣднее было объявлено черезъ два дня, по Высочайшему повелѣнію. Вскорѣ послѣ этого, 17-го апрѣля, по поводу статьи въ „Москвитянинѣ", было подтверждено, что Государь рѣшительно запрещаетъ всѣ статьи въ въ журналахъ *за* и *противъ* университетовъ" [1]).

Столкновенія съ цензурнымъ комитетомъ и выраженное Государемъ неудовольствіе, по поводу статьи въ „Современникѣ", преобразованіе гимназій въ 1849 г., подрывавшее созданную Уваровымъ классическую систему, наконецъ, явное недовѣріе Государя къ университетамъ—все это болѣзненно отозвалось на Уваровѣ: 9-го сентября 1849 г. его поразилъ нервный ударъ. Вскорѣ послѣ этого, 20-го октября онъ былъ уволенъ по прошенію отъ должности министра съ оставленіемъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта и президента Академіи Наукъ. 6-го декабря 1850 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ литературныхъ занятіяхъ и скончался въ 1855 г. въ Москвѣ [2]).

Отставка Уварова совпала по времени съ разсмотрѣніемъ въ Государственномъ Совѣтѣ составленнаго имъ проэкта новаго цензурнаго устава. Бутурлинскій комитетъ представилъ на проэктъ очень рѣзкія возраженія и въ Государственномъ Совѣтѣ проэктъ цѣликомъ былъ отвергнутъ; Государь утвердилъ мнѣніе большинства [3]). Эта неудача и была, быть можетъ, тѣмъ послѣднимъ толчкомъ, который побудилъ оскорбленнаго министра подать прошеніе объ отставкѣ.

27-го января 1850 г. на постъ министра назначенъ былъ бывшій товарищъ министра кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ.

Тотчасъ по выходѣ въ отставку гр. Уварова, послѣдовалъ

---

[1]) *Лемке.* Op. cit. „Рус. Бог." 1903 II, стр. 112—121.

[2]) *Рождественскій*, стр. 226.

[3]) *Лемке.* Op. cit. стр. 125.

цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ университетамъ. 26 января 1850 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о пріемѣ на свободныя мѣста въ университетахъ преимущественно тѣхъ молодыхъ людей, которымъ „по происхожденію ихъ и по коренныхъ государственнымъ законамъ, даровано право вступленія въ гражданскую службу". Подверглось также сильнымъ ограниченіямъ выборное начало: еще 11-го октября 1849 г. повелѣно было ректоровъ всѣхъ университетовъ, кромѣ дерптскаго, избирать министру народнаго просвѣщенія на неопредѣленное время. Избраніе декановъ оставлено было на прежнемъ основаніи, но министру предоставлено право продолжать пребываніе профессоровъ въ этомъ званіи или увольнять прежде срока. Составлены были инструкціи ректорамъ и деканамъ съ цѣлью усилить надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ [1]). Значительнымъ измѣненіямъ подверглись также учебные планы: 7 ноября 1849 г. предписано было пріостановить преподаваніе государственнаго права; затѣмъ упразднено было преподаваніе философіи свѣтскими профессорами, и возложено чтеніе логики и психологіи на профессоровъ богословія [2]).

Такимъ образомъ, важнѣйшія основанія устава 1835 г. были нарушены; уставъ существовалъ лишь по имени; не было ни одного отдѣла въ уставѣ, который бы остался неприкосновеннымъ. Между тѣмъ, по эпохѣ 1849—1855 гг. дѣлаютъ нерѣдко заключенія о положеніи университетовъ при дѣйствіи устава 1835 г. Какъ совершенно справедливо выразился проф. Владимірскій-Будановъ, „для наблюдателей нашихъ временъ послѣдующій періодъ 1848—1855 гг. бросаетъ тѣнь и на предыдущую эпоху, сообщая ей свой темный колоритъ" [3]).

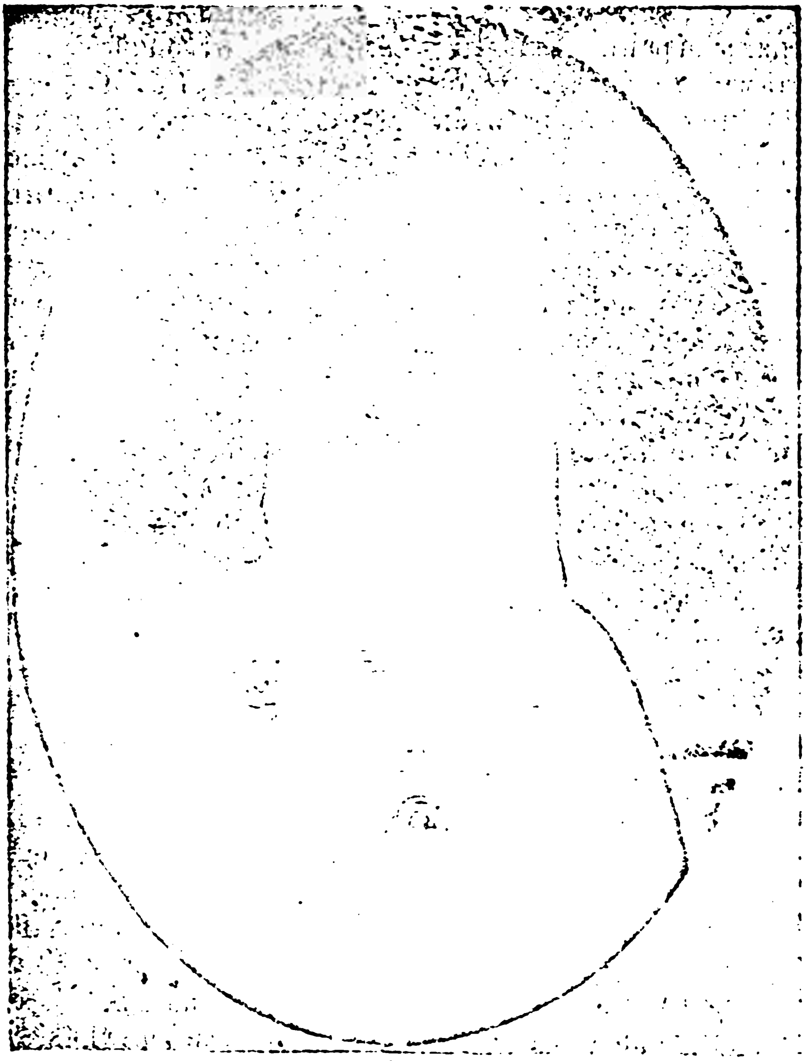
Н. Н. Рѣзвичъ.

---

1) Сб. постан. II, стр. 943, 916 и 1041.

2) *Рождественскій*, стр. 265.

3) *Владимірскій-Будановъ*. Op. cit. стр. 67.



Преосвященный Николай,
начальникъ православной русской миссіи въ Японіи и глава православной японской церкви.

ХРИСТІАНСТВО ВЪ ЯПОНІИ.

(Рефератъ, читанный въ засѣданіи Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія 12 марта 1904 г.).

Первыя извѣстія о христіанствѣ были занесены въ Японію португальскими моряками и купцами, а начало миссіи христіанской положено католическими миссіонерами-іезуитами.

Три португальскихъ моряка (главный изъ нихъ Мендецъ Пинто), отправившись въ 1542 г. на джонкѣ китайскаго пи-

рата изъ Кохинхины въ Китай, вслѣдствіе шторма, не достигли цѣли пути и высадились на о. Танегасимѣ, къ югу отъ Кіу-сіу. Спустя нѣсколько лѣтъ, по ихъ стопамъ въ эти-же края прибыли для производства торговли нѣсколько португальскихъ купцовъ, жившихъ въ Китаѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе встрѣтили въ Японіи радушный пріемъ, и такимъ образомъ у японцевъ завязались связи съ европейцами. Скоро эти связи привели ихъ къ ознакомленію съ христіанствомъ. Одному молодому знатному японцу, по имени Ханъ-Сиро (португальцы передѣлали его въ Анжероо), который, проведши безпорядочно свою юность и напослѣдокъ совершивши убійство, испытывалъ угрызенія совѣсти и не находилъ утѣшенія у буддійскихъ бонзъ (священниковъ), португальскіе купцы, послѣ общаго ознакомленія его съ христіанской вѣрой, посовѣтовали искать успокоенія и прощенія у проповѣдника мира и спасенія іезуита Франциска Ксавіера, апостола Индіи. Ханъ-Сиро принялъ этотъ совѣтъ и отправился въ Малакку (въ 1549 г.), гдѣ находился этотъ миссіонеръ. Онъ открылъ ему свое сердце и просилъ скорѣе крестить его. Ксавіеръ, находя его недостаточно знакомымъ съ вѣрой христіанской, отправилъ его, а также его двухъ слугъ, для надлежащаго просвѣщенія въ городъ Гоа, индійскій Римъ, лежавшій на небольшомъ островѣ у малабарскаго берега и составлявшій средоточіе португальскихъ владѣній, въ которомъ уже дѣйствовала католическая миссія. Здѣсь Ханъ-Сиро и его слуги были просвѣщены и крещены архіепископомъ Іоанномъ д'Альбукеркомъ. Первый пожелалъ принять имя Павелъ отъ Святой Вѣры (де Санта-Фэ), потому что, говорилъ онъ, онъ получилъ благодать вѣры въ коллегіи Общества Іисуса, называемой также коллегіей святого Павла и святой вѣры.

Узнавъ отъ Ханъ-Сиро, что японцы отличаются живою воспріимчивостью и миролюбивымъ характеромъ и что ихъ экзальтированные умы можетъ увлечь твердая убѣжденность, Ксавіеръ, достойнѣйшій миссіонеръ, горѣвшій ревностью о распространеніи христіанства, возымѣлъ намѣреніе просвѣтить Японію свѣтомъ Евангелія. Друзья его всячески удерживали отъ опаснаго и якобы безнадежнаго путешествія, но онъ видѣлъ въ этомъ божественное призваніе. „Что отвѣчу я Богу моему", сказалъ онъ заботливымъ португальцамъ, выразившимъ опасеніе за его жизнь, „если Онъ, показавши мнѣ Японію, обвинитъ меня въ томъ, что я не просвѣтилъ свѣтомъ Евангелія этихъ невѣрующихъ,—если Онъ скажетъ, что Онъ посылалъ меня туда, но я болѣе внималъ просьбамъ людей, чѣмъ Его

велѣніямъ“ [1]). Ксавіеръ пренебрегъ опасностями путешествія и отправился въ 1549 году въ Японію, на джонкѣ китайскаго пирата, въ сопровожденіи троихъ новообращенныхъ и еще двухъ лицъ. Быстро, въ школѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми ревностный миссіонеръ выучился японскому языку и началъ проповѣдывать христіанство. Первая христіанская община была основана имъ въ 1549—1550 г.г. въ Кагосимѣ, главномъ городѣ такъ называемаго имъ „королевства“ [2]) Сатсума, мѣстѣ рожденія Павла де Санта-Фэ. Успѣхъ его проповѣди возбудилъ зависть буддійскихъ бонзъ, и они склонили короля Сатсумы—запретить принятіе христіанства подъ угрозой смертной казни. Ксавіеръ оставилъ вѣрныхъ на попеченіе новообращенному Павлу, а самъ отправился въ городъ Міако (Кіото), тогдашнюю резиденцію микадо, въ надеждѣ обратить въ христіанство самого императора. По пути онъ положилъ основаніе христіанскимъ общинамъ въ Эсандоно (крѣпость), Гирадо (небольшой островъ на сѣверозападъ отъ Кіу-сіу) и Амангухи (резиденція князя области Наугато). Въ Міако, по причинѣ военной сумятицы, его проповѣдь не имѣла успѣха, и даже онъ не могъ добраться до микадо. Тогда онъ возвратился въ Амангухи, гдѣ образовалъ цвѣтущую общину, въ 1551 г. Затѣмъ онъ отправился въ княжество Бунго (у восточнаго берега Кіу-сіу), въ портъ Фухео (теперь Фунаи). Князь Циванъ оказалъ ему особенное вниманіе. Въ его дворцѣ Ксавіеръ выдержалъ пятидневный диспутъ съ образованнѣйшими бонзами по вопросамъ вѣры. Князь убѣдился въ истинности христіанской религіи и дозволилъ своимъ подданнымъ принимать ее (впослѣдствіи и самъ онъ принялъ христіанство). Въ концѣ 1551 г. Ксавіеръ оставилъ Японію и отправился въ Индію, съ цѣлью—выбрать изъ своихъ товарищей по ордену способныхъ миссіонеровъ для Японіи. Оттуда онъ направился въ Китай, въ надеждѣ, что за обра-

---

1) *Crasset*, Histoire de l'Église du Japon, Paris, 1705, v. I, p. 64 (*Kalkar*, Geschichte d. christlichen Mission unter den Heiden, Gütersloh, 1880, Th. II, S. 91).

2) Въ то время удѣльные князья, такъ наз. „даиміосъ“, вслѣдствіе политическихъ безпорядковъ (почти непрерывныя войны за власть между микадо, т. е. императоромъ и согуномъ, или военачальникомъ), пріобрѣли почти независимое положеніе. Отсюда, Ксавіеръ и другіе въ своихъ описаніяхъ этимъ князьямъ даютъ титулъ королей, а ихъ провинціи называютъ королевствами. Они имѣли въ ленномъ владѣніи 68 провинцій, изъ которыхъ 4 находились на Сикоку, 9—на Кіу-сіу, а остальныя—на Ниппонѣ (см. *Welzer* u. *Welte*, Kirchenlexikon oder Encyklopädie d. katholischen Theologie und ihrer Hülfswissenschaften, A. 2, B. VI (1889), S. 1239).

щеніемъ Китая послѣдуетъ и обращеніе Японіи, но на пути туда скончался. Впослѣдствіи времени (въ 1623 г.) онъ былъ канонизованъ [1]).

Начатое Ксавіеромъ дѣло продолжали его товарищи по ордену (іезуиты), которымъ удалось достигнуть блестящихъ результатовъ. Это зависѣло отъ разныхъ причинъ. 1) Они лучше владѣли японскимъ языкомъ, ихъ было довольно много и они дѣйствовали болѣе продолжительное время. 2) Къ христіанамъ былъ расположенъ тогдашній согунъ Нобунага, который на успѣхи христіанства смотрѣлъ, какъ на лучшее средство для подавленія чрезмѣрно усилившагося вліянія буддійскихъ бонзъ [2]). 3) Проповѣди іезуитовъ не мало помогали ревностные новообращенные изъ князей, которые мечемъ и огнемъ принуждали своихъ подчиненныхъ къ принятію католицизма, изгоняли или умерщвляли непокорныхъ и разрушали буддійскіе храмы и монастыри. 4) Португалія и Испанія доставляли іезуитамъ большія денежныя средства, которыя давали имъ возможность пышно обставить совершаемое ими богослуженіе и щедро благотворить обращеннымъ въ христіанство. Роскошныя облаченія священниковъ, пышныя церемоніи при богослуженіи, великолѣпіе воздвигнутыхъ храмовъ—все это совершенно затмевало ритуалъ буддистовъ. Благотворительность іезуитовъ новообращеннымъ не мало располагала къ принятію христіанства японскій народъ, крайне истощенный и объднѣвшій за продолжительное время анархіи и междуусобицъ; она располагала къ этому даже правителей народа. 5) Іезуиты всячески старались облегчить переходъ отъ буддизма къ христіанству. Въ этихъ видахъ туземныя капища, послѣ освященія ихъ, они обращали въ христіанскіе храмы; колокола, возвѣщавшіе о времени языческихъ моленій, для той-же цѣли употреблялись и при христіанскомъ богослуженіи; умывальницы, стоявшія у языческихъ капищъ, были превращаемы въ крещальни. Указывая на эти обстоятельства, мы не хотимъ сказать этимъ самымъ,

[1]) *Rein*, Japan nach Reisen und Studien, B. I, Leipzig, 1881, S. 301 f. *Spillmann* въ Wetzer u. Welte's Kirchenlexikon, B. VI, S. 1239 (ср. B. IV, S 1841). *Plitt* въ Herzog-Hauck's Realencyklopädie für protestantische Theologie и Kirche, A. 3, B. VI (1899), S. 229 f. *Kalkar*, Geschichte d. christ. Mission, Th, II, S. 90, 91 *Hagenbach*, Kirchengeschichte, B. IV, Leipzig, 1870, S. 505. Histoire ecclésiastique, pour servir de continuation à celle de l'abbé *Flery*, t. XXX, Paris, 1731, p. 51 и сл., 439 и сл.

[2]) Надобно замѣтить, что согунъ держалъ въ своихъ рукахъ (до революціи 1867 г.) всю власть, въ качествѣ военнаго вице-императора, рядомъ съ которымъ безсильно царствовалъ микадо.

что японцы *всегда* принимали христіанство *неискренно*: по принужденію, по разсчету или по соблазну. Мы только отмѣчаемъ тѣ условія, которыя содѣйствовали быстрому распространенію христіанства. Не подлежитъ сомнѣнію, что *многіе* изъ японцевъ принимали христіанство вполнѣ *искренно*: только при такомъ предположеніи можно объяснить ихъ добровольныя страданія и даже смерть за вѣру въ послѣдующія времена гоненій на христіанство.

Уже въ 1554 году въ княжествѣ Аримѣ, куда ранѣе не проникалъ ни одинъ миссіонеръ, было около 1500 оглашенныхъ и крещенныхъ. Въ 1559 г. миссіонеръ Филела получилъ разрѣшеніе отъ согуна Кубосамы въ Міако проповѣдывать въ этомъ городѣ. Его проповѣдь обратила ко Христу двухъ знатныхъ бонзъ, примѣру которыхъ послѣдовали и многія другія высокопоставленныя лица. Въ 1564 г. въ предмѣстьяхъ Міако было уже семь христіанскихъ храмовъ и часовенъ. Съ успѣхомъ распространялось христіанство также въ сосѣднихъ съ Міако большихъ городахъ Осака и Сакаи. Особенно успѣшно проповѣдывалось Евангеліе на западномъ берегу о. Кіу-сіу. Въ 1562 г. принялъ христіанство князь Омуры, который сжегъ храмъ одного идола и обратилъ ко Христу (впрочемъ, не безъ сопротивленія) значительную часть своихъ подданныхъ. Въ его правленіе въ Омурѣ выстроено 24 церкви. Въ 1565 г. христіанство проникло на о. Сикоку, гдѣ между прочими принялъ его князь Тамбы. Въ 1566 г. оно съ большимъ успѣхомъ распространялось на о. Гото (къ западу отъ о. Кіу-сіу).

Въ 1565 г. совершилось одно политическое обстоятельство, которое имѣло весьма благотворное вліяніе на распространеніе христіанства. Въ этомъ году власть согуна захватилъ въ свои руки нѣкто Нобунага [1]), страшный врагъ буддійскихъ бонзъ и ненавистникъ ихъ идолослуженія, который, какъ мы уже говорили, на успѣхи христіанства смотрѣлъ какъ на лучшее средство для подавленія чрезмѣрно усилившагося вліянія ихъ. Онъ преслѣдовалъ бонзъ мечемъ и огнемъ, покровительствовалъ миссіонерамъ, дивился ихъ ученію, дозволялъ креститься своимъ приближеннымъ, хотя самъ не принималъ христіанства, такъ какъ оно осуждало самообожествленіе, котораго домогался онъ. Въ 1568 г., когда микадо издалъ указъ объ арестѣ иностранныхъ миссіонеровъ, онъ открыто взялъ ихъ подъ свое покровительство. При такомъ положеніи, христіанство въ правленіе Нобунаги (1565—1582 г.г.) сдѣлало

[1]) Съ этого года онъ сдѣлался только фактическимъ правителемъ, а въ 1578 г. онъ захватилъ и должность согуна.

большіе успѣхи. Не говоря уже о простомъ народѣ, который принималъ его цѣлыми массами, крестились князья Амакусы, Гирадо, Гото, Омуры, Тосы, Аримы, Бунго. Оно пользовалось большимъ уваженіемъ при дворѣ. Его исповѣдывали многіе сановники, гражданскіе и военные. Въ 1579 г. іезуиты насчитывали 150,000 христіанъ и 250 храмовъ. Уже съ 1562 г. каждый миссіонерскій станъ имѣлъ школу. Въ 1580 году въ Ансукіамѣ была основана семинарія для дворянъ.

Быстрое умноженіе числа вѣрующихъ вызывало необходимость учрежденія епископіи въ Японіи и увеличенія числа миссіонеровъ. Было рѣшено отправить депутацію къ папѣ, въ составѣ четырехъ человѣкъ. Іезуиты воспользовались представляющейся возможностью познакомить японцевъ, которые изъ національной гордости относились къ иностранцамъ презрительно, съ благами европейской культуры, а особенно съ величіемъ католической іерархіи и пышностью католическаго богослуженія, дабы болѣе расположить ихъ къ дѣлу христіанской миссіи. И вотъ, по ихъ внушенію, три даиміо областей Бунго, Аримы и Омуры, христіане, вмѣстѣ съ ихъ депутаціей отправили четырехъ принцевъ въ Римъ черезъ Мадритъ, чтобы они поцѣловали туфлю римскаго папы, а также засвидѣтельствовали почтеніе испанскому королю. Принцамъ были вручены письма и подарки для папы. Посольство отправилось въ 1582 г., а возвратилось только въ 1590 г. Путешествіе по Португаліи, Испаніи и Риму носило характеръ тріумфа. Посольство встрѣчали и принимали князья, высшіе церковные сановники и разныя городскія корпораціи. Всюду выражали великую радость о побѣдѣ, которую совершила Церковь на дальнемъ востокѣ. Папы Григорій XIII (скончавшійся въ 1585 г.) и Сикстъ V, а также испанскій король Филиппъ II устроили посольству блистательный пріемъ. Папа Сикстъ V благословилъ пословъ на доброе дѣло и вручилъ имъ письма и подарки князьямъ. Кромѣ того, была назначена значительная денежная субсидія для миссіи, назначенъ епископъ для японскихъ христіанъ и отправлено въ Японію 17 іезуитовъ-священниковъ, въ качествѣ миссіонеровъ. Миссіонерамъ другихъ орденовъ папа запретилъ проповѣдывать въ Японіи наряду съ іезуитами. Но впослѣдствіи времени это запрещеніе было отмѣнено (въ 1608 г., папой Павломъ V), и въ Японію направились массы нищенствующихъ монаховъ—августинцевъ, доминиканцевъ и францисканцевъ [1]).

[1]) *Spillmann* въ Wetzer u. Welte's Kirchenlexikon, B. VI, S. 1240, 1241. *Kalkar*, Geschichte d. christl. Mission, Th. II, S. 92—93. *Kurtz*, Lehrbuch d. Kirchengeschichte, A. 13, B. II, 1899, S. 202. *Rein*, Japan, B. I, S. 312 f.

Между тѣмъ въ исторіи христіанства въ Японіи наступила новая эпоха: правительство воздвигнуло гоненія на христіанъ. Гоненія продолжались съ перерывами около 55 лѣтъ. Это былъ цѣлый рядъ кровавѣйшихъ и печальнѣйшихъ зрѣлищъ, какія совершались когда-либо на аренѣ исторіи Церкви христіанской. Лѣтопись этого времени наполнена выдающимися примѣрами христіанскаго мученичества и исповѣдничества. Причины гоненій были разныя. 1) Христіанство находилось въ противорѣчіи съ японскими языческими обычаями, въ частности—съ принятымъ у нихъ обожествленіемъ правителя. 2) Успѣхи христіанства возбуждали ревность языческой партіи, которая опасалась за цѣлость отечественной религіи. Особенно были возбуждены противъ христіанъ бонзы, опасавшіеся паденія ихъ культа и потери своихъ привиллегій. Князьямъ, оказывавшимъ покровительство христіанамъ, они угрожали государственными войнами, возмущеніями, бунтами, разореніемъ, голодомъ и пожарами. Бога христіанъ они называли буйнымъ и мятежнымъ, ведущимъ войну со всѣми другими богами и не терпящимъ совмѣстниковъ. 3) Возникло подозрѣніе, которое укрѣплялось все болѣе и болѣе, что конечной цѣлью ревностнаго христіанизированія страны является завоеваніе ея испанцами и португальцами или обращеніе въ папскую провинцію. 4) Миссіонеры не мало дискредитировали христіанство въ глазахъ японцевъ. У нищенствующихъ монаховъ, принадлежащихъ къ разнымъ орденамъ (августинскому, доминиканскому и францисканскому), на почвѣ соперничества происходили ссоры между собою и съ іезуитами, и они стали отлучать другъ друга отъ Церкви. Многіе изъ іезуитовъ, которые въ первыя времена были достойными духовными пастырями, теперь жили въ роскоши и отличались высокомѣріемъ. Японцы говаривали: „христіане имѣютъ двухъ боговъ: богатаго, живущаго пышно и въ радостяхъ, это—богъ іезуитовъ, и неимущаго, голоднаго и бѣднаго, которому поклоняются монахи [1]). А главное—іезуиты принесли съ собою духъ инквизиціи и пользовались мѣрами грубаго насилія. Такъ, они преслѣдовали буддійскихъ бонзъ, подстрекали новообращенныхъ къ поруганію туземныхъ боговъ, уничтоженію языческихъ идоловъ, сожженію старыхъ часовенъ. По ихъ же наущенію, принявшіе христіанство князья принуждали своихъ подданныхъ къ принятію христіанства, подвергали изгнанію или даже предавали смерти бонзъ. 5) Не мало позорили христіанство также европейцы, прибывшіе въ Японію съ коммерческими цѣлями. Испанцы, португальцы, голландцы и ан-

---

1) *Kalkar*, Geschichte d. christl. Mission, Th. II, S. 95, 96.

гличане наживали огромныя богатства на счетъ туземцевъ, къ которымъ потомъ относились съ высокомѣріемъ и надменностью. Сами иностранцы находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ между собою. Враждебно соперничали между собою католическіе испанцы и португальцы; противъ тѣхъ и другихъ интриговали сообща протестантскіе голландцы и англичане. Страна, открытая европейцамъ для производства торговли, сдѣлалась мѣстомъ нравственныхъ отбросовъ изъ всѣхъ странъ Европы, и это отребье, беззастѣнчиво и безстыдно торгуя японскими рабами, бросало невыгодную тѣнь на христіанство всѣхъ вѣроисповѣданій.

Гоненія на христіанъ начались при преемникѣ Нобунаги Гидейоси, или Таикосамѣ, въ 1587 г. Поводомъ къ нимъ послужилъ отказъ португальскаго капитана войти съ своимъ большимъ кораблемъ въ мелководную бухту, какъ хотѣлъ этого Таикосама, а также отказъ христіанскихъ женъ и дѣвъ пожертвовать для него своею честью, согласно языческому обычаю, когда онъ находился въ почти совершенно христіанскихъ областяхъ Кіу-сіу. Сочтя себя оскорбленнымъ, согунъ тотчасъ-же (въ ночь съ 24 на 25 іюля 1587 г.) издалъ декретъ объ изгнаніи изъ страны христіанскихъ миссіонеровъ (іезуитовъ) въ теченіе 20 дней. Когда ему доложили, что за это время не отойдетъ ни одинъ корабль, онъ приказалъ, чтобы миссіонеры удалились на о. Гирадо и тамъ дожидались отхода корабля, давши имъ полгода срока. Миссіонеры собрались на указанный островъ, но не двинулись оттуда дальше и попрежнему, хотя скрыто и переодѣвшись, занимались пропагандой и совершали богослуженіе, будучи убѣждены, что обстоятельства измѣнятся къ лучшему. По приказанію Таикосамы, были разрушены христіанскіе храмы въ Міако, Сакаи, Осакѣ. Князь области Бунго Константинъ, принявшій уже крещеніе, началъ преслѣдовать своихъ подданныхъ изъ христіанъ (вскорѣ, однако, онъ снова обратился въ христіанство); двое изъ нихъ претерпѣли мученическую кончину. Самъ Таикосама не опредѣлялъ христіанамъ смертной казни и пользовался услугами христіанскихъ князей. Возможно, что все снова вошло-бы въ свою колею, но случились нѣкоторыя обстоятельства, которыя еще ухудшили положеніе христіанства. Въ 1593 году четыре испанскихъ францисканца, пришедшіе въ Японію вмѣстѣ съ посломъ отъ губернатора Филиппинскихъ острововъ, которые Таикосама хотѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ, не смотря на запрещеніе послѣдняго проповѣдывать христіанство, открыто выступили на проповѣдь въ своихъ одеждахъ и смущали умы запальчивостью рѣчи и возбужденіемъ раздоровъ.

За ними послѣдовали монахи другихъ орденовъ, которые даже построили церкви, одну въ Кіото и одну въ Осакѣ. Въ 1596 г. капитанъ одного испанскаго судна, которое штормомъ было выброшено на берегъ о. Сикоку, чтобы спасти его грузъ, который, по японскому береговому праву, принадлежалъ японскому императору, позволилъ себѣ чрезмѣрно выхвалять могущество испанскаго короля и угрожать Японіи присоединеніемъ ея къ владѣніямъ послѣдняго. На вопросъ японцевъ: „какъ это король Испаніи пріобрѣлъ для себя столь обширныя владѣнія во всемъ свѣтѣ?“—онъ далъ такой отвѣтъ: „король, мой властелинъ, посылалъ во всѣ страны множество монаховъ (religieux), чтобы они проповѣдывали св. Евангеліе иностраннымъ націямъ, а послѣ того какъ они обращали значительное количество язычниковъ, онъ посылалъ свои войска, чтобы они, присоединившись къ новообращеннымъ христіанамъ, покоряли царей и становились хозяевами (maîtres) ихъ страны“[1]). Озлобленный на христіанъ, Танкосама въ 1597 г. приговорилъ къ смертной казни 6 испанскихъ францисканцевъ, 3 португальскихъ іезуитовъ и 17 туземныхъ христіанъ, которые были распяты на крестѣ въ Нагасаки, послѣ предварительныхъ истязаній [2]). Въ слѣдующемъ году онъ съ помощью солдатъ разрушилъ 137 церквей и домовъ, принадлежавшихъ миссіонерамъ.

Несмотря на гоненія, христіанство распространялось все болѣе и болѣе. Такъ, въ одномъ 1589 г. въ области Аримѣ на о. Кіу-сіу крестилось 11,500 язычниковъ. Такими-же массами обращались японцы и въ прочихъ провинціяхъ Кіу-сіу. Мужество христіанъ, пострадавшихъ въ Нагасаки, вызвало многочисленныя обращенія.

По смерти Танкосамы (Гидейоси), послѣдовавшей въ 1598 г., для христіанства наступили самыя тяжелыя времена. Званіе согуна сдѣлалось потомственнымъ достояніемъ дома Токугава, который въ свою политическую программу внесъ истребленіе христіанства. Дѣйствуя по этой праграммѣ, три первые согуна Іиейасу, Гидетада и Іиемитсу почти совершенно уничтожили христіанство въ странѣ.

Іиейасу, или Даифу-сама (1598—1605 г.г.)[3]) на первыхъ

---

[1]) *Crasset*, Histoire de l'Église du Japon, v. II, p. 24 (*Kalkar*, Geschichte d. christ. Mission, S. 96, Anmerk.).

[2]) Этихъ мучениковъ папа Урбанъ VIII въ 1627 г. объявилъ блаженными, а папа Пій IX въ 1862 г. призналъ святыми.

[3]) Надобно замѣтить, что согунъ Іиейасу хотя передалъ должность своему сыну Гидетадѣ въ 1605 г., оставался душею правленія до 1616 г. (годъ смерти)

порахъ, по политическимъ разсчетамъ, желая получить поддержку отъ христіанскихъ князей для упроченія своего положенія, не предпринималъ ничего противъ христіанства и даже дѣйствовалъ отчасти въ его пользу. Онъ не требовалъ исполненія прежде изданныхъ эдиктовъ противъ христіанъ, дозволилъ возстановить нѣсколько разрушенныхъ ранѣе церквей и даже издавалъ эдикты (въ 1601 г.) въ пользу христіанъ и миссіонеровъ. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, миссіонеры усердствовали въ распространеніи христіанства. Въ 1599 г. отъ Февраля до Октября крестилось около 40,000 язычниковъ, въ 1600 г. обратилось свыше 50,000 человѣкъ и построено 50 церквей. Около 1610 г. насчитывалось до 750,000 христіанъ. Въ странѣ снова появились семинаріи, больницы, воспитательные дома. Впрочемъ, и въ это раннее время правленія Іейасу въ нѣкоторыхъ провинціяхъ христіане подвергались гоненіямъ и пыткамъ, при чемъ было не мало случаевъ отпаденія отъ вѣры. Такъ, въ 1599 г. въ Гирадо болѣе 600 христіанъ подверглись изгнанію; въ 1603 г. въ Гиго 6 христіанъ (въ числѣ ихъ 7-лѣтній мальчикъ) потерпѣли мученичество; въ 1608 г. въ Сатсумѣ миссіонеры изъ доминиканцевъ приняли кровавое крещеніе; въ 1609 г. въ Гиго и Гирадо нѣсколько человѣкъ скончались мученически. Особенно много претерпѣли христіане въ Аримѣ, отъ князя Михаила, который отрекся отъ христіанства и изгналъ свою жену-христіанку, чтобы жениться на племянницѣ Іейасу, дочери Гидетады. Онъ началъ возстановлять язычество всякими способами. Такъ какъ большинство его подданныхъ оставались вѣрными Христу, то онъ подвергалъ ихъ лишеніямъ, преслѣдованіямъ и пыткамъ. Многіе изъ нихъ были преданы мучительной смерти и цѣлыя тысячи были сосланы въ рудокопни на острова Садо. Послѣдніе своею стойкостью въ вѣрѣ обратили ко Христу губернатора этихъ острововъ Окубо Нагайасу.

Съ теченіемъ времени Іейасу, достаточно упрочивъ свое положеніе, сбросилъ политическую маску и выступилъ открыто противъ христіанъ. Надобно замѣтить, что его нерасположенность къ христіанству постепенно усиливали сами-же христіане, торговцы и миссіонеры. Такъ, въ 1600 г., когда одинъ голландскій корабль разбился у береговъ Японіи, португальскіе купцы, будучи приглашены въ качествѣ переводчиковъ, объявили претерпѣвшихъ крушеніе пиратами и употребляли всѣ усилія на то, чтобы ихъ соперники по части торговли и господства въ азіатскихъ водахъ были изгнаны изъ Японіи. Высадившіеся голландцы, съ своей стороны, старались навлечь

подозрѣніе на португальцевъ и особенно миссіонеровъ. Послѣ 1608 г., когда папа Павелъ V далъ право проповѣдывать въ Японіи всемъ орденамъ, здѣсь снова появились испанскіе монахи изъ Манилы и начали проповѣдывать христіанство, не смотря на запрещеніе Іiейасу (въ 1606 г.). Голландцы и англичане, получивши позволеніе открыть факторіи въ Японіи, первые—въ 1609 г., вторые—въ 1613 г., начали интриговать противъ португальцевъ и испанцевъ частью по коммерческимъ соображеніямъ, частью по конфессіональной враждѣ (мы должны помнить, что у протестантскихъ голландцевъ и англичанъ еще живо было воспоминаніе объ отпаденіи Нидерландовъ и пораженіи армады, и для этихъ ревнивцевъ католикъ казался опаснѣе язычника). Все это сильно возбуждало Іiейасу противъ христіанъ. И вотъ, онъ издалъ одинъ за другимъ три эдикта противъ нихъ. Въ 1612 г. было запрещено принятіе христіанства, въ 1613 г. приказано было изготовить списки христіанъ, въ 1614 г. велѣно было изгнать христіанскихъ миссіонеровъ, разрушить всѣ церкви, возвратить христіанъ къ язычеству. Вслѣдствіе этихъ указовъ, было разрушено много христіанскихъ храмовъ и даже жилищъ миссіонеровъ; миссіонеры были посажены на корабли и отправлены въ Манилу; многіе изъ христіанъ были замучены, хотя въ эдиктахъ и не говорилось о преданіи смертной казни. Въ 1615 г. произошло одно событіе, послѣ котораго положеніе христіанства стало еще болѣе тяжелымъ. Это—война между Гидейори, сыномъ Таикосамы (или Гидейоси), и Гидетадой, сыномъ Іiейасу (или Даифу-самы), окончившаяся пораженіемъ Гидейори. Такъ какъ въ войскахъ послѣдняго было много христіанъ, то Іiейасу жестоко отомстилъ измѣнникамъ, приказавъ убивать побѣжденныхъ тысячами.

Гидетада, сдѣлавшійся самостоятельнымъ съ 1616 г. и остававшійся согуномъ до 1623 г., возобновилъ и усилилъ эдикты о преслѣдованіи всѣхъ христіанъ. Описанія іезуитовъ наполнены подробностями относительно разнообразнѣйшихъ мукъ, которымъ подвергали христіанъ, и необыкновеннаго героизма, съ какимъ переносили они страданія. Повѣствованія другихъ лицъ подтверждаютъ описанія іезуитовъ, которые иногда допускаютъ преувеличенія и утрировку. Одинъ европеецъ (Cocks), посѣтившій Японію въ 1619 г., пишетъ объ этомъ слѣдующее: „христіане претерпѣвали такія-же разнообразныя муки и смерть, какія переносили вѣрующіе въ первыя гоненія христіанской эры. Ихъ стойкость была такъ велика, что скорѣе враги уставали опредѣлять наказанія, чѣмъ

тѣ выносить дѣйствія ихъ гнѣва. Очень немногіе отреклись отъ своей вѣры. Мерзѣйшія формы, въ которыхъ являлась смерть (вслѣдствіе изобрѣтательности ихъ враговъ), не могли привести ихъ въ уныніе, равно всѣ ужасы торжественной экзекуціи не могли сломить силы духа, съ какой, казалось, они проходили чрезъ свои страданія. Они даже дѣтей своихъ дѣлали мучениками вмѣстѣ съ собой и несли ихъ на рукахъ на костры, предпочитая лучше отдать ихъ пламени, чѣмъ оставить бонзамъ, чтобы они были воспитаны въ язычествѣ. Всѣ храмы, какіе уцѣлѣли послѣ послѣдняго гоненія, были сломаны и разрушены и на развалинахъ ихъ были воздвигнуты языческія капища" [1]).

Не смотря на гоненія, христіанство все-таки распространялось. Такъ, даже въ 1622 г., когда преслѣдованіе достигло высшей точки, миссіонеры крестили 2000 японцевъ. Язычники изумлялись мужеству христіанъ и принимали ихъ вѣру.

Сынъ и преемникъ Гидетады Іемитсу (1623—1651 г.г.) еще болѣе усилилъ эдикты о преслѣдованіи христіанъ.

Первые удары были направлены противъ христіанъ-иноземцевъ, особенно миссіонеровъ. Іемитсу изгналъ изъ Японіи всѣхъ испанцевъ и португальцевъ, запретилъ ношеніе иностранной одежды (а въ японской одеждѣ миссіонеры тотчасъ были узнаваемы), запретилъ христіанамъ плаваніе на судахъ, вслѣдствіе чего многочисленные рыболовы, обитавшіе по берегамъ и на островахъ, были лишены средствъ пропитанія, а миссіонеры потеряли возможность проникать въ тѣ или другія мѣста на рыбачьихъ лодкахъ, установилъ строгій надзоръ за прибывающими въ страну кораблями, съ предостереженіемъ, что въ случаѣ нахожденія на кораблѣ миссіонеровъ, послѣдніе вмѣстѣ съ кораблемъ будутъ сожигаемы, а грузъ будетъ конфискуемъ. Голландцы и англичане предложили свои услуги —быть ревностными береговыми караульщиками и доносчиками. Даже испанская администрація въ Манилѣ и Макао, боясь потерять безвозвратно право торговли съ Японіей, препятствовала путешествіямъ миссіонеровъ или, по крайней мѣрѣ, затрудняла эти путешествія. Впослѣдствіи времени всѣмъ иностранцамъ, за исключеніемъ китайцевъ, строжайше было запрещено вступать въ Японію. Миссіонеры подверглись безпощадному гоненію. Иногда иностраннымъ миссіонерамъ, желавшимъ пополнить рѣдѣющіе ряды своихъ коллегъ, удавалось проникнуть въ Японію, но, благодаря шпіонству, они были открываемы и умерщвляемы. Такъ постепенно уменьшалось

[1]) *Rein*, Japan, B. I, S. 354

число проповѣдниковъ Евангелія, и въ началѣ 40-хъ годовъ погибли послѣдніе насадители христіанства.

Противъ туземныхъ христіанъ Іиемитсу поднялъ цѣлый рядъ кровавыхъ гоненій, еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ гоненія прежняго времени. Не ограничиваясь обыкновенными способами умерщвленія: повѣшеніемъ, распятіемъ, обезглавленіемъ и проч., христіанъ сбрасывали внизъ съ крутыхъ высотъ, предавали голодной смерти при лежащей на глазахъ пищѣ, отдавали на растерзаніе быкамъ, завязывали въ сплетенные изъ соломы дорожные мѣшки, которые сваливали одинъ на другой и поджигали посредствомъ костровъ, ввергали въ горячіе сѣрные источники вулканической горы Унгенъ (вблизи Нагасаки). Ненависть враговъ изобрѣтала и многія другія мученія и пытки. Такъ, христіанъ били бамбуковыми палками, заставляли ихъ стоять на колѣняхъ на горячихъ угольяхъ, выжигали имъ на лбу и на щекахъ имя Христа, искалѣчавали пальцы, усѣкали уши, опаляли ноздри, распиливали пилой, сожигали дѣтей на глазахъ матерей или женъ въ присутствіи мужей. Нѣкоторые изъ христіанъ не выдерживали пытокъ и отрекались отъ Христа, громадное же большинство мужественно переносили страданія и умирали за вѣру. Тысячи христіанъ бѣжали въ Китай, Формозу и Филиппины. Многіе изъ нихъ искали убѣжища въ старинномъ необитаемомъ замкѣ княжества Аримы (на полуостровѣ Симабарѣ) и на сосѣднихъ съ Кіу-Сіу островахъ. Эти бѣглецы, соединившись, подняли въ 1637 году вооруженное возстаніе противъ князя Аримы, сильно притѣснявшаго христіанъ. Возстаніе имѣло характеръ религіозной войны: христіане выступили подъ знаменемъ креста. Согунъ выслалъ противъ нихъ войска, и они понесли пораженіе. Побѣдители жестоко отомстили мятежникамъ: всѣ они, въ количествѣ 35,000 человѣкъ, были умерщвлены.

Этимъ послѣднимъ избіеніемъ христіанъ въ Японіи, совершившимся въ 1638 г., почти былъ положенъ конецъ церкви японской. Въ ближайшіе годы 1639—1643 были умерщвлены послѣдніе миссіонеры, которые еще оставались въ странѣ или пытались проникнуть въ нее. Христіанство казалось почти совершенно искорененнымъ въ странѣ [1]).

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій Японія оставалась закрытой для европейцевъ, за исключеніемъ однихъ

[1]) *Spillmann* въ Wetzer u. Welte's Kirchenlexikon, B. VI, S. 1243—1255. *Grundemann* въ Herzog-Hauck's Realencyklopädie, B. XIII (1903), S. 118. *Kalkar*, Geschichte d. christ. Mission, Th. II, S. 93—97. *Kurtz*, Lehrbuch d. Kirchengeschichte, B. II, S. 324. *Rein*, Japan, B. I, S. 334 f., 347 f., 358 f.

голландцевъ, которымъ было дано право посѣщать страну и производить торговлю. Голландцы-кальвинисты не такъ строго относились къ исповѣданію своей вѣры и потому, при крайней меркантильности, согласились на самыя позорныя ограниченія въ этомъ отношеніи. Имъ было запрещено вести лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, праздновать воскресный день, совершать богослуженіе даже на собственныхъ судахъ, хоронить покойниковъ на японской землѣ и проч. Въ 1640 г. португальцы сдѣлали попытку завязать съ Японіей торговыя сношенія, но попытка окончилась полной неудачей: члены посольства были преданы смерти. На берегахъ страны были поставлены караульные посты, которые должны были подавать сигналъ, въ случаѣ, если-бы по близости показались европейскіе корабли. Императоръ объявилъ: „если-бы даже самъ богъ христіанъ пришелъ въ Японію, онъ долженъ умереть!"

Не смотря на такія препятствія и даже опасность для жизни, нѣкоторые миссіонеры все-таки проникали въ Японію. Такъ, въ 1709 г. сюда пробрался изъ Манилы нѣкто Сидотти; въ 1749 г. сюда проникли 3 іезуита (одинъ изъ нихъ десять лѣтъ служилъ поваромъ на голландскомъ кораблѣ, и только послѣ этого ему удалось высадиться въ Японіи). О судьбѣ этихъ неустрашимыхъ проповѣдниковъ Евангелія нѣтъ никакихъ извѣстій.

Остававшіеся въ Японіи христіане изъ туземцевъ жили подъ постояннымъ страхомъ смерти. Были назначены особые чиновники (такъ называемые Kirishitan Bugio), на обязанности которыхъ лежало отыскивать и истреблять христіанъ. За открытіе и указаніе иноземныхъ священниковъ и туземныхъ христіанъ была назначена особая плата. Съ 1666 года была введена особая церемонія испытанія заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ христіанству, состоявшая въ томъ, что таковыхъ заставляли попирать ногами изображенія Христа и Богоматери. Во всей странѣ на видныхъ мѣстахъ были выставлены указы противъ христіанъ съ страшнѣйшими проклятіями ихъ „гнусной секты" и „преступнаго Бога" [1]).

Новая, болѣе благопріятная эпоха наступила для христіанства въ Японіи въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія, когда Японія была принуждена американцами и европейцами, въ силу особыхъ трактатовъ, открыть свои порты для производства торговли съ иноземными націями (съ 1854 г.). Въ 1859 г. правительство вынуждено было дать иностранцамъ свободу

[1]) *Spillmann* въ Wetzer u. Welte's Kirchenlexikon, B. VI, S. 1256. *Kalkar*, Geschichte d. christ. Mission, Th. II, S. 97.

вѣроисповѣданія. Могущественные князья и согуны сильно и долго противились открытію дверей иностранцамъ. Только въ 1868—1869 г.г. правительству микадо удалось уничтожить званіе согуна и сломить силу даиміосъ, вслѣдствіе чего его власть и права были значительно расширены. Если и прежде уже правительство пользовалось каждымъ удобнымъ случаемъ позаимствовать и усвоить европейскую культуру, то теперь, послѣ низверженія дворянства и согуната, не встрѣчая оппозиціи, оно съ жадностью принялось за европеизированіе страны, —введеніе европейскихъ: календаря, костюмовъ, школъ, милиціи, почтъ, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и проч. Съ открытіемъ Японіей дверей для иностранной культуры, снова появились въ ней христіанскіе миссіонеры и выступили съ проповѣдью Евангелія. Однако, прежніе эдикты противъ христіанъ оставались въ силѣ, и потому ихъ попрежнему подвергали преслѣдованіямъ. Такъ, въ 1867 г. согунъ Таикунъ, желая принудить христіанъ одной общины къ отпаденію отъ вѣры, однихъ изъ нихъ (60 человѣкъ) подвергъ тюремному заключенію, другихъ (свыше 200) осудилъ на подневольную работу. Въ 1868 году микадо (Муцугито) вызвалъ къ суду 120 христіанъ, отцовъ семействъ; 114 изъ нихъ были отправлены въ ссылку, одинъ подвергнутъ истязанію. Протестъ европейскихъ посланниковъ остался безъ послѣдствій. Въ 1870 г. гоненіе достигло высшей степени; около 4000 христіанъ были подвергнуты заключенію. На этотъ разъ европейскіе консулы вмѣшались въ дѣло настолько энергично, что правительство было вынуждено освободить многихъ изъ заключенныхъ. Только въ 1873 г. древніе эдикты были отмѣнены императорскимъ указомъ. А въ 1884 г. изданъ былъ микадо эдиктъ, по которому синтоизмъ и буддизмъ лишались всѣхъ преимуществъ государственной религіи, и вводилась полная свобода вѣроисповѣданія. Эти два указа улучшили положеніе христіанства, которое начало распространяться съ бóльшимъ успѣхомъ. Значительное вліяніе на распространеніе христіанства въ это время оказывало то обстоятельство, что японцы, съ жаромъ принявшіеся за усвоеніе европейской культуры, смотрѣли на принятіе христіанства, какъ на актъ прогрессивнаго движенія. Быстрое распространеніе христіанства среди японцевъ вызвало у нѣкоторыхъ энтузіастовъ надежду на христіанизированіе Японіи до конца XIX вѣка. Но въ концѣ 80-хъ годовъ началась реакція противъ христіанства. Главными причинами ея были слѣдующія: 1) распространеніе въ странѣ западнаго невѣрія и богословскаго раціонализма; 2) пренебре-

жительное отношеніе молодого поколѣнія къ отечественнымъ вѣрованіямъ, вызванное развившимся въ немъ либерализмомъ; 3) ревнивые японскіе патріоты считали христіанство несовмѣстимымъ съ любовью къ родинѣ. Движеніе противъ христіанства продолжалось до послѣднихъ лѣтъ и было причиной уменьшенія числа обращеній [1]).

Въ обозрѣваемое время въ Японіи дѣйствовали не только католическіе миссіонеры, но также протестантскіе и православные.

Римскій папа еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ (истекшаго столѣтія) прилагалъ не мало стараній къ тому, чтобы апостолическій викарій Кореи (въ Кореѣ викаріатъ былъ учрежденъ въ 1832 г.) имѣлъ мѣстопребываніе на островахъ Ліу-Кіу, принадлежавшихъ Японіи, и имѣлъ попеченіе о всѣхъ христіанахъ, находившихся въ Японіи. Но всѣ попытки его окончились неудачей. Только въ 1854 г. папѣ удалось открыть въ Японіи апостолическій викаріатъ. Была вновь возстановлена (въ Хакодате) католическая миссія, которая была подчинена парижской миссіонерской Семинаріи. Явившись въ Японію, католическіе миссіонеры нашли и подняли ту нить, которая насильно была порвана болѣе 200 лѣтъ тому назадъ. Скоро они открыли остатки христіанскихъ общинъ и снова вывели ихъ на свѣтъ Божій. По ихъ показанію, число христіанъ во всей Японіи доходило тогда до 200 тысячъ; но это показаніе, надо полагать, весьма и весьма не точно: очень сомнительно, чтобы число христіанъ въ это время было такъ велико. Возможно, что въ показанное число включены тѣ тысячи японскихъ христіанъ, которые во время гоненій бѣжали въ Китай, Формозу и Филиппины. Въ 1873 году, по отмѣнѣ древнихъ эдиктовъ противъ христіанъ, была открыта въ Нагасаки Семинарія. Это было началомъ спокойнаго развитія новой миссіи. Постепенно были открыты въ разныхъ мѣстахъ архіепископія (въ Токіо) и три викаріатства (въ Хакодате, Нагасаки и Осака). Изъ отчета миссіи за 1901 г. видно, что въ это время было $55^1/_2$ тысячъ католиковъ, 86 миссіонерскихъ становъ, 147 миссіонеровъ (изъ нихъ 115 европейцевъ и 32 японца), большей частью—священниковъ, 36 школъ съ 2,826 учащимися (между ними 2,041 дѣвочка), 23 сировоспитательныхъ дома съ 1497 воспитывавшимися въ нихъ [2]).

[1]) *Spillmann* въ Wetzer и Welte's Kirchenlexikon, B. VI, S. S. 1257, 1258. *Kurtz*, Lehrbuch d. Kirchengeschichte, B. II, S. 91. *Warneck* въ Herzog-Hauck's Realencyklopädie, A. 3., B. 13 (1903), S.S. 164, 165. Ср. *Rein*, Japan, B. I, S.S. 357, 393 и сл., 414, 415.

[2]) *Spillmann* въ Wetzer u. Welte's Kirchenlexikon, B. VI, S.S. 1257, 1258, 1259. *Grundemann* въ Herzog-Hauck's Realencyklopädie, B. 13, S. 118.

Протестантскіе миссіонеры появились въ Японіи съ 1859 г. Сначала здѣсь дѣйствовали только американцы, потомъ появились англичане, наконецъ, выступили нѣмцы. Первые миссіонеры получили право жительства въ Японіи только какъ учителя англійскаго языка; послѣдующіе миссіонеры имѣли возможность дѣйствовать здѣсь болѣе свободно. Результаты миссіи на первыхъ порахъ были очень незначительны: въ 1872 г. была всего одна христіанская община (въ Іокогамѣ), состоявшая изъ 11 членовъ. Съ 1873 г., послѣ отмѣны антихристіанскихъ эдиктовъ, число протестантовъ начало увеличиваться въ значительной степени. Въ 1876 г. была открыта въ Кіото высшая школа, число учениковъ которой увеличивалось все болѣе и болѣе. Появилось свыше 30 обществъ и ферейновъ, благодаря которымъ дѣятельность миссіи приняла широкіе размѣры. Между прочимъ здѣсь работаетъ (съ 1885 г.) германскій „евангелико-протестантскій миссіонерскій ферейнъ“, распространяя чрезъ отдѣльныхъ германскихъ богослововъ либеральное протестантское образованіе. Изъ отчета миссіи за 1901 г. видно, что въ это время было 85½ тысячъ протестантовъ, 145 миссіонерскихъ становъ, 237 европейскихъ миссіонеровъ, 297 туземныхъ пасторовъ, 104 школы съ 7,000 слишкомъ учащихся (между ними 851 дѣвочка) [1]).

Православіе начало распространяться въ Японіи съ конца 50-хъ годовъ, послѣ того какъ графомъ Путятинымъ, въ силу заключеннаго имъ съ японскимъ правительствомъ торговаго трактата, были открыты для Россіи Іокогама и Нагасаки. Православная миссія была основана въ 1870 г. нынѣшнимъ главою ея, епископомъ Николаемъ (Касаткинымъ), достойнѣйшимъ, знаменитымъ миссіонеромъ, который посвятилъ всего себя дѣлу просвѣщенія языческой Японіи. По окончаніи курса въ С.-Петербургской Духовной Академіи, онъ, принявъ монашество, въ 1860 г. отправился въ Японію въ качествѣ священника русскаго консульства въ Нагасаки и съ тѣхъ поръ живетъ въ Японіи до настоящаго времени. Чтобы обезпечить успѣхъ миссіи, онъ сразу-же принялся за изученіе японскаго языка (въ которомъ теперь, послѣ 45-лѣтняго пребыванія въ Японіи, достигъ высшаго совершенства и справедливо считается однимъ изъ величайшихъ знатоковъ его). Въ срединѣ 60-хъ годовъ іеромонахъ, позднѣе архимандритъ Николай началъ проповѣдывать туземцамъ христіанство. Долгое время миссіонерство подвигалось очень медленно, такъ какъ въ те-

[1]) *Warneck* въ Herzog-Hauck's Realecyklopädie, B. 13, S. 118, 164, 165.

ченіе многихъ лѣтъ онъ былъ единственнымъ русскимъ проповѣдникомъ и не располагалъ необходимыми матеріальными средствами. Мало-по-малу, по мѣрѣ возрастанія числа новообращенныхъ, стала увеличиваться помощь и поддержка со стороны Россіи, откуда начали поступать добровольныя пожертвованія и начали присылать подготовленныхъ миссіонеровъ. Нѣкоторые изъ крещенныхъ японцевъ получали въ Россіи богословское образованіе и затѣмъ выступали на родинѣ въ качествѣ миссіонеровъ. Съ увеличеніемъ числа миссіонеровъ, повсюду стали возникать небольшія православныя общины, появились церкви и школы, такъ что въ 1882 г. Св. Синодъ русской церкви нашелъ необходимымъ открыть въ Японіи епископскую каѳедру, на которую былъ назначенъ архимандритъ Николай. Вмѣстѣ съ тѣмъ Св. Синодъ и Православное Миссіонерское Общество значительно увеличили матеріальную помощь для миссіи. Въ продолженіе слѣдующихъ немногихъ лѣтъ епископъ Николай на добровольныя пожертвованія изъ Россіи выстроилъ величественный соборъ въ Токіо и около него нѣсколько домовъ, въ которыхъ помѣщаются: Духовная Семинарія, Женское Училище, Миссіонерское Управленіе, типографія, а также жилища для епископа и его сотрудниковъ.

Православная церковь въ Японіи совершенно національна и почти независима. Клиръ состоитъ почти исключительно изъ крещенныхъ японцевъ. Богослуженіе совершается всюду на японскомъ языкѣ. Преподаваніе предметовъ въ школахъ ведется на языкѣ страны. Повременныя изданія миссіи выходятъ также на японскомъ языкѣ. Отъ русской церкви церковь японская зависима только въ лицѣ своего епископа, который назначается русскимъ Св. Синодомъ и ежегодно представляетъ послѣднему отчетъ о состояніи церкви. Установился обычай ежегодно въ праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла созывать соборъ, на которомъ разсматриваются и обсуждаются нужды церкви, разныя предложенія и представленія собору, разнаго рода прошенія (напр.: священниковъ—о перемѣщеніяхъ съ одного мѣста на другое, церквей—о распредѣленіи проповѣдниковъ), а также прочитывается отчетъ о состояніи церкви въ минувшемъ году. По отчету, читанному на соборѣ въ текущемъ 1904 году, состояніе японской церкви представляется въ слѣдующемъ видѣ. Къ началу текущаго года число православныхъ достигало 28,230 человѣкъ, входящихъ въ составъ 260 церковныхъ общинъ, священнослужителей было 39 человѣкъ, изъ которыхъ трое—глава церкви и начальникъ миссіи преосвященный Николай, настоятель посольской церкви

въ Токіо протоіерей Сергѣй Глѣбовъ и состоящій въ должности псаломщика означенной церкви и учитель церковнаго пѣнія Д. Львовскій—русскіе, а остальные—28 священниковъ и 8 діаконовъ—японцы; кромѣ того, въ миссіи было 12 японцевъ причетниковъ—учителей церковнаго пѣнія и 146 японцевъ-проповѣдниковъ. Въ теченіе года было крещено 1,036 душъ. Учебныхъ заведеній миссіи 4: въ Токіо—катехизаторское училище съ 16 учениками, Семинарія съ 70 учениками и женское училище съ 81 ученицей (учащихъ во всѣхъ этихъ училищахъ было 28 человѣкъ, въ томъ числѣ 4 съ академическимъ образованіемъ и 2 изъ окончившихъ курсъ Семинаріи) и въ Кіото—женское училище съ 24 ученицами (при 3-хъ учительницахъ и 2-хъ учителяхъ). При женскомъ училищѣ въ Токіо есть иконописная мастерская, которая снабжаетъ иконами православные японскіе храмы. Въ ней работаютъ двѣ иконописицы—японки, прошедшія курсъ рисованія, живописи и иконописанія въ русскомъ женскомъ монастырѣ. Миссія имѣетъ „Общество переводчиковъ религіозныхъ книгъ", которое состоитъ изъ 9 лицъ и издаетъ частью переводы разныхъ книгъ: богослужебныхъ, молитвенныхъ, церковно-историческихъ, религіозно-нравственныхъ и др., а частью оригинальныя произведенія: религіозно-философскія, нравоучительныя, гомилетическія, догматическія и друг. Миссія издаетъ три журнала: двухнедѣльный „Сейкео Симпо" (Православный Вѣстникъ), съ оффиціальнымъ отдѣломъ миссіи, ежемѣсячный „Уранисики" (Скромность), преимущественно для женскаго чтенія (издается при женскомъ училищѣ въ Токіо), и ежемѣсячный-же „Сейкео Еова" (Православная Бесѣда), въ которомъ преимущественно помѣщаются проповѣди какъ оригинальныя, такъ и переводныя. Редакторами этихъ журналовъ состоятъ члены Общества переводчиковъ. Учителями Семинаріи издавался еще миссіонерскій журналъ „Синкай" (Духовное Море) который пришлось прекратить по недостатку подписчиковъ. Все содержаніе миссіи обходится нынѣ въ 60,000 рублей, изъ которыхъ 34,000 отпускается ей Св. Синодомъ и 26,000 — Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ [1]).

Дѣятельность православной миссіи въ послѣдніе годы нѣсколько парализовалась враждебностью японцевъ къ русскимъ, развившейся послѣ недавней японо-китайской войны.

---

[1]) *Е. Смирновъ* (протоіерей). Очеркъ историческаго развитія и современнаго состоянія русской православной миссіи, С.П.Б. 1904 г., стр. 88—91. Прибавленіе къ Церк. Вѣдомостямъ, 1904 г. № 16, стр. 592 и сл.

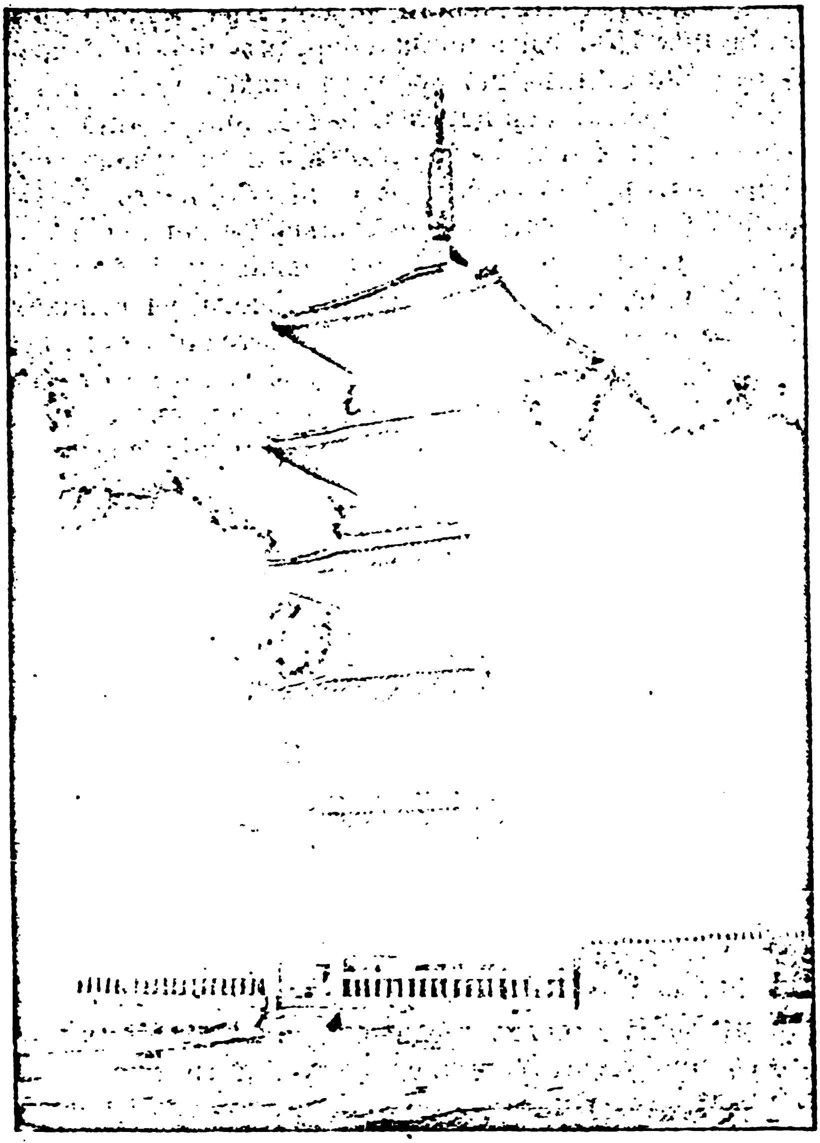
Къ числу препятствій, задерживающихъ развитіе нашей миссіи, нужно отнести еще недостатокъ матеріальныхъ средствъ, не позволяющій обставить миссію хорошо съ внѣшней стороны, и недостатокъ миссіонеровъ изъ русскихъ, чувствительно отзывающійся на дѣятельности миссіи. При скудости средствъ, миссія, напримѣръ, едва могла соорудить простой деревянный храмъ въ Кіото, гдѣ между тѣмъ находятся великолѣпные храмы—католическій, епископальный и конгрегаціоналистскій. Ужъ много лѣтъ наша миссія ждетъ и не получаетъ опытнаго миссіонера изъ русскихъ, который могъ-бы нести обязанности благочиннаго и возможно чаще посѣщать церкви и одушевлять церковнослужащихъ; настоятельная нужда въ такомъ человѣкѣ для поднятія проповѣди отмѣчена участниками собора текущаго года [1]). Между тѣмъ католическая и протестантская миссіи располагаютъ цѣлымъ штатомъ отлично подготовленныхъ и хорошо дисциплинированныхъ миссіонеровъ, въ распоряженіи которыхъ вдобавокъ большія средства.

Что сказать о будущемъ христіанства въ Японіи? Мы не имѣемъ *твердыхъ* данныхъ, чтобы высказать по этому вопросу *категорическое* сужденіе. Поэтому, позволяемъ себѣ сдѣлать лишь нѣкоторыя предположенія. Три обстоятельства позволяютъ намъ смотрѣть въ будущее съ хорошими надеждами: это—религіозный индифферентизмъ японскаго народа, широкое распространеніе въ Японіи европейской культуры и предоставленная правительствомъ полная свобода вѣроисповѣданія. При религіозномъ индифферентизмѣ японцевъ, христіанство не будетъ встрѣчать сильнаго противодѣйствія къ своему распространенію, какое оно могло-бы встрѣтить при религіозномъ фанатизмѣ, а какъ возвышеннѣйшая и истинная изъ религій, исполненная оживляющихъ, бодрящихъ обѣтованій, въ противоположность мертвящему, безотрадному буддизму, оно будетъ пробуждать японцевъ отъ религіознаго сна. Многоразличныя культурныя связи японцевъ съ европейцами-христіанами будутъ открывать множество путей къ проникновенію христіанства. А при предоставленной свободѣ вѣроисповѣданія миссіонеры будутъ дѣйствовать безъ всякаго страха, съ большей свободой и, конечно, съ большими успѣхами. Одинъ англійскій журналъ, занимающійся вопросами внутренней и внѣшней миссіи, даетъ такое предсказаніе: „исторія малень-

---

[1]) Прибавленіе къ Церковнымъ Вѣдомостямъ, 1904 г., № 16, стр. 593.

кой христіанской общины въ Японіи даетъ поводъ надѣяться, что со временемъ христіанство обниметъ всю націю". Дай то Богъ!



Пагода въ Никко.
(Японская древняя святыня).

Настоящая русско-японская война вызываетъ опасеніе за положеніе православія въ Японіи. Глава церкви японской преосвященный Николай въ началѣ войны увѣдомилъ Совѣтъ

Православнаго Миссіонерскаго Общества, что японское правительство обѣщало ему и миссіи покровительство и охрану [1]). А въ письмѣ къ одному изъ частныхъ лицъ онъ сообщаетъ: „японское правительство принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы настоящая война не сочтена была за борьбу между язычествомъ и христіанствомъ и не имѣла никакого отношенія къ религіи; поэтому, разослано всюду по странѣ предписаніе, чтобы православнымъ христіанамъ, имѣющимъ нѣкоторое отношеніе къ Россіи, не были причиняемы никакія безпокойства" [2]). Однако, изъ того-же письма видно, что положеніе православныхъ христіанъ не вполнѣ безопасно: „кое-гдѣ, говорится въ немъ, отъ фанатиковъ возникли нѣкоторыя стѣсненія для христіанъ". О соборѣ, бывшемъ въ концѣ іюня и началѣ іюля, сообщается, что онъ состоялъ изъ однихъ священниковъ, потому что, вслѣдствіе обстоятельствъ военнаго времени, оказалось неудобнымъ всѣмъ служащимъ Церкви оставлять свои посты, а миссіи имѣть у себя значительное собраніе [3]). Одна нѣмецкая газета высказываетъ опасеніе, какъ-бы чернь не разрушила величественнаго православнаго храма въ Токіо, который, благодаря высокому мѣстоположенію, господствуетъ почти надъ всей столицей и съ куполовъ котораго можно смотрѣть въ императорскіе сады, а это, по японскимъ понятіямъ, равносильно постоянному „оскорбленію величества". Надо полагать, что послѣ настоящей войны, которая, безъ сомнѣнія, окончится пораженіемъ японцевъ, послѣдніе будутъ относиться къ русскимъ еще съ большей враждебностью, чѣмъ послѣ войны японо-китайской, а при такихъ отношеніяхъ православіе будетъ находиться въ невыгодномъ положеніи. По словамъ преосвященнаго Николая, уже и теперь миссія дѣйствуетъ съ весьма скуднымъ успѣхомъ. Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что союзъ Японіи съ Англіей поведетъ къ усиленію въ Японіи протестантизма.

Профессоръ Э. Бродовичъ.

---

1) Прибавленіе къ Церковнымъ Вѣдомостямъ, 1904 г., № 24, стр. 896.
2) Ibidem., 1904 г., № 35, стр. 1355.
3) Ibidem, 1904 г., № 39, стр. 1581.

Иванъ Грозный и Россія его времени въ освѣщеніи польскаго ученаго.

(**Waliszewski.** Ivan le Terrible. Les origines de la Russie moderne. Paris 1904, 4-me edition).

Въ началѣ этого года вышло въ свѣтъ уже 4-е изданіе книги Валишевскаго объ Иванѣ Грозномъ и современной ему эпохѣ. Авторъ уже раньше зарекомендовалъ себя солиднымъ и вдумчивымъ изслѣдователемъ по исторіи Россіи 18 столѣтія. Ему принадлежатъ прекрасныя, обставленныя серьезнымъ научнымъ аппаратомъ работы о Екатеринѣ II, Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ Великомъ. Восходя постепенно съ конца 18 столѣтія къ его началу, Валишевскій пришелъ наконецъ къ заключенію, что безъ изученія царскаго періода русской исторіи (16 и 17 столѣтія) невозможно вполнѣ установить преемственной исторической связи этой эпохи съ исторіей Россіи 18 вѣка. По словамъ автора, Россія Петра Великаго и Екатерины II „является уже вооруженной съ ногъ до головы всякими успѣхами матеріальными или нравственными, реализованными въ то время или позднѣе". Но у русскихъ государей 18 столѣтія были свои предшественники, первые цари изъ династіи Романовыхъ, а еще раньше ихъ—Иванъ Грозный. Парируя возможный упрекъ, почему авторъ не переходилъ отъ древнихъ временъ къ новымъ, Валишевскій считаетъ болѣе удобнымъ для пользы дѣла слѣдовать методу, выработанному въ анатоміи—восходить отъ болѣе сложныхъ явленій къ менѣе сложнымъ.

Какъ же авторъ отнесся къ эпохѣ Ивана Грознаго? Уже въ предисловіи онъ заявляетъ, что уподоблять Ивана IV Нерону и Калигулѣ значитъ поддерживать старинное заблужденіе, попавшее не только въ легенду, но и въ историческую критику. Нѣмцы доселѣ колеблются, называть ли его der Schreckliche или der Grausame, но оба эпитета одинаково ложны, Москвитяне того времени называли этого царя Грознымъ, т. е. „уважаемымъ и достойнымъ уваженія". При воспоминаніи о безпощадномъ истребленіи человѣческихъ жизней

при Иванѣ IV авторъ спрашиваетъ: можетъ ли любая страна западной Европы XVI вѣка показать хоть одну идиллическую страницу своей исторіи? Сквозь мрачную картину безпощадной жестокости царя авторъ видитъ первые проблески восходящаго надъ страной „краснаго солнышка", которое, правда, „озаряетъ зловѣщій пейзажъ", но предвѣщаетъ зарю свѣтлаго будущаго.

Для лучшаго уразумѣнія правительственной дѣятельности и психологіи „центральной фигуры" XVI в. Валишевскій предпослалъ своему обширному труду (въ 533 страницы) первыя 4 главы (157 стр.), посвященныя географическому, политическому, соціальному, нравственному и умственному состоянію Россіи въ XVI в. Нужно отдать честь автору: онъ взялся быть по возможности объективнымъ апологетомъ Ивана Грознаго, вооружившись блестящей эрудиціей, всестороннимъ изученіемъ подлинныхъ источниковъ и научныхъ историческихъ изслѣдованій; мало того, Валишевскій обладаетъ даромъ слова, способностью сжато, ясно и картинно изображать предметъ, легко вводить читателя въ самый курсъ дѣла.

Желая по возможности обстоятельнѣе описать внутреннее состояніе московскаго государства при вступленіи на престолъ Ивана Грознаго, авторъ задаетъ вопросъ: въ какомъ положеніи засталъ этотъ царь современную ему Россію? Для уясненія разныхъ явленій русской исторіи того времени Валишевскій неоднократно прибѣгаетъ къ сравненіямъ, предпринимая экскурсіи въ исторію западной Европы XVI вѣка.

Прежде всего онъ констатируетъ, что при вступленіи на престолъ Иванъ IV наслѣдовалъ обширныя земли, но въ нихъ не было внутренняго единства и гармоніи; вокругъ центральнаго ядра—Москвы группировались разныя области, въ которыхъ были еще очень сильны пережитки удѣльно-вѣчевыхъ традицій. Самую главную и важную часть этой обширной и слабо заселенной территоріи составляли недавно присоединенные Новгородъ и Псковъ, гдѣ собственно и сосредоточивалась вся промышленность и торговля страны.

Правительство, постоянно нуждаясь въ военномъ элементѣ, всегда отдавало ему предпочтеніе передъ торговопромышленнымъ классомъ. Самой характерной чертой соціальнаго строя Россіи XVI вѣка было полное отсутствіе западно-европейскаго феодализма, рыцарства и свѣтской власти у духовенства. Кромѣ послѣдней группы населенія правительство признавало лишь 2 большихъ категоріи жителей,—„служилыхъ и неслужилыхъ". Первые—„это солдаты, помогавшіе князю собирать русскую

землю, неслужилые—это рабочіе, мастеровые, поденщики, которые содержатъ армію во время похода (стр. 11). Правда, служилые люди высшаго званія пользовались нѣкоторыми преимуществами, занимали высшія должности, владѣли землей, на судѣ ихъ показаніе имѣло больше силы, а за оскорбленіе они имѣли право получать тройное, по сравненію съ простымъ дьякомъ вознагражденіе, но подобная оцѣнка чести не создавала никакого соціальнаго различія (стр. 11). По одеждѣ, образу жизни и пищѣ огромное большинство служилыхъ едва отличалось отъ простыхъ крестьянъ; случалось, что ихъ матеріальное положеніе было даже хуже (стр. 19). Все время помѣщика принадлежало государю, который распоряжался имъ по произволу съ дѣтства до глубокой старости (стр. 20).

Посвятивъ сельскому населенію особую главу, Валишевскій прежде всего оттѣняетъ на первый разъ непонятное явленіе русской исторіи, что крѣпостное право въ Россіи начинаетъ слагаться лишь со вступленіемъ московскаго государства въ сношенія съ западной Европой (стр. 22). По его убѣжденію, закрѣпощеніе крестьянства нельзя было произвести сразу однимъ правительственнымъ указомъ. „Оно было продуктомъ времени и извѣстныхъ политическихъ и экономическихъ условій, пережитыхъ страной (стр. 29). Сославшись на Кавелина (Собр. соч. I, 630), Валишевскій вмѣстѣ съ нимъ признаетъ крѣпостное право „естественнымъ, логическимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всей организаціи страны". Тяжелыя войны XVI вѣка дорого обошлись земледѣльческому классу населенія: „для того, чтобы раздать помѣстья служилымъ людямъ землю отбирали у крестьянъ, а для вознагражденія иностранныхъ мастеровъ облагали налогами помѣщиковъ, которые будучи обременены, прижимали своихъ арендаторовъ" (стр. 30—31). „Въ первые годы XVI вѣка бѣгство сельскаго населенія, бросавшаго распаханную землю, настолько увеличилось что приняло характеръ національнаго бѣдствія" (стр. 32). Намъ кажется, что авторъ впадаетъ здѣсь въ ошибку, пріурочивая это послѣднее явленіе къ началу XVI вѣка, тогда какъ оно приняло грозный характеръ лишь въ концѣ столѣтія, явившись результатомъ опричнины Ивана IV.

Коснувшись состоянія торговопромышленнаго класса, Валишевскій отмѣчаетъ крупную разницу между западной Европой и Россіей XVI вѣка. „На Западѣ успѣхи торговли и промышленности вызвали организацію горожанъ въ корпораціи, которыя, отстаивая свои права, вступали въ борьбу съ феодализмомъ. Въ нѣдрахъ этихъ корпорацій, во взаимныхъ от-

ношеніяхъ ихъ членовъ выработался тотъ духъ свободы, который привелъ къ созданію автономныхъ общинъ; здѣсь же развилась та матеріальная и умственная дѣятельность, изъ которой выработались всѣ высшія формы экономической и культурной жизни—ростъ капитала, установленіе кредита, наука, искусства, общественность" (стр. 33). Въ Россіи хотя горожане и занимались торговлей и промыслами, но не умѣли создать корпоративнаго единства и отстоять свою самостоятельность; правительство же московское само подрывало торговлю и промыслы, изобрѣтая новыя пошлины, сборы и монаполіи. „Невѣжественный и всѣми обираемый русскій купецъ смотрѣлъ на торговлю какъ на войну, во время которой не только позволительно, но даже необходимо прибѣгать ко всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ" (стр. 76).

Подобно прочимъ группамъ населенія русское духовенство XVI вѣка, несмотря на значительныя матеріальныя средства и богатые доходы со своихъ земельныхъ угодій, совершенно подчинялось высшему представителю свѣтской власти. Печальная участь митрополита Филиппа, пытавшагося противиться произволу Ивана Грознаго, заставила умолкнуть всякій протестъ. Главу о духовенствѣ Валишевскій заканчиваетъ словами: „церковь вмѣстѣ со всей страной погрузилась во мракъ и безмолвіе" (стр. 46).

Коснувшись вкратцѣ центральнаго и областнаго управленія страной, которое сводилось въ XVI вѣкѣ къ „кормленію" и крайне обременяло населеніе, Валишевскій переходитъ къ обозрѣнію экономическаго состоянія московской Руси XVI в. Приведя цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ по этому поводу, извлеченныхъ изъ записокъ иностранцевъ и русскихъ актовъ, Валишевскій приходитъ къ грустному выводу, что „въ XVI в. богатство, даже извѣстный достатокъ составляли исключительное явленіе", „самая рѣдкость денегъ была признакомъ всеобщей бѣдности". Кромѣ монастырей и Строгановыхъ „все остальное населеніе было кругомъ въ долгахъ, а самые бѣдные уплачивали процентъ за долгъ своимъ трудомъ, который былъ такимъ образомъ потерянъ для общей экономіи и образованія общаго богатства" (стр. 81). Неудивительно, что и бюджетъ страны находился въ жалкомъ состояніи, хотя Иванъ Грозный взималъ съ своего населенія въ 4 раза больше, чѣмъ англійскій король Генрихъ VIII со своихъ подданныхъ (стр. 83).

Во главѣ объ интеллектуальной жизни Московіи XVI в. Валишевскій высказываетъ мнѣніе, что монголовъ, владычествовавшихъ надъ Россіей 2½ вѣка, никоимъ образомъ нельзя

считать главными виновниками ея умственнаго застоя. „Я раздѣлялъ, говоритъ авторъ, долгое время этотъ общераспространенный ошибочный взглядъ и откровенно признаюсь въ этомъ; все повидимому подтверждаетъ это, тѣмъ болѣе, что исторія этого нашествія покрыта мракомъ. Но меня поразилъ совершенно противоположный взглядъ, высказанный однимъ изъ іерарховъ русской церкви". Валишевскій, такимъ образомъ, раздѣляетъ мнѣніе митрополита Макарія, что эти азіаты нисколько не мѣшали духовенству (въ нѣдрахъ котораго сосредоточивалась умственная жизнь страны), въ особенности въ монастыряхъ, заниматься наукой. Но русскіе *повидимому* еще не чувствовали въ то время ни малѣйшей потребности въ болѣе высокомъ образованіи. Идя по стопамъ предковъ, они довольствовались возможностью свободно читать и понимать священное писаніе". Далѣе, Валишевскій придерживается мнѣнія, высказаннаго Каэномъ (*Leon Cahin*, Introduction à l'histoire de l'Asie, Turcs et Mongols, 1896), что подданные Батыя далеко не были такіе варвары, какъ обыкновенно думаютъ, что они не были такими безцѣльными разрушителями русской культуры, какъ принято считать, что они „встрѣтили на своемъ пути однѣ развалины, нашли государство, уже пришедшее въ упадокъ, жившее совершенно обособленно отъ Европы, въ полной политической и умственной отъ нея отчужденности" (стр. 86). По вопросу о томъ, что наше древнерусское просвѣщеніе, даже въ домонгольскій періодъ, не шло дальше грамотности, объ этомъ послѣ трудовъ Голубинскаго и Пыпина не можетъ быть и спора. Но по вопросу о степени вліянія монгольскаго ига на умственное состояніе Россіи XIII—XVI вѣковъ заявленіе Валишевскаго, будто татары не вносили „потока азіатскаго варварства, погубившаго элементы европейской культуры" страдаетъ крупными натяжками. Каэнъ, на котораго сослался Валишевскій, въ основу своего труда положилъ предвзятую идею, будто монгольскіе завоеватели XVI вѣка были образованные властители, мечтавшіе уже въ то время осуществить идею панмонголизма; разныя азіатскія народности вслѣдствіе своего невѣжества не могли оцѣнить по достоинству величіе ихъ замысловъ и вздумали оказывать сопротивленіе. Вообще въ книгѣ Каэна не мало курьезовъ, невольно заставляющихъ усумниться въ истинѣ его доводовъ. Достаточно одного примѣра. Извѣстно, что великій князь Ярославъ Всеволодовичъ, отецъ Александра Невскаго, долженъ былъ первымъ идти на поклонъ къ Батыю, который помимо другихъ униженій заставилъ его тащиться въ далекій Каракорумъ для

выраженія почтительной преданности великому хану. Каэнъ утверждаетъ, что Батый изъ уваженія къ русскому князю послалъ его туда въ качествѣ своего представителя. Извѣстно, что въ Монголіи Ярослава Всеволодовича такъ хорошо приняли и угостили, что онъ отъ угощенія ханши весь посинѣлъ и Богу душу отдалъ. Едва ли кому пріятно выполнять такое представительство въ чисто азіатскомъ духѣ!

Стараясь представить монгольскихъ властителей чуть ли не благодѣтелями порабощенной ими Руси, Валишевскій зато обрушивается на Византію, считая ее причиной умственнаго отчужденія Россіи отъ западной Европы. „Изъ состоянія первобытной дикости и невѣжества, въ коемъ находилась Россія до введенія христіанства, она перешла непосредственно подъ иго суровой и не менѣе дикой морали, изгонявшей во всѣхъ областяхъ свободу знаній, изслѣдованія и даже жизни. Всѣ жизненныя силы, коимъ человѣчество обязано своимъ облагороженіемъ, были осуждены и прокляты. Свободная наука проклята, какъ очагъ ереси и невѣрія, свобода изслѣдованія проклята какъ источникъ порчи; была проклята самая жизнь съ ея радостями, весельемъ и мірскими удовольствіями, какъ элементъ соблазна“ (стр. 92). Такимъ образомъ выходитъ, что болѣе близкое монгольское иго дѣйствовало на Русь благодѣтельнѣе, чѣмъ далекая сравнительно Византія. Авторъ забываетъ, что въ средніе вѣка—до крестовыхъ походовъ—западная Европа придерживалась такого же аскетизма и такъ же враждебно относилась къ наукѣ. Лишь благодаря гуманизму западная Европа воспрянула духомъ. Въ Россіи же не могло быть такого духовнаго расцвѣта именно благодаря монгольскому игу, а не вліянію Византіи. Тяжкое азіатское владычество на много лѣтъ убило у русскихъ всякую энергію, предпріимчивость и пытливость.

Перейдя къ вопросу о состояніи искусствъ въ описываемое время, Валишевскій не признаетъ въ произведеніяхъ русскаго искусства никакого самобытнаго творчества; повсюду онъ видитъ лишь подражательность и величайшую скудость, скорѣе даже „полное отсутствіе мотивовъ, заимствованныхъ изъ жизни и окружающей природы“ (стр. 108); все, что русскіе заимствовали изъ Индіи, Персіи, Византіи и зап. Европы, они нерѣдко искажали и давали плохія копіи. Все же авторъ признаетъ, что Россія, очутившаяся на перепутьи изъ Азіи въ Европу, какъ бы превратилась въ лабораторію, гдѣ встрѣчались и сочетались разныя теченія въ искусствѣ, чтобы образовать форму промежуточную между міромъ восточнымъ и

западнымъ (стр. 109). Авторъ сознается, что ему жаль огорчать своихъ русскихъ друзей, но такіе авторитеты XIX вѣка, какъ Чаадаевъ и Герценъ свидѣтельствуютъ, что у русскихъ нѣтъ ни національнаго искусства, ни литературы, ни науки (стр. 115). Весьма прискорбно, что Валишевскій, сославшись на своихъ авторитетовъ, которые смотрѣли на русскую исторію и жизнь подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, взялъ на себя роль обличителя художественныхъ вкусовъ русскаго народа.

Несмотря на крайнее обособленіе древней Россіи отъ западной Европы все же къ намъ отъ времени до времени проникали либеральныя теченія. Такъ въ XIV вѣкѣ возникаетъ ересь стригольниковъ, явившаяся слѣдствіемъ нарождающагося раціонализма въ вопросахъ вѣры. Распространеніе этой секты съ одной стороны освѣтило страшный упадокъ нравовъ современнаго духовенства, съ другой невольно заставило его оглянуться на себя и позаботиться о реформированіи церкви. Валишевскій довольно подробно останавливается на борьбѣ двухъ культурныхъ направленій XVI вѣка—строго консервативнаго „іосифлянскаго" и болѣе идеальнаго вѣянія „заволжскихъ старцевъ".

Въ главѣ о народной нравственности Валишевскій отмѣчаетъ цѣлый рядъ пороковъ—коварство, жестокость, наклонность къ обманамъ, при чемъ обѣляя всячески татаръ, онъ опять винитъ въ этомъ прежде всего Византію (стр. 131 сл.): въ XVI вѣкѣ, говоритъ онъ, подъ внѣшнимъ слоемъ монгольскаго вліянія на нравы Московіи оказывалъ болѣе сильное вліяніе болѣе близкій Востокъ—византійскій. Въ это самое время византійское вліяніе вызываетъ рѣзкую реакцію. Физическая и нравственная природа русскаго человѣка, изнывавшая подъ тяжелой и суровой формулой аскетизма, желая освободиться отъ этихъ цѣпей, по инерціи ударялась въ другую крайность, предаваясь грубымъ инстинктамъ, чудовищному разврату и пороку. Къ сожалѣнію, Валишевскій забываетъ, что и въ средніе вѣка на Западѣ крайнее развитіе аскетизма тоже привело въ концѣ концовъ къ полной разнузданности, хотя Византія вліяла на Западъ слабѣе, чѣмъ на Россію. Автору хотѣлось бы, чтобы Московія XVI вѣка походила на западную Европу по образованію и утонченности нравовъ. „Дѣла чести, говоритъ онъ, рѣшались въ то время кулакомъ или палкой, а не шпагой; этого достаточно, чтобы указать, какъ дико и первобытно было русское общество, какъ оно было далеко отъ утонченныхъ формъ элегантной жизни на Западѣ. Въ Московіи ничто не напоминало французскихъ и

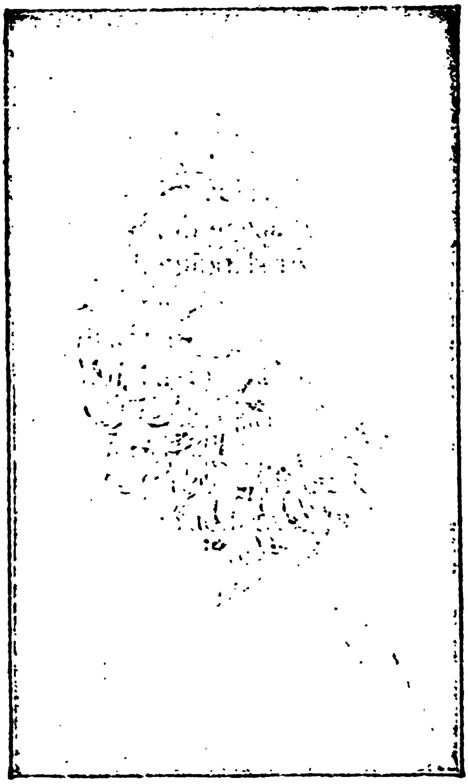
итальянскихъ дворцовъ, гдѣ въ то время игры и танцы смѣнялись бесѣдой, гдѣ гости, умѣвшие разсказать пріятный анекдотъ или употребить острое словцо, были желанными, гдѣ любовь поэтизировалась" (стр. 156).

„Сказаннаго вполнѣ достаточно, говоритъ Валишевскій, заканчивая свое обширное введеніе, чтобы читатель составилъ себѣ понятіе о пропасти, отдѣлявшей Московію отъ западной Европы въ тотъ моментъ, когда первая готовилась войти въ соприкосновеніе съ сосѣдними цивилизованными странами, и чтобы читатель уяснилъ себѣ дальнѣйшій разсказъ объ этой эволюціи" (стр. 157).

Самымъ важнымъ дѣломъ Ивана Грознаго было завершеніе политической эволюціи, благодаря которой Россія разсталась съ пережитками удѣльновѣчевой системы и превратилась въ страну самодержавную. Для осуществленія своей завѣтной мечты Иванъ IV прибѣгъ къ учрежденію опричнины, съ сущностью которой Валишевскій знакомитъ читателя на основаніи послѣднихъ изслѣдованій Платонова. Послѣднюю главу своего обширнаго и интереснаго изслѣдованія авторъ посвящаетъ нравственной оцѣнкѣ своего героя, его характера и темперамента. Разбирая вопросъ о жестокости царя, Валишевскій прибѣгаетъ къ сравненію съ его современниками и приходитъ къ убѣжденію, что жестокость была въ духѣ того времени: въ годъ погрома Новгорода во Франціи случилась Варѳоломеевская ночь, въ Нидерландахъ свирѣпствовалъ Альба.

Мы сдѣлали подробный пересказъ наиболѣе интересной части труда Валишевскаго и приходимъ къ заключенію, что весьма желательно было бы видѣть это сочиненіе въ русскомъ переводѣ.

А. Маляренко.



Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

Памяти Сергѣя Михайловича Соловьева.

† 4-го октября 1879 года [1]).

25 лѣтъ тому назадъ скончался въ Москвѣ С. М. Соловьевъ, знаменитый ученый, который 34 года своей жизни посвятилъ наукѣ отечественной исторіи и создалъ у насъ новую историческую школу, замѣчательный учитель нѣсколькихъ поколѣній и глубоко вѣрующій сынъ православной церкви. По случаю исполнившагося 25-лѣтія со дня кончины такого выдающагося ученаго дѣятеля, нашъ долгъ вспомнить о важнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни и главныхъ ученыхъ заслугахъ.

Жизнь С. М. Соловьева не богата внѣшними событіями: серьезные ученые вообще, а историки въ особенности своего рода затворники. Соловьевъ, сынъ московскаго священника, родился въ 1820 г., учился въ I московской гимназіи и здѣсь

[1]) Сообщеніе, прочитанное въ Варшавскомъ Русскомъ Кружкѣ 11-го октября.

уже выдавался необыкновенной любовью къ отечественной исторіи, зачитываясь Карамзинымъ; по окончаніи въ 1842 г. курса въ московскомъ университетѣ, дополнялъ свое образованіе въ теченіе двухъ лѣтъ за границей; долгое время состоялъ послѣ Погодина профессоромъ московскаго университета и два 3-лѣтія былъ его ректоромъ; преподавалъ русскую исторію нѣсколькимъ членамъ царствующаго дома, а во главѣ ихъ тогдашнему Наслѣднику престола, впослѣдствіи Императору Александру III. Первый ученый трудъ Соловьева „Отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ" вышелъ въ 1845 г., а черезъ два года появился второй—„Исторія взаимныхъ отношеній князей Рюрикова дома". Оба эти труда произвели въ свое время огромное впечатлѣніе и на молодежь, и на ученыхъ, какъ первая увлекательно талантливая попытка „провести", по словамъ Бестужева-Рюмина, „руководящую нить черезъ всю русскую исторію, уяснить возникновеніе государственнаго начала". Что это за нить, сказано ниже. Затѣмъ съ 1851 г. стала выходить „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ". До 1879 г. вышло 28 томовъ ея, а послѣдній 29-й подготовлялся къ печати. Покойный историкъ диктовалъ его, лежа на смертномъ одрѣ. Громадный трудъ оборвался на исторіи Пугачевскаго бунта. Ни одному изъ предшественниковъ Соловьева на историческомъ поприщѣ, если не считать составителей учебниковъ, не удалось довести отечественной исторіи до этихъ временъ, и въ одномъ этомъ уже заключается огромная заслуга покойнаго, но онъ кромѣ того внесъ въ науку русской исторіи много новаго и живого, обогатилъ ее какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.

Извѣстно, что „Исторія Государства Россійскаго", по громадной массѣ собраннаго Карамзинымъ матеріала и художественной обработкѣ его, была капитальнѣйшимъ вкладомъ въ науку и составила въ ней эпоху, обезсмертивъ историка. Благодаря главнымъ образомъ этому вкладу, у насъ стало вполнѣ возможнымъ разрабатывать отечественную исторію на тѣхъ новыхъ основаніяхъ, которыя указаны были наукѣ исторіи въ Европѣ учеными изслѣдованіями по исторіи и философіи права у Гегеля и Савиньи. Эти изслѣдованія говорили, что „каждый народъ есть живой, цѣльный организмъ, различныя стороны котораго не распадаются на безсвязныя или только механически между собой соединенныя части, а всѣ вытекаютъ изъ единой народной жизни" (Соч. Кавелина, I изд. II, 456) Ясно отсюда, что и исторія каждаго народа должна представлять собой не сборникъ разсказовъ о замѣчательныхъ

событіяхъ, какимъ она была до сихъ поръ и въ Европѣ, и у насъ, а живой и цѣльный организмъ. На этотъ новый путь и вывелъ нашу исторію С. М. Соловьевъ. Въ началѣ предисловія къ „Исторіи Россіи“ говоря о своемъ отношеніи къ обязанностямъ историка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно ясно указываетъ, чего не доставало въ историческихъ трудахъ его предшественниковъ: „Не дѣлить, не дробить надобно русскую исторію на отдѣльные періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи“; надобно „стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ прежде, чѣмъ его выдѣлить изъ общей связи событій“. Въ жизни нашего народа Соловьевъ указываетъ два начала, взаимодѣйствіе которыхъ даетъ внутренній смыслъ, внутреннее, выработанное органически самой русской жизнью основаніе всѣхъ событій русской исторіи, объединяющее всѣ отдѣльныя части послѣдней въ одно живое цѣлое. Первое начало заключается въ родовыхъ отношеніяхъ и общемъ землевладѣніи, постоянномъ ихъ спутникѣ, которыя существовали у славянскихъ племенъ, составившихъ русское государство, и, вслѣдствіе непостоянства и неопредѣленности, возбуждали постоянно и дома, и на вѣчахъ вражду и безпорядки. Родъ возставалъ на родъ, и „правды“, т. е. безпристрастнаго рѣшенія споровъ, „не бысть“, по замѣчанію лѣтописца. Почувствовавъ наконецъ свое безсиліе въ борьбѣ съ такимъ зломъ, нѣсколько племенъ рѣшили, что необходимо найти „силу, которая внесла бы къ нимъ миръ, нарядъ, найти правительство, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго, однимъ словомъ третьяго судью, а такимъ могъ быть только князь изъ чуждаго рода“. (Ист. Россіи, изд. 1851 г., т. I, стр. 88 и 89). Произошло призваніе князей „нарядниковъ изъ чужа“, это „всероссійское“, необыкновенно важное по своимъ послѣдствіямъ событіе, съ котораго и слѣдуетъ начинать русскую исторію (тамъ-же, стр. 90). Такимъ образомъ изъ родовыхъ отношеній органически развилось второе начало, именно сосредоточеніе власти въ рукахъ одного князя, начало государственное. Отсюда начинается взаимное вліяніе этихъ двухъ началъ, которое проходитъ чрезъ всю нашу исторію. Князья Рюрикова дома очень долго управляли руссκой землей сообща на родовомъ началѣ, и въ этомъ выразилось вліяніе на нихъ родового быта, который въ свою очередь, подъ вліяніемъ сосредоточенія власти, могучей силы христіанства, новыхъ отношеній, основанныхъ

не на произволѣ, не на узкихъ потребностяхъ родства, какъ было прежде, а на законѣ, на болѣе и болѣе расширявшихся потребностяхъ жизни цѣлаго государства, понемногу, послѣ сильной борьбы за свое существованіе, замѣтной еще и въ настоящее время, переходитъ въ гражданскій и государственный. Вотъ въ главныхъ чертахъ та „теорія родового быта", которая надѣлала въ свое время много шуму и произвела большой переворотъ въ нашей исторической наукѣ!

Благодаря глубинѣ основныхъ взглядовъ Соловьева на историческую жизнь нашего отечества, обширному знакомству съ историческимъ матеріаломъ и тщательной его обработкѣ, на многія событія былъ пролитъ новый свѣтъ. Такъ оказалось, что до Андрея Боголюбскаго у нашихъ князей, управлявшихъ землей сообща на родовомъ началѣ, не существовало понятія объ удѣлѣ, какъ объ отдѣльной частной собственности, даже слова „удѣлъ" мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи. Если не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то не могло быть и слова для его выраженія. Когда же на сѣверѣ явилось понятіе о такой собственности, то явился и удѣлъ, до этого же времени мы встрѣчаемъ только слова „волость" и „столъ". Такимъ образомъ выраженія „удѣльный періодъ", „удѣльная система" приводятъ къ совершенно ложному, обратному представленію, выставляя господство удѣла, владѣнія, отдѣльной собственности въ то время, когда господствовали родовыя отношенія при нераздѣльной родовой собственности (Ист. отнош. между русск. князьями; предисл., 1—4). Еще менѣе справедливо названіе „монгольскій періодъ". Это названіе можетъ быть допущено только тогда, когда мы беремъ одну внѣшнюю сторону событій, но, слѣдя за внутреннимъ государственнымъ развитіемъ Россіи, мы не имѣемъ никакого основанія ставить монгольскія отношенія на первомъ планѣ, приписывать азіатской ордѣ такое сильное вліяніе на развитіе европейско-христіанскаго общества (тамъ-же). Правильное развитіе основныхъ началъ нашей жизни, родового и государственнаго, монголами не прервано и не измѣнено, и не монголамъ слѣдуетъ приписывать самое сильное вліяніе на произведеніе тѣхъ явленій, которыми отличается наша исторія, начиная съ XIII вѣка. Новый порядокъ начался гораздо раньше монголовъ и развивался естественно вслѣдствіе причинъ внутреннихъ, при пособіи разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ были и монгольскія отношенія, но не подъ исключительнымъ ихъ вліяніемъ. Собирая такимъ образомъ отдѣльныя части нашей исторіи, пред-

ставлявшіяся прежнимъ историкамъ разрозненными, и возсоздавая живой и цѣльный организмъ ея наукой, Соловьевъ не могъ не остановиться на личности Іоанна IV, который, „со временъ Карамзина", какъ говоритъ Кавелинъ, „сталъ извѣстенъ, какъ страшное исключеніе изъ русской исторіи". Покойный историкъ тщательно, по своему неизмѣнному обычаю, провѣрилъ и сличилъ тѣ, почерпнутыя преимущественно изъ сказаній иностранцевъ свѣдѣнія, благодаря которымъ этотъ государь являлся, по выраженію того же Кавелина, „алкавшимъ крови и жертвъ безъ смысла и причины" (Кавелинъ, сочин. I изд., т. II, стр. 597 и 599). Источникъ оказался весьма ненадежнымъ: иностранцы другъ другу противорѣчатъ, другъ друга опровергаютъ, у всѣхъ видно крайнее пристрастіе, а одинъ называетъ себя очевидцемъ такихъ событій, при которыхъ не только не былъ, но даже и не могъ быть. Оказывается также, что тѣ изъ окружавшихъ Іоанна, которымъ онъ вполнѣ и долго довѣрялъ, мало оправдывали это довѣріе, часто изъ узкихъ своекорыстныхъ разсчетовъ злоупотребляли имъ, оскорбляя Іоанна, какъ государя, человѣка, отца и мужа (Ист. вз. отн. рус. кн., стр. 597—601), что глубоко возмущало эту впечатлительную натуру. Наконецъ, при Іоаннѣ IV происходилъ послѣдній кровавый актъ борьбы стараго родового начала съ государственнымъ, окончившейся полнымъ торжествомъ новаго. И вотъ Іоаннъ, по изслѣдованію Соловьева, является не „страшнымъ исключеніемъ изъ русской исторіи", а „безспорно самымъ даровитымъ государемъ, какого намъ только представляетъ русская исторія до Петра Великаго, самою блестящею личностью изъ всѣхъ Рюриковичей. Но съ необыкновенной ясностью взгляда, ловкостью въ рѣчахъ и поступкахъ, качествами, полученными въ наслѣдство отъ предковъ, въ Іоаннѣ IV было развито въ высшей степени другое, противоположное начало, женственное, чувство: сколько онъ былъ уменъ и проницателенъ, столько же былъ страстенъ, воспріимчивъ, раздражителенъ, способенъ увлекаться, доходить до крайности (тамъ же). Много новаго и живого Соловьевъ внесъ въ науку глубокимъ взглядомъ на смутное время, какъ время борьбы противообщественнаго элемента, бездомовнаго и удалого казачества, съ элементомъ общественнымъ, съ осѣдлымъ населеніемъ мирныхъ собственниковъ сѣвера, борьбы, подготовленной всей предыдущей исторіей сѣверной Руси и южной. Преобразовательная дѣятельность Петра Великаго и его преемниковъ, просвѣтившая наше отечество „познаніемъ" и приведшая затѣмъ къ „самопознанію", представляется впер-

вые у Соловьева прямымъ слѣдствіемъ и продолженіемъ того, что было начато задолго до Петра Великаго. Чрезвычайно остроумно и справедливо Соловьевъ называетъ нашего великаго преобразователя „послѣднимъ и величайшимъ изъ богатырей“, прибавляя при этомъ, что „только христіанство и близость къ нашему времени не дали развиться да и то не совсѣмъ культу этого полубога“.

Въ заключеніе перечня ученыхъ заслугъ Соловьева необходимо прибавить, что наши старинные дипломаты, надъ которыми и теперь еще принято подсмѣиваться, являются у него въ новомъ и правильномъ освѣщеніи. Оказывается, что они принесли большую пользу русской дипломатіи своимъ умѣньемъ дѣйствовать при всевозможныхъ обстоятельствахъ и поддерживать достоинство русскаго имени.

Что бы ни возражали противъ ученыхъ взглядовъ покойнаго историка, какъ бы далеко ни пошло развитіе у насъ науки отечественной исторіи, все же за С. М Соловьевымъ остнется навсегда огромная заслуга необыкновенно талантливаго и трудолюбиваго историка—собирателя отдѣльныхъ частей нашей исторіи въ живое, правильное и стройное цѣлое. По вѣрному замѣчанію Бестужева-Рюмина, съ Соловьевымъ можно не соглашаться, но его нельзя не знать, нельзя не чувствовать его вліянія.

Священный долгъ каждаго изъ насъ знать „земли родной минувшую судьбу, войну и миръ, управу государей, угодниковъ святыя чудеса“. Покойный С. М. Соловьевъ посвятилъ, какъ сказано выше, 34 года наукѣ исторіи родной земли. 34 года правильнаго, непрерывнаго, плодотворнаго труда надъ наукой, которая кромѣ таланта требуетъ огромнаго напряженія ума, массы разнообразныхъ свѣдѣній, необыкновеннаго трудолюбія и терпѣнія, обращая историка въ кабинетное существо не отъ міра сего—это такой великій подвигъ любви къ истинѣ и отечеству, предъ которымъ съ удивленіемъ и благоговѣніемъ слѣдуетъ преклонить голову, что и сдѣлалъ во время похоронъ предъ гробомъ покойнаго отъ лица всей русской земли тогдашній московскій митрополитъ Макарій, самъ извѣстный церковный историкъ.

М. Рождественскій.

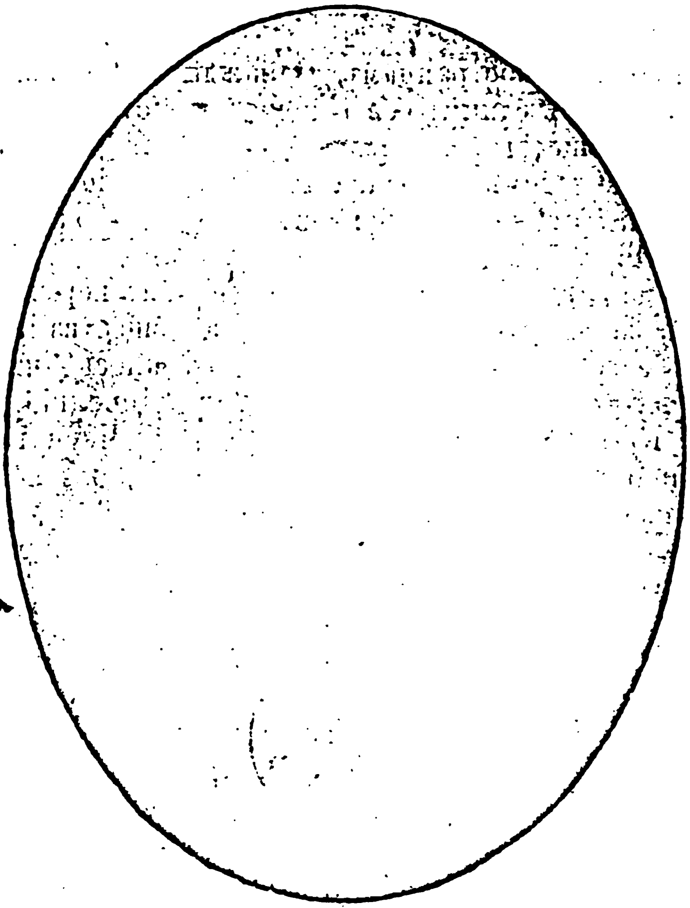
* * *

Не тотъ герой, кто ради славы
Идетъ съ врагомъ въ кровавый бой,
Не тотъ герой, кто лишь забавы
Въ немъ ищетъ мрачною душой,
А тотъ герой, кто посланъ въ битву,
Кто, домъ покинувъ и дѣтей,
Идетъ на смерть. творя молитву
За счастье родины своей...

Такъ мой народъ непобѣдимый
За честь родной своей страны
Идетъ въ тотъ край необозримый,
Гдѣ дышатъ ужасы войны.
И тамъ подъ рокотъ непогоды
Среди заносовъ снѣговыхъ
Онъ, какъ отцы въ былые годы,
Осилитъ недруговъ своихъ...

Какъ страшный сонъ уйдутъ морозы,
Какъ недугъ злой минетъ война...
Невзгоды тяжкія и грозы
Замѣнитъ свѣтлая весна...
Все оживетъ... Весной согрѣта
Россія двинется впередъ...
Но къ золотымъ лучамъ разсвѣта,
Лишь Царь народъ свой поведетъ.

П. Оленичъ-Гнененко.



Художникъ-мыслитель В. В. Верещагинъ.

В. В. Верещагинъ о русскомъ народномъ искусствѣ.

В. В. Верещагинъ былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ людей, которые искренно любятъ свое отечество и нашъ народъ. Какъ художникъ онъ изучилъ народное русское искусство и однажды, въ началѣ 80 годовъ, въ бесѣдѣ со мною познакомилъ меня со своимъ взглядомъ на него. Этими воспоминаніями я и намѣренъ въ данное время подѣлиться съ читателемъ.

Мы, говорилъ мнѣ маститый художникъ, въ послѣдніе годы увлеклись открытіемъ земныхъ богатствъ въ нѣдрахъ своей родины. Но мы забыли, что пользоваться этими богатствами производительно можно только тогда, когда народное творчество не спитъ, а бодрствуетъ. Между тѣмъ, доставая изъ нѣдръ земли неисчерпаемыя богатства въ рудахъ, камняхъ и металлахъ, мы не могли разрабатывать эти богатства сами и потому принуждены были продавать право на производство

этихъ богатствъ иностранцамъ. Однажды мнѣ пришлось говорить объ этомъ съ однимъ бельгійцемъ, представителемъ фирмы анонимнаго общества, купившаго желѣзныя руды Донецкаго бассейна со вкладомъ капитала въ пять милліоновъ рублей.

— Monsieur!—обратился онъ ко мнѣ. Toute la Russie est a vandre!

И въ оправданіе этой фразы онъ началъ перечислять мнѣ всѣ мѣста, законтрактованныя разными обществами для эксплоатаціи естественныхъ богатствъ. Оказалось, что тысячи десятинъ въ екатеринославской губерніи, Донецкій бассейнъ, Кавказъ, Крымъ, курская губернія, берега Чернаго моря,—все скуплено иностранными обществами. И даже когда близъ Владивостока были открыты залежи желѣзной руды, дающей 80% чистаго металла, то японцы предлагали продать имъ право вывоза этой руды въ свое отечество!

И все это произошло отъ того, что мы, хватаясь за новые дары земли русской, пренебрегли и забыли о тѣхъ, какими искони были мы богаты и безъ развитія которыхъ, разработка этихъ, новыхъ, богатствъ становится весьма затруднительною.

Я говорю о русскомъ народномъ искусствѣ.

Искусство—это неисчерпаемое богатство страны и ея народа. Сумѣть разработать этотъ богатый источникъ, значитъ стать крѣпко на ноги среди просвѣщенныхъ своихъ сосѣдей и заставить уважать себя. А мы, имѣя неоцѣнимый даръ нашего народа, и теперь не перестаемъ лѣниво и недовѣрчиво относиться къ нему.

Чтобы понять духъ творчества русскаго народа, надо не разъ побывать въ лѣсахъ и заросляхъ костромской, вологодской, архангельской губерній, на берегахъ великихъ рѣкъ, Волги, Камы, Печеры и Бѣлой, въ пустыняхъ, обителяхъ и монастыряхъ, разсѣянныхъ по темнымъ дебрямъ. Тамъ, среди роскошной и таинственной природы, живетъ искони русскій человѣкъ. Среди непроходимыхъ лѣсовъ, между вѣковыхъ дубовъ и липъ въ три обхвата, у береговъ омутовъ, вѣчно зеркальныхъ и молчаливыхъ какъ могила, въ чащѣ зарослей лещины, вереска, малинника и орѣшины, въ сосѣдствѣ съ берлогою медвѣдя и норой лисицы. Здѣсь, въ этихъ завѣтныхъ уголкахъ, охраняемыхъ самой природой отъ суетного міра, живетъ русскій человѣкъ цѣлыми деревнями и селами, въ сосѣдствѣ съ монастырями и отшельниками, и въ длинные зимніе вечера рѣжетъ рисунки на лубкѣ, плететъ кружева, точитъ деревянную посуду, гнетъ дуги, деретъ лыко и мочалу и создаетъ сказки, легенды и повѣрья, опираясь на природу и на

ея загадочныя явленія, полныя чарующей прелести и страха. Въ этой чащѣ лѣсной, у омутовъ, создавалось русское искусство и жилъ духъ его творчества. Паря въ высь на крыльяхъ фантазіи, онъ то переплывалъ на рыбахъ и лебедяхъ океаны, то на быстромъ конѣ-горбунѣ пробѣгалъ тысячи верстъ. Рускій молодецъ, въ поискахъ красавицы-дѣвицы, преодолѣвалъ всѣ невзгоды и трудности и не разъ „видѣлъ смерть въ глаза". Пытливый дѣтскій умъ, душа, чуткая къ идеямъ добра, тянули русскаго человѣка въ даль, невѣдомую, но полную чего то прекраснаго и благого. Присматриваясь къ природѣ и прислушиваясь къ ея разнообразнымъ звукамъ, человѣкъ слышалъ то ласкающій голосъ матери, то грозный и зычный окликъ владыки-великана...

Шелъ-ли человѣкъ по лѣсу и слышалъ трескъ валежника и бурелома, скрипъ вѣтвей, хохотъ, гдѣ-то въ чащѣ лѣсной, шалуньи-кукушки и ему чудилось, что мохнатый лѣсовикъ собираетъ для себя топливо, что деревья ведутъ рѣчь о зимѣ лютой и о морозѣ сѣдомъ. Богатствомъ, до царской роскоши, въ лѣто красное представляется ему чаща лѣсная, краснѣющая малиной, ежевикой и калиною. Лужайки пестрѣютъ цвѣтами, прогалины—зарослями смородины. Мать-мачиха, синякъ-медовикъ, ромашка-скромница и ландышъ душистый смѣняютъ другъ друга, очаровывая человѣка своею красотой, полной жизни. И умъ старика, видѣвшаго многое въ жизни, и дѣвичья душа, едва разцвѣтшей юности, создавали изъ этихъ картинъ природы что-то таинственное, съ залогомъ думы глубокой, съ загадкой о жизни, гдѣ-то тамъ, далеко, ожидающей человѣка и сулящей ему лучшую жизнь, чѣмъ жизнь на землѣ...

Вотъ человѣкъ стоитъ у берега тихаго и темнаго омута; на зеркальной поверхности озера кружится упавшій съ дерева листъ. То ныряя, то вновь появляясь на поверхности воды, листъ, отягченный водою, тонетъ и исчезаетъ въ бездонной воронкѣ омута... И эта тихая, едва замѣтная сцена борьбы листа съ водоворотомъ, въ дѣвственномъ умѣ лѣсного жителя, рисуетъ картину подводнаго царства, въ которомъ, въ искрометной, серебру подобной одеждѣ, живетъ „водяной царь со своей царевной-лебедкой бѣлоснѣжной. Онъ то и собираетъ листву для постели своей.

Сквозь чащу деревьевъ, вечернею порой, пробилась тѣнь гдѣ-то идущаго человѣка. Легла эта тѣнь на тихое лоно озера. И все длиннѣй и длиннѣй становится она и все тревожнѣй и

страшнѣй дѣлается въ лѣсу человѣку, наблюдающему эту, тайны полную, картину. И въ умѣ его создается образъ великана-богатыря земли русской, который тутъ же, обокъ жилья его, живетъ, но не объявляетъ себя, пока не настанетъ тяжелая година для земли русской. Тогда великанъ-богатырь объявитъ себя и пойдетъ на защиту земли русской...

И вотъ канва для сказки готова.

Среди этихъ лѣсовъ есть женщины, старухи-знахарки, которыя знаютъ не мало сказокъ и преданій. Нѣкоторыя изъ нихъ, обладая даромъ слова и даже духомъ творчества, иногда въ своемъ пересказѣ повторяютъ уже извѣстныя сказки и легенды о богатыряхъ и царевнахъ-красавицахъ, а въ другихъ случаяхъ импровизируютъ новыя сказанія, какъ мнѣ пришлось слышать разсказъ „о Пахомѣ горестномъ и о томъ, какъ его задушила злая баба-яга". Старуха Мокрина—сказочница, въ своемъ пересказѣ, разсказала мнѣ о трехъ царевнахъ, которыхъ Иванушка-дурачекъ нашелъ въ подземномъ царствѣ и вызвалъ ихъ къ людямъ, прося дать имъ „вальготу и утѣшеніе, когда печаль темная, да горе-горинское, на душу человѣка наляжетъ и затуманитъ умъ его сумракомъ темнымъ, а сердце его обдастъ варомъ безсилія". Когда царевны вышли изъ нѣдръ земли и увидали людей, „скорбью повитыхъ, и стало царевнамъ людей земныхъ жаль и начали царевны между собою совѣтъ держать, какъ и чѣмъ помочь людямъ Божіимъ. Я—сказала старшая—научу людей, какъ умомъ-разумомъ раскидывать, чтобы съ горемъ справиться, да съ нуждой не брататься. А я—сказала вторая сестра—вложу въ душу людей радость свѣтлую и покажу имъ красоту чистую и правду Божію. А ужъ я—сказала третья сестра—научу людей въ пѣсняхъ сладостныхъ утолять грусть-тоску свою".

Ужъ не о трехъ ли искусствахъ разсказала мнѣ Мокрина старая?... Все, что окружаетъ русскаго человѣка, лѣсъ-ли, буря-ли, морозъ-молодецъ, цвѣтовъ поляна, омутъ непробудный,—все будитъ въ душѣ его силу творческую и вызываетъ къ жизни идеи, окрыленныя надеждой на хорошее, благое.

Нападаютъ на русскаго человѣка за его наклонность все облекать въ поэтическую форму, всему придавать фантастическіе образы. Но что же, какъ не опоэтизированная идея чего бы то ни было, влечетъ человѣка работать, забывая себя и всѣ

опасности, лишь бы только открыть истину, изобрѣсти, сочинить, изваять или написать кистью, чтобы повѣдать ее міру?

Колумбъ, благодаря этой же опоэтизированной иниціативѣ, ѣдетъ отыскивать Америку. Геніальный Лавуазье, проситъ даровать ему жизнь *только на нѣсколько часовъ*, чтобы окончить изложеніе открытаго имъ закона природы, въ силу котораго, она никогда и ничего не теряетъ. Сократъ за свои идеи разстался съ жизнью, спокойно выпивая чашу съ цикутой. Сусанинъ за идею монархизма не пожалѣлъ ни себя, ни семью свою и погибъ, спасая жизнь всенародно избраннаго носителя царской короны.

А сколько лучшихъ людей земли, во имя той же опоэтизированной идеи, стали смѣлою ногою на эшафотъ и бодро взошли на костеръ?

Когда мы съ увлеченіемъ занимаемся, забывая себя, наукой или искусствомъ, что мы любимъ въ нихъ? Книги, холсты, мраморъ или краски? Конечно нѣтъ! Мы любимъ во всѣхъ этихъ заняіяхъ идею, которую хотимъ осуществить, чтобы подарить ею міръ.

И на это святое чувство любви, которымъ одаренъ и русскій человѣкъ, нападали незванные и не избранные имъ учителя его, не помогая ему развиваться, направить себя на широкій путь къ творчеству, а заволакивали туманомъ разсвѣтъ его жизни. Ему указывали на американцевъ и восхваляли ихъ жгучую дѣятельность. Но что же какъ не опоэтизированное, доведенное до страстности, чувство заставляетъ ихъ погружаться съ головой въ этотъ ужасающій водоворотъ матеріальной жизни? А между тѣмъ, возьмите одного изъ многихъ милліардеровъ, который не пожалѣлъ своихъ милліоновъ и устроилъ университеты, обсерваторіи, больницы и дворцы, и поставьте даръ его рядомъ съ даромъ жизни, которую отдавали люди за истину и за идею, какъ это сдѣлали апостолъ Павелъ или Саванаролла, искавшій Бога и увидѣвшій Его образъ въ огнѣ пылавшаго костра...

Я не противъ стихійной дѣятельности американцевъ и смотрю на эту, подобную несущемуся вихрю, дѣятельность, не скрывая своего изумленія; но я высоко цѣню и тѣхъ, которые всю жизнь свою посвящаютъ идеѣ и, во имя ея, отдаютъ жизнь свою если не костру, то нищетѣ и голоду...

Но возвратимся къ русскому искусству.

Есть не мало предметовъ, обожаемыхъ русскимъ человѣкомъ за ихъ красоту и пригодность. Онъ говоритъ объ этихъ

предметахъ съ глубокимъ уваженіемъ. Возьмемъ хотя бы дерево липу. Русскій человѣкъ, живущій въ лѣсахъ, дерево липу называетъ *„матернымъ деревомъ"*. Объ этомъ деревѣ, въ его творческой душѣ сложилось такое сказаніе:

„Росла липина, древкомъ малымъ да слабымъ. Обижали ее другіе деревья. Глумился надъ липиной кленъ лапчатый; смѣялись надъ нею яворъ и ясень; смотрѣлъ на липину, точно богачъ на бѣдняка, дубъ-великанъ; и даже ветла трухлявая издѣвки чинила надъ липиной-древкомъ молодымъ. И взмолилась липина Царицѣ небесной. Мать Ты—Царица небесная! Дай мнѣ мощь—вырости и силу—подняться до голубого неба и распустить свои вѣтви на всѣ четыре стороны. А я за такой Твой даръ, всю себя до дупла старческаго, до корня лопастаго, отдамъ на пользу людямъ Твоимъ. И разрослось дерево-липина и поднялось до высоты дуба могучаго. Разбросала липина по всѣмъ четыремъ сторонамъ свои вѣтви, точно руки матерниныя, сзывая къ себѣ въ зной полуденный и въ ливень во грозу всѣхъ отъ млада и до стара въ прохладѣ посидѣть и отъ мокроты укрыться. И стало древо стволомъ своимъ въ четыре обхвата мѣрою. А въ старые годы свои открыло древо дупло великое, въ которомъ дѣтишки-семилѣтки по трое прятались".

Такой поэтическій разсказъ о деревѣ-липѣ, я слышалъ среди русскихъ людей, среди жителей чернолѣсья.

Липа вся идетъ на пользу человѣка. Ея цвѣты даютъ ароматный медъ и служатъ цѣлебнымъ средствомъ отъ простуды для крестьянина и дѣтей его. Въ ея дуплахъ, по многу лѣтъ живутъ и роятся медоносныя пчелы. Изъ ея лыка плетутъ лапти; изъ ея мочалы—ткутъ циновки, рогожи, кули и картузы для грибовъ и икры. Кора липы идетъ на подошвы и устельки, на ящики и лубья. На ея же корѣ вырѣзаютъ крестьяне гравюры, олицетворяя въ нихъ свои вѣрованія, сказки, басни и картины изъ народнаго быта. Ея дерево идетъ на подѣлку мебели и утвари домашней, разныхъ угодій по хозяйству и домоводству. Изъ нея точатъ посуду, дѣлаютъ ложки, вырѣзаютъ игрушки для дѣтей и мнѣ приходилось видѣть художественной работы коровъ, лошадей и другихъ животныхъ. Липа вызвала къ жизни и распространила по всей Россіи мебель съ рисунками и олифяную посуду, расписанную цвѣтами, листьями и узорами разныхъ красокъ. Словомъ—липовое дерево, начиная отъ листьевъ своихъ и кончая послѣднимъ отпрыскомъ корня, который даетъ мягкій и легко воспламеняющійся уголь, служитъ на потребу человѣку.

Я съ умысломъ упомянулъ сейчасъ о ея листьяхъ. Однажды войдя въ землянку лѣсника, я засталъ въ ней дочь его, дѣвицу лѣтъ шестнадцати, румяную и полную свѣжей юности. Она сидѣла у одного маленькаго оконца, съ стекломъ зеленоватаго отлива, и вязала кружево, пристально смотря на липовый листокъ, отъ котораго, послѣ хорошаго аппетита гусеницы, остались только остовъ съ сѣтью его питательныхъ железъ и артерій. А возлѣ нея, въ липовой кошелкѣ лежала цѣлая колекція такихъ же, изъѣденныхъ гусеницей листьевъ, другихъ породъ деревьевъ. И это были образцы, изъ которыхъ дѣвица брала узоры для своихъ кружевъ и другихъ тканей, варьируя ими, сообразно съ силой своей творческой фантазіи.

Да и одни ли кружева, прошвы, полотенцы и другія ткани русская дѣвушка работаетъ, заимствуя рисунки и создавая узоры, внимательно изучая формы и линіи предметовъ окружающей ее природы. Достаточно побывать на тульскихъ заводахъ и фабрикахъ различныхъ металлическихъ предметовъ, чтобы убѣдиться, насколько самобытенъ и своеобразенъ стиль русскаго творчества, начиная отъ самовара и кончая висячимъ замкомъ съ секретомъ, употребляемымъ для чемодановъ и сундуковъ. Не менѣе интересно побывать въ селѣ Ворсмѣ Нижегородской губерніи и посмотрѣть кустарное производство мелкихъ стальныхъ вещей крестьянами обоего пола, начиная отъ двѣнадцатилѣтняго возраста и кончая семидесятилѣтнимъ старикомъ. Передъ наблюдателемъ открывается картина, вызывающая чувство уваженія къ труду и семьѣ русскаго крестьянина. Вокругъ стола семья, состоящая иногда изъ восьми— десяти душъ разнаго пола и разныхъ лѣтъ, въ зимніе вечера всѣ сидятъ и работаютъ перочинные ножички разныхъ величинъ, ножнички, пробочники, замки и другія вещи. И всѣ заняты какъ одинъ человѣкъ; и всѣ работаютъ для всѣхъ, временами разнообразя свой трудъ пѣснею или разсказами старухи-бабки, о чудесахъ и чудищахъ земли и о ухищреніяхъ злого духа тьмы.

Въ Вологодской губерніи тѣ-же сцены труда постоянно можно видѣть въ селахъ, гдѣ работаютъ кружева.

Въ 1764 году Великая Императрица Екатерина II-я. подарила Россію открытіемъ академіи художествъ. Академія по отношенію къ искусству тоже, что университетъ по отношенію къ наукѣ: она представляетъ собою разсадникъ высшаго искусства, доступнаго пониманію интеллигенціи и далекаго отъ міра идей простодушнаго и неразвитого крестьянина. А по-

тому академія художествъ очень мало могла влiять на развитіе народнаго, профессіональнаго искусства, такъ какъ широкая академическая программа преподаванія захватывала его только косвенно, относительно, но не прямолинейно. Къ тому же не малое препятствіе вліянію академіи на развитіе народнаго искусства состояло въ томъ, что для университетовъ, были подготовительныя школы—гимназіи, изъ которыхъ поступали въ университеты. А рисовальныхъ школъ въ Россіи и теперь еще нѣтъ по селамъ и деревнямъ. И все же несмотря на такое равнодушное отношеніе къ искусству, плоду народнаго генія, мы имѣемъ данныя, которыя говорятъ намъ, что задолго до открытія въ Петроградѣ академіи художествъ, въ Россіи уже было немалое число истинно талантливыхъ художниковъ-самоучекъ, которые составляютъ своими произведеніями славу Россіи. Уже въ 996 году въ Кіевѣ были исполнены простымъ мастеромъ изъ крестьянъ чертежи и лицевые виды церквей: Рождества Пресвятой Богородицы, Десятинной и Старо-Ладожской Георгіевской. Козьма-самоучка пользовался большою славой и милостями у хана. Онъ сдѣлалъ хану печать, написалъ съ него портретъ и вырѣзалъ изъ слоновой кости тронъ. Θедоръ Едигѣевъ, придворный мастеръ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, отличался великолѣпными работами изъ серебра и золота кубковъ, чашъ, братинъ и другихъ предметовъ, нерѣдко украшенныхъ горельефомъ изображеній звѣрей и птицъ. А съ открытіемъ академіи художествъ достаточно упомянуть о Лосенкѣ, крестьянинѣ изъ Малороссіи, который будучи посланъ за границу, превзошелъ своихъ учителей: Баттони, Буше и Грёза. А за нимъ идетъ цѣлая плеяда художниковъ, живописцевъ, скульпторовъ и граверовъ, составляющихъ своими работами неувядаемую славу Россіи.

Наши сосѣди съ Запада посылаютъ намъ упрекъ за наше невниманіе къ собственнымъ силамъ народнаго генія и хотятъ объяснить это чертою, присущею, врожденною намъ, называя ее „славянскою неподвижностью“—„L'improductivite Slave“.

Имъ простительны такія ошибки уже потому, что они не могутъ изъ своего прекраснаго далека наблюдать и изучать природу русскаго человѣка. Они не знаютъ о многихъ славныхъ именахъ подвижниковъ изъ простыхъ русскихъ людей на ими же впервые приложенныхъ путяхъ не только къ знанію, но и къ открытію новыхъ морей, странъ и торгово-промышленныхъ рынковъ. Кому изъ насъ неизвѣстно, съ какихъ

давнихъ временъ ведемъ мы торговлю съ Китаемъ. Купецъ Кокоревъ первымъ проложилъ торговый путь въ Ташкентъ и Самаркандъ. Лисянскій открылъ берега и бухты на Бѣломъ морѣ. Казакъ, Ермакъ Тимофеевичъ, подарилъ Россіи новый край, названный Сибирью. Для разгадки такого явленія, какъ „неподвижность наша", есть иной ключъ. Геній всякаго народа имѣетъ все же „*предѣлъ его же не прейдеши*", если ему не помочь, если ему не дать лопаты для расчистки новаго пути впередъ и впередъ, снаружи и во внутрь. А лопаты этой у него и теперь нѣтъ. Мы скорѣе „*нерѣшительны*", чѣмъ „непродуктивны". Эта черта присуща духу русскаго человѣка. Силою своего генія, народъ эту черту отмѣтилъ въ поступкѣ своего любимаго богатыря Ильи Муромца, который въ раздумьи остановился передъ соломенкой.

Я сказалъ выше, что иностранцамъ простительно такъ о насъ думать. А намъ—сынамъ Россіи-матери—непростительно сомнѣваться въ томъ, что такъ выразительно говоритъ о себѣ.

Русскій народъ собралъ не мало мотивовъ для разработки оригинальнаго, самобытнаго стиля русскаго зодчества. Русская изба съ ея горенками, косящатыми оконцами, съ ея вышками, крыльцами, балкончиками и лѣсенками, съ ея сѣнями и воротами рѣзной работы, съ крышами, украшенными рѣзьбой и токарнымъ мастерствомъ, представляетъ собой настоящее художественное произведеніе. Внутренность избы, въ свою очередь, представляетъ не меньше интереснаго матеріала въ рѣзныхъ оконныхъ наличникахъ, въ изразцовыхъ, раскрашенныхъ цвѣтами и фигурныхъ печахъ съ лежанками, въ шкафахъ, наугольникахъ и прочей комнатной мебели. Весьма богатый матеріалъ представляютъ детали иконостасовъ, церквей, часовень, звонарней, которыя еще не тронуты разрушающимъ все временемъ въ Вологодской, Архангельской, Новогородской и другихъ губерніяхъ.

Спѣшу сказать, что наше народное, русское искусство представляетъ собою только бутонъ на стволѣ своего молодого и полнаго мощи дерева. За нимъ нуженъ радушный уходъ. Онъ ищетъ свѣта и нуждается въ очисткѣ отъ того сора, который нанесенъ на его молодые лепестки татарщиной, а затѣмъ сжатъ рукою византійскаго аскета. А для этого нужны школы рисованія и черченія, нужны выставки, поощряющія кустарное производство; нужна защита этого производства отъ произвола скупщиковъ товаровъ у кустарей, которыхъ очень

обижаютъ эти ненасытные вороны, обезцѣнивая ихъ товаръ до нуля стоимости. Тысячу ложекъ липовыхъ вырабатываютъ четыре человѣка за пятнадцать дней и получаютъ за нихъ отъ скупщиковъ два рубля! Вологодскіе кружевницы работаютъ восемнадцать часовъ въ сутки и зарабатываютъ отъ восемнадцати до тридцати пяти рублей въ годъ, что составляетъ по разверсткѣ по десяти копѣекъ въ сутки!

Богатство цвѣтовъ и красокъ, разнообразіе линій и матеріала, которые окружаютъ русскаго человѣка, неисчерпаемы. Но все это въ зачаткѣ и требуетъ разработки. Изучая архитектоническія линіи русскаго искусства, незасореннаго татарщиной и едва тронутаго Византіей, мнѣ приходилось удивляться творческому духу нашего крестьянина, который далъ формы деревяннымъ колонамъ, совершенно противоположныя формамъ греческаго и византійскаго зодчества.

Въ добрый часъ сказать, теперь только что начинаетъ заниматься заря на горизонтѣ русскаго народнаго искусства и симпатіи къ нему просвѣщеннаго общества какъ будто возрастаютъ. Нельзя этому не порадоваться, такъ какъ машина,— эта измышленная стихійная сила девятнадцатаго столѣтія, съ каждымъ днемъ все сильнѣе развиваетъ быстроту оборотовъ своего маховаго колеса. Незнающая усталости, постоянно требующая матеріала для работы, она уже успѣла зычно заявить свое veto ручному труду. И мы, если будемъ медлить, то не запоздаемъ ли съ своею помощью? А ручной трудъ—это творческій трудъ; и если умретъ онъ то съ нимъ и творчество оставитъ человѣка, если не навсегда, то быть можетъ надолго, какъ оставило оно грековъ, когда-то изваявшихъ изъ мрамора Венеру Милосскую.

Еще не такъ давно, въ печати спѣшили увѣрить насъ, что русскаго искусства не существуетъ. А тѣ, „жалкіе образцы" его, которыми хотятъ убѣдить насъ, что русское искусство существуетъ, какъ нѣчто самобытное, есть не болѣе какъ подражаніе восточному искусству, занесенному къ намъ татарами, а впослѣдствіи греками. Еще памятны мнѣ авторы тѣхъ статей о русскомъ искусствѣ, въ которыхъ старались убѣдить читателя, что русскій человѣкъ только и съумѣлъ выдумать: дугу, тройку, сани-розвальни и перекладную.

И такіе отзывы о русскомъ искусствѣ находили среди русскихъ людей сочувствіе! Стыдно!..

Равнодушіе, равносильное пренебреженію ко всему русскому, родному въ шестидесятыхъ годахъ дошло до апогея своего развитія. Даже не пожалѣли такихъ великихъ сыновъ

Россіи, какъ Пушкинъ, силою своего генія въ молодыхъ годахъ написавшій такъ много сказокъ, баллад и народныхъ легендъ. Оперу Глинки „Жизнь за Царя", въ тридцатыхъ годахъ называли *„мужицкой оперой"*. Она совсѣмъ была снята съ репертуара столичныхъ театровъ и даже въ Москвѣ рѣдко появлялась на сценѣ и давала плохіе сборы. Той же нелестной участи была обречена опера „Русланъ и Людмила" Глинки. А опера „Русалка" Даргомыжскаго въ пятидесятыхъ годахъ была долгое время у русской публики въ забвеніи. Когда впервые появилась на столичной сценѣ опера Чайковскаго „Евгеній Онѣгинъ", ее съ перваго же спектакля назвали *„фрачной оперой"* и надо было употребить не мало времени, чтобы привлечь къ прекраснымъ ея мелодіямъ вниманіе публики. Въ сороковыхъ годахъ, московскій губернаторъ Закревскій приказалъ собрать на рынкахъ Москвы всѣ лубочныя гравюры русскаго творчества и сжечь ихъ какъ ненужный хламъ.

Не разъ я объѣхалъ всю Европу и побывалъ въ Америкѣ. Заглядывалъ я не разъ въ разные завѣтные уголки европейскихъ городовъ и селъ и я вездѣ находилъ что-либо оригинальное, принадлежащее этому городу или деревнѣ. Тутъ—брюссельскіе кружева выработали себѣ прочную почву на всѣхъ рынкахъ Свѣта, тамъ—женевскіе часы пріобрѣли уваженіе со стороны міровыхъ потребителей; въ третьемъ мѣстѣ—богемскій хрусталь не боится ничьей конкуренціи на всѣхъ рынкахъ Европы. Севрскій фарфоръ, ліонскій бархатъ, марсельскія ткани, рѣзныя изъ дерева группы Тироля, флорентинская и римская мозаики—все это тѣ произведенія ручного труда и фабричной работы, которыя доведены геніемъ народа до высоты завиднаго совершенства.

Не менѣе поражаетъ и останавливаетъ на себѣ вниманіе наблюдателя отношеніе сыновъ Запада къ завѣтной старинѣ, начиная отъ памятниковъ и мавзолеевъ, воздвигнутыхъ великимъ геніямъ и талантамъ сынами ихъ отечества, и кончая благоустройствомъ кладбищъ, съ роскошью украшенныхъ мраморными статуями и гробницами высоко-художественной работы.

Что касается кустарнаго производства, то чтобы развить его и дать ему окрѣпнуть, на Западѣ ничѣмъ не скупились. Вездѣ есть школы черченія и рисованія по программѣ которыхъ идетъ обученіе составлять рисунки предметовъ, относящихся къ искусствамъ кустарнаго производства. По всей Франціи разбросаны музеи и изданія съ иллюстраціей рисунковъ по разнымъ отдѣламъ кустарно-ремесленнаго производства.

Вотъ въ чемъ и наше народное искусство нуждается, чтобы выбраться изъ полутьмы къ свѣту и проложить себѣ торный путь на міровой рынокъ сбыта, минуя *„скупщиковъ“*, такъ беззастѣнчиво эксплуатирующихъ трудъ простодушнаго труженика-кустаря.

Когда я задумалъ писать картины войны Наполеона I-го въ Россіи, я не могъ найти многихъ избъ, въ которыхъ Кутузовъ или Наполеонъ совѣщались или жили хотя бы короткое время. Все забыто, все уничтожено и поглощено временемъ да забвеніемъ. А двѣнадцатый годъ не такая еще старина, чтобы отъ нея не могло ничего сохраниться!

Какое равнодушіе ко всему родному, русскому!.. Винить-ли въ этомъ нашъ темный народъ или тѣхъ, кому данъ свѣтъ, которымъ они какъ „Ивановъ червякъ“ пользуются только для своего обихода жизни?—Незнаю...

Маститый художникъ умолкъ и этимъ закончилъ свою бесѣду *о русскомъ народномъ искусствѣ.*

— Ваша бесѣда полна интереса и я хочу познакомить съ нею публику?—въ видѣ вопроса сказалъ я Василію Васильевичу.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ мнѣ Верещагинъ.—Пока пусть наша бесѣда останется между нами. Послѣ, когда-нибудь, быть можетъ я самъ напишу, о чемъ говорилъ съ вами; или же кто останется изъ насъ въ живыхъ, тотъ и напишетъ...

Этою краткою замѣткою, въ данное время, я исполняю волю великаго художника и одного изъ лучшихъ изъ сыновъ Русской земли, Василія Васильевича Верещагина.

В. П. Карповъ.

Русь.

...бѣжать скорѣй
Отъ этой грязи вѣковой,
Отъ этой „родины святой!“
Н. Огаревъ.

О ней, о родинѣ моей—
Раздоровъ и вражды предтечи—
Ополоумѣвшихъ людей
Звучатъ предательскія рѣчи...

Ее позорить и презрѣть!
И это-ль рѣчь родного сына!
Такимъ ли пламенемъ горѣть
Должно ты, сердце гражданина!

Со всѣми вмѣстѣ крестъ неси.
Ты будешь лучше и сильнѣе
Къ великой матери Руси
Любовью чистой пламенѣя.

Люби и вѣруй вмѣстѣ съ ней
И пусть въ тебя тотъ камень броситъ,
Кто въ низкой дерзости своей
Родную мать, глумясь, поноситъ.

Ф. Бергъ.

Несостоятельность обвиненій, взведенныхъ г. Меньшиковымъ на русскій народъ [1]).

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ мыслителей А. С. Хомяковъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи назвалъ войну „Судомъ Божіимъ". Названіе это, будучи въ высокой степени поэтичнымъ, въ то-же время является и глубоко вѣрнымъ: какъ на Божіемъ Судѣ обнажаются всѣ дѣла и помышленія человѣка, такъ и война съ особенной ясностію раскрываетъ душу народа, обнаруживаетъ всѣ недуги и язвы его жизни. Не удивительно послѣ этого, что и наша теперешняя война съ Японіей на ряду со многими свѣтлыми сторонами въ жизни русскаго народа выдвинула и различныя ея темныя стороны. Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ публицистамъ, забывая о нашихъ положительныхъ качествахъ, съ особеннымъ усердіемъ и преувеличеніями наброситься на наши отрицательныя явленія. Къ сожалѣнію противъ этого теченія не устоялъ и г. Меньшиковъ и на страницахъ „Новаго Времени" помѣстилъ цѣлый рядъ статей такого характера. Собственно говоря, отмѣченныя статьи по своему легкому отношенію къ дѣлу и голословности обвиненій, взведенныхъ на русскій народъ, не заслуживали бы большого вниманія, если-бы не появились въ такое время, когда всякая безтактная выходка даетъ себя знать съ особенной болѣзненностью, и если-бы онѣ не сосредоточили въ себѣ, какъ въ фокусѣ, воззрѣній извѣстныхъ круговъ нашего общества. Въ виду этихъ соображеній статьи г. Меньшикова и обращаютъ на себя наше вниманіе и заставляютъ насъ заняться ихъ разсмотрѣніемъ.

Ни въ области матеріальной культуры, ни въ сферѣ духовной жизни, ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ г. Меньшиковъ не признаетъ никакихъ положительныхъ качествъ за русскимъ народомъ. Русскій народъ, по мнѣнію г. Меньшикова, не обнаруживаетъ такой силы разума и сердца, которая

---

[1]) Докладъ, прочитанный на годичномъ засѣданіи Харьковскаго Отдѣла „Русскаго Собранія" 14 ноября 1904 г.

давала бы ему право считать себя равнымъ съ народами Запада. Но предоставимъ слово самому г. Меньшикову. „Выражается ли разумъ народный“, говоритъ Нововременскій публицистъ, „въ почти повальномъ невѣжествѣ русскаго народа въ то время, какъ всѣ народы вокругъ—бѣлые и желтые—имѣютъ болѣе или менѣе обезпеченное народное просвѣщеніе?“... „Выражается ли нашъ народный разумъ“, продолжаетъ г. Меньшиковъ, „въ высокой нравственности, въ стремленіи къ трезвости, благообразію быта, въ обычаяхъ гражданскаго достоинства, въ законченности государственнаго строенія? Но у насъ нравственность народная гораздо ниже, чѣмъ у сосѣдей, и это со временъ Тацита. Бытовая нечестность, продажность, жестокость, распутство, пьянство, неуваженіе къ правамъ человѣка—этотъ грубый цинизмъ проникаетъ населеніе до его корней“. Не лучшаго мнѣнія держится Нововременскій публицистъ и о проявленіяхъ нашего народнаго разума въ области творчества: „Если духовная мощь народа“, говоритъ онъ, „выражается въ его творчествѣ, я спрошу: гдѣ оно? Народное искусство у насъ ничтожно, народной письменности нѣтъ вовсе. Культура наша сплошь заимствована и все-таки самая бѣдная на свѣтѣ. Выражается ли народный разумъ на худой конецъ хоть въ матеріальномъ богатствѣ? Оно вѣдь то-же творчество, накопленіе энергіи и таланта, кристаллизующееся въ вещахъ. Но Россія безспорно самая бѣдная страна на свѣтѣ, а народныя массы нищи“. Даже здоровьемъ русскій народъ, по мнѣнію г. Меньшикова, не можетъ похвастаться. Выводъ, къ которому все это приводитъ нашего публициста, таковъ: „Въ жизни моего народа“, читаемъ мы у него, „я вижу торжество не разума, а какой-то странной придурковатости, той захолустной народной темноты, которая есть естественное слѣдствіе одичанія благородной рассы, духовнаго вырожденія ея подъ гнетомъ слишкомъ непосильныхъ жертвъ“. „Глупость народная“, продолжаетъ нѣсколько ниже нашъ писатель, „держитъ и образованные классы въ своемъ плѣну“. Въ заключеніе г. Меньшиковъ характеризуетъ русскій народъ эпитетами: „нищій, невѣжественный, одичавшій до равнодушія къ своей судьбѣ, народъ, недоѣдающій и безобразно перепивающій, обезземеленный, больной“.

Трудно себѣ представить болѣе мрачную картину народной жизни, чѣмъ та, которую нарисовалъ намъ г. Меньшиковъ. Послѣ этого остается только удивляться, какимъ образомъ могла создаться современная Россія, занять шестую часть суши, пріютить подъ своею сѣнью не одинъ десятокъ различ-

ныхъ народностей, справиться съ геніемъ Наполеона, прогуляться до Берлина и Парижа и т. д. За то Западъ въ глазахъ г. Меньшикова является страною обѣтованной: „На Западѣ", говоритъ онъ, „удивительно раздѣлана земля—огороды, сады, поля, рощи. Природа тутъ какъ бы получила второе созданіе свое, пріобрѣла нѣчто отъ духа человѣка. Но также какъ земля, на Западѣ воздѣланъ и народъ". „Народы Запада", замѣчаетъ нѣсколько выше г. Меньшиковъ, „могутъ похвастаться образованностью, сравнительнымъ здоровьемъ (у нихъ смертность 16, у насъ 36), сытостью, достаткомъ, свободой. Грамоту на благородство духа у нихъ скрѣпляютъ дивныя созданія искусства, восьмисотлѣтніе соборы, замки, университеты, могилы великихъ ученыхъ, философовъ, борцовъ за свободу. На Западѣ „„умственная и духовная мощь"" не фраза, а фактъ, бьющій въ глаза".

Когда я читалъ эти изліянія г. Меньшикова, они мнѣ казались удивительно знакомыми и даже не возбуждали того остраго чувства негодованія и оскорбленія, какого, казалось бы, заслуживали. Мнѣ почему-то припомнились невозвратные отроческіе годы, первое пробужденіе мысли, стремленіе дать себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ я живу и для чего живу. Припомнились мнѣ затѣмъ уроки русской словесности, почтенный преподаватель этого предмета, который въ восьмомъ классѣ толково изложилъ намъ начало литературной борьбы между западниками и славянофилами. Пришли мнѣ на память въ общихъ чертахъ и выдержки изъ „Философическихъ писемъ" Чаадаева, которыя при этомъ приводились, и я на минуту даже забылъ, что держу передъ глазами „Новое Время" и читаю статью г. Меньшикова. Удивительно ли послѣ этого, что мнѣ страстно захотѣлось провѣрить, на сколько велико сходство между тѣмъ и другимъ писателемъ. Добыть соотвѣтствующій выпускъ „Телескопа" (1836 г., ч. 34) не составило для меня большого труда и я къ нѣкоторому даже своему разочарованію убѣдился, что Нововременскій публицистъ и шага не сдѣлалъ по сравненію съ своимъ собратомъ, отъ котораго онъ отстоитъ безъ малаго на три четверти вѣка. Развѣ въ сущности заявленіе г. Меньшикова о сплошномъ невѣжествѣ и глупости русскаго народа не заключается уже въ слѣдующихъ строкахъ Чаадаева: „Спрашиваю васъ, гдѣ наши мудрецы, наши мыслители? Когда и кто думалъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время?" (стр. 293) и ниже: „Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать, и чтобы заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантію цивилизаціи: мы подняли мантію, но не

коснулись просвѣщенія“ (стр. 294). Или вотъ что говоритъ Чаадаевъ о нашей народной нравственности: „много ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя, какимъ бы то ни было образомъ, могли бы руководствовать насъ въ жизни?... Хотите ли знать, что это за идеи? Это идеи долга, закона, правды, порядка. Онѣ развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества; онѣ необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что составляетъ атмосферу Запада; это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?“ (стр. 288 и сл.).

Что касается вопроса о творческихъ способностяхъ русскаго народа, то рѣшеніе его у г. Меньшикова и Чаадаева совпадаютъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на слѣдующія строки „Философическихъ писемъ“: „Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія, и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возрасло на безплодной нашей почвѣ; ни одной великой истины не возникло среди насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь“ (стр. 293 и сл.).

Въ преклоненіи передъ Западомъ Чаадаевъ также опередилъ г. Меньшикова.

Впрочемъ, у насъ быть послѣдователемъ Чаадаева въ отрицательномъ отношеніи къ родной странѣ не является даже оригинальнымъ, такъ какъ чуть ли не требуется хорошимъ тономъ, чтобы русскій бранилъ все русское или по крайней мѣрѣ смотрѣлъ на него скептически. Эта особенность, распространенная главнымъ образомъ въ кругу русской интеллигенціи, дала возможность г. Скальковскому составить цѣлую хрестоматію изъ выдержекъ, въ которыхъ содержатся самые обидные отзывы русскихъ людей о самихъ себѣ (Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Мнѣнія русскихъ людей о самихъ себѣ). Подмѣтилъ эту особенность и Достоевскій и запечатлѣлъ ее въ своихъ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, вложивши въ уста Смердякова такое разсужденіе: „Въ двѣнадцатомъ году было на Россію великое нашествіе императора Наполеона французскаго перваго, отца нынѣшнему, и хорошо кабы насъ тогда покорили эти самые французы: умная нація покорила

бы весьма глупую-съ и присоединила къ себѣ. Совсѣмъ даже были бы другіе порядки-съ“ (Кн. V, гл. II). Трудно допустить, чтобы нашъ великій психологъ-романистъ выборомъ своего дѣйствующаго лица не хотѣлъ показать въ данномъ случаѣ, что во всѣхъ этихъ огульныхъ осужденіяхъ всего русскаго и превознесеніи иноземнаго лежитъ что-то холопское.

Итакъ, стало быть, г. Меньшиковъ, отмѣчая съ какимъ-то упоеніемъ темныя стороны русской жизни, новаго ничего не говоритъ. Это было сдѣлано многократно и до него. Но если Чаадаеву можно было не знать Россіи и судить о ней вкривь и вкось, то г. Меньшикову повторять его зады непростительно. За три четверти вѣка, отдѣляющихъ почти цѣликомъ одного писателя отъ другого, мы уже успѣли лучше изучить Россію и лучше познакомиться съ плодами западно-европейской культуры, да къ тому-же и проявить свой національный геній въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ. По странной случайности все это *теперь* уже забыто г Меньшиковымъ, хотя онъ въ своихъ „Думахъ о счастьи“ пришелъ къ правильному пониманію смысла и характера западно-европейской культуры. Вѣдь, самъ же онъ, въ этомъ во многихъ отношеніяхъ весьма интересномъ сочиненіи, говоритъ буквально слѣдующее: „Въ началѣ нынѣшняго вѣка Европа стояла на путяхъ развитія политической свободы, промышленности, капитализма, обезземеленья народа, развитія городовъ, колоніальнаго хищничества, развитія гуманныхъ идей и жестокихъ дѣлъ, правосудія и милитаризма, просвѣщенія и національной ненависти и т. п. Нѣкоторые пути были прекрасны и вели къ счастію, но другіе пути—и большинство ихъ—были таковы, что подвигаться по нимъ „„впередъ““ лучше было бы „„со страхомъ и сомнѣньемъ““ нежели безъ нихъ. Въ концѣ этихъ путей оказались пропасти, въ которыхъ уже скрываются авангарды арміи прогресса: поколѣнія оторваннаго отъ земли народа, пресыщенной буржуазіи, переутомленной интеллигенціи, разблагороженной аристократіи“ (ст. 155). Выходитъ, по словамъ самого же г. Меньшикова, что „какъ ни спѣшила, какъ далеко ни отошла теперешняя Европа отъ патріархальной эпохи, она переноситъ съ собою въ XX-й вѣкъ всѣ язвы прошлаго и теперь находится передъ тѣми же самыми и еще болѣе усложнившимися задачами, какъ и въ началѣ прогресса“ (ib.). А вотъ слѣдующія строки прямо таки направлены противъ того чрезмѣрнаго преувеличенія плодовъ западно-европейской культуры, которое проявляетъ въ настоящее время самъ же г. Меньшиковъ: „Мы ослѣплены“, говоритъ онъ, „поверхностною

разумностью европейской жизни, а разумна ли глубина ея? Развѣ разумны, въ самомъ дѣлѣ, такія явленія, какъ капитализмъ, милитаризмъ, пролетаріатъ, вырожденіе и т. п.?" (стр. 144). Но этого недостаточно: у нашего писателя вырываются еще болѣе горячія выраженія, въ которыхъ онъ осуждаетъ западно-европейскую культуру: „Нынче столько говорятъ объ анархіи", разсуждаетъ онъ, „трепещутъ этого новаго дракона, выползающаго изъ городскихъ подземелій. И я думаю, что на Западѣ нѣтъ явленія болѣе страшнаго по своей злобѣ и безумію. Гордый и роскошный Западъ, помѣшанный на своемъ величіи, вдругъ видитъ подъ своими ногами разверзающійся адъ". Правда, „тупые буржуазные публицисты", какъ выражается г. Меньшиковъ, считаютъ анархизмъ временнымъ явленіемъ, но онъ держится на этотъ счетъ другихъ воззрѣній: „На самомъ дѣлѣ", продолжаетъ онъ, „явленіе анархіи гораздо серьезнѣе и гнѣздится гораздо глубже, чѣмъ кажется; она—не накожная сыпь, а „„конституціонная"" болѣзнь всего западнаго строя, всей городской разошедшейся съ природой культуры. Анархія, какъ разрушеніе элементарныхъ *основъ* *): свободы, собственности, семьи, общественности, вѣры въ Бога—кроется *въ самой формулѣ* *) жизни Запада. Человѣкъ (въ крайнемъ развитіи этой формулы) превращается въ машину, въ фабричнаго раба, народъ—въ стадо бездомныхъ нищихъ" (стр. 96). Нѣсколько ниже г. Меньшиковъ еще съ большей полнотой и убѣдительностью доказываетъ, что анархизмъ представляетъ собою явленіе, органически связанное съ западно-европейской культурой, носящей городской характеръ. „Вы видите", говоритъ авторъ „Думъ о счастьи", „что въ самомъ существѣ городской культуры лежатъ вліянія, подтачивающія „„собственность"", „„семью"", „„вѣру"", всѣ *основы* *) истиннаго общества. Опасны безумцы, вооруженные бомбами, но еще опаснѣе жизнь, ихъ плодящая; не Равашоли анархизируютъ западное общество, а оно ихъ анархизируетъ. Несомнѣнно, сама западная культура—торгашеская, хищная, помѣшанная на наживѣ—подтачиваетъ основы вѣчнаго порядка жизни, вводитъ соціальный хаосъ, ведущій къ переутомленію и вырожденію цѣлыхъ классовъ общества—низшихъ и высшихъ одинаково. Сознаніе гибельности нѣкоторыхъ сторонъ этой культуры уже пробуждается и на нее указываютъ многіе серьезные мыслители. Необходимо всѣмъ людямъ вникнуть въ этотъ роковой процессъ, который истощаетъ самую почву счастія. Городская цивилизація еще все растетъ, но кризисъ уже недалекъ: „„близятся

*) Курсивъ подлинника.

сроки"", дальше которыхъ не можетъ идти разрушительная работа" (стр. 102 и сл.). И такъ, по словамъ г. Меньшикова, исторія западно-европейской культуры должна разрѣшиться не обѣщаннымъ намъ въ Апокалипсисѣ тысячелѣтнимъ царствомъ Христовымъ, царствомъ мира и правды, когда народы перекуютъ мечи на орала и когда лань будетъ отдыхать рядомъ со львомъ, а грозной реакціей, которая потрясетъ всѣ основы этой ложной культуры. И эту культуру выставляетъ намъ Нововременскій публицистъ какъ почти недосягаемый идеалъ и образецъ для подражанія! Остается предположить, что г. Меньшиковъ плѣненъ и очарованъ не столько теперешнимъ состояніемъ этой культуры, сколько памятниками ея прошлаго величія, когда она еще только создавалась. Но развѣ можно было серьезному публицисту въ такомъ случаѣ забыть блестящій Кіевскій періодъ, когда русскіе князья роднились съ византійскими и германскими императорами, французскими королями и другими владѣтельными домами Западной Европы, когда западные европейцы удивлялись красотѣ Кіева и сравнивали его съ Византіей, когда русскіе князья говорили на пяти иностранныхъ языкахъ и заботились о распространеніи „книжнаго наученія" на Руси. А между тѣмъ есть одно обстоятельство, котораго безусловно не имѣлъ права забывать г. Меньшиковъ, прославляя западно-европейскую культуру и такъ унижая русскую Онъ не принялъ въ разсчетъ, что было бы съ „дивными созданіями искусства, восьмисотлѣтними соборами, замками, университетами" и т. д., если бы Россія не вынесла на своихъ плечахъ всей тяжести татарскаго нашествія. Да и отъ однихъ ли татаръ оберегла многострадальная Русь Западную Европу? А печенѣги и половцы? Вѣдь, они стоили венгровъ, отъ которыхъ Оттонъ спасъ Германскую имперію лишь съ напряженіемъ всѣхъ ея силъ. Что если-бы къ венграмъ присоединились еще новыя волны кочевниковъ? Можетъ быть, тогда на мѣстѣ такъ называемой Западной Европы въ настоящее время было бы что-нибудь въ родѣ теперешней Турціи, мощь которой также сокрушена нами. Пусть знаетъ г. Меньшиковъ и близкіе ему по воззрѣніямъ, что грамота на благородство для Русскаго народа подписана на Куликовскомъ полѣ и въ безчисленныхъ другихъ бояхъ въ борьбѣ со „степью" и если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ отсталъ отъ своихъ западныхъ сосѣдей, то это зависѣло не отъ отсутствія задатковъ для культурнаго развитія, а отъ неблагопріятно сложившихся историческихъ обстоятельствъ. Пусть не забываетъ г. Меньшиковъ и ему подобные, что и въ насто-

ящее время Русскій народъ выполняетъ обще-европейскую миссію и вновь подписываетъ своею кровью грамоту на благородство на дымящихся фортахъ и бастіонахъ Портъ-Артура и на поляхъ далекой Маньчжуріи.

Впрочемъ, Русскій народъ нисколько не нуждается ни въ какихъ смягчающихъ обстоятельствахъ для того, чтобы поравняться съ любымъ изъ народовъ Западной Европы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо только быть безпристрастнымъ и взглянуть на окружающую дѣйствительность прямо, а не смотрѣть куда-то поверхъ ея.

Въ самомъ дѣлѣ, г. Меньшиковъ съ большимъ паѳосомъ толкуетъ намъ о „повальномъ невѣжествѣ" русскаго народа, которое онъ ставитъ въ прямую и непосредственную зависимость отъ нашей безграмотности, „въ то время какъ всѣ другіе народы вокругъ—бѣлые и желтые—благодаря грамотности имѣютъ болѣе или менѣе обезпеченное народное просвѣщеніе". Выходитъ такъ, какъ будто грамотность и просвѣщеніе въ представленіи г. Меньшикова являются синонимами. Но неужели же Нововременскій публицистъ не знаетъ, что грамотность есть оружіе обоюдуострое, что грамотность сама по себѣ есть только ключъ, которымъ отпираются разныя двери, и благо, если этотъ ключъ откроетъ ту дверь, которая ведетъ къ познанію добра. Но, вѣдь, этотъ же ключъ подходитъ и къ другой двери. Грамотность несомнѣнно развита гораздо болѣе въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ. А между тѣмъ статистика показываетъ, что въ первыхъ количество преступленій больше, чѣмъ во вторыхъ. Грамотность, направленная не въ надлежащую сторону, не соединенная съ другою, высшей, просвѣтительною силой, религіей, зачастую только даетъ пищу для преувеличеннаго самомнѣнія, будитъ инстинкты, которые не находятъ себѣ удовлетворенія, и ведетъ человѣка „на дно", въ стѣны тюрьмы. Съ другой стороны, развѣ мало мы знаемъ великихъ людей, которые или вовсе были безграмотными или умѣли только въ лучшемъ случаѣ подписать свое имя. Возьмемъ хотя бы великаго создателя первой Германской имперіи. Онъ былъ почти неграмотенъ и если, можетъ быть, умѣлъ читать по складамъ, то попытки научиться писать никакъ ему не давались. Возьмемъ другой примѣръ изъ отечественной исторіи. Святой князь Владиміръ, направившій русло нашей культурно-исторической жизни, по которому она съ тѣхъ поръ течетъ въ продолженіе почти тысячи лѣтъ и будетъ течь, надо надѣяться, еще много вѣковъ, не обладалъ и этими свѣдѣніями. Московскіе князья, собиратели Руси, по большей части

также были или безграмотными или малограмотными. А развѣ мало мы знаемъ великихъ подвижниковъ и учителей жизни, прославившихся своею святостью и служившихъ и до сихъ поръ служащихъ для многихъ поколѣній людей духовными вождями и въ то же время не умѣвшихъ разобрать ни одной строчки? Нѣтъ, не въ грамотности дѣло. На ряду съ грамотностью есть болѣе могущественная сила, которая воспитываетъ русскій народъ. Послушайте, что пишетъ на этотъ счетъ одинъ священникъ: „церковь, ея пастыри, а не кто другой учитъ своихъ пасомыхъ вѣрѣ православной, они учатъ своихъ чадъ бояться Бога, любить царя, какъ помазанника Божія, любить свое отечество и быть готовымъ съ радостію умереть за нихъ. Они же въ критическую минуту боя идутъ впереди своихъ чадъ-воиновъ противъ врага, чтобы смертью запечатлѣть неложность своего ученія" (Х. г. В. № 285). Что это не фразы, доказываютъ многочисленные всѣмъ извѣстные эпизоды нашей теперешней войны съ японцами. Итакъ, Церковь, православная вѣра, вотъ истинная культурная сила, которая выводитъ нашего сѣраго мужика, изъ той непроглядной тьмы, о которой говоритъ г. Меньшиковъ. Церковь и ея пастыри внушаютъ ему цѣльное и устойчивое міросозерцаніе, котораго не можетъ дать грамота, взятая сама по себѣ внѣ извѣстнаго содержанія. Церковь учитъ его правильному пониманію своихъ обязанностей къ Богу и своему ближнему. Она же внѣдряетъ въ него неизгладимую любовь къ родинѣ и царю, какъ ея олицетворенію въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ.

Приведемъ здѣсь кстати и другой взглядъ на невѣжество Русскаго народа: „Среди крестьянъ каждый наблюдалъ, и не такъ ужъ рѣдко, типы удивительно порядочныхъ отъ природы людей, одаренныхъ и интеллигентныхъ, тонко чувствующихъ и оригинально мыслящихъ. Встрѣчаются даже великіе люди въ крестьянствѣ, хотя и безграмотные: столько ума и творчества влагается ими въ простую рѣчь ихъ, столько величія въ характеръ, столько мужества въ жизнь. Именно въ удаленныхъ отъ городской цивилизаціи захолустьяхъ чаще всего попадаются цѣльныя, прекрасныя личности, съ уравновѣшенною и правдивою душой. Подобные люди были бы безцѣнны въ любомъ обществѣ". Тотъ же авторъ продолжаетъ характеризовать нашъ простой народъ, рѣзко противополагая его „русской интеллигенціи", въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „въ самыхъ важныхъ отношеніяхъ—въ нравственномъ развитіи, въ знаніи природы и людей, въ силѣ пониманія—народъ нисколько не ниже насъ (скорѣе—выше). Для общенія съ

народомъ—если есть для этого искреннее желаніе—существуетъ просторное поле. Народъ не знаетъ множества пустыхъ вещей, въ которыхъ мы свѣдущи,—народу странны и чужды наши суевѣрія, но истинно цѣнныя знанія наши отъ него не такъ далеки, какъ намъ кажется: Христосъ и апостолы находили же, о чемъ говорить съ грубыми рыбаками и блудницами. И чего стоитъ наше „„образованіе““, если оно способно только отдалять насъ отъ людей, вмѣсто того, чтобы сближать съ ними?“ Вы хотите знать, кому принадлежатъ эти строки? *Да самому г. Меньшикову*, который всего три года тому назадъ помѣстилъ ихъ въ своихъ „Думахъ о счастьи“ (2-ое изд., стр. 25). Послушайте теперь далѣе, что говоритъ онъ же о нашемъ народѣ: „приблизившись къ народу, вы увидите, что и онъ, кромѣ невѣжества, обладаетъ истиннымъ образованіемъ,—и въ степени иногда удивительной! Вы встрѣтите здѣсь утонченную культуру души, характера, ума, воображенія, богатую, неписанную литературу, богатую музыку, прекрасно разработанный языкъ, который не могъ бы быть у необразованнаго народа, вродѣ дикарей, довольствующихся тремя десятками словъ. Вы встрѣтите массу точнѣйшихъ знаній, заимствованныхъ изъ наблюденія природы, знаній иногда древнихъ, облеченныхъ въ іероглифы суевѣрій, ключъ къ которымъ потерянъ. Конечно, вы встрѣтите въ народѣ и совершенное незнакомство съ вашей европейской культурой, но вѣдь и вы—круглый невѣжда въ его народной культурѣ, вѣдь и вы богаты своими суевѣріями и іероглифами знаній. Въ общеніи съ народомъ, однако, вы сейчасъ-же увидите, что ваши самыя дорогія *безспорныя* *) истины, истины нравственныя, народу понятны и даже суть какъ бы *его* *) безспорныя истины; вы увидите, что все великое, благородное, святое, вѣчное народъ слегка какъ бы запамятовалъ, но сейчасъ же, при малѣйшемъ намекѣ, припомнитъ во всей ясности и часто яснѣе васъ самихъ“ (стр. 47 и сл.). „Надо прибавить“, продолжаетъ авторъ „Думъ о счастьи“, „что отдѣльныя суевѣрія не мѣшаютъ общей высокой интеллигентности какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и народа: древніе эллины были суевѣрны не менѣе нашихъ крестьянъ, а это былъ народъ богоподобный по духовному развитію. Аристотель вѣрилъ, что лягушки рождаются изъ грязи. Декартъ думалъ, что въ сердцѣ у человѣка огонь. Ньютонъ былъ убѣжденъ, что свѣтъ происходитъ отъ попаданія солнечной матеріи въ наши глаза. Кеплеръ думалъ, что земля есть исполинское животное изъ породы ракообразныхъ и т. д. Былъ ли хоть одинъ вели-

*) Курсивъ подлинника.

кій умъ совсѣмъ свободенъ отъ ошибокъ? И народъ отъ нихъ несвободенъ, что не мѣшаетъ ему въ самыхъ серьезныхъ отношеніяхъ быть образованнымъ и интеллигентнымъ" (стр. 48 и сл.). Что я могъ бы добавить къ этой блестящей апологіи и панигирику русскому народу, который сложилъ въ его честь самъ г. Меньшиковъ?

Но если мы перейдемъ отъ міра нравственнаго въ область матеріальной культуры, то увидимъ, что и здѣсь косное невѣжество русскаго народа, порождаемое его неграмотностію сильно преувеличено г. Меньшиковымъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ земледѣліе какъ самое распространенное и исконное занятіе русскаго народа и мы увидимъ, что оно развивается у насъ сообразно съ мѣстными условіями, а не идетъ независимо отъ нихъ вслѣдствіе непониманія. По мѣрѣ того, какъ истощается у насъ запасъ нетронутыхъ земель и увеличивается количество народонаселенія, эксплоатація земельныхъ угодій принимаетъ у насъ болѣе совершенныя формы. Мертвеннаго застоя въ этой области, какого можно было бы ожидать, если бы мы повѣрили на слово г. Меньшикову, не наблюдается, какъ это явствуетъ изъ авторитетной статьи г. Семенова: „Земледѣліе", вошедшей въ составъ сборника В. И. Ковалевскаго „Россія въ концѣ XIX вѣка", выпущеннаго подъ эгидой Министерства Финансовъ. Наоборотъ, эта статья обнаруживаетъ быстрое и неуклонное движеніе нашей земледѣльческой культуры впередъ. Доказывается это переходомъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи даже въ крестьянскихъ хозяйствахъ къ многопольной системѣ обработки почвы, распространеніемъ усовершенствованныхъ сельско хозяйственныхъ орудій и машинъ и введеніемъ травосѣянія, опыты котораго производятся даже въ отдаленной Сибири *).

*) „Измѣненія въ способахъ обработки земли и уборки хлѣбовъ за послѣднее время стали совершаться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи весьма быстро. Такъ, есть отдѣльныя мѣстности, гдѣ усовершенствованные плуги вытѣсняютъ сабаны и сохи въ какихъ-нибудь пять—шесть лѣтъ окончательно, а примѣненіе жатвенныхъ машинъ на югѣ Россіи сдѣлалось почти всеобщимъ въ какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ".

„Что касается примѣненія конныхъ молотилокъ крестьянами центральныхъ черноземныхъ губерній, то теперь оно стало тамъ почти повсемѣстнымъ, тогда какъ всего лѣтъ тридцать тому назадъ, тамъ крестьяне повсюду молотили свой хлѣбъ исключительно цѣпами. Столь же быстро распространилось и навозное удобреніе въ сѣверномъ черноземномъ районѣ, въ которомъ тридцать лѣтъ тому назадъ оно почти не примѣнялось вовсе, а также примѣненіе фосфорнокислыхъ удобреній въ нѣкоторыхъ нечерноземныхъ мѣстностяхъ". (Ор. с., стр. 188).

Съ другой стороны и изслѣдованіе состоянія нашей фабрично-заводской промышленности, представленное статьей проф. Лангового въ томъ же сборникѣ В. И. Ковалевскаго, съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ, что въ этой области мы быстро идемъ впередъ съ неуклонной послѣдовательностью, что русскій народъ, не смотря на свое мнимое невѣжество, въ состояніи дать почти все нужное для нашихъ фабрикъ и заводовъ количество рабочихъ и техниковъ и что составъ ихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе совершенствуется *).

„Въ нечерноземной полосѣ, въ губерніяхъ: Московской, Ярославской и частью Костромской травосѣяніе вошло въ крестьянскій обиходъ и укоренилось на столько, что во многихъ селеніяхъ вызвало переходъ отъ трехпольной системы хозяйства до многопольной, нисколько не нарушивъ общиннаго строя землепользованія, который и оказался, такимъ образомъ, далеко не непреодолимымъ препятствіемъ къ введенію крупныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній, сопряженныхъ съ измѣненіемъ сѣвооборотовъ. То же явленіе наблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ нечерноземныхъ губерніяхъ, хотя пока въ меньшихъ размѣрахъ, напр.: въ С.-Петербургской, Новгородской, Тверской и другихъ. Кромѣ того, очень сильно распространилось травосѣяніе, преимущественно во владѣльческихъ хозяйствахъ, въ центральныхъ нестепныхъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ во многихъ имѣніяхъ совершается переходъ отъ трехполья къ многополью, а также въ тѣхъ частяхъ степной полосы и переходной къ степи, гдѣ еще сохранилось залежное хозяйство. Въ этомъ районѣ, путемъ введенія травосѣянія въ залежное хозяйство, какъ бы совершается прямой переходъ отъ залежнаго хозяйства къ многопольному, безъ промежуточной формы—трехпольной. Что касается остальныхъ мѣстностей, то и тамъ травосѣяніе дѣлаетъ, хотя не такъ крупные, но тѣмъ не менѣе уже замѣтные успѣхи, причемъ даже въ Сибири есть мѣстности, гдѣ крестьяне начинаютъ производить опыты посѣва кормовыхъ травъ" (ib., стр. 147).

По показанію г. Семенова, подъ посѣвомъ различныхъ травъ въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи въ 1898 году находилось 6.109,358 десятинъ (ib., стр. 139). Въ настоящее время это количество несомнѣнно увеличилось.

*) „О послѣдовательномъ ходѣ развитія нашей промышленности мы можемъ судить на основаніи слѣдующихъ данныхъ: „Производительность горныхъ и фабрично-заводскихъ отраслей возросла съ 1,3 милліарда въ 1887 г. до 2,8 милліард. руб.—въ 1897 г. Годичный приростъ общей продуктивности производствъ составлялъ въ періодъ 1887—1890—56 милліоновъ руб., въ 1890—1893 гг.—77 мил. руб., въ 1893—1897 гг.—276 мил. руб.". Выводъ, къ которому приходитъ на основаніи этихъ цыфръ проф. Ланговой таковъ: „Какъ видно ростъ русской промышленности совершается съ замѣчательной интенсивностью, при чемъ напряженность эта быстро увеличивается: ежегодный приростъ за періодъ

Объ руку съ невѣжествомъ въ народной жизни обыкновенно идетъ глупость. Поэтому, вѣрно, и г. Меньшиковъ, признавъ нашъ народъ невѣжественнымъ, не удержался отъ соблазна и наградилъ его „придурковатостью", глупостью, которая держитъ въ плѣну и „образованные классы". Гдѣ живетъ г. Меньшиковъ? Гдѣ изучаетъ Россію? Во многихъ грѣхахъ можно упрекнуть нашъ народъ: и въ лѣности, и въ распущенности, и въ легкомысліи, но только не въ глупости. Право, можно подумать, что Нововременскій публицистъ только что возвратился изъ путешествія въ Пошехонье и вынесенныя оттуда свои впечатлѣнія распространилъ на всю Россію. Правда, нашъ простолюдинъ способенъ иногда напустить на себя придурковатый видъ, но только для того, чтобы легче надуть простака-барина, если такой подвернется ему подъ руку. Вѣдь, читалъ же когда-нибудь г. Меньшиковъ „Два сорока бывальщинъ" превосходнаго знатока нашего народнаго быта, Даля. Тамъ какъ разъ находится множество примѣровъ находчивости и сообразительности русскаго человѣка. А развѣ теперешняя война съ Японіей дала мало примѣровъ находчивости русскаго человѣка и умѣнья быстро приспособиться къ совершенно новымъ для него условіямъ жизни? Чего стоитъ ужъ одна эта способность нашихъ солдатъ объясняться съ китайцами, корейцами и японцами при обоюдномъ незнаніи языка другъ друга! Самъ народъ нашъ отлично сознаетъ свое превосходство передъ другими народами въ находчивости, а потому и относится къ чужестранцу слегка покровительственно-насмѣшливо (ср. „Думы о счастьи", стр. 34).

1893—1897 гг. превышаетъ приростъ предшествующаго періода болѣе, чѣмъ въ три съ половиною раза, а перваго періода—почти въ пять разъ" (Ор. с., стр. 242).

По мѣрѣ развитія производствъ увеличивается и число фабрично-заводскихъ рабочихъ. Достойно вниманія то обстоятельство, что количество рабочихъ рукъ возрастаетъ не пропорціонально увеличенію продуктивности производствъ, а въ болѣе слабой степени... Такой результатъ даетъ право сдѣлать заключеніе о томъ, что техническая сторона производствъ постепенно совершенствуется, при чемъ, соотвѣтственно этому увеличивается и продуктивность рабочаго. Эта производительность составляла, въ среднемъ, за 1887 г. около 1,000 р. на рабочаго, въ 1897 г. она уже достигла 1,350 р. (ib. стр. 242 и сл.).

„Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что увеличеніе производительности рабочаго должно быть отнесено не только на счетъ улучшенія техническаго оборудованія фабрикъ и заводовъ, но и на счетъ улучшенія качествъ самого рабочаго. Соотвѣтственно съ этимъ возрастаетъ и заработная плата" (ib., стр. 243).

Любопытно было бы теперь знать, въ чемъ выражается плѣнъ, въ которомъ, по мнѣнію г. Меньшикова, народная глупость держитъ и образованные классы. Вѣдь, не помѣшала же народная глупость Лобачевскому создать свою всемірно-извѣстную геометрію не-эвклидова пространства, Менделѣеву выступить со своей знаменитой таблицей, которая дала новую эпоху въ исторіи химіи, Яблочкову впервые поставить на практическую ногу освѣщеніе электричествомъ, Попову, опередившему Маркони, произвести свои опыты безпроволочнаго телеграфированія. Я беру здѣсь первыя, пришедшія мнѣ въ голову имена. А сколько къ нимъ можно было бы прибавить другихъ славныхъ именъ? Впрочемъ, я думаю, что и самъ г. Меньшиковъ не вѣритъ въ то, что онъ говоритъ. Ряды ученыхъ и изобрѣтателей настолько полны въ Россіи и труды ихъ настолько значительны, что иностранцы считаютъ уже необходимымъ для себя знаніе русскаго языка и постепенно вводятъ его изученіе въ свои школы. Послушайте теперь, что говоритъ самъ г. Меньшиковъ о томъ великомъ значеніи, какое имѣетъ для нашей интеллигентной жизни приливъ свѣжей народной струи: „Постоянный притокъ хотя и варварскаго и во многомъ темнаго народнаго міросозерцанія освѣжалъ верхи общества доподлинной народной волей, народнымъ здравымъ пониманіемъ дѣйствительности и коренныхъ нуждъ; онъ соединялъ эти верхи и роднилъ ихъ съ землею“ (стр. 36).

Если такимъ образомъ обвиненія г. Меньшикова въ невѣжествѣ являются по крайней мѣрѣ преувеличенными, а въ придурковатости и глупости прямо таки странными, то не болѣе могутъ быть признаны справедливыми и указанія на нашу какую то особенную бытовую нечестность, продажность, жестокость, распутство, пьянство, неуваженіе къ правамъ человѣка, которыя будто бы проникаютъ населеніе Россіи до его корней. Какими наивными считаетъ Нововременскій публицистъ своихъ читателей, если думаетъ, что они повѣрятъ ему на слово? А Панама и дѣло Эмберовъ во Франціи? Или теперешнее разслѣдованіе о доносахъ и шпіонствѣ въ арміи, которое стоило генералу Андре министерскаго портфеля? Въ Германіи также недавно надѣлалъ много шума процессъ графа Мирбаха, затронувшій верхушки нѣмецкаго аристократическаго общества и даже придворныя сферы. И въ Англіи въ свое время были скомпрометтированы въ предосудительныхъ поступкахъ лица, окружавшія теперешняго короля Эдуарда VII, который былъ тогда наслѣдникомъ престола. Что касается жестокости, то пусть г. Меньшиковъ справится со статисти-

кой самоубійствъ въ австрійской арміи вслѣдствіе дурного обращенія начальства съ подчиненными. Сколько ни говорятъ о „рукоприкладствѣ“ въ нашей арміи, но у насъ, слава Богу, никогда дѣло не доходитъ теперь до такого униженія человѣческаго достоинства, какъ въ германской арміи, въ которой унтеръ-офицеры заставляютъ иногда своихъ солдатъ, какъ скотину, жевать сѣно или, что, пожалуй, еще хуже, свои грязные носки, а порой продѣлывать и другія вещи, еще лучше этихъ.—Усчитать распространеніе распутства среди той или другой націи очень мудрено, потому что проявленія его съ трудомъ поддаются регистраціи, а потому и ускользаютъ изъ подъ контроля статистики. Во всякомъ случаѣ не лишеннымъ значенія является тотъ фактъ, что репутація Вавилона, если можно такъ выразиться, во вселенскомъ сознаніи утвердилась не за Москвою или Петербургомъ, а за Парижемъ, гдѣ свили себѣ прочное гнѣздо самыя утонченныя формы разврата. Въ концѣ концовъ, нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что любой изъ западно-европейскихъ народовъ со стороны распутства чище русскаго народа. Ранніе браки, столь обычные въ Россіи и вызываемые отчасти экономическими соображеніями, заставляющими какъ можно ранѣе вводить въ семью лишнюю работницу, парализуютъ развитіе разврата въ широкихъ кругахъ нашего населенія. Далѣе, русскій народъ по преимуществу земледѣльческій: фабричная промышленность развита въ немъ сравнительно слабо, а потому и развращающее вліяніе фабрики, всѣми признанное, не можетъ еще оказывать на него въ массѣ такого воздѣйствія, какъ на народы Запада. Еще болѣе голословнымъ является и обвиненіе русскаго народа въ пьянствѣ. Хотя, по преданію, великій князь кіевскій Владиміръ и сказалъ: „Веселіе есть Руси пити“ и будто бы даже по этой причинѣ отвергъ мусульманскихъ миссіонеровъ, однако, русскій народъ никакъ не можетъ претендовать на пальму первенства въ этомъ порокѣ. Лишаютъ его этой чести неумолимыя статистическія данныя, такъ какъ оказывается, что изъ четырнадцати культурныхъ странъ Стараго и Новаго Свѣта Россія по процентному потребленію спирта занимаетъ всего только третье *отъ конца* мѣсто. Когда говорятъ о пьянствѣ въ Россіи, то обыкновенно имѣютъ въ виду при этомъ простой народъ; какъ кажется, и г. Меньшиковъ своимъ выраженіемъ: „народъ, безобразно перепивающій“, указываетъ на пьянство именно въ средѣ нашего крестьянства. Но извѣстно ли г. Меньшикову, что въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ подъ вліяніемъ духовенства какъ разъ эту среду охватило сильное движеніе въ

пользу трезвости въ губерніяхъ Ковенской, части Виленской, Гродненской, Саратовской, Владимірской, Пензенской, Тульской, Тверской, Екатеринославской и другихъ? Крестьяне въ этихъ губерніяхъ составляли приговоры, чтобы не пить вина и грозили штрафами и тѣлесными наказаніями нарушителямъ этихъ приговоровъ. Со введеніемъ казенной продажи вина борьбу съ пьянствомъ взяло въ свои руки правительство и успѣшно ведетъ ее путемъ устройства чайныхъ, общедоступныхъ чтеній и развлеченій. Впрочемъ, и теперь не такъ ужъ рѣдко приходится намъ читать о крестьянскихъ приговорахъ по поводу закрытія въ томъ или другомъ селѣ даже казенныхъ винныхъ лавокъ. Въ интеллигентномъ обществѣ если не избѣгаютъ спиртныхъ напитковъ, то во всякомъ случаѣ мы не дошли до такого культа пьянства съ выработаннымъ особымъ ритуаломъ, какой практикуется у нѣмецкихъ буршей.

Не будемъ также вѣрить на слово г. Меньшикову на счетъ какого то особеннаго неуваженія къ правамъ человѣка, замѣченнаго будто бы имъ въ средѣ русскаго народа и наведемъ справки по этому поводу въ авторитетной статьѣ нашего извѣстнаго юриста г. Е. Тарновскаго: „Преступность", помѣщенной въ сборникѣ В. И. Ковалевскаго. И что же оказывается? По даннымъ статистики общая преступность въ Россіи увеличивается значительно медленнѣе, чѣмъ въ Германіи или Франціи. Мало того, между Россіей и самыми передовыми странами западной Европы, какъ-то Германіей, Австріей и Франціей наблюдается аналогія въ томъ отношеніи, что увеличивается главнымъ образомъ мелкая преступность, болѣе же тяжкія формы преступленій уменьшаются или остаются безъ перемѣны. Если мы поинтересуемся географическимъ распредѣленіемъ преступности въ Россіи, то увидимъ, что развитіе наибольшей преступности наблюдается на окраинахъ: на Кавказѣ, въ привислянскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ, *тогда какъ губерніи съ чисто русскимъ населеніемъ лежатъ въ области слабой преступности* (Ор. с. стр. 933 и сл.).

Подвести подъ математическую формулу творческія способности того или другого народа довольно мудрено. Не изобрѣтено также до сихъ поръ и прибора въ родѣ химическихъ вѣсовъ для оцѣнки талантовъ отдѣльныхъ художниковъ. Однако, и безъ этого можно сказать, что русскій народъ въ достаточной мѣрѣ проявилъ свои творческія способности въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ и смѣло можетъ глядѣть въ глаза любому изъ западно-европейскихъ народовъ, не говоря ужъ объ азіатскихъ. Правда, г. Меньшиковъ съ паѳосомъ

восклицаетъ: много ли у насъ талантливыхъ людей на 140-милліонный народъ! Но на это можно отвѣтить также двумя вопросами: а вычелъ ли изъ этой цифры г. Меньшиковъ всѣхъ инородцевъ, которые въ данномъ случаѣ въ счетъ не идутъ? и затѣмъ, на сколько милліоновъ по статистикѣ Нововременскаго публициста въ западной Европѣ приходится по генію? Право, на основаніи его статей можно подумать, что если намъ придать немножко того, что есть на Западѣ, то у насъ сразу станетъ въ нѣсколько разъ болѣе геніевъ, чѣмъ теперь. Но, вѣдь, разсуждая такъ, мы дойдемъ до того, что признаемъ возможнымъ разводить геніевъ, какъ огурцы, въ парникахъ. Довольно съ насъ того, что у насъ существуетъ своя національная литература, своя національная музыка, живопись и т. д. съ извѣстными имъ исключительно свойственными характерными чертами, которыя онѣ внесли какъ свой вкладъ во всемірную сокровищницу. Довольно того, что наши лучшіе писатели, поэты, музыканты, художники, являясь выразителями нашихъ національныхъ особенностей, нисколько не уступаютъ лучшимъ своимъ собратьямъ въ западной Европѣ. Не даромъ же тамъ такъ интересуются нашей литературой, нашимъ искусствомъ. Г. Меньшиковъ утверждаетъ, что у насъ будто бы народное искусство ничтожно, а письменности и вовсе нѣтъ. Мнѣ кажется, что ни то, ни другое не справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, пусть сравнитъ Нововременскій публицистъ жилище нашего великорусскаго зажиточнаго крестьянина, изукрашенное рѣзьбой, съ домомъ даже зажиточнаго нѣмецкаго бюргера, и это сравненіе будетъ не въ пользу послѣдняго*). Также мало можно говорить о ничтожествѣ русской народной живописи. Достаточнымъ опроверженіемъ этого служитъ наша иконопись съ ея самостоятельно выработанными и ей одной свойственными пріемами. А лубочныя картинки, отражающія воззрѣнія народа на крупныя событія нашей исторіи? Едва-ли онѣ стоятъ по своему значенію ниже соотвѣтствующихъ произведеній у западно-европейскихъ народовъ (ср. Снегиревъ „Русск. нар. галлерея"). А про пѣсни, наши чудныя народныя пѣсни, которыя способны вышибить слезу у самаго черстваго человѣка, которыми такъ восхищаются западно-европейскіе цѣнители музыки, г. Миньшиковъ, вѣрно, забылъ? Еще болѣе мы имѣемъ право гордиться нашей народной словесносностью съ ея сказками, былинами, пословицами, поговорками, загадками, духовными стихами и т. д. Да и въ области танца русскій народъ не уступитъ пальмы первенства никакому другому. Для того, чтобы

*) Ср. отзывъ В. В. Верещагина „Мирный Трудъ" № 10, стр. 115.

убѣдиться въ этомъ, стоитъ только полюбоваться нашимъ народнымъ хороводомъ, который при извѣстномъ искусствѣ со стороны исполнителей удивительно выразителенъ и красивъ. Что касается народной письменности, то тутъ ужъ г. Меньшиковъ совершенно заблуждается, отрицая ея существованіе у насъ. А развѣ духовныя сказанія и апокрифы, которыми зачитывались наши предки, давая ихъ сюжетамъ самостоятельную разработку, не принадлежатъ къ области народной письменности? Между тѣмъ ими переполнены сохранившіеся рукописные сборники. Наберется у насъ достаточное количество и свѣтскихъ народныхъ повѣстей, напримѣръ, „О Фролѣ Скобѣевѣ", „О Горѣ-Злосчастьѣ", „О купцѣ Басаргѣ", „О Саввѣ Грудцынѣ" и мн. др. Какъ же одностороненъ г. Меньшиковъ, если онъ забылъ обо всемъ этомъ, и даже упустилъ изъ виду то, что самъ сказалъ на этотъ счетъ въ своихъ „Думахъ о счастьѣ": „Вы встрѣтите здѣсь" (т. е. въ средѣ народа) ...„богатую неписанную литературу, богатую музыку"...(стр. 47).

Въ связь съ убожествомъ духовнымъ г. Меньшиковъ ставитъ и убожество матеріальное, которое онъ приписываетъ русскому народу, называя его нищимъ.

Но можно ли говорить о нищенствѣ народа съ бюджетомъ въ два милліарда? Правда, нашъ государственный долгъ очень великъ: у одной только Франціи онъ больше. Но если мы раздѣлимъ общую сумму его на число жителей, то не окажется ни одной великой державы, въ которой на душу народонаселенія приходилось бы такъ мало государственнаго долга. Далѣе, международный торговый балансъ за послѣднее время, за исключеніемъ неурожайнаго 1899 года, былъ въ нашу пользу. Слѣдовательно и наше финансовое положеніе не такое безотрадное. Еслибы Россія была нищей, какъ думаетъ это г. Меньшиковъ, то она не могла бы справиться, и притомъ въ короткое время, съ такимъ колоссальнымъ предпріятіемъ, какъ Сибирская дорога. На сколько прочно стоитъ наше финансовое положеніе на международномъ рынкѣ, это показываетъ настоящая война съ Японіей. Если г. Меньшиковъ думаетъ въ данномъ случаѣ о бѣднѣйшемъ классѣ нашего народонаселенія, о крестьянствѣ, то положеніе нашего крестьянства никакъ нельзя назвать худшимъ, чѣмъ западноевропейскаго: тамъ только теперь додумались до государственнаго страхованія рабочихъ, у насъ же давнымъ-давно существуетъ неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ и оказывается очень цѣлесообразной мѣрой, которая обезпечиваетъ нашего крестьянина отъ крайней нужды. Объ относительномъ

увеличеніи благосостоянія всѣхъ вообщѐ классовъ русскаго народонаселенія можно отчасти судить на основаніи поразительнаго роста суммъ, которыя поступаютъ въ государственныя сберегательныя кассы: такъ на 31 декабря 1890 г. въ нихъ лежало капиталовъ на 147.043,000 руб., а къ 1903 г. они возрасли до 1.021.600,000 р. Итакъ говорить о нищенствѣ Россіи, при ея благопріятномъ международномъ балансѣ и при послѣдовательномъ увеличеніи народныхъ сбереженій, кажется, не приходится. Нашимъ зарубежнымъ братьямъ славянамъ, какъ глядящимъ со стороны на нашу жизнь, многія явленія въ ней представляются въ болѣе ясномъ видѣ, чѣмъ намъ. И вотъ между прочимъ какой отзывъ на счетъ нашего матеріальнаго благосостоянія дѣлаетъ соціалистскій депутатъ австрійскаго парламента Клофачъ, по происхожденію славянинъ: „Тамъ" (т. е. въ Россіи), замѣчаетъ онъ, „находится 140-милліонный народъ, сердце котораго чистый алмазъ и чья жизнь учитъ насъ, въ чемъ заключается дѣйствительная соціальная работа. Тамъ находится свѣжая почва, которую человѣкъ еще только выглядываетъ. И въ то время, когда мы здѣсь бѣдствуемъ безъ хлѣба въ этой развращенной вырождающейся Европѣ, тамъ отъ Урала до Великаго Океана глазамъ нашимъ представляется необозримый край неисчерпаемо богатый, какою была Европа 2,000 лѣтъ тому назадъ, край, въ которомъ нѣтъ нищеты и нѣтъ голода" („Славянскій Вѣкъ", 1904 г., № 87, стр. 446).

Отмѣтивъ столько темныхъ сторонъ въ нашей жизни, г. Меньшиковъ останавливается также и на разницѣ въ смертности у насъ и въ западно-европейскихъ государствахъ и на основаніи ея составляетъ заключеніе о болѣзненности Русскаго народа. Здѣсь я прежде всего долженъ отмѣтить, что показаніе Нововременскаго публициста, будто въ Россіи умираетъ ежегодно 36 человѣкъ на 1000 жителей невѣрно. По даннымъ статистики оказывается, что въ дѣйствительности смертность у насъ нѣсколько ниже, а именно 34 на 1000, въ послѣдніе же годы она доходитъ даже до 32 человѣкъ. Конечно, процентъ этотъ довольно высокъ, но важенъ фактъ, что онъ послѣдовательно и неуклонно понижается по мѣрѣ того, какъ вводятся различныя усовершенствованія въ постановкѣ врачебнаго дѣла въ Россіи. Еще болѣе надежнымъ залогомъ дальнѣйшаго уменьшенія смертности у насъ служитъ тотъ фактъ, что въ Россіи сельское народонаселеніе во много разъ преобладаетъ надъ городскимъ: это послѣднее составляетъ всего лишь 13% общаго числа населенія. Что же касается преимуществъ деревенской

жизни надъ городскою при равныхъ условіяхъ, то противъ этого никто спорить не можетъ. Не станетъ возражать на это, конечно, и самъ г. Меньшиковъ, который въ „Думахъ о о счастьѣ“ является горячимъ пропагандистомъ житья въ деревнѣ. Поэтому мы получаемъ полное право надѣяться, что по мѣрѣ улучшенія питанія народа и ознакомленія его съ правилами гигіены процентъ смертности у насъ не только падетъ ниже теперешняго, но и окажется меньшимъ, чѣмъ у народовъ Западной Европы. Для этихъ же послѣднихъ прогностика въ данномъ вопросѣ оказывается не столь благопріятной. Дѣло въ томъ, что въ Западной Европѣ сельское населеніе неудержимымъ потокомъ стекается въ города, увеличивая до чрезмѣрности ряды пролетаріата. Такъ, въ Германіи сельское населеніе составляетъ лишь 43% всего населенія, во Франціи—41%, въ Англіи же оно доходитъ только до 12%. А между тѣмъ извѣстно, какъ разрушительно дѣйствуетъ городская жизнь на нравственность и на физическое состояніе рабочаго класса. Разлагающее вліяніе ея прежде всего сказывается на семьѣ, которая представляетъ собою необходимую основу здороваго существованія человѣка и надежду на продолженіе рода. Самъ г. Меньшиковъ, въ своихъ „Думахъ о счастьѣ“ позаботился разсѣять на этотъ счетъ какія бы то ни было иллюзіи. Вотъ что онъ говоритъ: „какая же у парижскаго, напримѣръ, рабочаго „„семья““? Не выше, чѣмъ у обезьянъ, и даже ниже. Каждая обезьяна у себя въ лѣсу въ состояніи имѣть дѣтей, ощущать лучшую на свѣтѣ радость—возиться съ крошечными существами, такъ забавно на нее похожими. Рабочій „„конца вѣка““ очень часто уже лишонъ этой радости: вмѣсто жены у него проститутка, дѣтей не полагается или они забрасываются въ воспитательные дома. А если и не забрасываются, то гніютъ въ подвалахъ, заморенные, желтые. Гуляя по тротуару, загляните въ низенькія оконца вровень съ мостовой: часто вы увидите тамъ крохотную дѣтскую головку у вашихъ ногъ, тянущуюся къ свѣту какъ жалкій блѣдный отросточекъ; надъ этой грязной и больной головкой поднимается громада пяти этажей, какъ бы придавливающая всею тяжестью это маленькое существо. „„Семья““ въ подвалѣ, семья въ углу, тѣснящаяся около одной грязной кровати... „„Къ коечнику, разсказываетъ одинъ наблюдатель дома, гдѣ ютится голь,—къ коечнику зачастую приходитъ ночевать жена, или женщину, снимающую ничѣмъ не отгороженный, не завѣшенный уголъ, навѣщаетъ ея сожитель. Беременная родитъ тутъ-же, на глазахъ всѣхъ, при са-

мой суровой обстановкѣ. На работу она ходитъ почти до самыхъ родовъ; докторская, акушерская помощь ей совершенно недоступна... И въ этой трущобѣ однихъ дѣтей живетъ около 240 душъ““ (стр. 96 и сл.). Существуютъ въ западно-европейской культурѣ и другія условія, которыя имѣютъ своимъ послѣдствіемъ страшное вырожденіе не только бѣднѣйшаго городского класса, но и людей вполнѣ обезпеченныхъ и даже богатыхъ.

Знаетъ это отлично и г. Меньшиковъ, замѣчая на этотъ счетъ слѣдующее: „Къ удивленію антропологовъ... въ наиболѣе цивилизованныхъ центрахъ, въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ открыты цѣлыя расы вырожденія—малорослые, длинноухіе, узколобые, худосочные заморыши, и одинаково какъ въ рабочемъ классѣ, такъ и среди кровной аристократіи. Здоровые, нормальные люди въ большихъ городахъ всегда оказываются или провинціалами или дѣтьми провинціаловъ: въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ человѣческій типъ въ этихъ центрахъ истощается и мельчаетъ“. („Думы о счастьѣ“, стр. 68). Такимъ образомъ, по словамъ самого г. Меньшикова, оказывается что „выселеніе изъ міра естественныхъ условій въ міръ искусственный есть медленное массовое самоубійство“. (Ор. с., стр. 69). Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что г. Меньшиковъ приходитъ къ такому выводу: „Несмотря на тщательныя санитарныя мѣры, обиліе медицинской помощи, чистоту улицъ и отхожихъ мѣстъ, населеніе городовъ быстро вымерло бы, если бы не было безпрерывнаго притока свѣжихъ соковъ деревни. Города, говоритъ Максъ Нордау, въ гигіеническомъ отношеніи тѣ же болота: жители неизбѣжно вымираютъ отъ малярійнаго отравленія“ („Думы о сч.“, стр. 71). Но этого мало: г. Меньшиковъ позаботился подкрѣпить даже ссылкой на ученые авторитеты свое положеніе о вредѣ городской жизни и о неизбѣжности вырожденія и вымиранія для народовъ западной Европы отъ усиленія ея среди нихъ. Такъ онъ ссылается на слова проф. Эрба, который утверждаетъ, что „*нужны спеціальныя мѣры, дабы отстоять нашу культуру и даже самое существованіе цивилизованныхъ народовъ*“ *), а также на свидѣтельство извѣстнаго соціолога Летурно, который находитъ, что современный „прогрессъ ведетъ не только къ физическому, но и *психическому* *) вырожденію: къ страшному развитію эгоизма въ обществѣ и небывалой алчности къ наживѣ“. „Летурно“, какъ говоритъ г. Меньшиковъ, „полагаетъ, что эта темная страсть погубитъ европейскую цивили-

*) Курсивъ подлинника.

зацію; послѣдней угрожаетъ „„самая безславная смерть— смерть отъ денегъ““ („Думы о сч.“ стр. 80).

Подводя итогъ всему сказанному, мнѣ кажется, мы въ правѣ сдѣлать выводъ, что г. Меньшиковъ совершилъ двойную ошибку: съ одной стороны, онъ, забывъ о своихъ прежнихъ совершенно справедливыхъ соображеніяхъ относительно темныхъ сторонъ западно-европейской культуры, въ настоящее время слишкомъ ужъ обобщаетъ ея свѣтлыя явленія; съ другой стороны, ту же самую операцію онъ производитъ по отношенію къ нашей жизни, но только въ обратномъ смыслѣ. Истина, какъ это часто случается, и въ данномъ случаѣ, скорѣе всего, лежитъ въ серединѣ. Западно-европейская жизнь при многихъ своихъ блестящихъ проявленіяхъ обнаружила не меньшее количество и злокачественныхъ язвъ, которыя грозятъ гибелью всему организму и отъ которыхъ лучшіе умы ищутъ исцѣленія. Въ свою очередь, и въ нашей жизни при здоровыхъ корняхъ есть много печальныхъ явленій, съ которыми мы должны бороться всѣми силами во имя свѣтлаго и великаго будущаго, ожидающаго насъ. Само собою разумѣется, что для всесторонняго освѣщенія какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ сторонъ нашей жизни, понадобились бы цѣлые томы сочиненій и годы работы, такъ какъ матеріалъ для этого представляетъ собою безбрежное море, которое исчерпать едва-ли кому-нибудь удастся. Но во всякомъ случаѣ за то, что такой народъ, какъ русскій, сумѣетъ отстоять, свое мѣсто среди другихъ народовъ, бояться не приходится.

Въ заключеніе я позволю себѣ возвратиться къ тому сравненію, которымъ началъ свою рѣчь. Въ эпоху Крымской войны Россія предстала на Судъ Божій,

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Въ настоящее время святая Русь чиста отъ многихъ изъ своихъ прежнихъ тяжкихъ грѣховъ. Невиновна она и въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ недостаткахъ, которые приписываетъ ей г. Меньшиковъ, или по крайней мѣрѣ далеко не въ той степени, въ какой хочетъ это онъ показать. Но за то теперешняя война обнажила съ полной ясностью два нашихъ грѣха: это политическую недальновидность нашего общества и легкомысленное отношеніе его къ нашему врагу. Наказаніемъ за эти грѣхи служитъ кровь, которую проливаютъ теперь наши герои на фор-

тахъ Портъ-Артура, давая намъ время одуматься и сосредоточить свои силы для побѣды надъ врагомъ. Но есть на совѣсти у насъ чуть ли не еще болѣе тяжкій грѣхъ, чѣмъ оба вышеупомянутые: это грѣхъ забвенія исконныхъ русскихъ началъ, слѣпого увлеченія космополитическими идеалами Запада и презрѣнія ко всему родному. Очиститься отъ этого грѣха русскій народъ долженъ во что бы то ни стало: иначе ему грозитъ гибель. Вѣдь, самъ же г. Меньшиковъ говоритъ: „отступничество отъ истинно-народныхъ началъ есть измѣна природѣ, она влечетъ за собою рядъ неизлѣчимыхъ бѣдъ въ исторіи. Наоборотъ: какъ быстро расцѣтали страны, когда онѣ возвращались къ народнымъ основамъ" („Думы о сч.", стр. 60)! Но для этого мы прежде всего должны внимательно и добросовѣстно изучать свою родину, а не забрасывать ее легкомысленно грязью, какъ поступаетъ г. Меньшиковъ и ему подобные, да не коснется насъ слово поэта:

Презрѣнный лжецъ исканьемъ правды новой
Зоветъ свои презрѣнныя мечты.
Своей хвалой врага вѣнчать готовый,
Онъ упоенъ безстыдствомъ клеветы.

Предъ Западомъ холопски пресмыкаясь,
Оттуда онъ себѣ награды ждетъ.
И свой народъ, униженно ласкаясь,
Его врагамъ безстыдно продаетъ...

Любить свой край... Но, спроситъ онъ, за что же?
За ложь его—что родина дала?
Ея враги заплатятъ и дороже
За клевету, за темныя дѣла.

Страшна война... Но этотъ трусъ—страшнѣе:
Въ предательствѣ геройство видитъ онъ
И въ день бѣды, холопства не жалѣя,
Идетъ къ врагамъ народа на поклонъ...

Проф. Я. А. Денисовъ.

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Югославянская журналистика не изобилуетъ множествомъ журналовъ уже потому, что южные славяне слишкомъ поглащены партійною, политическою борьбою и удѣляютъ очень мало времени литературѣ и искусству. Особенно въ жалкомъ положеніи дѣло журналистики находится въ Хорватіи, тамъ даже такой отличный и старый журналъ, какимъ былъ „Вѣнацъ" (Vienac), не удержался и, послѣ того, какъ академія въ прошедшемъ году отказала ему въ поддержкѣ [1]), прекратилъ свое существованіе. „Вѣнацъ" выходилъ еженедѣльно въ форматѣ нашей Нивы, и нѣтъ ни одного выдающагося хорватскаго писателя, который бы не началъ въ немъ своего поприща. Выходилъ „Вѣнацъ" 34 года и отличался богатствомъ своего содержанія и всесторонностью своихъ извѣстій, особенно изъ славянскаго міра. Погубили Вѣнацъ католическіе фанатики, враги малѣйшаго проявленія самостоятельнаго мышленія и прогресса, и убійственное равнодушіе хорватской интеллигенціи, которая очень невѣжественна и почти ничего не читаетъ. Отлично изобразилъ это равнодушіе лучшій современный хорватскій писатель Ксаверъ Шандоръ-Гяльскій въ своемъ романѣ „Радмиловичъ" (Загребъ. 1894). Хорватскіе патріоты думаютъ, что они исполняютъ свой долгъ, внося подписныя деньги (рублей 8), за публикаціи „Матицы Хорватской" (Матица Хрватска), которая въ годъ даетъ 10 книгъ беллетристики. Всѣхъ книгъ „Матицы" вышло пока 243, въ томъ числѣ переводы изъ Пушкина, Тургенева, Шевченка и пр.

Степанъ Радичъ издаетъ какъ приложеніе къ своей „Хрватска Мисао" (Хорватская Мысль) „Нови Вѣнацъ"; но

---

[1]) Вѣнацъ въ 1903 г. получилъ отъ Хорватской Матицы субсидію 7800 коронъ и окончилъ годъ съ дефицитомъ (всего 24500 коронъ—недовыручено 2740 к.). „Наду" издавало собственно австрійское правительство въ Босніи, жертвуя ей ежегодно 50000 коронъ и все же за недостаткомъ подписчиковъ, должна была послѣ 9 лѣтъ, прекратить свое существованіе. Та же участь угрожаетъ сербскому „Бранково Коло".

это изданіе при всѣхъ его прекрасныхъ качествахъ слишкомъ незначительно, чтобы могло замѣнить старый „Вѣнацъ“ (Viепас). „Хорватская Мысль“ начала свой четвертый годъ изданія; въ первомъ изъ двухъ вышедшихъ выпусковъ переведена статья о Хомяковѣ изъ Славянскихъ Извѣстій, во второмъ—статьи Меньшикова о Петербургѣ (мнѣніе славянофила и западника). Степанъ Радичъ неустрашимый борецъ за славянскую идею, особенно же ратующій за единеніе южныхъ славянъ, въ настоящее время проживаетъ въ Сплитѣ въ Далмаціи, гдѣ обучаетъ совершенно безкорыстно хорватскую молодежь русскому языку и устраиваетъ „Русскій кружокъ“; дома, въ Хорватіи, это ему строго на строго запрещено. „Хрватска Мисао“ между тѣмъ продолжаетъ выходить подъ его редакціей въ Загребѣ. Братъ Степана Радича, Анте Радичъ, отличный знатокъ русскаго языка и русской литературы, издаетъ популярную еженедѣльную газету „Домъ“, преслѣдующую тѣ же цѣли, какъ и „Хрватска Мисао“.

Словинцы имѣютъ два очень недурныхъ журнала,—почти исключительно беллетристическіе,—которые оба выходятъ въ Люблянѣ. Первый изъ нихъ „Звонъ“ (Колоколъ) выходитъ уже 24 годъ ежемѣсячно небольшими книжками преимущественно литературнаго содержанія; второй—„Слованъ“ отличается отъ „Звона“ тѣмъ, что даетъ очень хорошія иллюстраціи. Сотрудники въ томъ и другомъ почти тѣ же самые—это лучшіе современные словенскіе писатели. Можетъ быть покажется страннымъ, но фактъ несомнѣнный, что словены (которыхъ, кстати сказать, у насъ постоянно смѣшиваютъ со словаками, населяющими сѣверную Венгрію) имѣютъ очень недурную литературу. За лучшаго ихъ поэта въ настоящее время можно считать Антона Ашкерца, который недавно издалъ свою четвертую книжку стихотвореній. Ашкерцъ—эпикъ и, такъ какъ онъ хорошій знатокъ славянства, то не ограничивается прославленіемъ своей родины, но заимствуетъ сюжеты своихъ стихотвореній у другихъ славянскихъ народовъ. Онъ посѣтилъ два раза Россію и воспоминаніямъ о своемъ путешествіи посвятилъ цѣлый рядъ стихотвореній (Изъ попутнаго дневника), какъ напр., „Въ домикѣ Петра Великаго“, „Памятникъ молодого Пушкина“, „Русская деревня“, „Въ храмѣ Христа Спасителя“, „Русскій языкъ“ и пр. Особенно задушевно поэтъ говоритъ о „прекрасномъ, братскомъ славянскомъ языкѣ“. Вотъ прозаическій переводъ одной изъ лучшихъ строфъ: „Ты, языкъ русскій, великанъ славянскій! ...нѣтъ, ты не можешь служить тиранамъ! Ты сотворенъ, чтобы быть владыкою міра, чтобы

быть глашатаемъ правды и свободы, чтобы показывать путь изъ темноты къ свѣту".

Очень удачны „Рапсодіи болгарскаго гусляра" въ томъ же сборникѣ; въ рапсодіяхъ воспѣты главные моменты освобожденія, прославлены первые его борцы, какъ напр. Василій Левскій, повѣшенный турками въ Софіи въ 1873 г. и Христо Ботевъ, погибшій въ 1876 г. на „Старой планинѣ" и проч. Ашкерцъ прекрасно знаетъ русскій языкъ, русскую литературу и издалъ для своихъ земляковъ Русскую антологію (1901, 464 стр.), переводъ избранныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ съ короткими біографіями. Антологія доведена до новѣйшихъ временъ. Кромѣ того въ теченіе 1903 г. въ „Звонѣ" онъ печаталъ свои „Два излета на Руско": т. е. два путешествія въ Россію. Ашкерцъ видитъ много свѣтлаго въ русскомъ народѣ, восхищается русской природой; его книга дышетъ любовью къ Россіи—и все же цензура не допускаетъ ее въ предѣлы Россіи и этимъ по истинѣ оскорбляетъ чувства этого убѣжденнаго руссофила. Мы во время заграничнаго путешествія прочли всю книгу Антона Антоновича, напрасно доискиваясь причинъ запрещенія, и пришли къ заключенію, что цензура просто запрещаетъ все, что пишется о Россіи, если это написано на языкѣ, ей мало извѣстномъ. Экземпляръ, подаренный намъ авторомъ, постигла на границѣ та же участь, какъ и нѣсколько выпусковъ Радичевой Хорватской Мысли.

Самыми выдающимися писателями среди словеновъ считаются въ настоящее время Иванъ Цанкаръ, Іос. Костаніевецъ, Франъ Говекаръ, Иво Шорли; изъ писательницъ Зофка Кведрова и Зофка Еловшекъ. Всѣ они сотрудничаютъ въ обоихъ журналахъ. Иванъ Цанкаръ занимаетъ по справедливости первое мѣсто. Несмотря на свою молодость, онъ уже издалъ нѣсколько томовъ повѣстей, три драмы, сборникъ стиховъ [1]), и работаетъ неутомимо. Форма его повѣстей превосходна, психологія очень хороша, но, къ сожалѣнію, его пессимизмъ дѣйствуетъ на читателя удручающимъ образомъ и менѣе всего можетъ принести пользу маленькому народу, борющемуся за свое существованіе. Цанкаръ съ особою любовью изображаетъ людей, нравственно погибшихъ, превосходно рисуетъ всѣ язвы современнаго человѣка, потерявшаго вѣру во все, но едва ли такой анализъ, уже вслѣдствіе своей односторонности, умѣстенъ именно въ словенскомъ народѣ, который только въ самое послѣднее время пробудился къ болѣе самостоятельной

[1]) Erotica—(Любовныя пѣсни), сожжены по распоряженію Люблянскаго епископа, который скупилъ всѣ экземпляры перваго изданія).

жизни. Цанкаръ, несомнѣнно подражая чужеземнымъ декадентамъ и символистамъ, представляетъ собою человѣка разочарованнаго, махнувшаго рукой на все. Впрочемъ въ послѣднихъ его сочиненіяхъ критики видятъ поворотъ къ лучшему. Въ „Звонѣ" читаемъ его большую повѣсть „На порогѣ", въ Словакѣ „Новелу доктора Грудна". Ближе, къ сожалѣнію, на этотъ разъ мы не можемъ распространяться ни о его дѣятельности, ни о прочихъ словенскихъ писателяхъ. Кромѣ беллетристики и отличнаго „листка" (особенно въ Словакѣ), дающаго много извѣстій изъ домашней и славянской литературы и искусства, оба журнала мало содержательны; въ русской литературѣ оба журнала особенно увлекаются „русской модерной" и „романтикомъ вагабундства, Максимомъ Горькимъ", которому Фр. Крашовецъ въ „Словакѣ" посвятилъ особую, хвалебную статейку (1903 г.). Въ 1904 г. старый, заслуженный патріотъ Іосифъ Бошнякъ [1]), по случаю своего юбилея (род. въ 1834 г.), который отпраздновалъ весь словенскій народъ весьма торжественно, написалъ для Словака свои воспоминанія о родномъ краѣ и о старой Любляни, которую ему пришлось посѣтить по случаю своего юбилея и, въ другой разъ, по случаю съѣзда соколовъ; на этотъ съѣздъ собралось нѣсколько тысячъ славянъ (больше всего чеховъ—до 2000). „Винко" Шерцль, бывшій знаменитый профессоръ харьковскаго и одесскаго университетовъ, потерявшій зрѣніе, но не утратившій доселѣ широкихъ умственныхъ интересовъ, далъ двѣ статейки по сравнительному языкознанію. Викентій Шерцль навсегда устроился въ Любляни; словаки очень уважаютъ стараго профессора, который распространяетъ между ними любовь и интересъ къ Россіи, находя при этомъ самаго энергичнаго помощника въ городскомъ головѣ Иванѣ Хрибарѣ, который во время „сокольскаго" праздника обратился къ присутствующимъ славянамъ на ихъ родномъ языкѣ и, вмѣстѣ съ др. Тавгаремъ, „начальникомъ Сокола", изъ съѣзда сдѣлалъ настоящій всеславянскій праздникъ. „Словакъ" далъ отчетъ объ этомъ празднествѣ, надѣлавшемъ столь много шума среди австрійскихъ охранителей пангерманизма. Въ „Звонѣ"—много мелкихъ статей по литературѣ; наше вниманіе обращаютъ „Письмо изъ Москвы" Ив. Пріятеля и Подлимбарскаго „Картинки изъ Моравіи". Во всякомъ случаѣ, кто читаетъ одинъ изъ этихъ журналовъ постоянно, можетъ въ довольно скоромъ времени познакомиться съ главными теченіями словенской литературы и о славянахъ

[1]) Оба брата Бошняка, Іосифъ и Михаилъ—выдающіеся политики и общественные дѣятели.

узнаетъ куда больше, чѣмъ изъ нашихъ толстыхъ журналовъ, которые на славянъ смотрятъ какъ на materia vilis, на что то недостойное ихъ высокаго космополитическаго полета.

„*Българска Сбирка*“ окончила въ 1903 г. десятый годъ своего существованія. Журналъ издаетъ С. С. Бобчевъ. По этому случаю издана особо: „Юбилейна книжка по случаю на десетгодишнината на Българска Сбирка“ [1]). Въ книжкѣ имѣются короткія біографіи сотрудниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже умерли. Многіе изъ сотрудниковъ прислали стихи, разсказы, статьи; содержаніе статей за десятилѣтіе придаетъ книжкѣ практическое значеніе. Кромѣ „Българской Сбирки“ въ Болгаріи выходитъ еще нѣсколько журналовъ: „Молодьи“ издаютъ Мисъль (редакторъ Д. Крстевъ); кружокъ профессоровъ Высокой школы издавалъ „Български прегледъ“; съ 1899 г. министерство народнаго просвѣщенія издаетъ „Сборникъ за народни умстворения, наука и книжница“ съ солидными научными статьями, особенно историческаго и этнографическаго содержанія. Выходитъ сборникъ разъ въ годъ большими томами. Литературное Общество [2]) издаетъ „Периодическо Списание“ преимущественно съ научнымъ содержаніемъ. Болгарская журналистика и вообще литература пока въ очень плачевномъ положеніи, все поглощено политикою и на литературу остается мало времени. Уже внѣшній видъ болгарскихъ журналовъ очень жалкій, что свидѣтельствуетъ о тѣхъ матеріальныхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходится бороться издателямъ. О гонорарѣ въ нашемъ смыслѣ не можетъ быть рѣчи; почти всѣ статьи безплатны. Больше всѣхъ, вѣроятно, распространена „Българска Сбирка“. Краса этого изданія—лучшій болгарскій писатель Ив. Вазовъ, разсказъ или стихотвореніе котораго помѣщаются на первомъ мѣстѣ почти въ каждомъ номерѣ „Сбирки“. За послѣдній годъ напечатаны имъ „Японски силуети“ (переведено съ французскаго перевода „Стихотвореній въ прозѣ“ японскаго писателя Геваша Хито-Хито), очеркъ „Просакъ“ (Нищій) и большой разсказъ изъ чешской жизни „Маргарита“, пока неоконченный. Не такъ давно вышелъ русскій переводъ избранныхъ повѣстей Вазова съ его біографіей. Впрочемъ не всѣ признаютъ высокія достоинства этого выдающагося писателя; „молодьи“ въ „Мысли“ безпощадно на него нападаютъ, отрицая его дарованіе, признанное не

---

[1]) Т. е. „Юбилейная книжка по случаю десятилѣтія Болгарской Сбирки“.

[2]) Полное заглавіе: Периодическо Списание на Българско Книжовно Дружество.

только на родинѣ, но повсюду среди славянъ, куда только проникли его сочиненія. Такова судьба всѣхъ старшихъ писателей—Врхлицкаго въ Чехіи, Сенкевича въ Польшѣ, Гяльскаго (Gjalski) въ Хорватіи, Змая въ Сербіи, Ваянскаго среди словаковъ; истинную оцѣнку дадутъ только будущія поколѣнія, но никогда критика не умалитъ огромныхъ заслугъ такихъ мужей, каковы Вазовъ для болгаръ и недавно умершій Змай Іовановичъ для сербовъ. Можно смѣло утверждать, что никто такъ ярко не изображаетъ Болгарію во время освобожденія и послѣ освобожденія, какъ Вазовъ. Онъ для новой Болгаріи то, чѣмъ былъ Любенъ Каравеловъ въ литературѣ для подневольной. 25 лѣтъ прошло отъ смерти Любена Каравелова, того неутомимаго борца за свободу своего народа и его просвѣтителя. Редакторъ „Сбирки" С. С. Бобчевъ съ горечью вспоминаетъ, что Каравеловъ пока не нашелъ своего біографа, что онъ пока не имѣетъ достойнаго памятника. С. С. Бобчевъ—старинный другъ Каравелова и такой же народолюбъ и славянофилъ, какъ онъ: оба они воспитанники Россіи, какъ и Ботевъ, пожертвовавшій такъ славно жизнью за родину. Для третьей книжки Бобчевъ написалъ статейку „*Славянство и Россія* по поводу перваго славянскаго концерта въ Софіи, устроеннаго 19 февраля сего года въ пользу Краснаго Креста Славянскимъ Благотворительнымъ Дружествомъ въ Софіи". Подобной всеславянской и руссофильской манифестаціи Софія пока не видѣла. Концертъ въ биткомъ набитой залѣ прошелъ блестяще; пѣсни, стихотворенія, музыкальныя пьесы—все дышало чувствомъ славянскаго братства. Были, между прочими, прочитаны стихотворенія Хомякова „Ода къ славянству", Пушкина „Клеветникамъ Россіи", „Славянству" Прерадовича, читались стихи по чешски, пѣлись славянскія пѣсни и гимны и по выраженію Бобчева, „всякая декламація, всякій гимнъ заключалъ въ себѣ что-то иносказательное, символическое. Всякая пьеса концерта припоминала славянство и его настоящее положеніе, наполняя атмосферу этой залы великими символами славянскаго братства. Впрочемъ весь концертъ былъ символомъ". Особенно всѣхъ привела въ восторгъ копія съ картины поляка Артура Гротгера „Славія" написанная имъ въ 1865 г. Германское море разбушевалось и гнѣвно ударяетъ своими волнами о славянскій берегъ. Соединенные славяне торопятся изваять изъ скалы на морскомъ берегу огромную статую Славіи. Чехъ, первый труженникъ, первый апостолъ славянской идеи, первый, кого можетъ проглотить германское море—заканчиваетъ свою работу на головѣ матери Славіи. На него смотритъ, мощный и сильный, русскій, готовый ему

помочь своей силою. Полякъ сидитъ возлѣ русскаго и перевязываетъ свою раненую руку; на него смотритъ съ состраданіемъ словакъ, держа въ рукѣ молотъ. По лѣстницѣ на статую взбирается свободный сынъ Черной Горы, а внизу у подножья статуи трудятся малороссъ, словинецъ и хорватъ. Недавно освобожденный сербъ помогаетъ взобраться на скалу болгарину, имѣющему въ знакъ турецкаго рабства феску на головѣ. Всѣ эти „дѣти" Славіи изображены нагими мальчиками; Славія, стоя въ лѣсахъ на скалѣ, держитъ въ рукѣ славянское знамя; къ лѣсамъ прикрѣплена елка съ надписью „Нѣх жіе славянщына" 30 мая 1865 г. Вѣна. Концертъ окончился живой картиной, въ которой центральное мѣсто занимала Россія, окруженная всѣми славянскими народами; мать Россія ихъ учитъ и ими руководитъ. Картина произвела сильное, потрясающее впечатлѣніе... „Боже Царя храни" громко поетъ весь залъ; „Боже Царя храни!" гремитъ военный оркестръ; „Боже Царя храни!" поетъ хоръ и всѣ дѣйствующія лица на сценѣ... То былъ историческій вечеръ, это не изгладится изъ памяти присутствовавшихъ долго и долго, потому что это глубоко запало въ сердца". Эта манифестація, повторенная во всѣхъ славянскихъ странахъ, доказала, что „славянскіе народы въ своей совокупности, сверху до низу, во всѣхъ слояхъ имѣютъ одну душу, и что это общая душа съ Россіей". Это великій урокъ, который русско-японская война дала не только славянству, но и всему міру.

Редакторъ Бобчевъ сверхъ того написалъ отличную статью „Къ исторіи греко-болгарской распри за церковно-народныя права". Ил. С. Бобчевъ написалъ о словакахъ и ихъ лучшемъ писателѣ и дѣятелѣ Свѣтозарѣ Хурбанѣ-Ваянскомъ. Въ 7-мъ номерѣ много мѣста удѣлено Чехову, изъ котораго Българска Сбирка много и охотно переводитъ. Въ послѣднемъ (8 №) Хр. П. Стоиловъ далъ извлеченіе статьи изъ пражской „Освѣты" о жизни и дѣятельности Константина Иречка, бывшаго министра народнаго просвѣщенія въ Болгаріи и лучшаго знатока исторіи и современнаго положенія этой страны. Иречекъ въ настоящее время—профессоръ вѣнскаго университета и работаетъ по славистикѣ неутомимо. Статья въ пражской „Освѣтѣ" была написана по случаю его юбилея (50 лѣтъ жизни). Българска Сбирка даетъ переводы разныхъ статей научнаго содержанія, малыхъ разсказовъ, новыхъ драмъ и пр. Постоянный отдѣлъ—„Книгопись" и „Лѣтопись" т. е. короткая хроника разныхъ событій—домашнихъ и заграничныхъ.

Э. Микшъ.

За что насъ ненавидитъ Европа?

За что насъ ненавидитъ Европа? „Что мы сдѣлали Англіи и другимъ нашимъ скрытымъ врагамъ на землѣ?“ Какъ объяснить эту „презрительную холодность, это отчужденіе, въ лучшемъ случаѣ—невѣжественное равнодушіе, которое переходитъ при первомъ же толчкѣ въ страхъ и ненависть?“—спрашиваетъ г. Меньшиковъ въ своихъ письмахъ къ ближнимъ. Намекъ на отвѣтъ мы находимъ у него самаго, хотя и не тамъ, гдѣ онъ хочетъ отвѣчать на поставленные вопросы.

Какой бы былъ выигрышъ въ судьбѣ человѣческой, говоритъ ниже почтенный писатель (позволимъ себѣ нѣсколько перефразировать его мысль), если бы римляне встрѣтили юныя германскія племена не ударами мечей, а словомъ братскаго привѣта! Не было бы этой кровавой борьбы, не палъ бы державный Римъ, не пали бы и народы сѣвера, и не водворилась бы въ Европѣ тьма на тысячу лѣтъ.

Да, г. Меньшиковъ, можетъ быть, и большой бы былъ выигрышъ, но его, къ сожалѣнію, не было. Не было потому, что судьбами народовъ управляютъ законы, стоящіе выше человѣческихъ плановъ и соображеній. Могъ ли державный Римъ, гордый и властолюбивый, упоенный обладаніемъ всего „orbis terrarum“, иначе, чѣмъ враждебно, встрѣтить молодыя германскія племена, несшія съ собой новый, чуждый для него, кругъ понятій и отношеній? Къ тому же эти племена были такія бѣдныя, такія дикія и невоспитанныя, что изысканному „благородному“ римлянину было прямо противно входить съ ними въ общеніе: они—варвары, „низшая раса“, рабы. Для младенчески-юнаго, полнаго свѣжихъ силъ германца старый, опьяненный своей культурой и застывшій въ своемъ величіи Римъ также не могъ быть другомъ. Чуждый формамъ и идеямъ, выработаннымъ римской исторіей, онъ смотрѣлъ на все „своими“ глазами. Принимая въ себя нѣкоторыя культурныя положенія великаго сосѣда, онъ чувствовалъ въ себѣ зачатки свѣжихъ творческихъ силъ, и, еще больше возбуждаемый къ тому пре-

зрительностью и враждебностью отношеній старика, чувствующаго приближеніе конца своей власти, онъ рѣшилъ, столкнувъ противника, стать самостоятельно на полѣ исторической жизни.

Дожилъ свой вѣкъ, сказалъ свое послѣднее слово и умеръ подъ ударами преемника славный Римъ. Наступили средніе вѣка. Это не было время полнаго застоя: теченіе жизни не можетъ останавливаться. Это не было отступленіе человѣческой мысли. Новый хозяинъ движенія обще-человѣческой культуры усваивалъ и перерабатывалъ наслѣдіе своего предшественника. Первоначальный синтезъ языческой римской культуры, христіанскаго ученія и германскаго народнаго духа далъ католичество. Дальнѣйшее теченіе жизни порываетъ ограниченность представленій. Кончается періодъ переработки, начинается періодъ чистаго творчества: Западъ начинаетъ выговаривать свое слово въ еще недосказанной фразѣ, предопредѣленной человѣчеству изъ таинственной глубины мірозданія.

Эта фраза и теперь не кончена. Сколько еще осталось недосказаннаго, и кто скажетъ въ ней послѣднее слово, можетъ знать лишь Всезнающій. И сколько словъ осталось еще впереди, столько должно быть и говорящихъ. Каждый говоритъ слово и уходитъ въ вѣчность. Впереди идущій читаетъ начертанное его предшественниками и силится понять его смыслъ, а потомъ говоритъ свое. Такъ чередуются поколѣнія, такъ было, есть и будетъ.

Тысячу лѣтъ назадъ на мягкой славянской почвѣ рукой христіанской церкви и византійской культуры брошено живительное сѣмя. Оно прижилось, почва оказалась удобной, вышелъ молодой зеленый ростокъ. Наступила зима. Налетѣла вьюга, морозъ—татарщина; почва окаменѣла; стебель засохъ, но сѣмя не умерло, въ немъ теплился огонь жизни. Прошла зима, унеслась вьюга, стала отходить замерзшая почва. Искра жизни въ сѣмени стала снова разгораться. Выглянулъ изъ сѣмени молодой росточекъ, сильный, задорный. Ничего на свѣтѣ не видалъ, да и похваляется: одинъ молъ я только и есть на свѣтѣ. Тянется ростокъ все выше и выше, чуетъ сверху тепло идетъ, слышитъ шумъ веселый, тянется, выглянуть хочетъ и... выглянулъ: наступили дни Великаго Петра.

Выглянулъ ростокъ бойко и весело.—Ого, какой забавный,—встрѣтили его окружающіе и стали разсматривать новичка, судить-рядить объ его судьбѣ. Ростокъ, выглянувъ на свѣтъ Божій, ошеломленный блескомъ окружающаго, стѣсняясь своихъ почтенныхъ сосѣдей, старался держать себя съ ними почтительно и предупредительно, хотѣлъ быть, „какъ большой“.

Старшіе хвалили, и вдругъ... ростокъ изъ желтаго, какими обыкновенно бываютъ всѣ молодые ростки, сосочка сталъ вытягиваться и свертываться въ своеобразную зеленую трубочку, сталъ принимать свои, особенныя, не такія, какъ у другихъ, формы и краски. —Онъ—не нашъ! онъ—чужой!.. пронеслось кругомъ, и всѣ посмотрѣли на него враждебно.

Да, г. Меньшиковъ. Этотъ вѣкъ отъ Петра до Пушкина, въ который „въ Европѣ вѣрили, что Россія—пробуждающійся міръ, Европѣ родственный", есть вѣкъ безсмысленнаго и слѣпого подражанія, осмѣяннаго и опротестованнаго лучшими русскими людьми того времени. У Великаго Петра подъ нѣмецкимъ кафтаномъ билось горячее русское сердце. Его ближайшіе преемники облачились въ нѣмецкіе кафтаны и вообразили, что этого достаточно, чтобы называться достойными послѣдователями завѣтовъ Великаго. А что горше всего,—явились нѣмцы, которые нашли, что всякій носящій нѣмецкій кафтанъ призванъ править русскими умами. Все, что томило и томитъ послѣдующую русскую жизнь—крѣпостное право, сословность, бюрократія—взято нами съ Запада и именно за этотъ злосчастный вѣкъ.

Наступило время Пушкина. Ребенокъ, подражавшій старшимъ и тѣмъ ихъ забавлявшій, заговорилъ, и заговорилъ на языкѣ сильномъ и звучномъ, мѣстами имъ непонятномъ.—Не нашъ, чужой! Подкидышъ! Азія подкинула!—завопила Европа.

Вѣрно! Не ихъ, а свой, особенный, молодой и сильный желающій жить и говорить по своему. Европѣ не понять Россіи, Россія чужда Европѣ. Чѣмъ отличается одна народность отъ другой, одна группа родственныхъ народностей отъ другой? Своеобразіемъ способностей воспріятія, своеобразіемъ творческихъ задатковъ. Одинъ и тотъ же предметъ различными народностями воспринимается различно. Для однихъ небо—даль необъятности, для другихъ—твердый колпакъ, для третьихъ—блистающая лазурь. Эти различія сказываются въ построеніяхъ языка. Языки западно-европейскихъ народовъ составляютъ одну родственную группу, языкъ русскій—языкъ иныхъ построеній, потому-то и выходятъ такъ неудачно наши грамматики, составляемыя слѣпо по образцу западно-европейскихъ. Одно и то же понятіе въ Россіи и въ Европѣ возбуждаетъ различныя представленія.

Возьмемъ примѣръ изъ области идеаловъ жизни общественной. Для насъ самодержавіе есть выраженіе довѣрія къ совѣсти и личному творчеству; для западно-европейца это—абсолютизмъ, произвольное нарушеніе закона т. е. беззаконіе.

Идея русскаго самодержавія, совмѣщающая въ себѣ свободу голоса народнаго и полноту власти государственной на началахъ взаимнаго расположенія и довѣрія, для западнаго ума непостижима, непонятна. Европу страшитъ эта могучая сила единенія царя и народа, и вотъ почему европейскіе враги Россіи оказываютъ такое сочувствіе и поддержку русскимъ революціонерамъ.

Въ Европѣ—партія, душащая меньшинство, у насъ—свобода личнаго творчества, дѣйствіе личности изъ сознанія общаго блага. На Западѣ—законъ, дѣйствующій формально, съ логической необходимостью, у насъ—совѣсть, чувство правды, свобода личнаго почина. Идеалы русской общественной жизни неизмѣримо нравственно выше идеаловъ западныхъ, и лишь возвращеніе къ нимъ можетъ дать Россіи покой свободнаго естественнаго развитія.

Переходя отъ идеаловъ жизни общественной къ идеаламъ жизни религіозной, мы также найдемъ полное своеобразіе, нравственную высоту, лишь загрязняемую внесеніемъ западныхъ идей. Намъ и Западу даны были мудрость греческая и христіанская истина, формулированная въ догматахъ вселенскихъ соборовъ. У насъ сѣмя пало на дѣвственную почву, высота принциповъ христіанскихъ почти совпала съ нравственнымъ уровнемъ принциповъ народныхъ, и мы хранимъ православіе, религію мира и любви. На Западѣ христіанство смѣшалось съ римскимъ язычествомъ и выродилось въ католичество; послѣднее, какъ реакцію, вызвало крайности протестантизма; и въ заключеніе вѣетъ призракъ безбожія, гоненія на вѣру: такъ умирающій Римъ ругался надъ своими богами.

Сравнивая мыслителей нашихъ и западныхъ, можно указать на громадное количественное превосходство Запада и на полноту и законченность формулировки западныхъ идей. Но проводить такого рода сравненія нельзя: нельзя сравнивать по богатству и полнотѣ ихъ мыслей умнаго, вполнѣ сложившагося по убѣжденіямъ мужчину зрѣлыхъ лѣтъ съ начинающимъ только самостоятельно мыслить, хотя бы и богато-одареннымъ ребенкомъ.

Русь не Азія и не Европа; Русь есть Русь, славянская Святая Русь. Народы Азіи, когда-то властители міра, отжили свой вѣкъ. Съ юга народы Западной Европы, съ сѣвера Россія, съ востока Америка—все тѣснѣе и тѣснѣе сжимаютъ роковое кольцо. Азіаты сопротивляются отчаянно, но безполезно. Японская война есть послѣдняя дикая судорога умирающаго материка. Его народы послужатъ матерьяломъ для образова-

нія новыхъ народностей. Наша борьба съ Японіей осложняется ненавистью къ намъ Запада; противъ Россіи пытаются возбудить ненависть всего міра. Но народы Азіи и Африки, надменно угнетаемые и торгашески эксплуатируемые Западной Европой, должны будутъ скоро понять Россію, несущую въ міръ торжество совѣсти, мира и любви.

Такъ вотъ, за что насъ ненавидитъ и боится Западъ: для него Россія какое-то непонятное историческое явленіе, грозное своей юной мощью, единеніемъ и громадой.

Россія не преслѣдуетъ цѣлей всемірнаго завоеванія силою оружія,—этому противорѣчатъ ея идеалы: она зоветъ всѣ народы къ братскому единенію. Но этотъ призывъ непонятенъ Западу. Развѣ могутъ, напримѣръ, постичь и принять его властители Индіи и побѣдители буровъ? И вотъ они становятся во главѣ враговъ Россіи.

На вызывающіе крики Россія протягиваетъ вѣтвь мира, но... „Какой бы былъ выигрышъ въ судьбѣ человѣчества!"— воскликнетъ нѣкогда будущій г. Меньшиковъ, если-бы... Пусть будетъ то, что будетъ. „Мы же будемъ защищать свое право на жизнь до ея послѣдней искры!"

студ. Ѳ. Ермоловъ.

Изъ забытаго альбома.

Ночи теплыя да лунныя,
Всплески веселъ на рѣкѣ,
Чей-то шопотъ, звуки струнные,
Чьи-то тѣни въ челнокѣ.
Небо звѣздное, безбрежное,
Ароматъ цвѣтовъ во мглѣ...
Неужели безмятежное
Счастье есть и на землѣ?

Ф. Пестряковъ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЪ.

„Русскій кружокъ" въ Варшавѣ.

„13 Сентября 1904 г. состоялась первая бесѣда послѣ каникулярнаго времени. Въ ея началѣ Генераломъ П. Е. Агапѣевымъ была высказана благодарность членамъ Русскаго Кружка за ихъ отзывчивость къ понесенной имъ утратѣ, гибели его сына на броненосцѣ „Петропавловскъ". Затѣмъ состоялся докладъ Штабсъ-Капитана Д. С. Всеволожскаго на тему: „Сводка всѣхъ статистическихъ данныхъ о дѣятельности школъ и пріютовъ по воспитанію и обученію православныхъ дѣтей города Варшавы".

Благодаря докладу выяснилось, что только 40 % дѣтей изъ 1000 призрѣваемыхъ всѣми благотворительными Обществами болѣе или менѣе самостоятельно могутъ вступить въ жизнь, а остальные 60 %, при той-же матеріальной затратѣ, какъ и для меньшинства, выпускаются неподготовленными для жизни, какъ по малому кругу образованія, такъ и по недостаточной зрѣлости возраста и слабому уровню знанія какихъ либо отраслей труда. По выслушаніи доклада предсѣдателемъ было выражено желаніе, поддержанное всѣми присутствующими: напечатать данный докладъ и собрать коммиссію изъ представителей всѣхъ школъ для обсужденія вопроса о связи всѣхъ Благотворительныхъ обществъ съ цѣлью выяснить: какое они могутъ оказать другъ другу содѣйствіе для скорѣйшей и возможной постановки и остальныхъ дѣтей (60 %) въ условія меньшинства. На бесѣдѣ присутствовалъ редакторъ Галичанина г. Марковъ, появленіе котораго было встрѣчено весьма сочувственно.

Изъ бесѣдъ съ г. Марковымъ выяснилось, что въ Галиціи также дѣло русскаго воспитанія поставлено далеко не

удовлетворительно и, дай Богъ, чтобы изъ 3000 школъ, значущихся по бумагамъ русскими—дѣйствовали и были русскими половина.

Въ учителя Галиційскихъ русскихъ школъ иногда назначаются поляки или польки, не говорящіе по русски, и тогда въ школѣ происходитъ любопытное явленіе: учителя учатся у учениковъ тому языку, которому поставлены обучать.

Коснулся г. Марковъ и правописанія; оказывается въ Галиціи уничтожены въ русской азбукѣ нѣсколько буквъ, чтобы грамота не служила какой либо связью Галичанина съ его первоисточникомъ Русскимъ.

Въ общемъ же отзывъ г. Маркова о русскихъ въ Галиціи благопріятенъ, въ смыслѣ отношенія къ Россіи простого народа: Россію любятъ, Россіи вѣрятъ, вѣрятъ въ побѣдное окончаніе ею войны. Всѣ сообщенія о войнѣ разбираются съ жадностью и всѣ извѣстія, благопріятныя для Россіи,—принимаются съ радостью. Послѣ бесѣды состоялось чествованіе г. Маркова товарищеской трапезой, за которой присутствовалъ Генералъ Комаровъ. Были произнесены теплыя рѣчи и горячія пожеланія поборнику національной Русской самобытности г. Маркову.

Во время товарищеской трапезы присутствовали и студенты, пришедшіе на бесѣду членовъ кружка.

Во время бесѣды членовъ Русскаго кружка 20 сентября былъ сдѣланъ Г. К. Дорофѣевымъ весьма интересный докладъ: „Французская пресса и ея отношеніе къ Россіи и къ русско-японской войнѣ."

Докладчикъ прожилъ лѣто во Франціи и изо дня въ день внимательно слѣдилъ за всѣми вліятельными столичными и нѣкоторыми провинціальными газетами; въ художественной формѣ, онъ обрисовалъ главнѣйшія черты французской прессы, ея выдающееся положеніе и громадное вліяніе на общественное мнѣніе и жизнь всей страны. По отношенію къ войнѣ и къ воюющимъ сторонамъ, вся французская печать рѣзко дѣлится на два лагеря; во главѣ одного, враждебнаго Россіи представляющаго ничтожное меньшинство, стоитъ Жоресъ со своей газетой L'Humanité въ компаніи съ двумя-тремя другими подобными газетами соціалистическаго и интернаціональнаго направленій; во главѣ другого, обширнаго, дружественнаго Россіи находится большинство столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, каковы: Petit Parisien, Petit Journal, Le Journal, Echo de Paris, Temps, Matin, Patrie и много другихъ. Причина этого различія кроется въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ тѣмъ или дру-

гимъ направленіемъ. Соціалисты, распространяя идеи космополитизма, руководствуются принципами теоретическими, а остальныя газеты вѣрно понимаютъ истинную пользу Франціи и знаютъ, что отъ результатовъ войны зависитъ будущность многихъ вопросовъ огромнаго для Франціи значенія и потому выражаютъ сочувствіе Россіи.

Временныя отступленія нашихъ доблестныхъ войскъ печатью, дружественнаго Россіи направленія, объясняются необходимостью сосредоточиванія силъ, а не результатомъ нашей государственной слабости.

Потери въ войскахъ, въ лицѣ высшихъ начальниковъ, отмѣчаются большинствомъ органовъ печати съ сочувствіемъ и скорбью. Подвиги войскъ и отдѣльныхъ личностей выдвигаются съ радостью; ложныя извѣстія о гибели судовъ, сдачѣ незыблемаго Артура, разбитіи арміи генерала Куропаткина и прочія небылицы, сообщаемыя англійскими, японскими и другими источниками, по наведеніи справокъ, немедленно опровергались. Напротивъ, къ стыду нашему, какъ выяснила дальнѣйшая бесѣда, послѣ доклада, въ нѣкоторой части нашей печати раздаются нерѣдко голоса съ направленіемъ равнодушнымъ, разслабляющимъ, способнымъ только понизить энергію и вѣру въ неизсякаемую мощь самодержавной Руси у колеблющейся интеллигенціи. Указавъ на могучую силу заграничной печати, которую, не безъ основанія, называютъ новой „великой державой“, талантливый авторъ съ огорченіемъ отмѣтилъ, что русская пресса, въ смыслѣ воздѣйствія ея на общественное мнѣніе за границею, оказывается чрезвычайно слабой и не производитъ почти никакого вліянія ни на зарубежную прессу, ни на общественное мнѣніе; отъ того, по мнѣнію докладчика, французская пресса оказала и оказываетъ немаловажныя услуги въ этомъ отношеніи Россіи, горячо защищая русскіе интересы, связанные съ ходомъ военныхъ дѣйствій.

Слѣдующій докладъ Г. К. Дорофѣева, 4 октября: „Французскіе интернаціоналисты. Инцидентъ съ Малаккой“, будетъ посвященъ именно раскрытію этого малаго вліянія и значенія русскихъ газетъ за границей.

27-го сентября 1904 г. П. В. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе „По Россіи“, въ которомъ передалъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ лѣтней поѣздки въ Кіевъ, Воронежъ, Тамбовъ и Саровъ. Изъ Кіевской жизни докладчикъ остановился на двухъ явленіяхъ:

1. Отношеніе къ православной церкви студентовъ.—Въ массѣ замѣчается отрицательное отношеніе, иногда доходящее

до насильственныхъ дѣйствій. Однако, извѣстная часть студентовъ держится противоположнаго серьезнаго взгляда, что и доказываетъ на дѣлѣ при насильственныхъ попыткахъ со стороны товарищей.

2. Докладчикъ познакомилъ съ учреждаемымъ въ Кіевѣ отдѣломъ Русскаго Собранія. Учредители въ большинствѣ принадлежатъ къ богословско-философскому кружку, существовавшему уже нѣсколько лѣтъ. Въ виду крайне важныхъ практическихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ современной дѣйствительностью, члены кружка сочли болѣе полезнымъ измѣнить характеръ своей работы, перейдя отъ чисто теоретическихъ вопросовъ къ вопросамъ національной жизни.

Далѣе докладчикъ указалъ на то, что въ Воронежѣ и Тамбовѣ онъ нашелъ почву, удобную для открытія отдѣленій Русскаго Собранія. Изъ путешествія въ Саровъ докладчикъ остановился на описаніи сѣверныхъ уѣздовъ Тамбовской губерніи (Елатомскій, Спасскій, Темниковскій) и, между прочимъ, указалъ на изящныя прочныя и дешовыя издѣлія мѣстнаго кустарнаго промысла.

Описанію Саровской пустыни, иллюстрированному картинами, авторъ предпослалъ краткое изложеніе исторіи обители и жизни Преподобнаго Серафима, при чемъ указалъ на важное значеніе и самой обители и Преподобнаго Серафима для русской жизни и русской государственности.

4 октября 1904 г. Г. К. Дорофѣевъ сдѣлалъ собщеніе: „Инцидентъ съ Малаккой. Французскіе интернаціоналисты". Оба эти доклада были очень интересны, по выясненію того же ничтожнаго вліянія русскихъ газетъ на общественное мнѣніе заграницы, въ защиту русскихъ интересовъ. Отсутствіе вліянія за границей нашей печати, вполнѣ отвѣчаетъ тому антинаціональному направленію, коего придерживается большая часть нашей печати.

11 октября 1904 г. М. Ф. Рождественскій сдѣлалъ въ Русскомъ кружкѣ два сообщенія.

Первое было посвящено памяти С. М. Соловьева по случаю исполнившагося 25-лѣтія со дня его кончины, 5 октября 1879 года, и заключалось въ указаніи главныхъ заслугъ его передъ наукой отечественной исторіи. По окончаніи этого сообщенія, согласно предложенію предсѣдательствующаго проф. Филевича, присутствовавшіе почтили память покойнаго историка вставаніемъ.

Второе сообщеніе о польскихъ историческихъ школахъ и о новыхъ вѣяніяхъ въ польской исторической литературѣ,

имѣло цѣлью дать въ сжатой формѣ, на основаніи изслѣдованій польскихъ ученыхъ—Смоленскаго, П. Хмѣлевскаго и другихъ, перечень взглядовъ польскихъ историческихъ школъ на политическое прошлое польскаго народа и обстоятельства, способствовавшія процвѣтанію и могшія предупредить упадокъ польскаго государства. Такихъ школъ считается пять, и идутъ онѣ въ слѣдующемъ порядкѣ по времени появленія: 1) узко-католическая и узко-польская; 2) монархическая съ Нарушевичемъ во главѣ; 3) республиканская, созданная Вельгорскимъ, Лелевелемъ и Врублевскимъ; 4) такъ называемая „краковская", состоящая изъ Шуйскаго, Бобржинскаго, Валевскаго и другихъ ученыхъ, обѣ эти школы тѣсно связаны нѣкоторыми сторонами съ двумя первыми и 5) демократическая, существовавшая съ 1831 года по 1845 годъ.

Самой вліятельной въ обществѣ и наукѣ долго была краковская школа; въ нѣкоторыхъ трудахъ современныхъ польскихъ ученыхъ: Корзона, Аскенази и Брикнера—замѣчается сильное движеніе противъ основныхъ взглядовъ ея. Эти „новыя вѣянія" были пояснены выдержками изъ сочиненій вышеупомянутыхъ писателей.

20 октября 1904 г. Въ Русскомъ Собраніи, по почину Русскаго Кружка состоялось, въ память десятилѣтія со дня кончины Государя Императора Александра III, сообщеніе проф. Д. В. Цвѣтаева: О международномъ и внутреннемъ значеніи Императора Александра III.

Въ своей рѣчи ораторъ обрисовалъ ту по истинѣ великую нелицемѣрную скорбь, охватившую не только насъ, „дѣтей Великаго Царя", но и весь Западъ. Всѣ соединились какъ бы въ общей пѣсни любви, глубокаго уваженія и благодарности, всѣ старались какъ бы яснѣе и деликатнѣе выразить Россіи сочувствіе ея горю и ея великой утратѣ. Съ Міромъ произошло нѣчто необыкновенное, не имѣющее въ исторіи равнаго. „Въ этомъ единодушіи образованныхъ народовъ всего міра", говоритъ одинъ изъ бывшихъ государственныхъ дѣятелей, „нельзя не видѣть гласнаго признанія мірового значенія Россіи, когда Ея судьбы направляются въ духѣ истинно-русскомъ, истинно-славянскомъ и истинно-православномъ.

За выясненіемъ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго кончиною Александра III на умы Западной Европы, профессоръ обращается къ исторіи.

Россія, какъ самостоятельное государство, важна не только сама по себѣ и не только для славянъ, но безусловно необходима и для правильной жизни Западной Европы. Въ то

время, какъ Россія, до вступленія своего въ общину великихъ державъ, изнывая, отражала полчища азіатовъ, Западная Европа, подъ защитой Россіи, безпрепятственно улучшала и развивала свою гражданственность. Со времени же Петра Великаго, послѣ вступленія въ систему Европейскихъ державъ, Россія, не прерывая своей борьбы съ азіатами, явилась незамѣнимымъ посредникомъ между соперничествующими племенами, Германскимъ и Романскимъ, и тѣмъ самымъ обезпечивала политическое равновѣсіе и дальнѣйшее развитіе западноевропейскихъ государствъ и народовъ.

Выполняя эти задачи, Россія занимала высокое и почетное положеніе въ кругу европейскихъ державъ.

Но какъ только политика Россіи отступала отъ своихъ идеаловъ и оказывалась на пути служенія чужимъ интересамъ, орудіемъ для Габсбурговъ и Гогенцолерновъ, Западная Европа усматривала въ таковыхъ дѣйствіяхъ Россіи: „угрозу европейской цивилизаціи", называя Россію: „некультурной націей", и даже „авангардомъ азіатскаго варварства".

Послѣдствіями этой политики, этого преклоненія передъ „нѣмцемъ" и его дипломатіей, назойливо втѣснившейся между русской правительственной дѣятельностью и кровными русскими выгодами, были, вмѣстѣ съ ослабленіямъ нашего внѣшняго положенія, существенныя утраты во внутренней жизни, и послѣ „Берлинскаго конгресса" испытывалось такое нравственное угнетеніе, „что въ нашихъ внутреннихъ отношеніяхъ пробѣжала какая то тѣнь"... Но вотъ на престолъ вступилъ Александръ III и

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что Царь—Онъ—вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская Земля.
Ихъ громко высказалъ.—
И слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ...
Воскресла духомъ Русь, сомнѣнья мракъ изчезъ,
И то, что было въ ней чувствомъ и преданьемъ,
Какъ скованной броней, закрѣплено сознаньемъ.

Это чудное стихотвореніе Майкова, вполнѣ мѣтко опредѣлило основную идею царствованія Александра III. Со своей же стороны, ораторъ въ блестящемъ изложеніи исторически подтвердилъ, что дѣятельность Александра III была постояннымъ стремленіемъ къ осуществленію къ жизни символа: „Православіе, Самодержавіе и народность", глубоко и широко Имъ

понятаго и широко отозвавшагося и воспринятаго въ сознаніи образованнаго класса общества.

Александръ III, вступивъ на престолъ, издалъ манифестъ 29-го апрѣля 1881 года, призывающій всѣхъ на работу съ Нимъ ради устроенія Земли Родной, блюдя „устои вѣковые, на коихъ зиждется Россійская Земля".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ своихъ представителей при иноземныхъ государствахъ, Царь объявилъ: „*На Россіи лежитъ прежде всего забота о самой себѣ; только долгъ защищать честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы*". И дѣйствительно, Государь прежде всего обратилъ вниманіе на укрѣпленіе внутренняго благосостоянія своей страны и на устройство сильной и могучей арміи. „Отечеству нашему", писалъ Онъ въ рескриптѣ военному министру, „несомнѣнно нужна армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, *а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи*". Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ III укрѣпилъ Западную границу и возродилъ славный Черноморскій флотъ. Сознавая всю важность нашихъ задачъ на Востокѣ, Александръ III послалъ Сына своего, нынѣ царствующаго Императора, для личнаго ознакомленія, въ далекое путешествіе въ Азію, во время котораго была сдѣлана закладка Великаго Сибирскаго пути, значеніе коего только теперь нами вполнѣ понято.

Въ отношеніяхъ къ Западу, Александръ III освободилъ нашу политику отъ зависимости отъ „нѣмцевъ"; несмотря на всѣ ухищренія и противодѣйствіе желѣзнаго канцлера, Россія вышла на свободный путь единенія съ Франціей, возстановляя равновѣсіе въ общей европейской системѣ.

Неуклонное слѣдованіе Государя по пути національной политики не замедлило привести къ самымъ отраднымъ послѣдствіямъ. Крѣпла у насъ власть, возвышалось народное самосознаніе. Къ Русской печати на Западѣ стали прислушиваться, въ особенности къ чисто національной. Явился интересъ у Европы къ изученію нашей научной и художественной литературы. Столкновенія вооруженныя, по волѣ Александра III, не разъ были отстранены и предупреждены. Европа поняла, на сколько важна и близка ей національно-твердая Россія и, провожая вмѣстѣ съ нами въ могилу гробъ Царя, она по выраженію одного историка-бытописателя, „впервые оплакивала въ немъ своего Государя".

Понялъ Александра III и русскій народъ, все болѣе видя,

какъ необходимо помнить Его дѣла и завѣты. И забвенье—не коснется Его.

Царь незабвенный! Не опасенъ
Тебѣ тотъ, недругъ роковой,
Все величавѣй обликъ Твой
Красой невянущей прекрасенъ.

Блестящая рѣчь талантливаго оратора, заставившая не разъ забиться сердце собравшихся, и гордость сознанія принадлежности къ родной странѣ, такъ высоко поставленной Великимъ Царемъ, исполнившимъ только завѣты строенія Руси, охватила все слушающее общество и дружными рукоплесканіями отвѣтило оно автору, выразивъ тѣмъ свою горячую признательность.

И невольно думается намъ и невольно задаешь себѣ вопросы: такъ ли теперь, въ это тяжелое время испытанія, относится все общество къ завѣтамъ, твердо высказанныхъ Александромъ III? Такъ ли мы работаемъ на пользу Родины, чтобы быть достойными Великаго Царя? Вѣдь вправѣ, Онъ, Почившій, Добрый Хозяинъ, давшій намъ свѣтъ истины національной, потребовать отчета у насъ? Какой же дадимъ мы отчетъ этой какъ бы раскрывшейся могилѣ Національнаго Императора. Достойны ли мы Его Царствованія и Его Царственной Заслуги. Вотъ какіе вопросы невольно явились въ головѣ и властно требовали отвѣта послѣ выслушанной рѣчи.

Здравый смыслъ подсказываетъ, что если основы, провозглашенныя Александромъ III: „Православіе, Самодержавіе и Народность, явно дали такія блестящія послѣдствія, то и вся наша дальнѣйшая работа должна быть поставлена въ томъ же направленіи. Всѣ мы, къ какой бы отрасли труда или дѣла (не только государственнаго, но и частнаго) ни принадлежали, должны проводить эти великія понятія и на нихъ основывать свою дѣятельность. Это та исходная точка, отъ которой всѣ дороги, конечно прямыя, поведутъ къ счастью Русскаго народа и Русскаго государства. Но то ли происходитъ?

Печать руководитъ мыслью, настроеніемъ и убѣжденіями, такъ что, принявъ во вниманіе, что печать времени Александра III, особенно національная, оказывала громадное вліяніе за рубежомъ, мы можемъ почти безошибочно опредѣлить, по вліянію нынѣ печати, въ зарубежныхъ государствахъ, направленіе ея и общества въ нашемъ отечествѣ.

Къ стыду нашему, хотя съ 20 октября 1894 г. прошло

всего десять лѣтъ, печать наша, мы должны сознаться, потеряла свое значенiе, свое влiянiе на дѣла Европы. Значитъ печать наша не нацiональна. Тяжело это признать, но это такъ, во всякомъ случаѣ, въ большинствѣ ея представителей. Въ большей своей части, печать наша, вмѣсто служенiя Русскому нацiональному дѣлу, на основахъ провозглашенныхъ Александромъ III, служитъ, кому угодно и какъ угодно, прикрываясь русскими завѣтами.

Загляните въ Русскiя газеты... Тутъ найдете и „Русскiя Вѣдомости", съ ихъ знаменитыми пунктами и требованiями, ничего общаго не имѣющими съ понятiями о „русскихъ нацiональныхъ основахъ". И „Новое Время" съ его не менѣе знаменитымъ писателемъ г. Меньшиковымъ... Прямо поразительно, какъ А. С. Суворинъ, иныя „Маленькiя письма" котораго вызываютъ слезы умиленiя и тысячи благодарностей за живую силу любви его къ Родинѣ, допускаетъ у себя, какъ бы въ своей семьѣ, клевету на столь любимую имъ Родину, въ особенности въ такое время, когда Родина, въ мукахъ тяжелаго испытанiя, льетъ свою чистую кровь... Поистинѣ тяжко... На чемъ же остановить и успокоить свое сердце, израненное не только испытанiями на востокѣ, но и событiями происходящими здѣсь на Родинѣ?

А „Русь" съ ея „Политическими письмами" и другими многими статьями и дѣянiями—съ проповѣдью конституцiи? А еще названiе „Русь" и это не оскверненiе ли святаго имени? А „Биржевыя Вѣдомости", „Новости", „Восходъ", да развѣ всѣ перечислишь... Всѣ эти газеты, или почти всѣ, подъ разными привлекательными соусами, преподносятъ вамъ блага конституцiонной жизни съ послѣдствiями (чего не договариваютъ) главенства и власти инородцевъ (преимущественно евреевъ) въ Россiи надъ русскими. Настроенiе нашего общества особенно ярко отражается въ работахъ земствъ, которыя, нерѣдко, направляются на увеличенiе формъ самоуправленiя, уничтоженiе всякаго административнаго наблюденiя надъ земствами и не для изысканiя мѣръ и способовъ къ лучшей экономической постановкѣ дѣла въ своемъ округѣ, и не потому, что работа земства поставлена ими выше всякой провѣрки, а для политическаго, управленiя подданными данной округи и игрѣ въ маленькихъ царьковъ, безъ всякой помѣхи. Явственно желанiе не столько работать на общую пользу, сколько повелѣвать... А Бессарабское земство, идущее прямо на проломъ: уничтожить-де земскихъ начальниковъ...

Почему же нужно уничтожить это мудрое учрежденiе

Александра III. Развѣ только потому, что честно исполняющіе свой долгъ земскіе начальники приносятъ болѣе пользы русскому народу, чѣмъ иное земство, занятое политикой? А броженіе части студентовъ, съ ся требованіями „возвращенія эскадры и окончанія войны? „Да что же это такое? Это дѣти русскаго народа, это дѣти своей Святой Руси, сотни тысячъ сыновъ которой, безропотно стоя на стражѣ чести Россіи, защищаютъ духовную и матеріальную свободу нашихъ женъ, матерей, сестеръ, отцовъ и братьевъ? Просто не вѣрится, чтобы это было такъ, здѣсь какое-то недоразумѣніе, настолько это чудовищно. Тяжелое время, переживаешь Ты, Матушка Русь, рвутъ Тебя на части и „свой“ и „чужой“. Великъ и крѣпокъ Твой могучій станъ, но и врагъ внутренній и внѣшній не малъ. Но любящихъ Тебя, Кормилица, тоже не мало, и всѣ мы сольемся, по призыву Твоему, во едино и свято памятуя: „Богъ, Царь и Народъ“, грудью станемъ за правое дѣло Твое.

Стоитъ только каждому захотѣть и сказать: я Русскій— я исполняю свой долгъ, и все перемѣнится: газеты заговорятъ другимъ языкомъ, земства обогатятъ страну, студенты будутъ служить отечественной наукѣ, а вся жизнь государства, не волнуемая внутренними затрудненіями, сердечно поддержанная печатью и въ экономическомъ единеніи съ земствомъ, направитъ полнымъ ходомъ всѣ свои силы на достиженіе побѣды надъ врагомъ и на устройство счастья Русскаго народа на основахъ Православія, Самодержавія и Народности.

Благослови же, Господи, единеніе наше во славу Твою, на пользу Царя и народа!

Э. С. В.

Харьковскій Отдѣлъ Русскаго Собранія.

Засѣданіе по поводу первой годовщины открытія Отдѣла ради большей торжественности было перенесено съ 9 ноября на ближайшій праздничный день 14 ноября, и состоялось въ помѣщеніи Дворянскаго Собранія. Въ обширномъ верхнемъ залѣ собрались многочисленные члены и гости; дѣйствительный членъ Отдѣла, епископъ сумскій Алексій, былъ встрѣченъ пѣніемъ „исполлаети деспота“. Торжественный молебенъ былъ совершенъ проф. Т. И. Буткевичемъ, причемъ пѣлъ хоръ Туровѣрова, исполнившій съ большимъ воодушевленіемъ концертъ „Тебе Бога хвалимъ“. Передъ молебствіемъ проф. Буткевичъ обратился къ собравшимся съ такими словами:

Благочестивые слушатели!

Прошелъ годъ со дня открытія нашего Отдѣла Русскаго Собранія. Возблагодаримъ за это Господа; ибо велико дѣло милости Божіей и самое существованіе наше. Нынѣ—времена трудныя! Нынѣ нужно имѣть мужество даже и для того, чтобы быть членомъ нашего общества Наши потомки, конечно, не поймутъ этого. Имъ будетъ казаться страннымъ, какимъ образомъ нѣкогда въ великой и могущественной Россіи небезопасно было русскимъ людямъ открыто называть себя людьми русскими? Для нихъ будетъ неразрѣшимою загадкою, что въ ихъ отечествѣ было когда-то такое время, когда нѣкоторые, по-видимому, русскіе люди не рѣшались объявить себя членами общества русскихъ людей? Они будутъ не въ силахъ уяснить себѣ, какимъ образомъ эти люди, не отрекаясь отъ самихъ себя и своей народности, старались стать вдали отъ насъ, перемигивались съ явными врагами Россіи и въ каждый удобный моментъ готовы были, по-видимому, перейти на ихъ сторону. Наши потомки наотрѣзъ откажутся понять, какъ было возможно, что въ Россіи наше общество (нашъ отдѣлъ Русскаго Собранія) даже могло стать предметомъ ненависти со стороны многихъ лицъ, такъ же именующихъ себя русскими людьми. „Странное было то время!"—вотъ что, безъ сомнѣнія, скажутъ наши отдаленные потомки.

Далѣе. Возблагодаримъ Бога за то, что въ истекшій годъ мы оставались вѣрными своей задачѣ и мирно служили своему дѣлу. При самомъ открытіи своего отдѣла мы торжественно и во всеуслышаніе объявили, что будемъ разрабатывать основы русскаго самосознанія—начала Православія, Самодержавія и Народности,—не вступая ни съ кѣмъ во вражду, не задѣвая и не оскорбляя никакой національности, относясь съ уваженіемъ къ чужимъ вѣрованіямъ и со вниманіемъ выслушивая чужія мнѣнія. И мы сдержали свое слово; мы остались вѣрными своему направленію. На нашихъ засѣданіяхъ никто не могъ бы усмотрѣть проявленія вражды и нетерпимости, никто не отмѣтилъ бы ненависти къ кому-бы то ни было. Но въ наше время быть истинно русскими людьми и сохранять безупречную объективность это—просто подвигъ. Наше время—время борьбы и раздраженій, время субъективизма и разнузданности страстей. Истекшій годъ довольно ясно показалъ намъ, что у насъ враговъ слишкомъ много, что многоголовая гидра злобы злостно шипитъ противъ насъ при каждомъ шагѣ впередъ, дѣлаемомъ нами. Откуда же эти враги? Что дурного сдѣлали мы? Чѣмъ мы могли вызвать крайне разъяренную

ненависть къ себѣ? Слава Богу! Никому никакого зла мы не дѣлали и никогда не намѣревались его дѣлать. А что у насъ много враговъ,—это не должно смущать никого изъ насъ; ибо *такъ* и должно быть. Служеніе правдѣ, истинѣ и добру не можетъ быть совершаемо безпрепятственно. Читайте книгу псалмовъ Давидовыхъ,—и вы поразитесь, какъ много было враговъ и ненавистниковъ и у этого праведника Божія; вы увидите, какъ вѣроломны были его друзья, какою черствою неблагодарностью платили ему лица, имъ облагодѣтельствованныя, и какъ боялись назвать себя его единомышленниками даже самые близкіе къ нему люди. „Господи!" взываетъ смущенный пророкъ. „Какъ умножились враги мои! Многіе возстаютъ на меня (Пс. 3,2). Посмотри на враговъ моихъ, какъ много ихъ, и какою лютою ненавистью они ненавидятъ меня" (Пс. 24,19). Господь нашъ Іисусъ Христосъ также имѣлъ неисчислимое количество враговъ и лишь немного друзей. Даже Никодимъ боялся открыто стать на Его сторону и лишь по ночамъ, озираясь боязливо вокругъ, онъ шелъ къ Нему для бесѣды. Не мягкій и розами устланный путь указалъ Господь и Своимъ послѣдователямъ. „Вы будете ненавидимы всѣми народами за имя Мое" (Мѳ. 24,9), говорилъ Онъ. И исторія свидѣтельствуетъ, что язычники, дѣйствительно, возненавидѣли христіанъ и преслѣдовали ихъ за то только, что они были христіанами, т. е., носителями и проповѣдниками истины и добра. Поэтому и вы, благородные члены нашего общества, не бойтесь вражды, а бойтесь скорѣе равнодушія. Если враги ваши ненавидятъ васъ, это значитъ, что они признаютъ васъ такою нравственною силою, съ которою имъ приходится считаться. Бойтесь похвалъ и одобренія со стороны враговъ самаго дѣла, которому вы рѣшились служить. Не забывайте, что сказалъ Господь Своимъ послѣдователямъ: „Горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо. Ибо такъ поступали со лжепророками отцы ихъ" (Лук. 6,26). Если вы замѣтите, что васъ сталъ восхвалять даже и врагъ вашего служенія Церкви Христовой и Отечеству, то знайте, что вы уже сошли съ прямого пути своего, что вы измѣнили себѣ и своему дѣлу, что вы пошли во слѣдъ какого-то лжепророка. Тяжело видѣть тѣ косые взгляды, которые бросаютъ на насъ мнимо-русскіе люди за то только, что мы состоимъ членами харьковскаго отдѣла Русскаго Собранія, т. е., за то, что мы желаемъ оставаться вѣрными вѣковѣчнымъ устоямъ нашего отечества, т. е., началамъ Православія, Самодержавія и русской народности: грустно слышать, какъ не только крамольники,

но по-видимому и благоразумные люди клевещутъ на насъ. Не насъ ли называютъ агентами тайной полиціи, жандармами, доносчиками и т. п? Не намъ ли приписываютъ самые оскорбительные мотивы и побужденія? Но, какъ чада православной церкви, утѣшимъ себя словами Сына Божія: „Блаженны вы, когда возненавидятъ васъ люди и будутъ поносить и пронесутъ имя ваше, какъ безчестное, за Сына человѣческаго. Возрадуйтесь въ тотъ день и возвеселитесь!" (Лук. 6,22).

Наконецъ, возблагодаримъ Господа и за то, что, при множествѣ враговъ, какъ показалъ истекшій годъ, намъ Господь посылаетъ и друзей. Какъ не труденъ нашъ путь, а ряды наши не ослабѣваютъ, напротивъ—увеличиваются и сдвигаются тѣснѣе; къ намъ присоединяются люди, достойные всякаго уваженія. Къ каждому засѣданію мы получаемъ обыкновенно длинный списокъ лицъ, желающихъ быть членами нашей русской семьи. Ясно, что дѣло наше растетъ и крѣпнетъ; ясно, что на немъ почиваетъ благословеніе Божіе! Правда, мы еще не можемъ похвалиться какими-либо особенными результатами нашей дѣятельности. Но не забывайте, что мы вѣдь только еще начинаемъ пахать, только еще готовимъ почву,—производимъ посѣвъ. Потерпите: пусть взойдетъ сѣемое нами, пусть оно возрастетъ и укрѣпитъ свои корни,—и вы увидите тогда, какой чудный плодъ оно принесетъ".

Мощное пастырское слово глубоко запало въ сердца присутствовавшихъ и влило въ нихъ новую бодрость и горячую готовность идти дальше по намѣченному пути, преодолѣвая всѣ трудности и препятствія.

Самое засѣданіе было открыто Преосвященнымъ Алексіемъ, какъ почетнымъ предсѣдателемъ собранія. Первымъ выступилъ проф. А. С. Вязигинъ съ нижеслѣдующимъ годичнымъ отчетомъ:

„Въ виду продолжающихся недоумѣній по поводу возникновенія въ Россіи „Русскаго Собранія" и его Отдѣловъ приходится начать обозрѣніе нашей дѣятельности за истекшій годъ новой попыткой разсѣять ходячія недоразумѣнія.

Какъ извѣстно, наше „образованное общество" въ XVIII и началѣ XIX вѣка было почти цѣликомъ охвачено преклоненіемъ передъ всѣмъ иноземнымъ, по преимуществу французскимъ. Желая оказать противодѣйствіе этимъ увлеченіямъ С. Н. Глинка основываетъ въ 1808 году журналъ „Русскій Вѣстникъ", имѣвшій задачей бороться съ французскимъ вліяніемъ. Названіе журнала вызвало рядъ возраженій со стороны современниковъ: многіе говорили, что всякій журналъ, выходящій въ Россіи и на русскомъ языкѣ будетъ русскимъ, а по-

тому Глинка или ломится въ открытую дверь, или позволяетъ себѣ совершенно излишнее подчеркиваніе.

Прошло, однако, нѣсколько десятковъ лѣтъ и мы видимъ, рядомъ съ „Русскимъ Вѣстникомъ", „Русское Богатство", Русскую Мысль", „Русскія Вѣдомости", „Русское Слово", „Русскій Листокъ" и множество другихъ повременныхъ изданій, включившихъ слово „русскій" въ свое названіе. Слѣдовательно, общественное сознаніе уже пришло къ убѣжденію, что въ этомъ явленіи нѣтъ ничего нелѣпаго, или предосудительнаго.

Мало того: въ наши дни въ Россіи имѣется очень много обществъ самаго разнообразнаго характера, которыя именуютъ себя „русскими", таковы, напримѣръ, благополучно существующія въ Петербургѣ общества: антропологическое, астрономическое, географическое, гимнастическое, историческое, фотографическое, литературное, горное, театральное, музыкальное, электрическое, энтомологическое, хирургическое, пѣнія, птицеводства, плодоводства и т. п. [1]). Всѣ эти русскія общества преслѣдуютъ сравнительно узкія цѣли и состоятъ изъ лицъ, связанныхъ лишь единствомъ занятій или особыхъ интересовъ. Но никто не додумывался до обвиненія, будто напр. Русское музыкальное общество, отдѣлъ котораго является украшеніемъ нашего города, „взяло монополію" и помимо его членовъ не можетъ быть русскихъ музыкантовъ. Равнымъ образомъ, изъ того, что въ Москвѣ група профессоровъ издаетъ „Русскія Вѣдомости" совершенно не слѣдуетъ, будто всѣ остальныя „Вѣдомости" оказываются „не русскими". Существованіе журнала „Русская Мысль" также вовсе не доказываетъ, что всѣ другія повременныя изданія не умѣютъ мыслить по русски и являются проводниками „инородческихъ воззрѣній". Но именно въ эту столь очевидную ошибку впадаютъ противники Русскаго Собранія въ Петербургѣ и его развѣтвленій, именно такъ непослѣдовательно разсуждаютъ тѣ досужіе обвинители, которые находятъ „страннымъ" его появленіе и, пожимая плечами, говорятъ: „въ Россіи—и вдругъ Русское Собраніе".

Это недоумѣніе проистекаетъ единственно отъ малаго знакомства съ цѣлями и задачами Русскаго Собранія. Въ самомъ дѣлѣ, какое иное названіе можно дать совокупности людей, поставившихъ задачей своей объединенной дѣятельности: 1) изученіе явленій русской и славянской народной жизни *въ ея настоящемъ и прошломъ*, 2) разработку вопросовъ русской и вообще славянской *словесности*, *художествъ*, *на-*

[1]) Подробное ихъ перечисленіе можно найти въ „Русскомъ Календарѣ" за 1904 г.

родовѣдѣнія, права и народнаго хозяйства, а также изслѣдованіе *всѣхъ* другихъ проявленій *русской* и славянской духовной и обиходной самобытности, 3) охраненіе чистоты и правильности русской рѣчи, наконецъ, основаніе учрежденій, имѣющихъ цѣлью распространеніе *русскаго* зодчества, *русской* одежды, *русской* утвари и т. п. (Уставъ Русскаго Собранія статьи 2—3). „Русское Собраніе“ стало быть, имѣетъ въ виду всестороннее изученіе нашего обширнаго отечества, раскрытіе его современныхъ нуждъ и освѣщеніе его прошлаго не въ какомъ либо отдѣльномъ отношеніи или особой отрасли, но во всей цѣльности, во всей сложности проявленій русскаго народнаго духа ради „выясненія, укрѣпленія въ общественномъ сознаніи и проведенія въ жизнь исконныхъ творческихъ началъ и бытовыхъ особенностей русскаго народа“ (Уст. ст. 1).

Правда, наши хулители говорятъ, что подобныхъ Русскому Собранію учрежденій не существуетъ ни въ одномъ изъ иностранныхъ государствъ, а потому де оно не имѣетъ права на существованіе. Какое изумительное паденіе самостоятельности проявляютъ эти люди! Вѣдь подобныя сужденія свидѣтельствуютъ о полномъ отказѣ отъ самобытности, о долговременной привычкѣ жить только подражаніемъ, да заимствованіями у другихъ. Пусть себѣ считаютъ Россію только „тысячелѣтней обезьяной“! Для насъ мѣриломъ должнаго да служитъ наше собственное сознаніе своихъ потребностей, своихъ нуждъ и своихъ путей къ вѣковѣчнымъ идеаламъ. Слава Богу что у насъ замѣчается нѣчто хорошее, чего нѣтъ въ другихъ странахъ!

Съ какихъ это поръ и кѣмъ русскому человѣку воспрещено изучать окружающую дѣйствительность и нашу величавую старину съ нашей, *русской* точки зрѣнія? Въ этомъ всегда былъ нашъ священный долгъ, наша прямая обязанность, которую всенародно и выполняютъ на всевозможныхъ поприщахъ русскіе люди.

Но, если отдѣльныя общества, посвящающія свои силы изученію и разработкѣ лишь частныхъ проявленій нашей культуры, присваиваютъ себѣ названіе русскихъ, то тѣмъ болѣе основаній на это почетное наименованіе имѣетъ общественное учрежденіе, желающее раскрыть русское начало *въ общемъ и цѣломъ*. Если нѣсколько сотенъ лицъ можетъ образовать, положимъ, русское географическое общество, то почему оказываются лишенными такихъ же правъ тысячи русскихъ людей, воодушевленныхъ пламенной вѣрой въ великое призваніе нашей Родины и горячимъ стремленіемъ поработать надъ удовлетвореніемъ современныхъ ея нуждъ самостоятельно, по рус-

ски, безъ общепринятыхъ указокъ и раболѣпства передъ „просвѣщенной Европой?“.

Вѣдь въ „Русскомъ Собраніи“ около 3000 дѣйствительныхъ членовъ, которые представляютъ собой Россію въ маломъ объемѣ: въ ихъ рядахъ мы находимъ первыхъ сановниковъ Имперіи, г.г. членовъ государственнаго совѣта, министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, крупныхъ чиновниковъ, губернаторовъ и служащихъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Но и люди земли—предводители дворянства, городскіе головы, гласные, помѣщики, купцы, торговцы, ремесленники и крестьяне братски объединяются здѣсь съ архипастырями и священнослужителями, военными всѣхъ чиновъ, профессорами, учеными и преподавателями. Здѣсь и русская женщина является полноправнымъ членомъ; художники, писатели, артисты и простые обыватели на равныхъ правахъ входятъ въ составъ этой, поистинѣ, общерусской всесословной дружины, раскинувшейся отъ рубежа германскихъ странъ до побережья Тихаго океана, отъ непривѣтливаго сѣвера до благословеннаго юга. Приростъ новыхъ членовъ идетъ непрерывной волной и каждое общее собраніе производитъ новые выборы.

Проявленіе общественнаго вниманія и сочувствія „Русскому Собранію“ сказывается также въ стремленіи открывать мѣстные его отдѣлы: помимо Харьковскаго уже возбуждено ходатайство объ учрежденіи отдѣловъ въ Одессѣ, Оренбургѣ и Екатеринославѣ, подготовляется открытіе отдѣловъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ (Воронежѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ). Къ Собранію тяготѣютъ и уже существующіе русскіе кружки въ Варшавѣ и Вильнѣ, которые представляютъ собой ядро будущихъ отдѣловъ. Стремленіе русскихъ людей къ объединенію, такимъ образомъ, сказывается всюду, встрѣчая повсемѣстно сочувствіе и поддержку.

Такъ создается мощное *общественное* теченіе, направленное къ углубленію нашего національнаго самосознанія. Ни насмѣшки, ни вымыслы не могутъ помѣшать побѣдоносному ходу его дальнѣйшаго развитія: это явленіе вызвано условіями и потребностями жизни, а потому оно вполнѣ жизнеспособно.

Нагляднымъ примѣромъ можетъ послужить судьба Харьковскаго отдѣла: всего лишь *десять* человѣкъ были его учредителями, годъ тому назадъ, передъ открытіемъ, онъ насчитывалъ только *40 человѣкъ*, а къ настоящему дню ихъ число увеличилось почти въ семь разъ (273 чл.: 219 харьк. и 54 иног.) не считая вновь поданныхъ заявленій, еще не разсмотрѣнныхъ

совѣтомъ. Непрерывный ростъ Отдѣла не былъ остановленъ даже крайне своеобразными мѣстными условіями, ожесточеннымъ противодѣйствіемъ и дикими выходками, въ родѣ нападенія 27 ноября толпы буяновъ на Первую гимназію, съ цѣлью разогнать наше общее собраніе. Всѣмъ извѣстны также постоянныя угрозы и запугиванія, распространяемыя съ цѣлью помѣшать нашей мирной работѣ, отвлечь посѣтителей отъ нашихъ засѣданій и представить въ совершенно извращенномъ видѣ характеръ нашей дѣятельности.

Лучшимъ отвѣтомъ на всевозможныя досужія нареканія и нелѣпыя обвиненія послужатъ вполнѣ точныя данныя о засѣданіяхъ Отдѣла, которыя позволяютъ каждому составить свое собственное сужденіе. За истекшій годъ нами было устроено 22 засѣданія, посвященныя большею частью чтенію и обсужденію весьма разнообразныхъ докладовъ и сообщеній. Всѣ они стоятъ въ тѣсной связи съ задачами, намѣченными Уставомъ, и касаются различныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ современностью. Такъ Отдѣлъ отмѣтилъ особымъ богослуженіемъ 200-лѣтнюю годовщину блаженной кончины св. угодника Митрофанія Воронежскаго, причемъ дѣйствительный членъ о. Іоаннъ Филевскій произнесъ слово, уясняющее, „въ чемъ христіанскій идеалъ святости". Преждевременная кончина передового борца за русское дѣло, незабвеннаго В. Л. Величко, побудила насъ отслужить по доблестномъ учредителѣ Русскаго Собранія, заупокойную литургію, во время которой дѣйствительный членъ Отдѣла, преосвященный Стефанъ, еп. Сумскій, нынѣ епископъ Могилевскій и Мстиславскій, въ сильныхъ выраженіяхъ раскрылъ значеніе понесенной утраты. Кромѣ того политическимъ и публицистическимъ произведеніямъ Величко были посвящены доклады М. М. Бородкина и А. С. Вязигина. Равнымъ образомъ Отдѣлъ отозвался на столѣтнюю годовщину рожденія Ѳ. И. Тютчева докладами М. М. Бородкина о поэтической дѣятельности Тютчева и А. С. Вязигина о его взглядахъ на Россію и революцію, тогда какъ проф. П. Н. Буцинскій остановился на „Разрывѣ Россіи съ Англіей и Франціей 1854 г." и выдающихся моментахъ изъ исторіи крымской кампаніи (по поводу 50 лѣтія этихъ событій). [Къ сожалѣнію, два доклада почтеннаго профессора не могли быть прочитаны въ Отдѣлѣ за недостаткомъ помѣщенія, хотя также имѣли злободневный характеръ, будучи посвящены „Я. И. Ростовцеву" (по поводу столѣтія со дня его рожденія) и „Присоединенію Малороссіи" (по поводу 250-лѣтія этого событія)]. Десятилѣтіе восшествія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго

Императора Николая II вызвало рѣчь проф. Т. И. Буткевича и сообщенія Н. И. Черняева и А. С. Вязигина.

Отмѣчая выдающіяся годовщины событій изъ русской жизни Отдѣлъ не обходилъ молчаніемъ и знаменательные юбилеи западныхъ дѣятелей: по поводу столѣтія со дня смерти извѣстнаго кенигсбергскаго философа, д. ч. Н. Н. Страховъ прочиталъ докладъ, „Кантъ, какъ великій учитель нравственности, въ связи съ современными стремленіями къ переоцѣнкѣ нравственныхъ цѣнностей“, а 1300-лѣтіе кончины святителя Григорія Двоеслова побудило А. С. Вязигина сдѣлать обозрѣніе его руководящихъ воззрѣній.

Приковавшая вниманіе всего русскаго общества война на Дальнемъ Востокѣ породила слѣдующія сообщенія: В. П. Вицинскаго „Санитарныя нужды нашей арміи на манчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій“, проф. І. А. Бродовича „О христіанствѣ въ Японіи и Кореѣ“, проф. П. Н. Буцинскаго „О походѣ въ Индію“; общее же міровое положеніе, созданное столкновеніемъ между Россіей и Японіей, обрисовано смѣлыми и яркими чертами въ „Политическихъ мечтахъ русскаго патріота“. Наконецъ, рядъ докладовъ затрагиваетъ текущіе вопросы русской жизни: проф. В. И. Альбицкій обстоятельно доказываетъ возможность устройства судоходства на днѣпровскихъ порогахъ, кн. М. Л. Шаховской останавливается на „Мелкой земской единицѣ“ и своеобразно освѣщаетъ выдвинутые проекты. Проф. П. Н. Буцинскій читаетъ докладъ „О предпріимчивости русскаго человѣка“, побудившій П. П. Оленича-Гнененко выступить съ сообщеніемъ „о современныхъ проявленіяхъ предпріимчивости русскаго человѣка“.

Уясненію значенія дѣятельности двухъ русскихъ писателей были посвящены доклады: П. П. Оленича-Гнененко „О причинахъ успѣха Максима Горькаго“ и М. М. Бородкина „О литературныхъ заслугахъ графа А. К. Толстого“, тогда какъ М. П. Савиновъ, въ двухъ обстоятельныхъ сообщеніяхъ о замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими точно указалъ пути для очищенія русской рѣчи, а П. П. Оленичъ-Гнененко далъ собственное объясненіе причинъ, „почему пиджакъ вытѣсняетъ „зипунъ“ въ крестьянскомъ обиходѣ“.

Что же касается общаго направленія нашей дѣятельности и цѣлей, поставленныхъ передъ собой Русскимъ Собраніемъ и его отдѣлами, то онѣ всесторонне были разсмотрѣны въ рѣчахъ проф. Т. И. Буткевича, М. М. Бородкина и А. С. Вязигина, произнесенныхъ на открытіи Отдѣла, тогда какъ ближайшія его задачи были намѣчены послѣднимъ въ особомъ

сообщеніи, прочитанномъ на первомъ общемъ собраніи г.г. членовъ Харьковскаго Отдѣла.

Большая часть рѣчей, докладовъ и сообщеній, сдѣланныхъ въ Отдѣлѣ, напечатаны въ мѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ или вышли отдѣльнымъ тисненіемъ, на счетъ Отдѣла, который выпустилъ въ свѣтъ 17 книжекъ своихъ изданій.

Это обстоятельство даетъ въ руки каждаго желающаго полную возможность совершенно самостоятельно судить о характерѣ докладовъ и направленіи дѣятельности Отдѣла.

Довольно хорошій сбытъ изданій Отдѣла свидѣтельствуетъ, что они удовлетворяютъ существующей общественной потребности. Необходимо, однако, отмѣтить, что Отдѣлъ совершенно не преслѣдуетъ коммерческихъ цѣлей: включивъ въ свою смѣту статью расхода въ 250 рублей на изданія, онъ отказался даже отъ возмѣщенія своихъ затратъ, пожертвовавъ не прибыль, а *всю валовую выручку* на военныя нужды. Кромѣ того, подписка и кружечный сборъ усилили лепту Отдѣла на великое общерусское дѣло. Въ итогѣ Отдѣлъ могъ пожертвовать на усиленіе флота 772 рубля, отправить на Дальній Востокъ въ мартѣ 350 писанокъ на сумму въ 70 руб. 1 коп.. и 3 ноября отослать Тамбовцамъ и Пензенцамъ, въ рядахъ коихъ имѣются члены Отдѣла, 205 „рождественскихъ мѣшковъ съ различными необходимыми для обихода предметами и 119 паръ теплыхъ перчатокъ на сумму 209 руб. 42 к. на считая, въ обоихъ случаяхъ, многочисленныхъ пожертвованій вещами, сдѣланныхъ не только г.г. членами, Отдѣла, но и посторонними лицами, сочувствующими мысли о посильномъ облегченіи нуждъ нашихъ доблестныхъ воиновъ. Точные списки пожертвованій и отчеты г.г. членовъ, завѣдывавшихъ отправкой посылокъ въ Манчжурію, будутъ обнародованы въ печатномъ отчетѣ о дѣятельности Отдѣла за первый годъ. Но и теперь Совѣтъ считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ поблагодарить всѣхъ жертвователей за ихъ откликъ на призывъ Отдѣла, равно и тѣхъ членовъ, кои приложили личный трудъ и понесли хлопоты при снаряженіи и отправкѣ посылокъ.

Къ числу проявленій общественной отзывчивости на нужды Отдѣла слѣдуетъ причислить пожертвованія книгъ и изданій, присылаемыхъ на пополненіе нашей библіотеки съ различныхъ концовъ Россіи. Ясно, что Отдѣлъ имѣетъ разсѣянныхъ въ ея предѣлахъ друзей и пріобрѣтаетъ все увеличивающуюся извѣстность.

Отдѣлъ удостоился милостиваго вниманія Государя Им-

ператора, соизволившаго повелѣть: *„искренно благодарить за теплыя чувства“*, выраженіе коихъ было повергнуто къ стопамъ Его Величества по поводу войны съ Японіей.

Эта Высочайшая благодарность была принята Отдѣломъ, какъ новое побужденіе къ посильному служенію назрѣвшимъ потребностямъ нашей Родины.

Озираясь назадъ на все сдѣланное, Отдѣлъ долженъ сознаться, что хотя по производительности, его дѣятельность можетъ выдержать сравненіе съ другими обществами, но главная работа лежитъ еще впереди. Необходимо расширить рамки этой дѣятельности и придать ей болѣе жизненный характеръ. Чтеніе и обсужденіе докладовъ безусловно полезны, но ими ограничиться невозможно. Желаніе стать на болѣе практическую почву уже привело послѣднее общее собраніе къ рѣшенію открыть читальню Отдѣла; на очереди стоитъ также открытіе школы или какого-либо просвѣтительнаго учрежденія, гдѣ идеи, положенныя въ основу общественной работы Русскаго Собранія, нашли бы себѣ доступъ въ народную среду, будили бы ея самосознаніе и содѣйствовали бы укрѣпленію въ ней трезвыхъ и ясныхъ понятій о долгѣ и обязанностяхъ всѣхъ русскихъ людей.

Конечно всѣ эти благія помышленія могутъ быть осуществлены лишь при дружной, единодушной и совмѣстной работѣ г.г. членовъ, при тѣсномъ общеніи между ними, такъ какъ ихъ сплоченность, возникшая на идейной почвѣ, является мощнымъ двигателемъ на пути къ достиженію общественныхъ улучшеній. Въ стремленіи къ ихъ осуществленію сливаются всѣ граждане русской имперіи, а потому члены Русскаго Собранія, исповѣдуя ненарушимую вѣрность устоямъ нашего историческаго бытія, вовсе не проповѣдуютъ ни розни, ни ненависти: они хотятъ лишь внести въ общее дѣло свою лепту и въ сознаніи полной безупречности своей скромной дѣятельности, спокойно ждутъ безпристрастной ея оцѣнки. Они не отдѣляются отъ другихъ въ особую, замкнутую и нетерпимую опричнину, но, по возможности, широко отворяютъ двери своихъ засѣданій и считаютъ себя въ правѣ разсчитывать и въ будущемъ на общественное вниманіе и сочувствіе. Вся наша дѣятельность протекаетъ при яркомъ свѣтѣ гласности. На многихъ нашихъ засѣданіяхъ бывало гораздо больше гостей, чѣмъ членовъ и весьма многіе посѣтители, повѣривъ своимъ очамъ, а не лживымъ рѣчамъ, заявили о своемъ желаніи вступить въ Отдѣлъ и пополнили наши ряды. Мы дѣйствовали

всегда въ открытую, не утаили отчета *ни объ одномъ* засѣданіи, ибо *намъ* нечего прятать, нечего и стыдиться. Намъ не нуженъ покровъ тайны, но желательно лишь торжество правды".

Отчетъ былъ принятъ дружнымъ одобреніемъ Собранія. Преосвященный Алексій въ свою очередь выразилъ свое сочувствіе проводимымъ въ отчетѣ взглядамъ и вообще дѣятельности и задачамъ Отдѣла. Затѣмъ, преподавъ благословеніе, Владыка удалился, такъ какъ ему необходимо было посѣтить „миссіонерское собраніе" на Основѣ. Послѣ перерыва проф. Я. А. Денисовъ прочиталъ докладъ: „Несостоятельность обвиненій, взведенныхъ г. Меньшиковымъ на русскій народъ" [1]). Собраніе наградило докладчика дружными и продолжительными рукоплесканіями. Въ виду поздняго времени обсужденіе доклада было перенесено на слѣдующее засѣданіе.

П. Форсовъ.

---

[1]) См. Мирный Трудъ № 10, стр. 89 слѣд.

Необходимость Самодержавія для Россіи[1]).

Мы переживаемъ какое то особенно смутное и серьезное время. Толки о возможности все исправить и всѣхъ осчастливить представительнымъ образомъ правленія ведутся давно и упорно, а въ послѣдніе дни у сторонниковъ этого движенія родились почему то надежды на скорое осуществленіе ихъ завѣтныхъ желаній.

Когда началась японская война, представители нашей смуты особенно воспрянули духомъ. Заговорили о сочувствіи японцамъ, ходили разсказы объ адресахъ микадо и т. п. Едва открылись военныя дѣйствія, какъ въ нашей печати раздались голоса за испрошеніе позорнаго мира у Японіи. Нашлись даже такіе профессора, которые съ каѳедры стали доказывать всю несправедливость дѣйствій Россіи въ эту войну. Логика этихъ недовольныхъ господъ чрезвычайно своеобразна. Они разсуждаютъ такъ, точно они не сыны отечества. Они въ своемъ дикомъ изступленіи и презрѣніи къ роднпѣ доходятъ до желанія погрома Россіи! И мы все сносимъ! Все слушаемъ безъ возраженій... точно у насъ нѣтъ ни національной гордости, ни національнаго самоуваженія... Погромомъ надѣются исправить всѣ общественныя наши недуги! Они хотятъ, чтобы японцы насъ побили! (и при томъ, конечно, такъ, чтобы удары Японіи не отозвались на ихъ собственныхъ спинахъ). По ихъ воззрѣніямъ, виноватъ во всемъ господствующій у насъ верховный принципъ. Противъ этого принципа и направлена ихъ борьба. Противъ него выдвигается „правовой порядокъ", правовое государство, высказывается желаніе водворить государственное самоуправленіе. Нашъ-де принципъ устарѣлъ...

Но взгляните на Францію, на передовую и республиканскую Францію. Г. Комбъ и партія его единомышленниковъ,

---

[1]) Въ основу сего доклада, прочитаннаго въ „Русскомъ Собраніи" 29 окт. 1904 г., положены труды Н. И. Черняева, изложенные въ его книгахъ: 1) „О русскомъ самодержавіи", 2) „Необходимость самодержавія для Россіи" и статьяхъ, печатаемыхъ въ „Мирномъ Трудѣ".

стоящая теперь у власти, усмотрѣли, что клерикальныя школы развиваютъ во французской молодежи антиреспубликанскія идеи. И министерство съ удивительной стойкостью и послѣдовательностью изгоняетъ изъ школъ клерикаловъ и даже священное знамя ихъ—крестъ. Конечно ни я, ни мои почтенные слушатели здѣсь, не поклонники ни г. Комба въ этомъ дѣлѣ, а еще менѣе—его дикаго гоненія церкви Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ. Я хочу обратить только вниманіе на слѣдующій фактъ, что даже республика Франціи избравшая своимъ девизомъ „свободу, равенство и братство", безпощадно преслѣдуетъ тѣхъ, которые подрываютъ *ея политическіе идеалы*. Кто въ данное время противъ республики—тотъ ея врагъ.

Улучшенія у насъ необходимы, улучшенія желательны. Но они должны истекать изъ нашихъ самобытныхъ источниковъ, быть согласованы съ основами русской жизни, съ исконными началами, создавшими наше царство.

Опасенія зарождаются у насъ тогда, когда въ заявленіяхъ людей извѣстнаго лагеря сказывается забвеніе духа нашей исторіи, когда предлагаемыми мѣрами подрываются національныя особенности, или прокладываются пути къ ограниченію монархическаго принципа.

Въ манифестѣ 26 февраля 1903 года сказано, что правительство желаетъ „удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей". Правительство имѣетъ, слѣдовательно, въ виду вызвать и развить мѣстную самодѣятельность. Это, конечно, главное условіе преуспѣянія Россійской Державы. Это есть логическое развитіе основныхъ началъ русской исторіи. Въ намѣчаемомъ мѣропріятіи кроется средство противъ мертвящего всякую свободу и всякую дѣятельность бюрократизма.

А прислушайтесь ка къ голосамъ, раздающимся на злобу дня и вы замѣтите, какія въ нихъ прорываются ноты! Въ стремленіяхъ людей извѣстнаго лагеря видны порывы не ограничиться мѣстною дѣятельностью, а попасть „въ правители", какъ выразился одинъ публицистъ.

Мы, члены Русскаго Собранія ставшіе подъ стягъ Самодержавія, Православія и Народности, будемъ вѣрны ему и будемъ отстаивать его, такъ какъ эти принципы для насъ священны. Мы остаемся убѣжденными сторонниками исторически сложившагося въ Россіи политическаго строя.

Православіе и народность не разъ были предметами нашихъ докладовъ. Теперь на очередь поставленъ вопросъ о

русскомъ монархическомъ началѣ, о русскомъ государственномъ идеалѣ.

Итакъ, у насъ развелось много охотниковъ „исправлять и дополнять русскій государственный строй по иноземнымъ образцамъ, съ совершеннымъ презрѣніемъ къ русской исторіи" (Н. И. Черняевъ).

Они видимо, никогда не задавались вопросомъ: да существуетъ-ли что-нибудь общее между этими „конституціями" и русскою жизнью? Возможны ли парламентскіе порядки на русской почвѣ?

Понятіе Самодержавія не чуждо было ни римскому, ни византійскому, ни средневѣковому (западному) государственному устройству, но у насъ оно пустило особенно глубокіе корни.

Основа того, что мы называемъ народомъ, что мы называемъ государствомъ, кроется, конечно, въ семействѣ. Жизнь семейная въ отношеніи къ жизни государственной является въ нѣкоторомъ родѣ корнемъ дерева. Въ семьѣ-же надо искать также „и перваго образа власти и подчиненія". Отецъ есть первый властитель. Сынъ, который не могъ самъ ни развить своихъ способностей, ни сохранить свою жизнь безъ повиновенія родителямъ, „есть природно подвластный". „Но какъ власть отца не сотворена самимъ отцомъ и не дарована ему сыномъ, а произошла вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ Того, Кто сотворилъ человѣка, то открывается, что глубочайшій источникъ и высочайшее начало первой, а слѣдовательно всякой послѣдующей власти между людьми—отъ Бога" (Филаретъ—митрополитъ московскій).

Эти мысли очень хорошо выразилъ В. Бѣлинскій (въ 1837 г.). „Коренныя государственныя постановленія священны, потому что они суть основныя идеи... Коренныя постановленія не бываютъ закономъ, изреченнымъ отъ человѣка, но являются, такъ сказать, довременными... Нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога, но всякая власть отъ Бога,—говоритъ священное Писаніе,—и эти слова заключаютъ въ себѣ глубокую мысль и непреложную истину".

По выводу Бѣлинскаго „мистическая и священная идея родоначальника была живымъ источникомъ истекшей изъ нея идеи царя. Отецъ выше сына и сынъ долженъ повиноваться, признать власть отца. Нельзя вывести изъ опыта, какимъ образомъ изъ отеческой власти явилась царская власть, отецъ сталъ царемъ, но въ умозрѣніи это очень понятно. Это явленіе довременное...

Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Ш—

товъ въ глазахъ Бѣлинскаго особа почетная, но не священная. Онъ представитель общества по условію самого общества, онъ высшій чиновникъ его, но не царь. Царь долженъ родиться царемъ. Изъ милліоновъ онъ одинъ избранъ Богомъ.

Наполеонъ I раздавалъ короны и скипетры; онъ самъ создалъ себѣ тронъ, но онъ не былъ спокоенъ: его тревожила судьба его рода. У него не было „того религіозно-таинственнаго свѣта, который составляетъ необходимое условіе дѣйствительности царственнаго достоинства. Онъ былъ великъ, но могъ явиться другой болѣе великій, болѣе славный"...

Бѣлинскій исходилъ, слѣдовательно, изъ высшаго, религіознаго, мистическаго начала.

„Въ словѣ царь чудно слито—продолжаетъ Бѣлинскій—сознаніе русскаго народа, и для него это слово полно поэзіи и таинственнаго значенія"...

Все это высказалъ Бѣлинскій горячо и рѣшительно, не боясь, что его назовутъ льстецомъ или человѣкомъ, кувыркающимся передъ властями (Н. Черняевъ).

„Характерную особенность русскаго народа составляетъ убѣжденіе въ святости родительской власти. Власть отца и матери сомнѣнію не подлежатъ. Родительскій авторитетъ высокъ и безусловенъ въ первоначальномъ родовомъ бытѣ. Когда затѣмъ окрѣпло государственное начало и во главѣ русскаго народа стали „царь со своею царицею", народъ утвердилъ за ними родительскій авторитетъ и называлъ царя—батюшкою, а царицу—матушкою.

Такимъ образомъ начинаетъ выясняться одна органическая связь націи съ царемъ.

„Русскіе считаютъ государство большимъ семействомъ, главою котораго является самъ Царь. Отношеніе Государя къ подданнымъ—это отношеніе отца къ дѣтямъ. Между отцомъ и дѣтьми не можетъ существовать никакихъ компромиссовъ и присвоенія власти" (Карлетти).

Императоръ Николай I и Александръ II называли своихъ подданныхъ „дѣтьми". „Вы забываете, что 300,000 моихъ дѣтей страдаетъ въ Москвѣ", сказалъ Николай I, когда его уговаривали не ѣхать въ Москву. „Какъ отецъ инстинктивно или сознательно пріобрѣтаетъ авторитетъ надъ семьею, такъ монархъ надъ государствомъ". Отсюда русскій народъ ищетъ свою защиту въ царѣ, а русскій царь—свою опору въ народѣ. „Ты за меня, а я за тебя". (В. Ключевскій).

Во главѣ государства не можетъ стоять ни писанная хартія, ни коллегія... Намъ кажется, что нельзя лучше обо-

сновать власть монарха, какъ теоріею „Божьей милостію". Права отца даетъ сама природа и условія, договоры, mandatum'ы тутъ неумѣстны. Монархія „Божьею милостью" выработалась инстинктивно и практическимъ умомъ народа, вошедшаго въ составъ христіанскаго государства.

На гробъ Императора Александра III былъ возложенъ вѣнокъ съ лаконической надписью: „Возлюбленному Отцу народа. Императорскій Московскій университетъ". Тутъ сказалось вѣрное пониманіе русской исторіи.

Домашній бытъ человѣка есть та среда, въ которой лежатъ зародыши всѣхъ великихъ событій. Тамъ скрываются силы живучести націи. Сила природнаго быта есть сила самой природы (Забѣлинъ).

Въ своей жизни, въ своемъ домашнемъ быту, князь стоявшій во „главѣ земли", оставался вполнѣ народнымъ типомъ хозяина, главы дома, типичнымъ явленіемъ того стараго строя жизни, который служитъ основою экономическаго, хозяйственнаго быта во всемъ народѣ.

Сначала государь былъ помѣщикъ съ широкими царственными размѣрами жизни. Но затѣмъ, особенно въ виду иноземныхъ сношеній съ сосѣдями, значеніе, сила и слава его возростали, порядокъ его быта усложнялся. Но обычныя исконныя, типичныя очертанія его русской жизни оставались. Московскій государь оставался тѣмъ же княземъ вотчинникомъ, храня свято всѣ обычаи и преданья, всѣ начала общественной жизни. Самая государственная служба представлялась тогда въ видѣ службы вотчиннику, службы лицу, а не отвлеченному понятію отечества или государства.

Вотчиннический типъ московскихъ князей обозначался даже въ самомъ устройствѣ ихъ стольнаго города. Въ сущности это была помѣщичья усадьба, обширный дворъ вотчинниковъ, стоявшій среди деревень и слободъ, которыя имѣли какое-либо служебное значеніе (И. Забѣлинъ: „Домашній бытъ русскихъ царей").

Другая связь—не органическая, но своеобразная и совершенно понятная—также создалась подъ вліяніемъ жизни русскаго народа.

Мирный земледѣльческій народъ нашъ назвалъ вновь образовавшееся государственное тѣло—„землею" („Откуда начася прозывати Руськая земля"). Въ названіи этомъ чувствуется также извѣстный поэтическій оттѣнокъ. Для этой земли всего необходимѣе и крашѣ было, конечно, солнце, сообщавшее ей растительную силу, плодородіе и красу. Поэ-

тическое творчество народа переноситъ очень рано свойство солнца на свой идеалъ государя. Ласковый князь Владиміръ назывался—Красное солнышко.

Крестьянинъ занятъ былъ своимъ полемъ, почему дорого цѣнилъ тишину и безопасность. Идеалъ князя поэтому отлился скоро въ опредѣленный образъ стража и „оборонителя" русской земли, въ образъ промыслителя о мирной и трудовой жизни. Царь сталъ оплотомъ и опорой благополучія и процвѣтанія (Ник. Заозерскій).

Кромѣ указанныхъ обстоятельствъ, упроченію въ Россіи самодержавія содѣйствовало очень много православіе. Наша исторія свидѣтельствуетъ, что православіе съ первыхъ почти дней существованія Руси играло первенствующую роль. Христіанскимъ міросозерцаніемъ живетъ нашъ народъ. Вѣрующій народъ долженъ быть внимателенъ къ книгамъ священнаго писанія. А это писаніе указываетъ, что царская власть должна быть самодержавна (А. Сапожниковъ. „Странникъ" 1899, № 9).

Желая получить свѣдѣнія о воззрѣніяхъ народа на царя и его власть полезно обратиться къ его пословицамъ, поговоркамъ, пѣснямъ и сказаніямъ.—По нимъ можно составить цѣлое міровоззрѣніе и убѣдиться, что народъ смотритъ на власть съ христіанской точки зрѣнія и является монархистомъ до мозга костей.

У нашего народа „Богъ на небѣ, а Царь на землѣ". Какъ „одинъ Богъ", такъ „одинъ и Государь". „Никто противъ Бога да противъ Царя", такъ какъ „все во власти Божіей и Государсвой". „Нельзя быть землѣ русской безъ Государя". „Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ Царя земля не правится".

Какъ все ясно, какъ все мудро и просто!

„Душой Божьи,—говоритъ русскій народъ,—а тѣломъ Государевы".

„Воля Царя—законъ". „Не Москва Государю указъ, а Государь Москвѣ".

У русскихъ князей вотчинниковъ существовало непосредственное реальное общеніе съ „землею", народомъ. Съ теченіемъ времени между народомъ и царемъ создалось „средостѣніе", или то, что мы называемъ нынѣ бюрократизмомъ. Слой этотъ настолько утолстился, что царскіе лучи сильно въ немъ преломляются и не доходятъ до населенія въ чистомъ и яркомъ видѣ. Земскій типъ русскаго государства былъ при Петрѣ замѣненъ типомъ полицейскаго государства. По новому типу власть поставила себя внѣ земскихъ стихій. Совершился

разрывъ власти съ народомъ. Разрушился древній союзъ земли и государства и смѣнился „игомъ государства надъ землею". Государство управляется не одними законами и учрежденіями, но и нравами (И. С. Аксаковъ). Этимъ послѣднимъ пренебрегли. По типу, введенному съ Запада Петромъ, страна перестала жить „о себѣ" (по выраженію древнихъ грамотъ), а жила только „о начальствѣ". Создалась цѣлая армія чиновниковъ, армія опекуновъ. Правительство взвалило на свои плечи огромную обузу. Вмѣсто коллегій создали потомъ министерства. Единство въ высшемъ управленіи было тѣмъ еще болѣе нарушено, Каждое министерство явилось какъ бы государствомъ въ государствѣ. Контроля за ними не было установлено (коллегіи подчинялись сенату). Графъ С. Р. Воронцовъ тогда же (въ 1803 г.) писалъ: „Итакъ, Государь останется въ невѣдѣніи о томъ, какъ управляются подданные, ибо будетъ получать свѣдѣнія только отъ министровъ, т. е. отъ лицъ, которые будутъ въ одно время и судьями, и подсудимыми. Ему не останется даже способа узнать, хорошій-ли онъ сдѣлалъ выборъ". Принципіальные недостатки новой тогда системы были указаны такимъ образомъ при самомъ ея возникновеніи. Карамзинъ (въ „Запискѣ о древней и новой Россіи") также подвергъ критикѣ систему министерствъ, которая дала возможность экспедиторамъ и столоначальникамъ дѣйствовать безъ всякаго опасенія подъ щитомъ министра.

Между Государемъ и народомъ, какъ мы сказали, стали учрежденія. Административная опека и бюрократическое управленіе—оказались совершенно противными политической природѣ русской земли. Реформы Александра II были истинно благодѣтельны, такъ какъ ослабили, въ сильной степени, прежнюю административную опеку, создали основанія для свободной дѣятельности жизни внутренней и земской... Въ новизнахъ его царствованія слышалась старина (И. С. Аксаковъ). Но „старина" не получила дальнѣйшаго развитія.

Недочетовъ въ Россіи, конечно, много. Лучшимъ рецептомъ отъ всѣхъ недуговъ, коими страдаетъ наша жизнь, признаютъ отреченіе отъ національныхъ основъ; считаютъ, что все исправитъ „правовой порядокъ", представительный образъ правленія съ его конституціями и парламентами. Посмотримъ, возможно-ли примѣненіе этого принципа къ Россіи.

Итакъ, намъ предлагаютъ „конституцію", какъ универсальное цѣлебное средство.

Большей нелѣпости для Россіи трудно придумать! Россію предлагаютъ отрѣзать отъ тѣхъ корней, которымъ она

обязана своимъ ростомъ. Желаютъ, чтобы мы отреклись отъ того духа, который животворилъ нашу родину.

Россія можетъ существовать только подъ властью монарховъ автократовъ. Это положеніе является центральнымъ въ книгѣ Н. Н. Черняева „Необходимость самодержавія для Россіи" и, надо признать, что оно обосновано у него многочисленными и вѣскими данными.

Начнемъ съ того, что форма правленія въ каждой странѣ должна быть соображена съ ея пространствомъ. Чистая демократія, т. е. непосредственное участіе каждаго гражданина въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, возможно лишь въ маленькихъ государствахъ. Греки понимали, что республика возможна только на тѣсномъ пространствѣ. Громадныя пространства Азіи создали деспотіи. Когда Римъ разросся, его республика уступила мѣсто единоличному управленію, потому что,—какъ писалъ Тацитъ,—громадное тѣло Римской Имперіи стало нуждаться въ руководящей десницѣ, чтобы поддержать свое существованіе и сохранить равновѣсіе.

Россія—цѣлая часть свѣта. Ея Архангельская губернія въ $1^1/_2$ раза больше Германіи, Самарская губернія вдвое больше Болгаріи, Иркутское генералъ-губернаторство въ 1,6 раза болѣе всей Европы (безъ Россіи). Отъ западной до восточной границъ Россіи—болѣе 10,000 верстъ, а отъ сѣверной до южной—болѣе 4,500 верстъ. Власть же, стоящая во главѣ государства, должна обладать выгодными сочетаніями силы, быстроты рѣшенія и нравственнаго обаянія. Въ Наказѣ Екатерины сказано: „Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ столь великаго государства".

Расчленять Россіи нельзя. Это призналъ между прочимъ стратегъ Мольтке.—Одна часть Россіи не можетъ существовать безъ другой: сѣверъ богатъ лѣсомъ, югъ—хлѣбомъ, внутренняя ея часть не можетъ обойтись безъ приморскихъ областей и т. д. Къ расчлененію Россіи особенно склонны враги самодержавія: наши декабристы, революціонные кружки, сторонники польской крамолы и финляндскаго сепаратизма.

Англія—классическая страна конституціи. Отчего же въ ея парламентѣ нѣтъ представителей ея колоній? Объ общебританскомъ парламентѣ и рѣчи не заводятъ. Очень понятно, что они не желаютъ ставить судьбу Англіи въ зависимость отъ гражданъ британской Америки, которые заняли-бы треть ихъ собранія, и отъ гражданъ далекой южной Африки или

Австраліи. Значитъ равноправнаго представительства въ Англіи нѣтъ. Интересно было бы видѣть, какъ гордые англичане согласовали бы въ общеимперскомъ парламентѣ интересы Канады, напр., и Австраліи. Спрашивается затѣмъ, отчего Англія дала королевѣ Викторіи титулъ „Императрицы Индійской“? Потому, что востокъ охотнѣе всего покоряется силѣ. Будемъ помнить, что Россія держава не только европейская, но и азіатская. Азіаты видятъ въ русскомъ монархѣ Бѣлаго Царя, держащаго въ своихъ рукахъ и милость и могущество. Съ этимъ также необходимо считаться. Что касается титула „Императрицы Индійской“ то прибавимъ, что Дизраэли смотрѣлъ на это нововведеніе, какъ на первый шагъ къ расширенію королевской власти въ Англіи.

Когда говорится объ Англіи, то надо помнить о весьма существенномъ обстоятельствѣ, а именно, что она управляется внутри не однимъ только парламентомъ, а еще системою наказаній совершенно независимаго земскаго судьи. Не будь въ Англіи этой „неограниченной“ власти, порядокъ ея былъ бы иной. Что-же касается ея государственнаго самоуправленія, то оно, конечно, лучше чѣмъ въ остальной Европѣ, во-первыхъ потому, что тамъ оно явилось естественнымъ путемъ, какъ кожа на тѣлѣ, а главное—верхняя палата ея парламента, вслѣдствіе наслѣдственности политическихъ правъ англійскихъ перовъ, стоитъ внѣ партійной борьбы, подкуповъ и интригъ, т. е. не является избирательной.

Примѣръ Англіи показываетъ прежде всего, что „страны, раздѣленныя половиною земной окружности, не могутъ представлять естественныхъ условій для того, чтобы быть однимъ представительнымъ государствомъ или даже, чтобы быть членами одной федераціи“.

Почему же Россіи предлагаютъ завести представительство? Россіи, простирающейся отъ „финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая?“ Почему? Потому что предлагающіе или самостоятельно не думаютъ, а только обезъяннически перенимаютъ съ Запада, или имъ Россія не дорога, какъ самобытное государство.

Въ составъ Россіи, кромѣ коренныхъ племенъ, вошли племена литовское, тюркское, монгольское, финское, кавказскія горныя племена, часть германскаго... Въ Россіи до тридцати религіозныхъ культовъ отъ христіанъ до язычниковъ, магометанъ и буддистовъ; въ Россіи отъ 15 до 20 нарѣчій, много мѣстныхъ обычаевъ, мѣстныхъ законовъ. Не даромъ го-

ворятъ: „что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай". А разнообразіе культуръ? Отъ утонченнаго европейскаго просвѣщенія до постыднаго варварства, отъ православія до суевѣрія и идолопоклонства. Возможно ли Россіи, при указанныхъ обстоятельствахъ, учредить палату депутатовъ на подобіе французской, итальянской или англійской? Народное управленіе возможно въ странѣ, гдѣ составъ населенія одноплеменный и гдѣ разность въ культурѣ, умственномъ развитіи, нравственности, вѣроисповѣданіи и духѣ не слишкомъ рѣзко ощущается въ населеніи. Это говоритъ итальянецъ Карлетти. „Представительный образъ правленія,—продолжаетъ онъ,—прежде всего ведетъ за собой борьбу принциповъ; гдѣ существуетъ не болѣе двухъ-трехъ различныхъ идеаловъ, подобная форма удовлетворяетъ потребностямъ націи, если же нѣтъ, то это выходитъ плохо смазанное колесо"... „Вообразите себѣ парламентъ, куда входитъ и самоѣдъ, одѣтый въ оленью шкуру, и киргизъ въ своей тюбетейкѣ, и калмыкъ въ бешметѣ, и армянинъ въ своемъ черномъ кафтанѣ, и черкесъ въ башлыкѣ, и грузинъ въ архалукѣ и чокѣ съ длинными рукавами, а затѣмъ уже слѣдуетъ великороссіянинъ, бѣлоруссъ, корелецъ, мингрелецъ, татаринъ, молдаванъ и персъ. Подумайте, какіе тутъ могутъ быть однородные идеалы и партіи, когда великороссъ будетъ стоять на своихъ консервативныхъ началахъ, малороссъ начнетъ увлекаться украинофильствомъ, финляндецъ своей конституціей, полякъ—республиканскими надеждами и т. д. Вообразите себѣ затѣмъ православнаго москвича, лютеранина прибалтійца, католика западнаго края, магометанина изъ Казани, огнепоклонника изъ Сибири, еврея-талмудиста изъ Шклова и Гомеля, буддиста, сіониста, караима, шіита и т. д. вообразите ихъ въ одномъ собраніи. Можно ли привести къ соглашенію ихъ стремленія?

Къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ представительный образъ правленія въ разноплеменныхъ государствахъ нагляднѣйшимъ образомъ показываетъ Австрія.

Итакъ, пространство Россіи и ея этнографическія особенности требуютъ неограниченной власти.

Въ 1899 году мы не могли столковаться съ финляндскимъ сеймомъ по вопросу о единой арміи, т. е. по дѣлу объ оборонѣ Имперіи. А казалось-бы, чего легче, какъ установленіе солидарности по совокупной защитѣ отечества.

Возьмемъ затѣмъ общеизвѣстный фактъ, что „село вообще менѣе склонно жить политическою жизнью, чѣмъ городъ". Россія—„стоитъ селами, а не городами". Россія—мужичье

царство. Уже самое преобладаніе сельскаго населенія въ Россіи свидѣтельствуетъ о слабости политическаго элемента въ громадномъ большинствѣ (80%) населенія Имперіи. Прибавьте къ этому, что задачи соціальныя дороже нашему народу задачъ политическихъ (И. Аксаковъ) и вы получите новое доказательство того, насколько наши конституціоналисты заботятся о народѣ. Ясно, что парламентъ нуженъ имъ, а не народу.

Вообще нельзя не изумляться тому, что при столь коренныхъ предположеніяхъ и проектахъ, какъ измѣненіе характера верховной власти, г.г. реформаторы совершенно не считаются съ основными свойствами русскаго народа, хотя всегда выдаютъ себя радѣтелями сего народа и даже дерзаютъ говорить отъ его имени.

Забываютъ, что нашъ народъ прежде всего христіанинъ. Христіанство-же не поощряетъ властолюбивыхъ притязаній. На власть русскій народъ смотритъ не какъ на привилегію и приманку, а какъ на тяжелый и отвѣтственный долгъ. Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ доказывалъ, что русскій народъ чуждъ всякаго стремленія *„государиться“*, то-есть добиваться власти; онъ не ищетъ участія въ правленіи, что и составляетъ вѣрнѣйшій залогъ тишины въ Россіи и безопасности правительства.—„Будь это хоть немного иначе—прибавляетъ К. Аксаковъ—давно бы въ Россіи была конституція“. Русскій народъ не имѣетъ въ себѣ политическаго элемента и потому отдѣлилъ отъ себя государство и „государствовать не хочетъ“. Народъ предоставилъ себѣ свободу жизни и духа, а управленіе, дѣла политическія предоставилъ власти. (К. С. Аксаковъ).

Мысль К Аксакова дополнилъ Вл. С. Соловьевъ. „Надо помнить,—писалъ онъ,—что русскій народный взглядъ не признаетъ государственность саму по себѣ за высшую и окончательную цѣль національной жизни. Помня всю важность государственнаго порядка, сильной власти и такъ далѣе, русскій народъ никогда не положитъ свою душу въ эти политическія идеи. Для него государство есть лишь необходимое средство, дающее народу возможность жить по своему, ограждающее его отъ насилія чужихъ историческихъ стихій и обезпечивающее ему извѣстную степень матеріальнаго благосостоянія“ (См. Московскій Сборникъ 1887 г., изд. С. Шарапова). Отсюда Ив. С. Аксаковъ заключаетъ, что народъ не продалъ свою душу государству, не отрекся ради внѣшней правды отъ правды высшей, нравственной, не подмѣнилъ своихъ нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ идеалами политическими, не упразднилъ своей совѣсти внѣшнимъ закономъ. Народъ хочетъ правды,

говоритъ Вл. С. Соловьевъ, то-есть согласія между дѣйствительною жизнью и той истиной, въ которую онъ вѣритъ; правды не одной отвлеченной, а дѣйствующей въ жизни.

Продолжая разсмотрѣніе поставленнаго вопроса, мы убѣждаемся, что „неограниченная монархія есть та форма правленія, которая наиболѣе подходитъ къ психическому и бытовому складу русскаго народа". Начала Русь съ конституціонныхъ порядковъ; но затѣмъ племена призвали князей, ибо убѣдились, что не могутъ управляться сами собой. Коренная черта эта осталась. Надо признаться, что „у насъ, русскихъ, нѣтъ и никогда не было той выдержки, того умѣнья вести сообща и единодушно, по взаимному согласію, большія и важныя дѣла, которымъ отличаются нѣкоторые другіе народы". На вѣчахъ русскіе не додумались до разрѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ. Требовали единодушія и добивались его часто рукопашными схватками.

Наши конституціоналисты точно забыли, что русскій народъ славянскаго племени. Исторія-же славянъ показываетъ, что представительное правленіе имъ не сродно. Польскіе сеймы—образцы разнузданности. Польша была сильна подъ скипетромъ своихъ королей и погибла отъ своихъ сеймовъ. Наша исторія даетъ еще слѣдующіе уроки: раздробленіе Россіи привело къ татарскому игу. Народоправство не развилось даже во Псковѣ и Новгородѣ. Спасли Россію не вѣче, а князья. Монархическіе инстинкты и династическая привязанность—вотъ что оздоровило Русь.

Славянскія земли Болгарія и Сербія имѣютъ конституціи, которыя безпрерывно сопровождаются распрями, стамбуловщиной и многими мрачными и грустными исторіями.

Ясно, что славянской расѣ болѣе сродно единовластіе.

Вспомните такія явленія: въ артели русскій человѣкъ подчиняется большаку. Буйные запорожцы въ казацкой радѣ слушаются кошевого и т. п.

Отмѣчаемое повиновеніе не бездѣлица. По поводу выходокъ Герцена противъ Императора Николая Павловича, Прудонъ ему замѣтилъ: „Вѣрите-ли вы, что русское самодержавіе произведено одною грубой силой и династическими происками?.. Смотрите, нѣтъ-ли у него сокровенныхъ основаній, тайныхъ корней въ самомъ сердцѣ русскаго народа?" Карлейль писалъ тому же Герцену: „Ваша родина имѣетъ талантъ... который даетъ ей мощь... талантъ, необходимый всѣмъ націямъ—талантъ повиновенія, который въ другихъ мѣстахъ вышелъ изъ моды". Талантъ повиновенія слагается не изъ

рабскаго преклоненія, а изъ сознанія необходимости дисциплины, изъ любви къ родинѣ, доходящей до самоотреченія. Талантъ повиновенія—цементъ, превращающій разрозненныя индивидуумы въ монолитную націю.

Русскій народъ повинуется, ибо вѣритъ, что Царь исполняетъ небесную волю. О повиновеніи власти говоритъ православная церковь и голосъ ея проносится изъ края въ край. Церковь живетъ въ ладу съ государствомъ. Отсюда вытекаютъ большія послѣдствія. Православный народъ и солдатъ не пойдутъ, напр., противъ царской власти. Герценъ пришелъ къ тому убѣжденію, что антимонархическая революція въ Россіи невозможна. Въ революціонномъ катехизисѣ Нечаева также говорится, что въ русскомъ народѣ нѣтъ элементовъ, на которые могли бы разсчитывать революціонеры. Ихъ союзниками могутъ быть только разбойники и преступники-головорѣзы. Одинъ изъ декабристовъ (Батенковъ), находилъ, что въ Россіи легко произвести государственный переворотъ („стоитъ разослать печатные указы отъ сената“); но въ Россіи не можетъ быть иного правленія, кромѣ монархическаго; однѣ церковныя ектеніи не допустятъ насъ до республики“. Существуетъ еще такой разсказъ. Въ 1848 г. спросили одного русскаго купца, бывали-ли въ его странѣ революціи?

— „Нѣтъ, на счетъ этого еще указа не вышло“.

Къ перечисленному прибавимъ еще одно соображеніе, говорящее въ пользу безусловной необходимости самодержавія въ Россіи. Въ силу нашего географическаго положенія, намъ приходится довольно часто вести войны. Для успѣха во время войнъ нужна сильная, центральная, единоличная власть. Древній Римъ, въ періодъ своихъ многочисленныхъ войнъ, замѣнилъ республику имперіей. Во Франціи увлеченіе „великими принципами 1789 г. уступило мѣсто имперіи, когда нужно было держать подъ ружьемъ большія арміи. Да и вообще лучшія воспоминанія Франціи относятся къ тѣмъ временамъ, когда ея судьба управлялась твердою рукой Людовиковъ VI и IX, Филиппа Красиваго, Франсуа I, Генриха IV, Ришелье, Людовика XIV и Наполеона; во время многолѣтней войны Франціи съ Англіей первая крѣпко держалась самодержавія.

Германія здорова и сильна, но этимъ она отнюдь не обязана своимъ представительнымъ учрежденіямъ. Когда возникало ея могущество, она „вопреки своимъ свободнымъ учрежденіямъ, въ дѣйствительности управлялась единоличною властью ея государственнаго канцлера, одареннаго геніальнымъ умомъ и желѣзною волею“. Кромѣ того, конституціон-

ный строй ея наиболѣе близокъ къ типу автократической монархіи (Б. М. Юзефовичъ). Эти благопріятныя условія сдѣлали ее побѣдительницею въ послѣднихъ ея войнахъ.

Могущество Россіи создалось войнами. Земледѣльческое населеніе нуждалось въ большой площади земли. Оборонительныя войны Россіи далеко еще не закончены, такъ какъ могущество нашей Имперіи не даетъ покоя многимъ богатымъ и честолюбивымъ націямъ. Это показали война 1854—1855 г. и нынѣшняя война на Дальнемъ Востокѣ.

Самое географическое положеніе также имѣетъ значеніе и вліяетъ при выработкѣ формы правленія. Уединенное положеніе (Англіи и Швеціи) скорѣе приводило къ конституціонному учрежденію. Страна, подверженная вторженію чужестранцевъ, какъ Россія, понуждаетъ къ сосредоточенной власти.

Итакъ, съ какой стороны не разсматривать положеніе Россіи, все показываетъ, что ей необходима единоличная сильная власть, которая является главнѣйшей ея государственной органической связью.

Наша исторія свидѣтельствуетъ, что самодержавіе, дѣйствительно, было великимъ счастьемъ для Россіи. „У насъ правительство всегда шло впереди народа, всегда было звѣздою путеводною къ его высокому назначенію; царская власть всегда была живымъ источникомъ, въ которомъ не изсякали воды обновленія... Въ Царѣ—наша свобода. Одинъ великій Царь освободилъ Россію отъ татаръ, другой—ввелъ насъ въ сферу новой, обширной жизни, по мановенію руки третьяго—пало рабство... (Бѣлинскій). Монархическое начало лежитъ въ основаніи всѣхъ великихъ явленій русской исторіи; оно есть корень, изъ котораго выросли наша государственная жизнь, наше политическое значеніе въ Европѣ“—читаемъ у Грановскаго. „Самодержавіе положило свою печать на всѣ важныя явленія русской жизни“ (говорилъ онъ же).

Повиновеніе царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзія нашей жизни, наша народность. Мы имѣемъ право гордиться нашею любовью къ царю, какъ англичане гордятся своими гражданскими правами, американцы—своею свободою (Бѣлинскій).

Во всѣ времена въ Россіи интересы страны сливались и продолжаютъ сливаться съ интересами государя. Русскій царь есть неизмѣнный и наслѣдственный представитель нуждъ и потребностей всего народа. „Въ Россіи,—по выраженію проф. В. Ключевскаго,—по ея политической организаціи, въ волѣ царя выражается мысль его народа, а воля народа становится

мыслью его царя". Для самодержца вопросъ о государственномъ благѣ и о величіи государства есть вопросъ о его собственной будущности, о будущности его дѣтей. Падетъ царство, падетъ его династія; процвѣтетъ государство, процвѣтетъ его потомство. Ни президентъ республики, ни члены парламентовъ не заинтересованы такъ близко въ судьбахъ страны, какъ самодержавная власть. Если монархъ почитаетъ память отца, онъ постарается сгладить его ошибки; заботясь о сынѣ, онъ постарается передать ему дѣла въ полномъ порядкѣ. Президентъ не знаетъ, кому онъ передастъ свою власть. Передаетъ-же обыкновенно своему конкуренту, котораго едва ли любитъ и уважаетъ.

Наслѣдственный самодержецъ получаетъ власть въ силу закона и рожденія, почему избавленъ отъ тѣхъ пороковъ, которыми честолюбцы пробираются къ власти. Монархъ никому не обязанъ своимъ возвышеніемъ, почему ему нѣтъ надобности принадлежать къ какой-либо политической группѣ. Онъ не принадлежитъ ни къ какому сословію. Въ виду наличныхъ обстоятельствъ, ему естественно руководиться благомъ *всего* государства, благомъ *цѣлаго* народа.

Монархъ свободно можетъ избирать и окружать себя достойнѣйшими людьми. Онъ не можетъ сваливать отвѣтственности на другихъ.

Итакъ: чувство долга, желаніе сохранить доброе имя, малѣйшій проблескъ вѣры и пр.—все, все побуждаетъ государя вести дѣло честно; а затѣмъ—наше прошлое, наша территорія, наша этнографія, наша психологія, наша церковь, самые недочеты нашего общественнаго строя—все, все говоритъ за то, что Россіи необходимо единовластіе. Верховнымъ Руководителемъ Русскаго народа долженъ быть Самодержецъ!

Обращаемся теперь къ наукѣ. Раскрываемъ книгу такого ученаго, какъ Б. Чичеринъ („Курсъ государственной „науки", ч. III).

Выгоды чистой монархіи (или власти сосредоточенной), читаемъ у него, слѣдующія: „Она обезпечиваетъ единство власти. Образуя единое цѣлое, государство требуетъ единой направляющей воли. Но единство воли наиболѣе обезпечено, когда власть ввѣрена одному лицу. Когда власть раздѣлена между разными лицами, трудно достигнуть соглашенія. Сильное большинство можетъ дѣйствовать деспотически. Когда мнѣнія уравновѣшены—то единство воли и направленія становится невозможнымъ. Всѣхъ этихъ недостатковъ избѣгаетъ чистая монархія, гдѣ воля одного лица—безусловный зако-

Изъ единства власти,—продолжаетъ Чичеринъ,—проистекаетъ ея сила. Власть раздѣленная неизбѣжно слабѣетъ.

Того же мнѣнія держался и Филаретъ. Какъ можетъ правитель,—говоритъ онъ,—развивать свою силу въ благодѣтельномъ направленіи, когда его сила непрестанно находится въ ненадежной борьбѣ съ другими силами. При сосредоточенной власти (читаемъ опять у Чичерина), когда состоялось рѣшеніе, исполненіе совершается быстрѣе и энергичнѣе. Съ единствомъ власти связана и ея прочность. При коллегіальной власти возможны раздоры, борьба. Чистая монархія поставлена выше происковъ, колебаній. Чѣмъ долѣе она держится, тѣмъ болѣе она заключаетъ въ себѣ залоговъ прочности.

Чистая монархія непричастна духу партій. Это немаловажно. Всякое общество составлено изъ разнообразныхъ элементовъ, имѣющихъ каждый свои интересы. Партіи борются за эти интересы. Вліяніе общества на государственныя дѣла проявляется въ господствѣ той или другой партіи, слѣдовательно, извѣстнаго частнаго интереса, въ ущербъ другимъ. Интересы власти тождественны съ интересами общества. (Б. Чичеринъ).

Такова истина. На Западѣ и въ Америкѣ она потеряна и тамъ государство своей силы не имѣетъ. Тамъ силу государства составляетъ только сила нѣкоторой части общества: въ Европѣ—сила руководящихъ классовъ, въ Америкѣ—сила политическихъ партій. Возвращаясь къ Чичерину, укажемъ еще на слѣдующія его мысли. Чѣмъ ожесточеннѣе борьба, тѣмъ болѣе страдаютъ интересы лицъ, находящихся въ меньшинствѣ... Подобными недостатками не страдаетъ неограниченная монархія. Какъ представительница народнаго единства, она имѣетъ въ виду пользу не одной какой-либо части населенія, а всѣхъ. Она держитъ между нами вѣсы и старается о справедливомъ удовлетвореніи каждой стороны.

Чистая монархія есть затѣмъ образъ правленія, наиболѣе приспособленный къ охраненію въ обществѣ внѣшняго порядка.

Мало того, этотъ образъ правленія прекрасно приспособленъ къ совершенію крупныхъ преобразованій. Всякое преобразованіе, глубоко захватывающее общественныя отношенія, нарушаетъ господствующіе интересы; съ ними поэтому приходится вести борьбу. Только власть, стоящая выше интересовъ партій и имѣющая въ виду исключительно общее благо, могла произвести освобожденіе крестьянъ. Въ это же время въ Америкѣ происходило освобожденіе негровъ. Тамъ реформа

произведена путемъ страшнаго междоусобія, стоившаго большихъ жертвъ.

Соображенія Б. Чичерина дополнимъ однимъ указаніемъ. Если личность играетъ роль въ исторіи (а она играетъ и притомъ весьма важную роль), то въ чистой монархіи она особенно можетъ проявить себя.

Всѣ кратко набросанныя здѣсь положенія и всѣ историческіе примѣры выступили бы ярче и выпуклѣе, если бы мы имѣли время и возможность сопоставить ихъ съ характерными чертами конституціи. Лживость и декоративная сторона представительнаго образа правленія сдѣлались бы тогда болѣе очевидными[1]). Скажемъ только, что главная основа представительнаго образа правленія не только не возвышенна, но прямо низменна. Много говорятъ по поводу его о свободѣ и о равенствѣ, но на дѣлѣ все построено на имущественномъ обладаніи. Въ выводѣ—господство одного капитала. Никогда имущественный классъ не будетъ благосклоненъ къ неимущему и одно общественное сословіе къ другому. Бѣднякъ ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ къ избирательной урнѣ не допускаются. Тѣ же, которые говорятъ объ общемъ голосованіи, впадаютъ въ другую крайность. Если осуществить ихъ желаніе, то вышло бы, что люди чернаго труда и даже невѣжественные дѣлали бы разборъ между людьми, въ которыхъ должно усмотрѣть государственную мудрость (Филаретъ).

Чтобы конституціонный строй могъ существовать въ государствѣ, необходимо, чтобы населеніе его не пестрѣло разноплеменностію. Вотъ почему Германія принудительно ассимилируетъ свои инородческія племена съ господствующею рассою и силою превращаетъ, напримѣръ, поляковъ въ нѣмцевъ. Самодержавію нѣтъ надобности въ подобной ассимиляціи. Оно путемъ справедливости устанавливаетъ государственное единство и вотъ почему національная самостоятельность нашихъ инородцевъ вполнѣ обезпечена. Это обстоятельство заслуживаетъ глубокаго вниманія, такъ какъ имъ въ значительной мѣрѣ рѣшается сложный окраинскій вопросъ. Окраины въ предѣлахъ Россійской Имперіи могутъ пользоваться своими особенностями, этнографическими, культурными, вѣроисповѣдными и другими, но должны признавать надъ собою общегосударственную Верховную власть, подчиняться ей и довѣрять

---

[1]) Въ Русскомъ Собраніи это было сдѣлано въ особомъ докладѣ г. Булацеля. Ср. „Мирный Трудъ“ 1904 г. № 8. *Прим. ред.*

ея заботамъ. Общее начало, связывающее всѣ наши окраины— прежде всего Самодержавіе [1]).

Наши недоброжелатели и враги неограниченной власти, желающіе во чтобы то ни стало унизить ее, съ особенной силой настаиваютъ на томъ, что самодержавіе неизбѣжно ведетъ къ произволу и ничѣмъ не отличается отъ азіатскаго деспотизма и тираніи. Это заявленіе они считаютъ большимъ козыремъ противъ насъ. Этимъ заявленіемъ Западъ пытается стыдить насъ въ политической отсталости. Они исходятъ изъ того положенія, что нашъ Монархъ стоитъ выше закона и потому-де не обязанъ руководствоваться закономъ. Да, просвѣщенные люди Европы иначе дѣла не понимаютъ (у нихъ по обыкновенію преобладаетъ форма надъ духомъ). Недавно намъ довелось прочитать грубѣйшую статью Андрю Уайта— бывшаго посланника Соединенныхъ Штатовъ при Императорскомъ Россійскомъ дворѣ. Онъ жилъ среди насъ и уѣхалъ съ тѣмъ, что мы идолопоклонники! Почитаніе иконъ у него сведено и приравнено къ идолопоклонству!..

„Нѣтъ ничего ошибочнѣе предразсудка, считающаго неограниченную монархію синонимомъ народнаго рабства, а республику и конституціонную монархію—синонимомъ свободы".

Говорить о тираніи или деспотіи въ Россіи по меньшей

[1]) Наша верховная власть имѣетъ еще одно очень существенное преимущество передъ властью другихъ народовъ. У нихъ власть— органъ права и закона; у насъ она не только органъ права и закона, но также и органъ милосердія, то есть сочетанія правды и милости. А это сочетаніе и есть идеалъ справедливости. Въ жизни одного человѣческаго закона мало. Не безъ основанія давно уже сказано: summum jus есть summa injuria. Никакое законодательство въ мірѣ не въ состояніи предусмотрѣть всѣхъ возможныхъ отношеній, всѣхъ случаевъ жизни. Жизнь движется. Жизнь творитъ новыя отношенія, создаетъ новыя комбинаціи. Судья и администраторъ обязаны дѣйствовать только по закону. Въ этомъ Западъ усматриваетъ гарантію отъ личнаго произвола. На практикѣ судья и администраторъ нерѣдко наталкиваются на такія жизненныя отношенія, которыя въ кодексахъ не предусмотрѣны. Вотъ тутъ-то полезенъ органъ власти, стоящій выше закона, чтобы своею волею упразднить неправду, которая можетъ произойти отъ неполноты (немощности) закона. Въ лицѣ Монарха Самодержца, не стѣсненнаго извѣстными юридическими нормами, Русское государство имѣетъ драгоцѣнное восполненіе для осуществленія высшей идеи справедливости, восполненіе, котораго недостаетъ западному „культурно-правовому" порядку (Заозерскій). Пушкинъ также признавалъ необходимость высшей милости, умягчающей законъ, милости, которая можетъ явиться людямъ только отъ одной полномочной власти".

мѣрѣ не справедливо, когда статья 47 Основныхъ законовъ опредѣленно гласитъ: „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, уставовъ и учрежденій отъ самодержавной власти исходящихъ". Начало законности деспотіи совершенно неизвѣстно. Кромѣ того, у насъ имѣются независимость судовъ, у насъ положено прочное начало самоуправленію реформами Александра II и т. п.

Однако, полагаемъ, что лучшимъ отвѣтомъ на заявленія о деспотіи и тираніи будетъ указаніе на то, какъ сами наши монархи смотрѣли на свою власть. Краткій очеркъ этого вопроса раскроетъ, что наши монархи въ своихъ требованіяхъ исходили прежде всего изъ закона.

Въ Іоаннѣ Грозномъ особенно склонны видѣть деспота; но даже и онъ не терялъ изъ вида нравственнаго идеала власти и проявлялъ сознаніе относительной скромности своего положенія. Въ отвѣтъ на первую „эпистолію" князя Курбскаго онъ писалъ: „Земля (русская) правится Божіимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы милостью, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ, и *послѣди* нами, государями своими"...

Поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нашего самодержавія является, конечно, царствованіе Петра Великаго. Онъ упразднилъ боярскую думу и патріаршество и потому власть его стала дѣйствительно неограниченною. Но „политическій тактъ Петра заставилъ его направить всѣ усилія па возможное тогда осуществленіе начала законности". Что онъ и исполнилъ вполнѣ.

Взглядъ Императрицы Екатерины II на самодержавіе сказался въ ея Наказѣ. „Какой предлогъ самодержавнаго правленія?—спрашивается въ Наказѣ.—Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго отъ всѣхъ добра". „Правленіе самодержавное,—говорится далѣе,—лучше прочихъ и притомъ естественную вольность меньше другихъ ограничиваетъ". Вѣротерпимость Наказъ Екатерины считалъ одною изъ главныхъ принадлежностей системы русскихъ самодержцевъ. Однажды Екатеринѣ II, въ частной бесѣдѣ, указали на усердное и слѣпое повиновеніе, съ которымъ ея монаршая воля исполнялась вездѣ. „Это не такъ легко, какъ ты думаешь"— отвѣтила Императрица своему собесѣднику (статсъ-секретарю Попову). „Во первыхъ, повелѣнія мои не исполнялись-бы съ точностію, если-бы не были удобны къ исполненію... Будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе не приноровлено къ обычаямъ"...

Александръ I мечталъ о конституціи. Сперанскій и Новосильцевъ изготовили проекты конституцій, коими думали осчастливить Россію, такъ какъ въ эпоху Александра I думали, что монархическій принципъ отжилъ свой вѣкъ. Александръ I мечталъ о конституціи по книжкамъ и со словъ Лагарпа. Но когда созрѣлъ и узналъ Россію, то сталъ на стражѣ самодержавія. Онъ понялъ тогда, что

„Важнѣйшая наука для царей:
Знать свойства *своего* народа
И выгоды земли своей". (Крыловъ).

Любопытно, что Новосильцевъ, побывавъ въ Польшѣ, отрекся отъ представительнаго образа правленія, а Лагарпъ, побывавъ въ Швейцаріи и принявъ тамъ участіе въ управленіи страной, молилъ потомъ Александра I не отказываться отъ единовластія. Эти факты обыкновенно или забываются, или неизвѣстны. Кончилъ Александръ I тѣмъ, какъ извѣстно, что мужественно заявилъ: „Самодержавіе" не есть „прихоть" или „самовластіе", но „единый законъ".

Въ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ также особенно охотно усматривали признаки, переходившіе предѣлы самодержавія и граничившіе съ произволомъ. А между тѣмъ его чувствительность къ справедливости была изумительна. Онъ весь поглощенъ былъ заботой о правдѣ и искренности. Исполненіе царственныхъ обязанностей онъ называлъ службою Богу. Только законныя движенія своей воли онъ признавалъ самодержавными. Такъ деспоты не думаютъ и не говорятъ. Это рѣчь русскаго Монарха, ограниченнаго велѣніями Владыки Небеснаго! (Мир. Тр. 1904 г., № 4, 140). Николай Павловичъ съ перваго дня своего воцаренія прежде всего желалъ, чтобы все въ его государствѣ дѣлалось по строго предписаннымъ *закономъ* формамъ, чтобы всѣ дѣла доходили до трона *узаконеннымъ* порядкомъ (С. М. Середонинъ).

Императоръ Александръ II не хотѣлъ ограниченія Самодержавія, такъ какъ отлично понималъ его значеніе для Россіи. Еще въ сентябрѣ 1865 г. Государь находился въ подмосковномъ имѣніи Ильинскомъ. Въ числѣ представленныхъ Государю находился мѣстный звенигородскій уѣздный предводитель дворянства Голохвастовъ, запальчиво говорившій передъ тѣмъ объ адресѣ Царю. „Чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія?"—спросилъ Императоръ. Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, Государь продолжалъ: „И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочного тщеславія не хочу

поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ былъ бы подписать какую угодно конституцію, если-бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски. А вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ году вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали (С. Татищевъ, I, 533—534, а также Мир. Тр. статьи Черняева).

Незабвенный Императоръ Александръ III явился не только яркимъ выразителемъ идеи самодержавія, но „носителемъ идеала“, какъ мѣтко охарактеризовалъ Его извѣстный публицистъ, Левъ А. Тихомировъ. Носители идеала, конечно, рѣдки въ исторіи и міръ, западно-европейскій міръ, призналъ Его величайшимъ Монархомъ своего времени. Въ его величавомъ образѣ Россія почувствовала нѣчто идеальное и вмѣстѣ родное и близкое сердцу. Его правдивость поражала въ нашъ изолгавшійся вѣкъ. Его царствованіе было счастливымъ временемъ для Россіи.—Въ февралѣ 1881 г. графъ Лорисъ-Меликовъ представилъ докладъ Государю Императору Александру II и рѣшено было образовать особую коммиссію съ совѣщательнымъ характеромъ, частію изъ выборныхъ, частію изъ назначенныхъ Государемъ, для обсужденія ряда государственныхъ вопросовъ. Первый шагъ къ введенію выборнаго представительства былъ такимъ образомъ сдѣланъ. Пока шла разработка вопроса, совершилось ужасное злодѣяніе 1 марта. Одно царствованіе смѣнилось другимъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ опять подалъ докладъ новому Государю, т. е. Александру III, испрашивая разрѣшеніе на созывъ Коммиссіи, проектированной наканунѣ 1 марта. (Л. Тихомировъ). Обсужденіе вопроса происходило 8 марта 1881 г. Мнѣнія раздѣлились: за опубликованіе созыва выборныхъ высказались 9 человѣкъ—всѣ изъ числа министровъ,—а противъ только 5 голосовъ. Въ этомъ историческомъ засѣданіи о „конституціи графа Лорисъ-Меликова“ особенно мужественныя слова были сказаны графомъ Строгановымъ и Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцевымъ. Послѣдній, по обыкновенію очень скромно, коснулся этого засѣданія въ письмѣ къ издателю „Гражданина“. Онъ высказался противъ проекта графа Лорисъ-Меликова. Къ меньшинству склонился и Государь Императоръ, что и высказалъ въ томъже засѣданіи. Затѣмъ Государь неоднократно высказывалъ графу Лорисъ-Меликову необходимость заявить всенародно твердую волю Его Величества сохранять неприкосновенными основныя начала управленія, на Самодержавіи основанныя; но такъ какъ графъ медлилъ, не взирая на напоминанія, то

Его Величеству угодно было поручить составленіе Манифеста Константину Петровичу Побѣдоносцеву (Мир. Трудъ 1904 г., № 4, 138). И такимъ образомъ мы получили дивный Государственный актъ, въ которомъ съ высоты Престола заявлялось: „Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній"... Такимъ образомъ Россія избавилась въ 1881 г. отъ учредительнаго собранія, въ составъ котораго вошли-бы, конечно, тѣ либералы и революціонеры, которые о немъ хлопотали (Л. Тихомировъ. „Конституціоналисты въ эпоху 1881 г."). Твердо ставъ на стражѣ самодержавія, Императоръ Александръ III заставилъ другихъ любоваться красотою этого принципа. Онъ показалъ, что можно быть Самодержцемъ безъ всякой реакціи, безъ нарушеній какихъ-либо „современныхъ" требованій. Онъ показалъ, что Самодержавіе есть высшая форма власти, наиболѣе мудрая, наиболѣе благодѣтельная и наиболѣе понятная сердцу христіанскихъ народовъ (Л. Тихомировъ). Западъ спокойно и съ уваженіемъ относился къ Россіи. Въ его воззрѣніяхъ произошелъ глубокій переломъ: Западъ перестал смотрѣл на насъ, какъ на авангардъ азіатскихъ варваровъ и на вѣчную угрозу европейской цивилизація. „Европа признала, что Царь русскаго народа былъ и государемъ народнаго мира и порядка, и этимъ подтвердила историческое призваніе Россіи..." Между Европой и нами произошло нравственное сближеніе... (В О. Ключевскій). Неужели, спрашивается, Западъ вышелъ тогда на встрѣчу тирану или деспоту? Конечно, нѣтъ!

„Онъ (т. е. Государь) ложь, и непріязнь, и лесть, и злыя страсти смирилъ и побѣдилъ лишь правдой и добромъ".

„И потому Царь-Праведникъ въ родныхъ преданьяхъ не умретъ" (Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ). „Для тебя у Россіи нѣтъ смерти" (Гражданинъ). Да благословенна будетъ Его память!

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ (17 января 1895 года) соизволилъ сказать депутаціямъ, прибывшимъ для принесенія поздравленія по случаю бракосочетанія Ихъ Величествъ: „Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая Своя силы благу народному, буду охранять начало Самодержавія также твердо и неуклонно, какъ охранялъ его Мой Незабвенный покойный Родитель". Въ томъ же духѣ и смыслѣ сдѣлано заявленіе въ Манифестѣ 26 февраля 1903 г.

Таковы наши Монархи... Гдѣ-же въ ихъ дѣйствіяхъ признаки тираніи или деспотіи?

Верховная власть юридически безгранична, но она находитъ предѣлъ себѣ, какъ въ собственномъ нравственномъ сознаніи, такъ и въ совѣсти гражданъ (Б. Чичеринъ). „Неограниченное самодержавіе пишетъ самому себѣ непреложный законъ, заимствованный изъ вѣчной правды“. Такъ поучалъ В. А. Жуковскій—Наставникъ Наслѣдника Престола. Внѣшнимъ образомъ государи не ограничены, если не считать вопроса, дѣлаемаго имъ церковью при помазаніи на царство: „Како вѣруеши?“ Но они ограничены внутри себя, своей совѣстью, которой Россія вручаетъ свою судьбу и которой она безусловно вѣритъ. Они ограничены приговоромъ исторіи и, наконецъ, живою народною совѣстью (С. Шараповъ). „Они свободно ограничиваютъ свое самодержавіе волей Царя Небеснаго, мудростію, великодушіемъ, любовію къ народу, желаніемъ общаго блага, вниманіемъ къ благому совѣту“... (Филаретъ).

Согласитесь, что наше ограниченіе существеннѣе западнаго: Россія на стражѣ правды и честности поставила высокій и сильный страхъ Божій, а Европа—малодушный и ничтожный страхъ человѣческаго мнѣнія (Филаретъ). Что такое песокъ народнаго мнѣнія въ сравненіи съ твердыней правды Христовой...

Вообще въ жизни русскій человѣкъ, по выраженію графа Льва Николаевича Толстого, подчиняется законамъ, но не руководится имъ. Народная масса пренебрегаетъ всякими внѣшними ограниченіями и руководится въ своей жизни совѣстью. Совѣсть вообще занимаетъ у насъ то мѣсто, которое на Западѣ принадлежитъ закону. Совѣсть—великое слово. Она руководитъ русскимъ Царемъ, она ограничиваетъ его власть.

Итогъ всему сказанному таковъ:

По прекрасной формулировкѣ Чичерина, верховная власть едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безотвѣтственна; вездѣ присуща и есть источникъ всякой государственной власти.

Наше самодержавіе—это душа царства, разумъ и воля цѣлой націи, олицетворенные въ одномъ человѣкѣ. „Монархія есть идея подчиненія интересовъ и желаній высшей правдѣ“. „Въ монархіи нація ищетъ освященія всѣхъ проявленій своей сложной жизни подчиненіемъ правдѣ. Для этого нужна единоличная власть, потому что только личность имѣетъ совѣсть,

только личность несетъ отвѣтъ передъ Богомъ. Нужна власть неограниченная, ибо всякое ограниченіе власти Царя людьми освобождало бы Его отъ отвѣта передъ совѣстью и передъ Богомъ. Окружаемый ограниченіями, Онъ уже подчинялся бы не правдѣ, а тѣмъ или инымъ интересамъ, той или иной земной силѣ".

„Не ломаетъ монархъ соціальнаго строя жизни, не уничтожаетъ онъ никакихъ различій, создаваемыхъ ея разнообразіемъ, не упраздняетъ ни великаго, ни малаго, но все направляетъ такъ, чтобы развитіе всѣхъ слоевъ, всѣхъ группъ, всѣхъ учрежденій ни въ чемъ не нарушало правды. И этимъ онъ даетъ націи то единство, котораго тщетно искали въ „представительствѣ", а нынѣ безумно рѣшаются достигнуть въ самоубійственной уравнительности".

„Для монарха нѣтъ ни мудраго, ни глупаго, ни сильнаго, ни безсильнаго, ни большинства, ни меньшинства. Для него есть только совѣсть и правда".

„Будучи властью правды, монархія невозможна безъ религіи. Внѣ религіи единоличная власть даетъ только диктатуру или абсолютизмъ, но не монархію".

„Не ограниченъ ни въ чемъ самодержецъ человѣческою властью или народною волей, но онъ не имѣетъ и своей воли, своего желанія. Только голосъ правды Божіей слушаетъ онъ въ совѣсти своей. Его самодержавіе не есть привиллегія, не есть простое „сосредоточеніе" человѣческой власти, а есть тяжкій подвигъ, великое служеніе, верхъ человѣческаго самоотверженія, „крестъ", а не наслажденіе". Эти прекрасныя слова вылились изъ подъ пера Льва Тихомирова, когда онъ, имѣя передъ собою чистый и высокій царственный обликъ Александра III, характеризовалъ самодержавіе.

На Западѣ стали прозрѣвать и мѣтко критикуютъ свою систему правленія, а у насъ рождается желаніе водворить это бракуемое. Дизраэли (Биконсфильдъ) вложилъ въ уста одного изъ героевъ своего романа слѣдующія знаменательныя слова, когда этотъ герой уѣзжалъ на Востокъ: „я ѣду въ страну, которую небо не подарило *роковымъ шутовствомъ, именуемымъ представительнымъ образомъ правленія*". У Карла Маркса и его послѣдователей Греффе, Уарда, а также у Макса Нордау и многихъ другихъ встрѣчаются выраженія крайняго скептицизма относитительно народнаго представительства въ современной его формѣ. Оно, хитро устроенная форма для экспло-

атація рабочихъ классовъ въ пользу меньшинства богатыхъ, просвѣщенныхъ и ловкихъ людей... [1]).

Какими-бы недугами Россія не страдала въ настоящее время, спасти ее можетъ *только самодержавіе, въ сочетаніи съ самоуправленіемъ*, но не парламентарный режимъ, не конституція.

Чичеринъ признаетъ пользу самоуправленія. „И это начало,—прибавляетъ онъ,—не противорѣчитъ неограниченной монархіи, а напротивъ составляетъ необходимое ея восполненіе. Только допуская широкую систему самоуправленія, монархія удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ. Только относясь къ ней съ полнымъ довѣріемъ, она вступаетъ въ живое общеніе съ народною жизнью, не оффиціальными путями, чрезъ посредство правящей бюрократіи, а лицомъ къ лицу". Съ этимъ положеніемъ мы особенно согласны.

Самоуправленіе въ основѣ своей не должно ограничивать державной власти и умалять ея значенія.

Самоуправленіе обязано сочетаться съ самодержавіемъ соотвѣтственно духу нашей исторіи и жизненнымъ потребностямъ русскаго народа. Организующимъ Россію началомъ должно остаться начало нравственное, всецѣло воплощенное въ самодержавіи. Какія-бы ни создались самоуправляющіяся единицы, ихъ должна связывать воедино самодержавная власть (С. Шараповъ). Какъ бы ни организовалось самоуправленіе, вокругъ славнаго и высокаго престола Русскихъ Самодержавцевъ должны группироваться только *учрежденія законосовѣщательныя*.

Вмѣстѣ съ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, вполнѣ можетъ согласоваться съ самодержавіемъ свобода разумнаго печатнаго слова и гражданскія права личности. Наше самодержавіе совершенно совмѣстимо также съ тою свободою церкви, которая необходима для ея процвѣтанія. Наконецъ, монархія прекрасно воспитываетъ и развиваетъ чувство законности и сама не чужда никакого развитія и прогресса.

Поэтому не только не желательно уменьшеніе самодержавной власти, а напротивъ, желательно ея усиленіе особенно въ отношеніи ея способности соприкасаться съ населеніемъ, узнавать его дѣйствительныя нужды и желанія. Особенно желательно, чтобы самодержавная власть не поступалась при этомъ никакими своими правами въ пользу какихъ бы то ни-

---

[1]) Въ „Мирномъ Трудѣ" мы не разъ представляли отзывы западныхъ ученыхъ, публицистовъ и государственныхъ дѣятелей о полной несостоятельности парламентаризма. *Прим. ред.*

было сословій или партій и не ограничивала себя никакими конституціонными учрежденіями. Народу эти учрежденія не нужны. Ему надо только имѣть возможность доводить до Царя о своихъ желаніяхъ и нуждахъ. Это его право вытекаетъ изъ взглядовъ народа на своего государя, какъ на отца, и это право столь-же священно, какъ право дѣтей обращаться къ своему естественному отцу. Наше спасеніе заключается въ любовномъ единеніи Царя съ народомъ (А. А. Кирѣевъ).

Мѣстное самоуправленіе съ самодержавнымъ царемъ во главѣ—вотъ русскій политическій идеалъ, вотъ основной принципъ русской государственности.

Россія должна быть Россіей. „Мы не будемъ ни Азія, ни Европа, мы будемъ Россія, самобытная, могучая Россія съ русскими монархами-автократами во главѣ“ (В. Жуковскій).

Во дни борьбы, когда настала для Россіи
Тревоги и невзгодъ тяжелыхъ полоса,
Когда шумятъ вокругъ враждебныя стихіи,
Пришла пора и намъ возвысить голоса.
Пора сказать и намъ, приверженцамъ Престола,
Что край не весь объялъ губительный пожаръ,
Что много насъ еще, кому чужда крамола,
Готовыхъ отразить предательскій ударъ...

Когда надъ океаномъ буря разразится,
И шуменъ, и бурливъ разбѣжистый прибой,
И, пѣною сверкая, къ берегу катится
Волна въ стремленіи мятежномъ за волной,
То лишь поверхность водъ, то накипь влаги бурной
Клубится и кипитъ, волненія полна,
Но въ глубинѣ морей, подъ бездною лазурной,
Не возмутится струй подводныхъ тишина.

Такъ мощный океанъ россійскаго народа
Спокоенъ въ глубинѣ, незыблемый, какъ встарь,
И лозунгъ для него не ложная свобода,
А *Вѣра, Родина* и *Самодержецъ Царь*!

М. Бородкинъ.

Письмо въ редакцію[1]).

Милостивый Государь, г. Редакторъ!

Въ № 5-мъ (за май) Вашего уважаемаго журнала появилось, въ критическомъ очеркѣ о славянскихъ журналахъ, между прочимъ, слѣдующее утвержденіе: „... Редакторъ „Славянскаго Вѣка“ при незначительной поддержкѣ славянскаго общества не перестаетъ развивать свои взгляды“ (стр. 155). Въ виду того, что это заявленіе не соотвѣтствуетъ истинѣ, покорнѣйше прошу дать мѣсто слѣдующему разъясненію.

„Славянскій Вѣкъ“ не зависитъ ни отъ кого ни матерьяльно, ни нравственно, и не пользуется поддержкой ни частныхъ лицъ, ни какихъ-либо обществъ.—Славянское Благотворительное Общество въ С.-Петербургѣ не выписываетъ ни

---

1) **Отъ редакціи.** Редакція „Мирнаго Труда“, помѣстивъ письмо почтеннаго борца за идею славянской взаимности, считаетъ, однако, необходимымъ отмѣтить, что г. редакторъ „Славянскаго Вѣка“ впалъ въ очевидную ошибку: нашъ сотрудникъ пишетъ буквально слѣдующее: (№ 5, стр. 155) „Можно спорить о правильности нѣкоторыхъ взглядовъ г. Вергуна, но нельзя сомнѣваться, что мы имѣемъ дѣло со стойкимъ и честнымъ человѣкомъ, ясно понимающимъ задачи славянства. Редакторъ „Славянскаго Вѣка“ можетъ гордиться тѣмъ, что онъ несмотря на *клеветы враговъ*, даже среди славянъ. (*не обходится при этомъ безъ извѣстнаго „русскаго рубля“*) не унываетъ и при незначительной поддержкѣ славянскаго общества не перестаетъ развивать свои взгляды“. Всякому внимательному читателю ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не о „Славянскихъ Обществахъ“, какъ особыхъ учрежденіяхъ, а о славянскомъ обществѣ, какъ совокупности всѣхъ славянъ. Называя сплетни о „русскомъ рублѣ“ *клеветою*, нашъ сотрудникъ опровергаетъ навѣты враговъ славянскаго дѣла, но отмѣчаетъ, что журналъ, имѣвшій 1113 подписчиковъ въ 1903 г., (причемъ Россія дала 654 подписчика), пользуется, очевидно, лишь незначительной поддержкой славянъ, или славянскаго общества.

Душевно желая большаго распространенія „Славянскому Вѣку“, какъ проводнику культурнаго общенія всѣхъ дѣтей общей матери—Славы, мы считаемъ, однако, что статья нашего сотрудника правильно передаетъ положеніе дѣлъ и ея основныя мысли лишь подтверждаются приведеннымъ письмомъ уважаемаго Дмитрія Николаевича Вергуна.

Харьковъ, 14 ноября 1904 г.

одного экземпляра журнала, получаетъ только обмѣнный за свои „Извѣстія". Мало того, оно возобновило изданіе своего органа, „Славянскихъ Извѣстій", въ противовѣсъ „Славянскому Вѣку". Одесское Славянское Общество также не выписываетъ ни единаго экземпляра „Славянскаго Вѣка". Московское Славянское Вспомогательное Общество выписываетъ для своей библіотеки одинъ экземпляръ. Пріемъ же подписки предсѣдателемъ Славянскаго Общества, А. И. Черепъ-Спиридовичемъ, является такой же услугой, какъ и пріемъ подписки любымъ книжнымъ магазиномъ, съ той разницей, конечно, что книжный магазинъ беретъ за хлопоты 5 и 10%, а А. И. Черепъ-Спиридовичъ дѣлаетъ это безпроцентно, ради идеи. О какой же поддержкѣ тутъ можетъ быть рѣчь? Неоднократно я уже заявлялъ на страницахъ „Славянскаго Вѣка", что я врагъ всякихъ матерьяльныхъ поддержекъ славянскихъ изданій. Это Вы найдете въ прилагаемыхъ №№ 7—8 журнала. Приступая къ изданію „Славянскаго Вѣка", не имѣя на то особыхъ средствъ, я руководствовался тѣмъ убѣжденіемъ, что среди 130 милл. славянства найдется достаточно сознательныхъ людей, чтобы всеславянскій органъ могъ существовать на подписку. Основать я его предполагалъ на паяхъ, но до сихъ поръ нашлось только два лица, внесшихъ свою долю: о. Лука Цыбикъ, внесъ 1000 рублей и А. Н. Штиглицъ—500 рублей. Мои вклады—мои личныя жертвы въ пользу дѣла. Это все, съ чѣмъ началъ „Славянскій Вѣкъ" свое существованіе и продолжаетъ, по мѣрѣ силъ и возможности, ратовать за славянскіе интересы въ одномъ изъ центровъ вражескаго стана. Особенно больно встрѣтить подобное заблужденіе на столбцахъ русскаго журнала, такъ какъ мнѣ непрестанно приходится бороться съ подобными же, но злоумышленными утвержденіями враждебной печати. За четыре года изданія я велъ уже четыре процесса за клевету въ томъ, что „Славянскій Вѣкъ" субсидируется. Я предвидѣлъ, что враги славянства будутъ пускать въ ходъ всевозможныя инсинуаціи и клевету, и заявилъ въ № 7—8, что буду судомъ преслѣдовать всякаго, кто будетъ обвинять „Славянскій Вѣкъ" въ полученіи какой бы то ни было поддержки.

Въ виду того, что репутація *независимаго* журнала должна быть дорога каждому, вѣрящему въ силу идеи, я надѣюсь, что Вы не откажете помѣстить мои строки въ ближайшемъ № „Мирнаго Труда".

Примите увѣреніе въ моемъ почтеніи: Редакторъ-издатель „Славянскаго Вѣка".

Вѣна. 9-го ноября 1904 года. *Дмитрій Вергунъ.*

Отвѣтъ „Вѣстнику Европы".

Почтенный органъ господъ, притязающихъ на званіе „россійскихъ либераловъ самой чистой воды", какъ „истый джентельменъ и сторонникъ спасительной гласности" вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ и разразился градомъ крѣпкихъ словъ по поводу нашего журнала, помѣстивъ въ послѣдней (ноябрьской) книжкѣ въ отдѣлѣ „Изъ общественной жизни" грубую и неприличную выходку анонимнаго автора, направленную противъ „Мирнаго Труда" вообще и противъ одной изъ его статей въ особенности. Во избѣжаніе упрековъ въ „умолчаніи сути дѣла", „искаженіи смысла", „извращеніи" или „невѣрной передачѣ содержанія" приведемъ эту любопытную страницу „Вѣстника Европы" (№ 11 стр. 452—453) цѣликомъ, безъ какихъ бы то ни было сокращеній:

„Къ числу провинціальныхъ подголосковъ реакціонной прессы прибавился недавно еще одинъ—„Мирный Трудъ", издаваемый Харьковскимъ Отдѣломъ Русскаго Собранія [1]), подъ редакціей предсѣдателя отдѣла, проф. Вязигина. Этотъ журналъ, повидимому, не довольствуется ролью мѣстнаго охранителя, въ духѣ „Русскаго Вѣстника" и „Московскихъ Вѣдомостей" и, какъ намъ пишутъ изъ Харькова, „отъ времени до времени" вступаетъ на скользкій и опасный (для иныхъ) путь печатнаго доноса, съ извращеніемъ фактовъ, при полной невозможности полемики со стороны заинтересованныхъ лицъ. Кому знакома убогая впечатлѣніями жизнь даже такого провинціальнаго города, какъ Харьковъ, тотъ не удивится, что здѣсь всякіе намеки не только комментируются, но ведутъ за собою нежелательныя послѣдствія. Въ № 6 „Мирнаго Труда", въ статьѣ озаглавленной: „Обновленіе", идетъ рѣчь о необходимости оздоровленія школы. Авторъ статьи, А. Каутъ (псевдонимъ), вопрошаетъ: „Развѣ не нужно освободить нашу

---

[1]) Образецъ освѣдомленности г. анонима: харьковскій Отдѣлъ на изданія тратитъ 250 руб. въ годъ (см. стр. 173), т. е. меньше, чѣмъ стоитъ наборъ и печатаніе одной книжки „Мирнаго Труда"!

школу отъ такихъ начальниковъ, которые оставляютъ безнаказанными инородцевъ, позволяющихъ себѣ свистать во время пѣнія народнаго гимна и наглыми выходками оскорблять патріотическія чувства учениковъ и ученицъ? Развѣ мыслимы въ какой-либо странѣ преподаватели, отказывающіе въ научномъ совѣтѣ юношѣ за то, что онъ открыто выражаетъ свою преданность престолу и борется съ революціонной пропагандою? Развѣ терпимы въ стѣнахъ учебныхъ заведеній учителя, сравнивающіе народныхъ героевъ, покрывшихъ міровой славой русскій стягъ при Чемульпо, съ канатными плясунами? Развѣ можно допустить для отвѣтственныхъ постовъ наблюдателей за юношествомъ, тѣмъ болѣе во время лѣтняго отдыха, лицъ, открыто выражающихъ свое неодобреніе къ внутренней политикѣ правительства, раздающихъ ученикамъ для прочтенія разныя подозрительныя книженки по рабочему вопросу, въ ущербъ для правильнаго хода ихъ учебныхъ занятій"? Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ четырьмя донесеніями и г. Каутъ прекрасно зналъ, куда мѣтилъ. Знаютъ это и его провинціальные читатели, хотя фактическая сторона была имъ вполнѣ извращена, взята лишь одна изъ легендарныхъ версій, враждебныхъ затронутымъ лицамъ. Замѣтимъ, что эти лица и *безъ* [1]) сообщенія „Мирнаго Труда" поплатились, въ большей или меньшей степени, за провинціальную сплетню. Чего же хотѣлъ достигнуть г. Каутъ? Можетъ ли онъ указать на типичность излагаемыхъ имъ сообщеній? Конечно, нѣтъ. Мы имѣемъ дѣло со случаями индивидуальными, искаженными и невѣрно освѣщенными. Гдѣ искать провинціалу защиты отъ самозванныхъ охранителей? Предъ лицомъ прессы или суда? Оба пути почти недоступны учебному персоналу министерства народнаго просвѣщенія. На эту-то беззащитность и свою безнаказанность разсчитывалъ „Мирный Трудъ", печатая свои дерзкія инсинуаціи... Какая печальная картина нравовъ! Какъ тяжело положеніе дѣятелей, вынужденныхъ защищаться на два фронта—или, лучше сказать, остающихся совершенно беззащитными: передъ *оффиціальнымъ обвиненіемъ* [1])—въ виду систематическаго недовѣрія къ ихъ оправданіямъ, передъ не-оффиціальнымъ—за отсутствіемъ мѣстнаго независимаго органа, да и вслѣдствіе безименности „сообщеній". Статьи въ родѣ той, о которой говоритъ нашъ корреспондентъ, похожи на анонимное письмо, распространяемое безъ указанія адресата: невозможенъ прямой, открытый отвѣтъ, до крайности затруднена защита, а намеки, понятные для посвященныхъ, дѣлаютъ свое дѣло, подхватываются празд-

[1]) Курсивъ нашъ.

ностью и злорадствомъ и отравляютъ общественую атмосферу. Очистить ее можетъ только могучая струя свѣжаго воздуха, идущая изъ центра и всюду вносящая съ собою новую жизнь".

Итакъ, оказывается, что мы лишены права касаться тѣхъ сторонъ нашей жизни, которыя считаемъ не соотвѣтствующими общественнымъ интересамъ и благу страны. Это право— особая привиллегія „Вѣстника Европы" и его единомышленниковъ, которые могутъ говорить о всяческихъ нестроеніяхъ и не будутъ „доносчиками", тогда какъ простое указаніе нами ряда нежелательныхъ явленій въ нашей школьной жизни превращается въ „печатный доносъ". Избѣгая *личностей*, мы указали лишь на *явленія*, о которыхъ двухъ мнѣній быть не можетъ, ибо всякій честный человѣкъ скажетъ, что пора оздоровить наши „учебныя заведенія", пора прекратить человѣческія жертвоприношенія, совершаемыя иными педагогами, которые, уклоняясь отъ своихъ прямыхъ обязанностей, закалаютъ довѣрчивое юношество передъ алтарями ложныхъ боговъ. Подсчитайте, сколько юныхъ жизней безполезно погибло, сколько матерей и отцовъ льетъ горькія слезы и осыпаетъ проклятіями школу, сгубившую ихъ дѣтей! Нельзя оставаться равнодушнымъ къ этимъ воплямъ и стонамъ, этому непрерывному истребленію русской молодежи. При такихъ условіяхъ указаніе всякаго рода нестроеній въ жизни нашихъ гимназій и училищъ—прямой долгъ каждаго гражданина. Бороться надо не съ отдѣльными лицами, а съ общей распущенностью, которая всюду охватила нашъ педагогическій міръ, а для этого надо поднять таинственную завѣсу, скрывающую отъ общества внутреннюю жизнь нашихъ учебныхъ заведеній. Разоблаченіе ряда уродливыхъ явленій возбуждаетъ лишь общественное вниманіе и вовсе не является донесеніемъ. При такомъ смѣшеніи понятій невозможна гласность, немыслимо свободное обслѣдованіе нашихъ многочисленныхъ язвъ, недопустима свобода печати и мнѣній. Если на рядѣ „воровъ загорѣлись шапки", то это свидѣтельствуетъ лишь о распространенности отмѣченныхъ прискорбныхъ уклоненій г.г. педагоговъ отъ своего прямого долга. Безупречныхъ людей не испугаютъ „провинціальныя сплетни", да и какія основанія имѣетъ г. анонимъ утверждать, что нами „фактическая сторона *вполнѣ* извращена, взята лишь одна изъ *легендарныхъ* версій, враждебныхъ затронутымъ лицамъ", когда у насъ не названы ни мѣста событій, ни имена своеобразныхъ педагоговъ? Развѣ онъ навелъ справки во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи? У насъ прямо указано, (Мирный Трудъ, № 6, стр. 190), что „наши вопросы, навѣяны раз-

ными подметными и зарубежными изданіями, восхваляющими подобныя дѣянія". Если они находятъ себѣ сочувствіе и полное одобреніе въ извѣстныхъ кругахъ, то и мы имѣемъ право на свободное выраженіе своей точки зрѣнія на это „превращеніе святого дѣла воспитанія и образованія въ средство проповѣди превратныхъ ученій". Намъ нѣтъ дѣла до именъ столичныхъ и провинціальныхъ „наставниковъ", которые возлагаютъ отвѣтственность за свои убѣжденія на „малыхъ сихъ", на юнцовъ и рабочихъ, а сами получаютъ чины, ордена и большіе оклады. Но въ указаніи омерзительности и недопустимости такого поведенія положительно нѣтъ никакого состава преступленія, нѣтъ „доноса", нѣтъ „дерзкой инсинуаціи". Это только *мнѣніе*, ибо мы думаемъ, что лучше быть „самозваннымъ охранителемъ" слабыхъ, чѣмъ ихъ „самозваннымъ развратителемъ", лучше предотвращать ихъ гибель, чѣмъ ей способствовать своими проповѣдями. Вѣдь по логикѣ г. анонима для спасенія утопающаго необходимо особое разрѣшеніе изъ центра, иначе попадешь въ число „*самозванныхъ*" спасителей!

Помимо этихъ общихъ соображеній, надо принять во вниманіе, что, рисуя своихъ героевъ поплатившимися *и безъ сообщенія „Мирнаго Труда"*, г. анонимъ показываетъ въ то же время, что о „печатномъ доносѣ", въ виду его безцѣльности, не можетъ быть и рѣчи. Развѣ можно донести, хотя бы на невинныхъ *послѣ* того, какъ уже состоялась надъ ними кара? Вѣдь это явная безсмыслица, внушенная злобой и ненавистью, затмившими простой здравый смыслъ. Хороша также клеветническая уловка, состоящая въ томъ, что вскользь бросается обвиненіе, будто „Мирный Трудъ" „*отъ времени до времени выступаетъ на скользкій путь печатнаго доноса*", т. е. попросту, занимается доносами. Гдѣ доказательства этому позорному обвиненію? Вѣдь приводится только *одно* произвольное указаніе на статью въ № 6, да и то въ крайне невѣрномъ освѣщеніи. Нужно выставить рядъ безспорныхъ доводовъ, если обвинитель не желаетъ оказаться жалкимъ и трусливымъ клеветникомъ. Явная лживость тяжелыхъ и отвѣтственныхъ обвиненій, направленныхъ противъ насъ, очевидна для всякаго внимательнаго читателя. Но ему не трудно подмѣтить, что „Вѣстникъ Европы", разсуждая логично, вынужденъ будетъ признать всякаго корреспондента „шпіономъ" или „доносчикомъ". Усвоивъ эту точку зрѣнія, мы получаемъ право говорить, что „харьковскій шпіонъ Вѣстника Европы" занялся чтеніемъ нашихъ мыслей, опредѣливъ даже, *куда мѣтилъ* г. *А. Каутъ*. Вотъ образецъ чисто сплетническаго настроенія,

которое типично не для одной провинціи: въ „Вѣстникѣ Европы“ неоднократно печатались романы г. Боборыкина, а досужіе сплетники изощрялись въ догадкахъ, кого имѣлъ въ виду или куда мѣтилъ почтенный романистъ. То же было съ Щедринымъ, то же происходитъ и съ иными изъ современныхъ писателей. Стало быть, всѣ эти авторы оказываются „доносчиками“, „извратителями фактовъ“ и проч.?! Противъ нихъ тоже раздаются фарисейскіе вопли „о невозможности полемики со стороны заинтересованныхъ лицъ“. И романъ, и пьесу тоже можно сравнить съ своего рода „анонимнымъ письмомъ, распространяемымъ безъ указанія адресата“: „не возможенъ де прямой отвѣтъ, намеки де дѣлаютъ дѣло“ и проч. и проч., а потому „Вѣстникъ Европы“, печатая напр., романы Боборыкина „время отъ времени тоже вступаетъ на скользкій путь печатнаго доноса“? Все это показываетъ, что сплетня царитъ одинаково и въ Петербургѣ и въ провинціи и никакая могучая струя свѣжаго воздуха не пойдетъ изъ центра, зараженнаго той же болѣзнью. Пышное, велерѣчивое окончаніе замѣтки бросается въ глаза только своей несостоятельностью: кто повѣритъ, что принесетъ новую жизнь „струя“ изъ центра бюрократіи, изъ кабинетовъ генераловъ отъ либерализма или конституціи? Вмѣсто того, чтобъ помѣстить явно нелѣпыя донесенія своего „харьковскаго шпіона“, почтенная редакція предложила бы ему ту самую „защиту прессы *предъ оффиціальными обвиненіями*, о которой онъ взываетъ, въ виду систематическаго недовѣрія къ оправданіямъ“ невинно пострадавшихъ. Кромѣ того слѣдовало бы „Вѣстнику Европы“ помочь выясненію истины учебнымъ персоналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, который остается, по словамъ анонима, „беззащитнымъ предъ неоффиціальными обвиненіями за отсутствіемъ „*мѣстнаго независимаго органа*“. Разоблачивъ „легендарность“ обвиненій точнымъ изложеніемъ фактовъ, онъ защитилъ бы попранную правду и обѣлилъ бы опредѣленныя лица отъ незаслуженныхъ обвиненій. Намъ не важно, кто именно сдѣлалъ тотъ или иной проступокъ: мы боремся съ явленіями, тогда какъ защитнику отдѣльныхъ людей надо доказать ихъ правоту. Пусть-ка онъ перейдетъ отъ „доносовъ“ къ „фактамъ“ и назоветъ, кто именно поплатился, гдѣ и за что. Тогда выяснится дѣло, а теперь идетъ только пустозвонная болтовня, о томъ, что „кто-то“, „гдѣ-то“ пострадалъ за „что-то“. Правда, существуютъ какія-то „*оффиціальныя обвиненія*“, какъ наивно сознается не по разуму усердный защитникъ. И эти обвиненія вызвали, по его сознанію и до статьи Мирнаго Труда,

извѣстныя мѣры начальства. Но вѣдь для убѣжденнаго въ своей правотѣ человѣка есть выходъ даже послѣ наложенія взысканія, какъ показалъ, между прочимъ, еще недавно благородный поступокъ Н. Л. Кладо, потребовавшаго преданія его суду. Значитъ, потерпѣвшіе и г. анонимъ вовсе не лишены возможности найти защиту въ судѣ и печати, не прибѣгая къ пошлымъ вымысламъ не повторяя вздорныхъ городскихъ слуховъ и толковъ и не становясь на скользкій путь доносовъ на непріятное имъ повременное изданіе. Право, надо было доносчикамъ лучше вооружиться, когда они выступали съ такими нравственно-отвѣтственными обвиненіями: законы распространяютъ свою защиту и на „Мирный Трудъ". Вѣдь въ Россіи есть скорый и правый судъ, который воздастъ должное наглому клеветнику, хотя бы онъ и укрылся, ради безнаказанности, за спиной „Вѣстника Европы".

Очень жаль, что этотъ почтенный органъ упустилъ изъ виду, что онъ самъ въ сущности выступилъ съ ложнымъ „печатнымъ доносомъ" на своего литературнаго противника, какимъ, безусловно, является „Мирный Трудъ". И что хуже всего „донесъ" тѣмъ кругамъ, какіе этого журнала въ рукахъ не имѣютъ, относятся къ сотрудникамъ „Вѣстника Европы" съ довѣріемъ и, конечно, воспылаютъ негодованіемъ противъ проф. Вязигина и его псевдонима г. А. Каута. И все потому, что какому то таинственному незнакомцу вздумалось прибѣгнуть къ передержкамъ и вмѣсто разсмотрѣнія вопроса по существу перейти къ городскимъ сплетнямъ и досужимъ догадкамъ, введя редакцію „Вѣстника Европы" въ явное заблужденіе. Мы увѣрены въ исправленіи ею этой невольной ошибки, въ которую она впала, помѣстивъ измышленія наивнаго клеветника, прикрывшаго, весьма неискусно, свой неудачный сыскъ лицемѣрной гражданской скорбью.

Такимъ образомъ, вполнѣ понятное нежеланіе касаться отдѣльныхъ лицъ, ограничившись борьбой съ явленіями, подало поводъ любителямъ выступить съ грязными нареканіями, причемъ г. анонимъ подчеркиваетъ даже то, что поднявшая шумъ статья подписана псевдонимомъ! Онъ нами добровольно раскрытъ, а потому мы имѣемъ право сказать г. анониму и автору неподписанной статьи „Вѣстника Европы": „*Рыцари, подымите забрало!*"

А. Каутъ.

Слово преосвященнаго Алексія, епископа Сумскаго, въ день тезоименитства Государя Императора Николая Александровича[1].

„Уразумѣете истину и истина свободитъ вы“.
(Іоан. 8, 32).

Церковно-молитвенное торжество въ воспоминаніе замѣчательныхъ событій въ жизни православныхъ русскихъ Царей, подобное настоящему нашему торжеству въ честь тезоименитства Государя Императора, Николая Александровича, есть въ то же время торжество національныхъ русскихъ идей. Это идеи о Царѣ, какъ Помазанникѣ Божіемъ, о сердцѣ Царевомъ въ рукахъ Божіихъ, о союзѣ Царя со своимъ народомъ, союзѣ не внѣшнемъ только, государственномъ, но внутреннемъ, нравственномъ, сливающемъ народъ со своимъ Царемъ въ единый духовный организмъ, въ силу каковаго союза миръ и благоденствіе Царя есть залогъ мира и благоденствія его народа. На этихъ идеяхъ чувства истиннаго сына своего отечества и вѣрноподданнаго своего Царя и могли бы, кажется, успокоиться, согрѣваемыя молитвою о томъ, чтобы Царь царей далъ торжество симъ идеямъ въ жизни православнаго русскаго народа.

Но мы видимъ и знаемъ, что въ послѣднее время въ нашей общественной жизни развивается необыкновенное движеніе, гулъ котораго сотрясаетъ окружающій насъ воздухъ: въ смятеніи чувствъ и помысловъ люди ищутъ свободы:—свободы мысли, слова, свободы своихъ дѣйствій и проч. и проч. Мы не можемъ и не должны оставаться глухи къ этому движенію, такъ какъ оно затрагиваетъ интересы жизни не только политической и гражданской, но и жизни нравственно-христіанской. Необходимо установить твердую точку зрѣнія на это движеніе и дать истинную ему оцѣнку.

---

[1]) Сказанное въ Озерянской церкви Харьковскаго Покровскаго монастыря 6 декабря 1904 г.

Свобода! Кто не ищетъ ея, кто не стремится къ ней? И язычество искало ее, и христіанство призываетъ къ ней человѣчество. Она составляетъ самый дорогой и вожделѣнный предметъ для человѣка, и все живое любитъ ее. Но, несмотря на всю свою привлекательность, свобода часто является разрушительною силою какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ государствъ.

Не свобода ли отъ родительской власти изгнала приточнаго блуднаго сына изъ подъ родного крова *на страну далече*, лишила его богатства и повергла его въ страшную нищету? А сколько такихъ блудныхъ сыновей среди насъ, и сколько ихъ погибаетъ по неразумному стремленію къ свободѣ?

Не свобода ли отъ велѣній Божіихъ подвергала многократно еврейскій народъ самымъ страшнымъ бѣдствіямъ: моровымъ повѣтріямъ, гладамъ, опустошеніямъ страны ихъ врагами, рабству иноплеменникамъ и проч.? Не она ли лишила этотъ народъ его политической самостоятельности, сдѣлала его скитальцемъ среди другихъ народовъ, положила его *не въ голову, а въ хвостъ* (Второз. 28, 44). Отъ чего же это зависитъ? Почему исканіе столь глубоко лежащей въ природѣ человѣка свободы, столь желанной для него, не всегда приводитъ къ благимъ послѣдствіямъ? Очевидно, что свободолюбивымъ стремленіямъ человѣческаго духа не достаетъ чего-то, существенно необходимаго для того, чтобы они соединялись съ благими послѣдствіями. Чего же именно?

На это даетъ отвѣтъ Сама Истина—Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *Если Сынъ свободитъ вы, то истинно свободни будете. Уразумѣете истину, и истина свободитъ вы*" (Іоан. 8, 36, 32).

Чтобы свобода была *истинною свободою*, необходимо, чтобы она была прежде всего *свободою во Христѣ*: необходимо, чтобы она исходила изъ человѣческаго духа, просвѣщеннаго свѣтомъ божественнаго ученія Спасителя міра,—изъ духа, очищеннаго огнемъ божественной благодати отъ скверны *ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ похотяхъ прелестныхъ* (Еф. 4, 22); необходимо, чтобы стремленія къ свободѣ исходили изъ побужденій исканія славы Божіей, изъ намѣреній дать торжество въ общественной жизни христіанскимъ началамъ *вѣры, любви и мира. Къ свободѣ призваны вы, братіе, только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти; но любовью служите другъ другу. Ибо весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго твоего, какъ самого себя. Если же другъ друга угрызаете и съѣдаете, берегитесь, чтобы вы*

не были истреблены другъ другомъ. Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделѣній плоти. Плодъ же духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе (Гал. 5, 13, 14, 15, 16, 22, 23).

Только при этомъ условіи свобода и можетъ быть истинно свободной, только тогда она и можетъ соединяться съ благими послѣдствіями, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ обществъ. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто свободы получится тяжелое рабство. Посмотрите на жизнь людей, что вы видите здѣсь? Незримыя оковы самаго тяжелаго рабства тяготѣютъ надъ людьми: рабства ума, чувствъ и воли. Умъ порабощенъ ложными взглядами, мнѣніями и теоріями; чувства омрачены, растлѣны пагубными вѣяніями духа злобы, воздвигшаго себѣ тронъ въ культѣ эгоизма; воля заключена въ оковы многочисленныхъ страстей, то утонченныхъ и нѣжныхъ, то грубо-животныхъ. Разумно ли при такомъ духовномъ рабствѣ домогаться внѣшней свободы? И не будетъ ли эта свобода свободой заблужденій ума, разгула чувствъ и деспотизма страстей? Не болѣе-ли разумно, не болѣе-ли спасительно будетъ для насъ начать исканіе *свободы во Христѣ*, такъ какъ только въ Немъ истинная свобода, та свобода, которая даетъ людямъ любовь, миръ, радость и сообщаетъ жизни красоту. „*Уразумѣете истину и истина свободитъ вы*“ (Іоан. 8, 32).

О „веснѣ“.

Нельзя безъ негодованія читать и слушать, что пишется и говорится теперь нашими конституціоналистами всѣхъ оттѣнковъ. Ратуя противъ монархическихъ началъ, они берутъ отнюдь не силой логики, не ссылками на историческія данныя, не глубиною мысли, не знаніемъ, вообще, и знаніемъ русскаго быта, въ частности, а однообразнымъ и настойчивымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же фразъ, однихъ и тѣхъ же, неизвѣстно на чемъ основанныхъ, обобщеній. При этомъ пускаются въ ходъ и вопіющія передержки фактовъ, и явныя выдумки, и безсодержательныя трескучія, фразы.

Излюбленный пріемъ враговъ Самодержавія сводится къ отождествленію Его съ грубымъ произволомъ, съ безотвѣтственностью бюрократіи, съ недоброжелательнымъ отношеніемъ къ прогрессивному развитію матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ страны, съ равнодушіемъ къ общему благу, соціальной справедливости, законности, личному достоинству гражданъ и т. д. Наши озвѣрѣлые „монархомахи“, подкапываясь подъ Самодержавіе, подобны крыловской героинѣ, которая, наѣвшись до отвала желудей, стала портить корни дуба. Они забываютъ, чѣмъ сами обязаны тому принципу, который выставляютъ союзникомъ мрака. Почему они просвѣщены были въ дѣтствѣ свѣтомъ христіанства? Потому что Владиміръ Святой болѣе девятисотъ лѣтъ назадъ крестилъ русскихъ славянъ. Почему наши конституціоналисты считаютъ себя вправѣ вліять на судьбы великой Имперіи, протянувшейся отъ Балтійскаго моря до Великаго океана? Потому что надъ созданіемъ этой Имперіи трудились сначала великіе князья и цари московскіе, а затѣмъ Петръ Великій, Екатерина Великая и три Императора Александра. Конституціоналисты, вмѣсто всякихъ доказательствъ, указываютъ на „правопорядокъ“ Запада. Но не Самодержавный ли Преобразователь сблизилъ нашу родину съ Западомъ? Какую бы часть и сторону нашей гражданственности мы не взяли, вездѣ и во всемъ мы встрѣтимся съ иниціативой и великими дѣяніями Самодержавія. Наука, печать, литература, живопись, музыка, театръ, внѣшняя торговля, фабричная и заводская промышленность, мореплаваніе и т. д. и т. д.—все это у насъ вызвано къ жизни и взлелѣяно Самодержавіемъ. Не очевидно ли, что

ратовать противъ Него могутъ только сознательные или безсознательные враги Россіи? Не очевидно ли, что ратовать противъ Самодержавія у насъ могутъ или только измѣнники, или фанатики, сбитые съ толку обаяніемъ чужеземныхъ началъ, или люди, совсѣмъ ограниченные и, если такъ можно выразиться, политическіе попугаи, безсмысленно повторяющіе разъ затверженныя рѣчи?

Нѣтъ, г.г. конституціоналисты, Самодержавіе держится не на „грубой силѣ", а на необходимости, на очевидной потребности въ немъ Россіи. Оно не пережитокъ давно минувшихъ временъ. Оно имѣетъ свое оправданіе въ нуждахъ и пользахъ русской націи. Вы утверждаете, что Россіи нужна не монархія, а олигархія, но Россія не повѣритъ вамъ, ибо она испытала на опытѣ и семибоярщину, и „затѣйку" верховниковъ. Она испытала даже пугачевщину и бунтъ Разина. Поэтому ее нельзя плѣнить ни парламентскимъ многовластіемъ, ни „весеннею радостью" Бакунина [1]), ни идеалами Емельяна Ивановича, ни „правдою" Степана Тимофѣевича.

Но развѣ есть что-нибудь общее между конституціонализмомъ и совершеннымъ отрицаніемъ государства и права?

Конечно. Отъ олигархіи до анархіи рукой подать, особенно въ Россіи.

Не Самодержавіе—тьма и застой, а конституція была бы для Россіи тормазомъ всякаго успѣха, несчастіемъ и гибелью. И это уже давно сознано всѣми русскими выдающимися умами.

Пусть г.г. конституціоналисты укажутъ между нашими знаменитыми государственными людьми, учеными, поэтами, словомъ, между свѣтилами Россіи хоть одного человѣка, который бы сомнѣвался въ томъ, что она, если не всѣмъ, то почти всѣмъ обязана Самодержавію, что безъ Него она не можетъ не только преуспѣвать, но даже существовать.

Г.г. конституціоналисты стараются замѣнить ссылки на мнѣнія свѣточей русской земли ссылками на мнѣнія Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ россійскаго конституціоннаго броженія и разныхъ Бобчинскихъ и Добчинскихъ, скрѣпляющихъ своими подписями резолюціи и постановленія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что великіе политическіе завѣты Іоанна III и Царя Алексѣя Михайловича, Петра Великаго и Екатерины Великой, Александра II и Александра III утратили нынѣ всякое значеніе, и что въ двадцатомъ вѣкѣ Россіей должны руководить, говоря щедринскимъ языкомъ, разные „кадыки", которые сами не

---

[1]) О „весенней радости" Бакунина говорится въ одномъ изъ писемъ Тургенева къ Герцену.

могутъ разобрать, чего имъ хочется: не то севрюжины, не то конституціи.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, списавъ на смарку великихъ историческихъ дѣятелей, тѣ люди, которыхъ въ старину называли „горланами", выдвинули нынѣ изъ своей среды цѣлое сонмище вольнопрактикующихъ Мирабо и Сенъ-Жюстовъ, непризванныхъ и непризнанныхъ Лассалей и Бебелей. За разжалованіемъ истинно великихъ людей, на нашей политической аренѣ появилось многое множество великихъ пигмеевъ, разыгрывающихъ въ лицахъ крыловскую басню о Лягушкѣ раздувавшейся въ Вола. Но въ баснѣ „Лягушка и Волъ" въ вола раздувалась хоть лягушка, а теперь у насъ раздуваются въ вола всевозможныя политическія бактеріи, которыхъ мѣсяца четыре назадъ можно было замѣтить развѣ только подъ сильнымъ микроскопомъ.

Зато какъ легко и свободно чувствуютъ себя теперь эти бактеріи! Онѣ говорятъ съ апломбомъ, обнаруживаютъ великій задоръ и отвагу, роняютъ слова съ вѣсомъ, высиживаютъ свои статейки съ видомъ людей, исполняющихъ великую историческую миссію, смотрятъ на всю Россію свысока, изрекаютъ свои пошлости и глупости отъ ея имени, глубокомысленно изслѣдуютъ ея недуги, храбро прописываютъ ей лекарства и, поддакиваютъ другъ другу, крича на всѣхъ перекресткахъ, что они, и только они одни, знаютъ, чтó нужно Россіи. Великіе Тяпкины-Ляпкины, безтрепетные Бобчинскіе и дальновидные Добчинскіе чувствуютъ себя теперь въ своей сферѣ. О Репетиловыхъ уже и говорить нечего: они совершенно согласны съ мудрецомъ, возвѣстившимъ, что нашему отечеству не нужны реформы, а нужна реформа, т. е. такая реформа, которая была бы залогомъ, что Россія сразу сдѣлается достойной, еще недавно никому неизвѣстныхъ, а нынѣ всѣмъ мозолящихъ глаза, титановъ... политической хлестаковщины, политическаго пустозвонства и отчаяннаго самореламированія.

Посторонитесь, великія тѣни великаго прошлаго! Политическія бактеріи идутъ!

Когда читаешь плоскія разсужденія нашихъ доморощенныхъ Вольтеровъ и Монтескье „съ другой стороны" о Самодержавіи, то невольно припоминаешь опять-таки крыловскую героиню:

> Ай, моська! Знать, она сильна,
> Что лаетъ на слона!

Монархистъ.

Общія причины антисемитизма.

Антисемитизмъ развивается всюду, во всѣхъ странахъ, гдѣ евреи прочно усѣлись, отказавшись отъ мысли защищать свою политическую независимость.

Если бы эта вражда, это отвращеніе къ еврею имѣло бы мѣсто въ одинъ какой-нибудь періодъ и въ одной только странѣ,—не трудно было бы найти причины и границы этой злобы; но, какъ извѣстно, эту расу преслѣдовали всегда и вездѣ.

Только допустивъ, что причины антисемитизма лежатъ не въ преслѣдователяхъ Израиля, а въ самомъ Израилѣ, можно понять, почему враги евреевъ принадлежатъ къ самымъ несходныхъ между собой расамъ, почему антисемитизмъ одинаково проявлялся и проявляется въ странахъ чрезвычайно удаленныхъ другъ отъ друга, управляемыхъ противоположными законами и обычаями, имѣющихъ различные нравы и различныя точки зрѣнія на любой предметъ.

Я пишу это не для того, чтобы признать полное право преслѣдованія за антисемитами и оправдать ихъ выходки, но лишь для того, чтобы установить, что еврей самъ является причиной своихъ бѣдствій.

Нѣкоторые писатели, пытаясь объяснить причины антисемитизма, ищутъ ихъ въ религіозной враждѣ, въ борьбѣ политеизма съ монотеизмомъ, Троицы съ Іеговой. Но смѣю васъ увѣрить, язычники и христіане борются не съ Іеговой, а съ самимъ евреемъ.

Какія добродѣтели или какіе пороки сослужили еврею такую плохую службу?

Почему его одинаково презирали Александрійцы и римляне, персы и арабы, почему его ненавидятъ теперь?

Потому что вездѣ, до нашихъ дней еврей былъ невыносимъ для общества.

Почему? Да потому, что онъ былъ исключителенъ и его политико-религіозная исключительность основывалась на его законѣ.

Наблюдая въ исторіи всѣ побѣжденные народы, мы видимъ, какъ они подчиняются законамъ побѣдителей, сохраняя въ тоже время свои вѣрованія.

Имъ это было нетрудно потому, что у нихъ ясно различались религіозныя вѣрованія, внушенныя свыше, и гражданскіе законы, выработанные законодателями, законы, которые побѣдители могли понемногу устранять, не вызывая проклятій.

Если побѣжденные и возставали, то преимущественно благодаря желанію отвоевать себѣ территорію и политическую свободу.

За исключеніемъ этихъ случаевъ, побѣжденные обыкновенно подчинялись общегосударственнымъ законамъ побѣдителей и протестовали лишь иногда противъ личныхъ притѣсненій,

Съ евреями дѣло обстояло иначе.

„Въ сущности, какъ замѣтилъ еще Спиноза „Моисеевы постановленія принятыя имъ отъ Бога, были для евреевъ гражданскимъ закономъ“ [1]).

Пророкъ и законодатель, Моисей придалъ своимъ юридическимъ постановленіямъ тотъ же характеръ откровенія, что и религіознымъ предписаніямъ.

Іегова не ограничился тѣмъ, что сказалъ евреямъ: „да не будутъ ти бози иніе, развѣ Мене“, но далъ имъ также предписанія гигіены и нравственности, указалъ имъ территорію, на которой должно исполнять обряды и установилъ даже систему управленія.

Законы аграрные, гражданскіе, установленія нравственности, все это исходило изъ одного источника, такъ что различные кодексы сплелись въ одинъ и нарушеніе какого-либо предписанія этого общаго свода приравнивалось къ святотатству.

Исповѣдуя такія идеи, заключенныя въ Торѣ, еврей не признавалъ чужеземныхъ законовъ и, конечно, вовсе не желалъ испытывать на себѣ ихъ примѣненіе.

Не могъ же онъ отказаться отъ божескихъ законовъ, законовъ вѣчныхъ, хорошихъ и справедливыхъ ради несовершенныхъ законовъ человѣческихъ!

Другое дѣло, если бы имѣлась возможность разграничить въ Торѣ законы гражданскіе отъ предписаній религіи. Но въ виду священнаго характера тѣхъ и другихъ, не является ли ихъ неприкосновенность залогомъ счастья еврейской націи?

Евреи не хотѣли отрекаться отъ своихъ гражданскихъ законовъ, несмотря на то, что эти законы по самому существу своему не имѣли смысла внѣ Іерусалима и Іудеи.

---

[1]) Tractatus theologic. politic. Предисловіе.

Вездѣ, куда проникали евреи, или куда ихъ выселяли, они испрашивали себѣ разрѣшеніе не только сохранить свою религію, но также и остаться неподчиненными законамъ главенствующихъ народовъ.

Въ Римѣ, Александріи, Антіохіи и Киренаикѣ имъ это удавалось.

Въ субботу ихъ не призывали въ судъ, имъ дали даже особые суды, гдѣ они могли судиться не по законамъ имперіи, а по своимъ [1]), а въ Александріи они пользовались даже самоуправленіемъ, имѣя своихъ начальниковъ, свой сенатъ, своихъ вице-консуловъ и т. д.

Вездѣ евреи хотѣли оставаться евреями и добивались привиллегій, позволявшихъ имъ основывать государство въ государствѣ. Благодаря этимъ привиллегіямъ, этому облегченію повинностей, они немедленно оказывались въ лучшемъ положеніи, нежели граждане даннаго какого-либо города или государства; имъ легче было барышничать и обогащаться, вызывая зависть и вражду.

Итакъ, привязанность Израиля къ своему закону была главной причиной отторженія его отъ всѣхъ народовъ во первыхъ потому, что этотъ законъ далъ ему благодѣянія, вызывающія зависть, а во вторыхъ потому, что, восторгаясь своей Торой, онъ считалъ себя выше всѣхъ.

Если бы евреи держались одного моисеева закона въ чистомъ видѣ, нѣтъ сомнѣнія, что въ какой нибудь моментъ ихъ исторіи у нихъ остались бы въ этомъ законѣ однѣ лишь религіозныя предписанія; можетъ быть даже, имѣя единственственной священной книгой Библію, они цѣликомъ вошли бы въ нарождающуюся христіанскую церковь, какъ это сдѣлали отчасти садуккеи и ессеи. Но одно обстоятельство помѣшало этому сліянію и обособило евреевъ: это былъ Талмудъ.

Талмудъ именно сдѣлалъ евреевъ необщительными и заносчивыми, какъ говорилъ еще Спиноза, хорошо знавшій евреевъ: „вовсе не удивительно, что, будучи разсѣяны столько вѣковъ, евреи сохранили свою самобытность; они отдѣлились отъ всѣхъ народовъ, возбудивъ ихъ ненависть обрѣзаніемъ, а также цѣлымъ рядомъ странныхъ обычаевъ“ [2]).

Раввины учили, что земная цѣль человѣка есть познаніе и примѣненіе высшаго Закона и что для наилучшаго осуществленія этой цѣли надо освободиться отъ вліянія несправед-

---

1) Codex Theodosianus l. II, t. VIII, § 2; Codex Iustin. l. I, t. IX, § 2.

2) Спиноза, Tractatus theolog. polit., гл. III.

ливыхъ законовъ. Слѣдуя этому предписанію, евреи обособились отъ всего человѣчества; они окружили себя изгородью, воздвигнутой вокругъ Торы сначала Ездрой и первыми толкователями, а затѣмъ фарисеями и позднѣйшими талмудистами, исказившими чистое ученіе Моисея.

Присоединивъ къ своей необщительности исключительность, евреи не только отказались подчиняться обычаямъ тѣхъ странъ, гдѣ они разселились, но избѣгали и всякихъ сношеній съ ихъ населеніемъ.

Безъ божескаго закона, говоритъ Талмудъ, безъ Израиля, призваннаго къ его выполненію, міръ не существовалъ бы, Богъ вернулъ бы землю къ хаотическому состоянію. Міръ достигнетъ блаженства лишь подчинившись полному господству этого закона, то есть господству евреевъ. Еврейскій народъ, народъ избранный Богомъ, хранитель Его воли и желаній; онъ единственный, съ кѣмъ Господь Богъ заключилъ союзъ.

Когда змѣй искушалъ Еву, продолжаетъ Талмудъ, онъ отравилъ ее своимъ ядомъ. Израиль, получивъ откровеніе на Синайской горѣ, освободился отъ первороднаго грѣха: другіе народы остались неисцѣленными. Если даже каждый народъ и имѣетъ своего ангела хранителя, то народъ израильскій блюдется окомъ самого Іеговы; онъ—любимое дѣтище Предвѣчнаго, онъ одинъ имѣетъ право на Его любовь, на Его благосклонность, защиту; всѣ же другіе народы стоятъ ниже евреевъ и только изъ жалости Господь щедръ ко всѣмъ.

Всѣ имущества народовъ принадлежатъ въ сущности Израилю и даже Христосъ сказалъ по этому поводу: „нѣсть бо добро отъяти хлѣбъ чадомъ и поврещи псомъ". Эта вѣра въ свое предназначеніе, въ свое избраніе, развила невѣроятную гордость у евреевъ. Они начали съ презрѣніемъ, а подчасъ и съ ненавистью относиться къ не-евреямъ. Когда еврейская нація была въ опасности при Гирканѣ, фарисеи объявили нечистой землю, принадлежащую иностранцамъ, нечистыми сношенія между евреями и эллинами.

По мнѣнію фарисеевъ, до невѣроятія боявшихся оскверниться чуждымъ прикосновеніемъ, предписаній библіи было недостаточно для предохраненія человѣка отъ грѣха.

И вотъ вырабатываются безчисленныя правила, регламентирующія повседневную жизнь: были обнародованы уставы объ одеждѣ, жилищѣ, пищѣ, предохранявшіе евреевъ отъ оскверненія, но, замѣтимъ еще разъ, пригодные лишь для независимаго государства или города, но крайне неудобныя для вы-

полненія ихъ въ другихъ условіяхъ, такъ какъ эти уставы принуждали избѣгать всѣхъ не-евреевъ и жить, слѣдовательно, въ полномъ уединеніи отъ міра.

Но фарисеи и раввины не остановились на этомъ. Они хотѣли взять въ свои руки охрану не только тѣла, но и ума. По опыту они знали, насколько опасно для талмудистовъ знакомство съ эллинской и римской религіей.

Они знали какъ приготовили путь христіанству друзья эллиновъ саддукеи, александрійцы и всѣ вообще говорившіе, что „обязательны только законы, ясно возвѣщенные Моисеемъ, а не позднѣйшія мѣстныя прибавленія къ нимъ" [1]).

Подъ греческимъ вліяніемъ возникли сочиненія и оракулы, предвѣщавшіе пришествіе Мессіи. Греческіе евреи, Филонъ, Аристобулъ и мн. др., всѣ эти наслѣдники пророковъ, продолжавшіе ихъ служеніе, вели народы ко Христу.

Настоящій моисеевъ законъ, очищенный и расширенный Исаіей, Іереміей, Езекіилемъ, сдѣланный общедоступнымъ греко-евреями, привелъ бы Израиля къ Христу, если бы Ездра, фарисеи и Талмудъ не удержали еврейскую массу въ путахъ строгихъ и узкихъ обрядовъ и предписаній.

Чтобы сохранить избранный народъ, уберечь его отъ вреднаго вліянія, раввины усиленно восхваляли свой законъ. Они объявили знаніе его необходимымъ для правовѣрнаго еврея, а такъ какъ цѣлой жизни едва хватало для постиженія всѣхъ тонкостей ихъ закона, они запретили заниматься изученіемъ свѣтскихъ наукъ и иностранныхъ языковъ. Еще Іосифъ [2]) говорилъ: „знающій нѣсколько языковъ не пользуется среди насъ уваженіемъ".

Но и этого показалось мало раввинамъ. Возникла боязнь, какъ бы евреи не стали прислушиваться къ голосу пророковъ въ Библіи.

Не имѣя возможности запретить святую книгу, раввины постарались уменьшить ея значеніе и сдѣлали ее добавленіемъ къ Талмуду. Было объявлено: „Законъ Моисеевъ—вода, а Мишна—вино" и чтеніе Библіи стало считаться менѣе спасительнымъ, нежели чтеніе Мишны.

Однако раввинамъ не удалось сразу уничтожить любознательность евреевъ; имъ понадобилось много вѣковъ на это. Они побѣдили только въ XIV вѣкѣ, когда сошли со сцены Бешай, Маймонидъ, Іосифъ Каспи, Моисей Нарбоннскій и многіе другіе мыслители пытавшіеся оживить еврейство при

[1]) Гретцъ, Исторія евреевъ, кн. Ц, стр. 169.
[2]) I. Флавій, Іуд. древн. XX, 9.

помощи иностранной философіи и когда Ашеръ бенъ Іекіель уговорилъ раввинское собраніе въ Барселонѣ отлучить всѣхъ, занимающихся свѣтскими науками. Тогда же была выдана доминиканцамъ и сожжена книга „Морэ Небухимъ", это высшее проявленіе мысли Маймонида.

Они достигли своей цѣли: они вырвали Израиля изъ общенія съ міромъ и сдѣлали изъ него нелюдима, противящагося законамъ, братству, сдѣлали для него недоступными благородныя, свѣтлыя и великодушныя идеи. Они выработали изъ Израиля жалкую, ничтожную расу, озлобленную отъ своего одиночества, отупѣвшую благодаря узкому образованію, націю, безнравственную и развращенную непростительной гордостью.

Съ моментомъ этой побѣды раввинистовъ совпало начало оффиціальныхъ гоненій на евреевъ. До сихъ поръ бывали только мѣстныя вспышки противъ евреевъ, но не было систематическихъ притѣсненій. Послѣ же тріумфа раввинистовъ нарождаются гетто, начинаются избіенія [1]).

Евреи хотѣли жить отдѣльно: теперь всѣ избѣгаютъ ихъ. Они ненавидѣли тѣ народы, среди которыхъ жили: теперь эти народы гонятъ ихъ. Они сожгли „Морэ Небухимъ"; теперь имъ сжигаютъ Талмудъ, сжигаютъ даже самихъ евреевъ.

Казалось бы, достаточно было причинъ, чтобы оторвать еврея отъ всего міра и сдѣлать его предметомъ ужаса и порицанія.

Но къ изложеннымъ причинамъ присоединилась еще одна: это былъ необузданный и упорный патріотизмъ Израиля. Конечно, каждый народъ привязанъ къ родной землѣ. Побѣжденный, угнетаемый, обреченный на выселеніе или на рабство, онъ все же остается вѣренъ памяти разореннаго города и утраченной родины, но никакому народу не была извѣстна патріотическая экзальтація евреевъ.

И греки отстраивались на разрушенныхъ пепелищахъ и изгнанные римляне уносили съ собой пенатовъ, но ни Аѳины, ни Римъ не были для своихъ обитателей той мистической родиной, какой былъ для евреевъ Іерусалимъ.

Іерусалимъ былъ хранителемъ священной скиніи Завѣта, это былъ городъ храма Единаго Бога, единственное мѣсто на землѣ, гдѣ можно было въ правдѣ и истинѣ поклоняться Богу и приносить ему жертвы.

---

[1]) Надо замѣтить однако, что оффиціальныя преслѣдованія существовали и раньше, какъ свидѣтельствуютъ византійскіе и западноевропейскіе источники ранняго средневѣковья.

Только въ позднѣйшее время еврейскія молельни и синагоги были воздвигнуты въ различныхъ частяхъ Іудеи, Греціи и Италіи, да и то въ этихъ молельняхъ ограничивались чтеніемъ Библіи и богословскими преніями. Настоящее же, торжественное служеніе Іеговѣ можно было видѣть лишь въ Іерусалимѣ. Постройки Александрійской синагоги была названа еретическимъ дѣяніемъ и св. Іоаннъ Златоустъ имѣлъ полное основаніе говорить, по разсѣяніи евреевъ и разрушеніи Іерусалимскаго храма, что „евреи приносятъ жертвы по всей землѣ, кромѣ того мѣста, которое установлено закономъ для жертвоприношеній, т. е. кромѣ Іерусалима".

По Талмуду нѣтъ ничего лучше палестинскаго воздуха, т. к. онъ дѣлаетъ людей мудрецами [1]) и всякій живущій внѣ Палестины приравнивается къ безбожнику [2])

Послѣ „разсѣянія" каждый еврей посылалъ въ Іерусалимъ небольшую сумму на поддержаніе храма и считалъ своимъ долгомъ хоть разъ за свою жизнь посѣтить священный городъ; по смерти онъ завѣщаетъ похоронить себя въ Палестинѣ и дѣйствительно, многочисленныя суда привозили въ пристани Іудеи гробы, отправляемые потомъ на верблюдахъ внутрь страны.

Вѣдь только въ Іерусалимѣ и въ землѣ обѣтованной воскреснутъ мертвые. Тамъ, при послѣднемъ трубномъ гласѣ, подымутся изъ гробовъ и предстанутъ передъ Всевышнимъ всѣ, вѣровавшіе въ Іегову и исполнявшіе его законъ. Когда родина была потеряна, когда судьба разсѣяла Израиля по лицу земли, когда Іерусалимскій храмъ погибъ въ пламени и язычники поселились на святой землѣ, печаль о прошедшихъ дняхъ увѣковѣчилась въ душѣ евреевъ.

Все было кончено: они больше не увидятъ черного козла, уносящаго ихъ грѣхи въ пустыню въ день всепрощенія, не увидятъ закланія тельца въ пасхальную ночь, не понесутъ жертвъ на алтарь; мало того, лишенные Іерусалима во время жизни, они не достанутъ его и послѣ смерти.

Но, думали вѣрные, Богъ не покидаетъ своихъ дѣтей; и вотъ создались наивныя легенды. Увѣряли, что послѣ смерти еврея Іегова переноситъ его трупъ по подземнымъ ходамъ въ Палестину и, наоборотъ, трупъ язычника, умершаго тамъ, высшей силой изгоняется изъ св. земли, такъ какъ онъ недостоинъ оставаться въ той землѣ гдѣ произойдетъ воскрсеніе.

Жалкими вереницами тянулись евреи въ Іерусалимъ пла-

[1]) Талмудъ, Бова Батра 158, 2.

[2]) Талмудъ, Кетувотъ 110, 2.

кать у разрушенныхъ стѣнъ. Въ эти минуты они настолько презирали внѣшнія страданія, что сами падали подъ ноги лошадямъ, цѣлуя съ рыданіями землю.

Они не вѣрили, что Богъ Іерусалима покинулъ ихъ и восклицали: „Сіонъ, Сіонъ, неужели ты забылъ твоихъ несчастныхъ дѣтей, стонущихъ въ рабствѣ?!"

Они ждали, что Всевышній возстановитъ павшія стѣны, они ждали какого-нибудь пророка, который повелъ бы ихъ въ обѣтованную землю.

И сколько разъ евреи, которыхъ такъ упрекаютъ въ привязанности къ земнымъ благамъ, бросали свои дома, имущества и шли за какимъ-нибудь ложнымъ мессіей обѣщавшимъ имъ давно жданное возвращеніе! [1])

Талмудисты постарались видоизмѣнить и использовать въ своихъ видахъ, этотъ экзальтированный патріотизмъ.

Ихъ учителя проповѣдывали возстановленіе еврейскаго Царства, но для этого имъ надо было сохранить въ нетронутости еврейскій народъ, заставить его проникнуться сознаніемъ, что вездѣ онъ изгнанникъ и вездѣ онъ среди враговъ.

Они говорили; „не обрабатывай чужеземной почвы такъ какъ скоро ты будешь обрабатывать свою; не привязывайся ни къ какой странѣ, такъ какъ такимъ образомъ ты измѣняешь вѣрности своей родинѣ; не подчиняйся никакому царю, такъ какъ у тебя единый господинъ—Іегова; постарайся остаться такимъ же, какимъ ты вышелъ со своей родины: придетъ часъ, когда ты увидишь родные холмы и эти холмы будутъ средоточіемъ вселенной, а ты будешь властителемъ міра".

Итакъ, всѣ тѣ свойства, которыя позволяли Израилю удержать свою гегемонію и развиться въ мощной самобытности, всѣ тѣ добродѣтели и пороки, создавшіе ему его особый складъ ума, позволившіе ему достигнуть величія и защищать такъ рьяно свою независимость,—все это паслужило теперь къ полному его отчужденію отъ міра.

Нѣкоторые увѣряютъ, что въ этомъ отчужденіи заключается сила евреевъ. Если эти господа желаютъ сказать, что благодаря ему евреи до сихъ поръ самобытны, то они правы; но если обратить вниманіе на условія, въ которыхъ евреи находятся въ ряду народовъ то мы увидимъ, что благодаря своему отчужденію евреи до послѣдняго времени считаются паріями и терпятъ жесточайшія преслѣдованія.

---

1) Надо имѣть въ виду, что ложные мессіи пользовались обыкновенно успѣхомъ лишь среди жалкой, забитой толпы не имѣвшей почти никакого имущества и жаждавшей лучшей жизни, богатое же еврейство почти цѣликомъ не поддерживало ихъ. *Перев.*

Но не однимъ только приведеннымъ причинамъ обязаны евреи своею стойкостью. Большую роль сыграла ихъ исключительная солидарность, ихъ взаимная молчаливая поддержка.

Даже теперь, когда во всѣхъ почти странахъ они принимаютъ участіе въ общественной жизни, когда они почти отказались отъ своихъ догматовъ, только эта взаимная солидарность мѣшаетъ имъ растаять въ толпѣ и даетъ въ ихъ руки огромныя богатства, къ которымъ евреи такъ неравнодушны.

Эта привязанность къ земнымъ благамъ имѣла большое вліяніе на поведеніе евреевъ послѣ изгнанія изъ Палестины и между прочимъ вызвала жесточайшую къ нимъ враждебность.

Еврей одновременно мистикъ и позитивистъ. Его мистицизмъ изъ религіозныхъ вѣрованій пустыни превратился въ метафизическія измышленія Каббалы; свой же позитивизмъ, вѣрнѣе раціонализмъ онъ черпаетъ въ Екклезіастѣ и въ ученіи раввиновъ.

Но если мистицизмъ находитъ свое наиболѣе яркое выраженіе въ Спинозѣ, то раціонализмъ приводитъ къ ростовщичеству или порождаетъ жаднаго торговца.

Правда, иногда обѣ стороны сталкиваются и тогда еврей, какъ это было въ средніе вѣка, дѣлитъ свою жизнь на двѣ части: одну онъ посвящаетъ мечтаніямъ о безпредѣльности, другую же—самому ловкому торгашеству.

Здѣсь, впрочемъ, не мѣсто говорить о любви еврея къ золоту, т. к. эта любовь не была причиной антисемитизма, а была лишь слѣдствіемъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ.

Вѣдь только исключительность, упрямый патріотизмъ и непомѣрная гордость сдѣлали еврея презираемымъ ростовщикомъ всего міра.

Мы назвали изложенныя причины общими и главными не потому, чтобы не признавали существованія другихъ, но потому, что источникомъ ихъ является самъ еврей.

Есть еще много второстепенныхъ причинъ антисемитизма, кроющихся въ правахъ, религіи, обычаяхъ и философіи тѣхъ народовъ, среди которыхъ еврею пришлось жить, но изложеніе ихъ можетъ быть предметомъ только болѣе обширнаго и спеціальнаго изслѣдованія.

Б. Лазаръ. Перевелъ съ французскаго Д. Людвинскій.

П. К. Путиловъ.

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ [1].

Бранный подвигъ доблестнаго генералъ-майора Путилова, взявшаго послѣ кроваваго боя „путиловскую“ сопку, былъ послѣднимъ крупнымъ событіемъ на манчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій: утомленные крайнимъ напряженіемъ и обез-

[1]) См. Мирный трудъ № 2—9.

силенные понесенными утратами оба противника въ теченіе всего десятаго мѣсяца воздерживались отъ рѣшительнаго столкновенія, ограничиваясь лишь смѣлыми развѣдками, мелкими схватками на передовыхъ постахъ, засадами и удалыми нападеніями охотниковъ. Японцы изрѣдка переходили въ наступленіе небольшими отрядами, какъ бы испытывая нашу бдительность и нащупывая слабое мѣсто въ нашей боевой линіи, чтобъ въ случаѣ частичной удачи пустить въ дѣло и болѣе значительныя силы. Но всѣ атаки непріятеля были неизмѣнно отбиваемы частью ружейнымъ огнемъ, частью мѣткими выстрѣлами нашихъ дальнобойныхъ пушекъ, усиленныхъ крѣпостными и осадными орудіями. Наиболѣе важной изъ этихъ стычекъ была попытка японцевъ обойти и отрѣзать у Циньхенчена отрядъ генерала Ренненкампфа: съ 11 по 18 ноября тянулись столкновенія, стоящія въ связи съ этимъ намѣреніемъ непріятеля. Бдительность доблестнаго и опытнаго вождя разрушила всѣ хитроумные расчеты враговъ: они сами попали въ подготовленную русскими засаду, понесли значительный уронъ и были отброшены назадъ, причемъ казаки проникли до рѣки Тайцзыхе, испортивъ телеграфныя линіи противника. Русскіе воины продвинулись впередъ и заняли рядъ мѣстностей, оставленныхъ отступившими японцами. Однако всѣ эти передвиженія не имѣютъ существеннаго значенія, свидѣтельствуя лишь о духѣ предпріимчивости, обнаруживаемой по преимуществу нашими охотниками. Обѣ стороны зарылись въ землѣ, укрѣпили подступы къ стоянкамъ окопами, проволочными изгородями, волчьими ямами и фугасами, что обѣщаетъ большія затрудненія для наступающаго въ лобъ. Для обходного движенія, повидимому, ни наши, ни японцы еще не располагаютъ достаточными силами, тогда какъ именно крылья оказываются наиболѣе уязвимыми мѣстами. Можно думать, что прибытіе командующихъ каждой изъ трехъ армій, генераловъ Линевича, Гриппенберга и Каульбарса, поведетъ къ улучшенію положенія русскихъ войскъ, количество которыхъ непрерывно возрастаетъ. Теперь, во всякомъ случаѣ, выяснилось, что напору японцевъ положенъ конецъ и дальнѣйшаго отступленія не будетъ. Промедленіе столкновенія выгодно для насъ, ибо къ намъ идутъ подкрѣпленія изъ испытанныхъ частей, принадлежащихъ къ постояннымъ войскамъ, тогда какъ японцы пополняютъ ряды ополченцами, плохо обученными и лишенными того боевого пыла, какой воодушевлялъ японскую армію: недаромъ участились случаи добровольной сдачи японскихъ солдатъ, голодныхъ, обмороженныхъ, больныхъ отъ переносимыхъ

лишеній и суровой зимы. Наши войска гораздо болѣе привычны къ мятелямъ и морозамъ, снабжены теплой одеждой, необходимыми припасами, размѣщены въ фанзахъ и землянкахъ, гдѣ устроены печи. Топливомъ служатъ гаолянъ и уголь, добываемый изъ недавно открытыхъ копей. Конечно, возможны отдѣльные случаи отмораживанія конечностей, но обобщать ихъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, какъ свидѣтельствуютъ заявленія начальствующихъ лицъ и сообщенія иностранныхъ корреспондентовъ. Вдобавокъ, именно теперь, когда морозъ сковалъ манджурскую грязь, подвозъ несравненно болѣе удобенъ и рядомъ съ желѣзной дорогой нужды арміи обслуживаютъ и проселочныя дороги.

Стало быть, состояніе нашихъ манджурскихъ армій должно признать вполнѣ удовлетворительнымъ, тогда какъ противникъ страдаетъ отъ непривычнаго для него холода и эпидемическихъ заболѣваній. Страшно подумать о наступленіи весны, если обѣ стороны, какъ предсказываютъ нѣкоторые военные агенты, простоятъ на занятыхъ мѣстахъ: скопившіяся за зимніе мѣсяцы нечистоты неизбѣжно заразятъ воздухъ и вызовутъ повальныя заболѣванія. Поэтому надо думать, что нашъ главнокомандующій предприметъ попытку перейти въ рѣшительное наступленіе, когда подтянетъ необходимыя подкрѣпленія или получитъ точныя свѣдѣнія о значительномъ уменьшеніи боеспособности японской арміи, или, наконецъ, когда пробьетъ желанный часъ поддержать всѣми силами крайне опасный подвигъ второй тихоокеанской эскадры, разсѣевая во всѣ стороны вниманіе врага. Сухопутныя войска должны будутъ дѣйствовать одновременно съ флотомъ, а потому обширныя подготовленія въ Сѣверной Кореѣ пріобрѣтаютъ совершенно особый смыслъ. Въ эту мѣстность направляется множество припасовъ, снарядовъ, войскъ и предполагается дать имъ особаго начальника. Такимъ образомъ подготовляется ударъ на сообщенія и въ тылъ противника.

Рѣшительныя минуты видимо приближаются и японцы съ удесятереннымъ рвеніемъ заботятся объ укрѣпленіи за собой господства на морѣ. Все для нихъ поставлено на карту, ибо разъ преобладаніе въ японскомъ и китайскомъ моряхъ перейдетъ къ русскимъ, армія Ойямы, рано или поздно, хотя бы и послѣ чудесъ храбрости, подвергнется неизбѣжному разгрому, будучи лишена правильнаго подвоза съѣстныхъ и военныхъ припасовъ, не обновляемая подкрѣпленіями, обремененная больными и ранеными. Наоборотъ, морской поревѣсъ Японіи сулитъ русскимъ множество новыхъ затрудненій, про-

должительную войну съ неопредѣленнымъ успѣхомъ: разбитый въ одномъ мѣстѣ врагъ будетъ высаживаться въ другомъ; Корея прочно останется въ его рукахъ и освобожденіе Портъ-Артура сдѣлается невозможнымъ, а потому и его паденіе неизбѣжнымъ.

Важность задачъ, возлагаемыхъ данной войной на флотъ, очевидна, а потому противники прилагаютъ всѣ старанія для возмѣщенія понесенныхъ утратъ: ведутъ переговоры о покупкѣ готовыхъ судовъ у нейтральныхъ, заказываютъ съ лихорадочной поспѣшностью новыя, стремятся всячески погубить наличныя у противника и сберечь свои. Россія въ этомъ состязаніи находится въ несравненно менѣе выгодныхъ условіяхъ: ея противникъ имѣетъ подъ рукой всѣ свои морскія силы, располагаетъ множествомъ портовъ и стоянокъ со всѣми необходимыми приспособленіями, тогда какъ наши броненосцы и крейсера въ самомъ началѣ войны были разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ, а подкрѣпленія должны пройти десятки тысячъ верстъ воднаго пространства безъ пристанища и родной опоры во все время столь продолжительнаго пути. Японцы должны были воспользоваться преимуществами своего положенія и, дѣйствительно, нанесли намъ въ самомъ началѣ существенный ущербъ нападеніемъ на разрозненныя наши суда. Плохая организація и еще болѣе плохое выполненіе прорыва во Владивостокъ закупорило ядро русскаго флота въ Портъ-Артурской западнѣ. Возвратившись въ нее, наши корабли не имѣли возможности хорошо исправить свои поврежденія, не располагали достаточными запасами угля, а потому въ боевомъ отношеніи почти утратили свое значеніе: теплилась надежда, что при приближеніи эскадры Рождественскаго они попытаются привлечь на себя хотя часть морскихъ силъ врага и тѣмъ самымъ раздробить ихъ. Японцы понимали опасность и ради ея отраженія не останавливались ни передъ какими жертвами: теряя десятки тысячъ, они лѣзли на новые и новые приступы портъ-артурскихъ твердынь. Рядъ атакъ былъ отраженъ нашими многострадальными героями, но численность врага заставляла беречь свои силы и уступать тѣ пункты, дальнѣйшая оборона которыхъ требовала непосильныхъ жертвъ. Такъ послѣ ожесточеннаго рукопашнаго боя и неоднократнаго перехода изъ рукъ въ руки сопка въ 203 метра была очищена нами (17 ноября) и русскіе отступили ко второй линіи укрѣпленій западнаго фронта. Самая сопка не могла быть занятой японцами, такъ какъ она обстрѣливается съ сосѣднихъ фортовъ и другихъ укрѣпленій, сохраненныхъ осажденными. Всѣ

разсказы объ установленіи на ней осадныхъ орудій японцами являются праздными измышленіями: встащить на высоту и поставить на подготовленныхъ мѣстахъ современныя дальнобойныя пушки невозможно подъ огнемъ непріятеля. Японцы иначе воспользовались своимъ успѣхомъ: они укрыли за сопкой свои мортиры и стали навѣснымъ огнемъ обстрѣливать гавань, высматривая съ воздушныхъ шаровъ мѣста стоянки нашихъ судовъ. Сбить пушки, имѣющія защитой массивъ въ 203 метра, было для насъ мудрено и вотъ настали черные дни. Остатки первой эскадры, потерпѣвшіе въ бояхъ и поврежденные предшествующими бомбардировками, представляли для японцевъ малоподвижную цѣль, а потому неудивительно, если послѣднія извѣстія рисуютъ печальную картину полузатопленія почти всѣхъ нашихъ военныхъ судовъ. Мѣшки съ пескомъ, положенные на палубахъ, не давали достаточной защиты и навѣсные выстрѣлы причиняли сильныя поврежденія.

Такимъ образомъ выяснилось, что адмиралъ Рождественскій едва ли будетъ имѣть подмогу отъ портъ-артурской эскадры и обреченъ на одиночную борьбу съ японскимъ флотомъ. Естественно, что сердца русскихъ людей забились тревожно и выразителемъ общихъ думъ выступилъ Н. Л. Кладо, помѣстившій подъ псевдонимомъ „Прибой“ рядъ статей въ „Новомъ Времени“.

Въ этихъ статьяхъ съ большимъ гражданскимъ мужествомъ, глубокимъ знаніемъ дѣла и горячимъ желаніемъ помочь горю Н. Л. Кладо останавливается на выясненіи положенія дѣлъ и возстаетъ противъ включенія портъ-артурской эскадры въ исчисленіе тѣхъ силъ, какими располагаетъ адмиралъ Рожественскій. Сличеніе боевыхъ коэфиціентовъ флота Того и второй тихоокеанской эскадры показываетъ, что первый имѣетъ значительный перевѣсъ, а потому необходимо безотлагательно приступить къ подготовкѣ третьей эскадры, которая облегчила бы намъ успѣшное завершеніе небывалаго еще въ морской исторіи предпріятія. Въ противномъ случаѣ, флотъ адмирала Рожественскаго, оказываясь недостаточно сильнымъ для побѣды надъ врагомъ, подвергается большой и почти безполезной опасности.

Основная мысль Л. Н. Кладо, внушенная искренней любовью къ Россіи, совершенно вѣрна: необходимо не щадить никакихъ средствъ для того, чтобъ поднять свои морскія силы на надлежащую высоту. Но подробности его доказательствъ вызвали замѣчанія и возраженія, а сдѣланныя имъ разоблаченія съ злорадствомъ подхвачены нашими внутренними смутьянами, которые стали всѣ недочеты приписывать существу-

ющему политическому строю и затянули назойливую сказку „о бѣломъ бычкѣ“. Они забыли, что въ Англіи, образцѣ конституціонныхъ странъ, война съ бурами раскрыла вопіющіе недочеты въ военной подготовкѣ. Однако нація поддержала свое правительство и страшнымъ напряженіемъ силъ не только добилась побѣды надъ врагомъ, но и предупредила своимъ единодушіемъ вмѣшательство другихъ державъ. Наши же „политики“ страдаютъ или куриной слѣпотой или страшной близорукостью; они не понимаютъ, что ни одинъ хозяинъ не станетъ заниматься капитальнымъ ремонтомъ своего дома, когда въ одной изъ комнатъ, хотя бы самой отдаленной, хозяйничаютъ забравшіеся туда разбойники. Надо сначала ихъ выгнать, поставить въ невозможность вредить, отвадить завистливыхъ сосѣдей отъ ихъ пронырливыхъ замысловъ и тогда уже внести необходимыя улучшенія, да и то не по заморскимъ образцамъ, а согласно своимъ собственнымъ потребностямъ. Хороша, изящна готическая колокольня, красива стройная арка Альгамбры, но прибавьте ихъ къ Василію Блаженному или Владимірскому собору—получится уродливое сочетаніе.

Такъ и въ дѣлѣ государственнаго строенія надо соблюдать мѣру, стильность и цѣлесообразность общаго замысла, а не гоняться за иностранными учрежденіями. Великій народъ долженъ жить своимъ умомъ, по своему устраивать свой домъ и въ часы боевой непогоды стоять за родину грудью, какъ одинъ человѣкъ, передъ лицомъ враговъ. Тогда не будутъ страшны никакіе „коэфиціенты“ ибо мощь народа дастъ новыя и новыя средства для окончательной побѣды, залога удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей русской жизни волею Самодержавнаго Царя, а не изволеніемъ самозванныхъ „выразителей мнимонародныхъ желаній“.

26 ноября. *Н. Игрниковъ.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

Религіозно-философская Библіотека. Выпускъ VII. Вышній Волочекъ. 1904. „Значеніе свободнаго слова для личности, общества и церкви по воззрѣніямъ славянофиловъ и Влад. Соловьева".

Въ этой небольшой книжкѣ соединены мнѣнія А. С. Хомякова, К. С. и И. С. Аксаковыхъ и В. С. Соловьева по жгучему вопросу о свободѣ слова. Красною нитью проходитъ разъясненіе настоятельной необходимости для блага государства, общества и церкви свободнаго обсужденія назрѣвающихъ нуждъ: „Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ", говоритъ А. С. Хомяковъ. „Истина, дѣйствующая свободно, всегда довольно сильна, чтобъ защитить себя и разбить въ прахъ всякую ложь. А если истина не въ силахъ сама защитить себя, то ее ничто защитить не можетъ. Но не вѣрить въ побѣдоносную силу истины значило бы не вѣрить въ истину. Это безбожіе своего рода: ибо Богъ есть истина. Свобода слова неразрывно соединена съ неограниченной монархіей и „есть ея вѣрная опора". Братья Аксаковы показываютъ, что свободная русская печать, какъ выразительница русскаго общественнаго мнѣнія, имѣетъ важное значеніе не только для выясненія внутреннихъ нуждъ, но и для воздѣйствія на Европейскую прессу, которая получитъ возможность узнать подлинный голосъ русскаго народа. Прекрасно раскрывая значеніе свободы слова, славянофилы признавали существованіе и ея темныхъ сторонъ, но отдавали все-таки преимущество свѣтлымъ. Правда, въ ихъ время независимость печати въ Европѣ была полнѣе, чѣмъ теперь, ибо продажность не достигла такого распространенія и „желтая (подкупная) пресса" не представляла такой опасносто. Но съ этой стороной можно бороться при помощи суда и закона. На землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, а потому все-таки свобода печати, стремящейся къ выясненію истины—одно изъ важнѣйшихъ условій оздоровленія Россіи: Да возстановится

древній союзъ правительства съ народомъ, государства съ землею, на прочномъ основаніи истинныхъ коренныхъ русскихъ началъ: правительству—*неограниченная* свобода *правленія*, *исключительно* ему принадлежащая; народу—полная свобода *жизни* и внѣшней и внутренней, которую охраняетъ правительство. Правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, закона, народу—право мнѣнія и, слѣдовательно, слова. Вотъ русское гражданское устройство! Вотъ единое истинное гражданское устройство. „Одно изъ двухъ: или Россія, пишетъ В. С. Соловьевъ, находится въ духовномъ младенчествѣ, и тогда ни о какомъ сознательномъ общественномъ дѣйствіи и ни о какой русской „партіи" не можетъ быть и разговора. Или же для Россіи наступила пора духовной зрѣлости и въ такомъ случаѣ русская партія должна прежде всего добиваться того, чтобы русскій народъ могъ свободно идти *своимъ* путемъ".

Таковы завѣты лучшихъ представителей независимой русской мысли, успѣвшихъ широко развить свои богатыя природныя дарованія и соединить глубокую Вѣру въ Евангельскіе Завѣты съ чисто научнымъ мышленіемъ. Седьмой выпускъ религіозно-философской библіотеки имѣетъ поэтому крупное общественное значеніе, ибо проясняетъ туманъ невѣдѣнія, охватившій наши общественные круги, живущіе подражаніемъ и совершенно не знакомые съ плодами самостоятельныхъ выразителей русской точки зрѣнія. Какъ всю библіотеку, такъ и послѣдній ея выпускъ особенно необходимо внимательно прочитать тѣмъ юношамъ, которые, вслѣдъ за взрослыми, твердятъ о коренной перестройкѣ Россіи на западно-европейскій ладъ. Можно быть увѣреннымъ, что послѣ ознакомленія съ основными воззрѣніями славянофиловъ, многіе почувствуютъ живую потребность углубиться въ самостоятельное чтеніе ихъ твореній. Утоливъ же эту потребность, они станутъ новыми людьми, русскими по складу убѣжденій, и дадутъ отечеству какъ разъ то, въ чемъ оно больше всего нуждается—честныхъ работниковъ, беззавѣтно преданныхъ Родинѣ и любящихъ ея неизгладимое своеобразіе—драгоцѣнное достояніе всего человѣчества.

А. Кауть.

Указатель книгъ духовнаго содержанія для домашняго чтенія дѣтей младшаго, средняго и старшаго возрастовъ. Москва. 1904. Цѣна 15 коп.

Всѣмъ извѣстно, что различные рукописные „указатели систематическаго чтенія" имѣютъ у насъ широкое распростра-

неніе и подборомъ книгъ дѣйствуютъ на жаждущія знанія души еще не сложившихся молодыхъ людей. Тонкій ядъ сомнѣнія и невѣрія незамѣтно охватываетъ ихъ существо и вытравливаетъ сѣмена вѣры, заброшенныя любящей рукой домашнихъ и законоучителей. Прошлое христіанства, его великіе поборники, ихъ дивныя, возвышающіе человѣка подвиги и сочиненія не пользуются должнымъ вниманіемъ со стороны родителей и наставниковъ, которые, вдобавокъ, затрудняются сдѣлать опредѣленныя указанія на потребныя книги. Отчасти это происходитъ отъ малаго знакомства съ указателями учебнаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и другими подобными изданіями. Однако, всѣ они слишкомъ мало подвижны и мало распространены, чтобъ имѣть большой кругъ вліянія. Поэтому разсматриваемая книжка пополняетъ безусловный пробѣлъ, давая списокъ 289 книгъ, распредѣленныхъ для чтенія дѣтей младшаго, средняго и старшаго возраста. Законоучители какъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и народныхъ школъ могутъ понемногу составить хорошую библіотеку, руководясь Указателемъ, гдѣ сочиненія и изданія называются съ разборомъ и самый списокъ былъ заслушанъ въ собраніи членовъ отдѣла педагогическаго общества при московскомъ университетѣ. Но и родители и воспитатели получаютъ въ Указателѣ хорошее подспорье для руководства домашнимъ чтеніемъ дѣтьми книгъ духовнаго содержанія, для возбужденія къ нему интереса и внесенія надлежащаго разнообразія при единствѣ цѣли. Наконецъ, пытливый читатель изъ народа или рабочей среды найдетъ здѣсь вѣрный путь къ утоленію своей духовной жажды, къ сознательному отвѣту на вопросы Вѣры, волнующіе нынѣ всѣхъ мыслящихъ людей. Послѣдовательное прочтеніе всѣхъ указанныхъ книгъ должно дать добрые плоды, а потому составитель заслуживаетъ полной признательности, а его почтенный трудъ самаго широкаго распространенія.

П. Хорсовъ.

Въ редакцію Мирнаго Труда по 1 декабря доставлены слѣдующія книги:

Гливенко И. И. Типы героевъ въ литературѣ въ ихъ отношеніи къ дѣйствительности. Кіевъ 1904 г.

Ирмеръ Г. Ю. Гартманъ фонъ-Ауэ и его произведенія, главнымъ образомъ „Бѣдный Генрихъ". Харьковъ 1904 г.

Макушеевъ Вл. Измарагдъ. Петерб. 1904 г.

Макушеевъ Вл. Домострой. Петерб. 1904 г.

Макушеевъ Вл. Во имя истины, на пользу родины. Петерб. 1902 г.

Отчетъ медицинскій второй Ялтинской Санаторіи. Ялта 1904 г.

Отчетъ по Ялтинской санаторіи для недостаточныхъ чахоточныхъ больныхъ въ память Императора Александра III. Ялта 1903 г.

Религіозно-философская Библіотека. Выпускъ VII. Значеніе свободнаго слова для личности, общества и церкви. Вышній-Волочекъ 1904. г.

Смѣлковъ В. М. Дворянскій мелкій Банковый кредитъ. П. 1904 г.

Стефанъ Епископъ Могилевскій. Рѣчь къ воинамъ Александропольскаго и Ахалцыхскаго полковъ, отправляющимся на Дальній Востокъ. Могилевъ. 1904 г.

Стефанъ Епископъ Могилевскій и Мстиславскій. Слово на день празднованія въ честь иконы Божьей Матери „Всѣхъ скорбящихъ Радости". Могилевъ. 1904 г.

Трифильевъ Е. П. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Харьковъ. 1904 г.

Указатель книгъ духовного содержанія для домашняго чтенія дѣтей. Москва 1904 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„СВѢТЪ"

ВЪ 1905 ГОДУ

подъ редакціею В. В. КОМАРОВА.

Самая дешевая и распростран. въ Россіи ежедневная газета.

„СВѢТЪ" въ 1904 году будетъ выходить по программѣ, которой держится со дня своего основанія, съ тою же святою вѣрою въ великую будущность русскаго народа и съ тѣмъ же твердымъ упованіемъ на русскихъ людей, которые своею тысячелѣтнею исторіею доказали стойкость и святость русскихъ началъ, ими самими созданныхъ. Постигшая Россію война съ Японіею есть великое историческое дѣло, указывающее на ростъ государственный. Она непремѣнно кончится въ 1905 году къ чести и славѣ Россіи. Невѣроятно, чтобы усилія русскаго народа были окончены иностраннымъ вмѣшательствомъ, чѣмъ-нибудь, вродѣ Берлинскаго конгресса, или чѣмъ-нибудь недостойнымъ Россіи. Мы увѣрены въ безусловномъ осуществленіи словъ нашего Монарха о предстоящемъ развитіи русской силы на берегахъ Великаго Океана. Все касающееся военныхъ дѣйствій не будетъ упущено въ „СВѢТѢ" и всегда будетъ дано своевременно.

„СВѢТЪ" работаетъ для русскаго народа и ради русскаго народа. „Свѣтъ" будитъ мысль въ русскомъ человѣкѣ и тѣмъ предохраняетъ его отъ опасностей, которыя, благодаря иноземной и инородческой интригѣ и наростающему нѣмецкому вліянію, со всѣхъ сторонъ надвигаются на него, прикрытыя ложью, лестью и обманомъ.

„СВѢТЪ" убѣжденъ, что русскій народъ, создавая великое, міровое государство, трудится не ради отвлеченныхъ интересовъ и не для иноземцевъ, но для самаго себя. Благо русскаго народа въ русскомъ государствѣ естественно должно стоять выше всего. Самодержавіе, православіе и народность—незыблемыя основы русской государственности ихъ охраненію, ихъ развитію и укорeнію въ разныхъ сферахъ русскаго общества, по мѣрѣ силъ, посвятила себя газета „Свѣтъ" и твердо и неуклонно будетъ держаться и впредь того же направленія.

„СВѢТЪ", не смотря на свой небольшой размѣръ, идетъ впереди другихъ газетъ по свѣжести извѣстій и изложенію событій.

„СВѢТЪ", основанный съ 1882 года, и теперь остался **самою дешевою ежедневною газетою въ Россіи**; такъ какъ другія газеты съ нимъ конкурировавшія, или прекратили изданіе, или повысили цѣну. При томъ размѣрѣ, въ которомъ издается „СВѢТЪ", русскій читатель получитъ все, что ему необходимо. Ничто важное не будетъ упущено.

Подписная цѣна съ перес. и достав. остается безъ перемѣны:

на годъ съ 1 января по 31 декабря *4* р на полгода съ 1 января или 1 іюля *2* р. на 3 мѣс. съ 1 января, 1 апр., 1 іюля или 1 окт. *1* р.

Гг. подписчики, которые будутъ подписываться на газету „СВѢТЪ" и „СБОРНИКЪ РОМАНОВЪ" и посылать деньги въ одномъ конвертѣ благоволятъ высылать:

На годъ съ 1 января по 31 декабря **8** р На полгода съ 1 января или 1 іюля **4** р. На 3 мѣс. съ 1 янв., 1 апр., 1 іюля или 1 окт. **2** р.

Письма и деньги адресовать: С.-Петербургъ, редакція „Свѣтъ", Невскій, 136.

IV годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

первый и *единственный* въ Россіи двухнедѣльный, *богато-иллюстрированный* техническій журналъ, посвященный автомобилизму и примѣненію механическихъ двигателей для передвиженія

„АВТОМОБИЛЬ"

4 р. въ годъ. 2 р. 50 к. въ полгода.

Редакція: С.-Петербургъ, Литейный, 36.

Цѣль журнала—развитіе автомобилизма въ Россіи.

ПРИ ЖУРНАЛѢ УЧРЕЖДЕНА ОСОБАЯ

техническая справочная контора,

гдѣ выдаются безплатно всѣ справки и свѣдѣнія по вопросамъ механическаго передвиженія.

Для Россіи, гдѣ недостаточность, неудобство способовъ сообщенія при дальности разстояній мѣшаютъ правильному теченію общественной жизни, особенное значеніе имѣютъ автомобили. Изъ этого ясно, почему автомобильное дѣло въ Россіи пошло впередъ гигантскими шагами, съ каждымъ днемъ число автомобилистовъ увеличивается, и интересъ къ новому способу передвиженія все возрастаетъ. Однако недостаточное знакомство нашего общества съ современными успѣхами автомобильной техники, а также полное отсутствіе какихъ либо указаній печати въ этомъ направленіи, все-таки препятствовало правильному развитію автомобилизма въ Россіи. Журналъ „Автомобиль" пополняетъ этотъ пробѣлъ. **По богатству изданія и количеству иллюстрацій журналъ „Автомобиль" превосходитъ многія заграничныя изданія.** Редакція журнала „Автомобиль" безплатно отвѣчаетъ на всевозможные запросы интересующихся автомобилизмомъ, даетъ совѣты при выпискѣ изъ-за-границы и покупки здѣсь автомобилей, моторныхъ лодокъ, двигателей, различныхъ частей и принадлежностей, доставляетъ всѣ свѣдѣнія, расчеты стоимости содержанія, чертежи, рисунки, фотографіи всевозможныхъ автомобилей, какъ для обыкновенной ѣзды, такъ и для грузового и пассажирскаго движенія, высылаетъ проспекты, каталоги и прейсъ-куранты автомобильныхъ фирмъ, русскихъ и иностранныхъ. Въ технической конторѣ журнала всегда имѣются и испытываются новинки современной техники, а также выдаются описанія и цѣны случайныхъ автомобилей.

Въ журналѣ обширный справочный отдѣлъ, всѣ новости техники и автомобильной промышленности.

Пробный №. высылается за одну 7 коп. марку.

Редакторъ издатель А. П. Нагель.

8—1

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XXIII.

Въ гор. Карсѣ, Карсской области

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„КАРСЪ"

НА 1905 ГОДЪ.

Условія подписки: съ доставкою и пересылкою 3 руб. въ годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ" въ городѣ Карсѣ, куда и адресуютъ свои требованія и иногородніе.

Газета „Карсъ" имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карсской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству. 3—1

Открыта подписка на 1905 годъ.

(VIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Книжныхъ магазиновъ товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

ИЗВѢСТІЯ по литературѣ, наукамъ и библіографіи.

Назначеніе журнала—дать читающей публикѣ возможность своевременно слѣдить за всѣмъ, что есть новаго въ области литературы, наукъ и библіографіи у насъ въ Россіи и за границею. Въ этихъ видахъ журналъ „Книжныхъ магазиновъ товарищества М. О. Вольфъ Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи" помѣщаетъ статьи и замѣтки по вопросамъ изъ указанной области, критическіе отзывы о наиболѣе выдающіхся новыхъ сочиненіяхъ, списки новыхъ книгъ и важнѣйшихъ журнальныхъ статей, русскихъ и иностранныхъ, свѣдѣнія о подготовляемыхъ къ печати новыхъ изданіяхъ и пр. и пр. Особый отдѣлъ журнала посвященъ справкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Годовая подписная цѣна журнала, съ доставкою и пересылкою—1 руб.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ № 18 (по Невскому проспекту).—МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, № 12.—МОСКВА, Моховая ул., 22.

Адресъ редакціи: *С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 16 лин., 5-7, с. д.* 5—1.

Съ 1-го января 1904 года въ С.-Петербургѣ выходитъ

подъ редакціею А. А. ПЛЕЩЕЕВА

новая еженедѣльная театрально-литературная газета

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДНЕВНИКЪ ТЕАТРАЛА

Газета для публики, посѣщающей театры, и для артистовъ. Программа охватываетъ выдающіяся явленія театральной жизни, столичной, провинціальной и заграничной, и міра искусствъ. Портреты, рисунки, каррикатуры. Фельетонъ, беллетристика, театральныя воспоминанія, корреспонденціи. Редакціей приложены усилія къ тому, чтобы создать живой, разнообразный органъ театра и зрѣлищъ съ запасомъ свѣдѣній, отвѣчающій преимущественно интересамъ дня. Веселая шутка, юмористическій очеркъ найдутъ мѣсто въ газетѣ наравнѣ съ серьезной статьей. Не называя пока всѣхъ сотрудниковъ, редакція можетъ сообщить, что ей обѣщали свое участіе:

П. В. Быковъ, А. Н. Бѣжецкій, Ю. Д. Бѣляевъ, П. И. Вейнбергъ, Л. Ю. Гольштейнъ, В. М. Дорошевичъ, Л. Г. Ждановъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), Е. П. Карповъ, Н. И. Кравченко, С. Ю. Ломницкій (Рэджэпъ), В. А. Мазуркевичъ, И. И. Мясницкій, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, В. В. Протопоповъ, В. Я. Свѣтловъ, К. А. Скальковскій, С. С. Соломко, М. А. Суворинъ, В. В. Туношенскій, Ант. П. Чеховъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ, Юсъ Большой (каррикатуры) и др.

Условія подписки: въ С.-Петербургѣ и провинціи за годъ 6 р., за полгода—3 р. 50 к. (съ доставкой и пересылкой). Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени" (Невскій, 40), въ Москвѣ у С. Ѳ. Разсохина (Тверская, Георгіевскій пер., д. Сушкина). Иногородніе подписчики высылаютъ деньги А. А. Плещееву (С.-Петербургъ, Морская, 50). Объявленія адресуются А. А. Плещееву.

Розничная продажа газеты „Петербургскій дневникъ Театрала": въ Петербургѣ во всѣхъ кіоскахъ Пташникова, въ маг. „Новаго Времени", маг. М. В. Попова, въ Пассажѣ (съ Итальянской) и у газетчиковъ. Въ Москвѣ у С. Ѳ. Разсохина (Георгіевскій пер. д. Сушкина), въ маг. „Новаго Времени", въ кіоскахъ Просина и др. Въ Одессѣ у Свистунова. На станціи желѣзной дороги (Николаевская ж. д., Варшавская и др.) Во всѣхъ отдѣленіяхъ маг. „Новаго Времени".

Редакторъ-издатель **А. ПЛЕЩЕЕВЪ.**

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

НА 1905 ГОДЪ.

Въ ученыхъ запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ

на ЕЖЕДНЕВНУЮ безъ предварительной цензуры ГАЗЕТУ

„ДЕНЬ“.

Предпринятая издателемъ весьма распространеннаго журнала „Родная Рѣчь“ А. А. Петровичемъ совмѣстно съ редакторомъ того же журнала Ф. Н. Бергомъ ежедневная газета подъ названіемъ „ДЕНЬ“ въ недалекомъ будущемъ начнетъ издаваться въ Москвѣ по программѣ большихъ столичныхъ газетъ безъ предварительной цензуры. Имена редактора и издателя хорошо извѣстны читающей публикѣ по журналу „Родная рѣчь“, пріобрѣвшему огромную извѣстность среди русской публики своимъ патріотическимъ направленіемъ. Предпринимая теперь изданіе ежедневной газеты, какъ редакторъ, такъ и издатель приложатъ все стараніе къ тому, чтобы пріобрѣтенныя ими репутація и довѣріе читателей еще болѣе упрочились.

Газета „ДЕНЬ“ будетъ представлять собой наиболѣе полную, обо всемъ освѣдомленную, серьезную, дешевую ежедневную газету, предназначенную главнымъ образомъ для провинціальныхъ читателей.

Значеніе для всей Россіи и центральное мѣстоположеніе Москвы наиболѣе соотвѣтствуютъ цѣлесообразности именно такой газеты. Московская газета получается въ провинціи на цѣлыя сутки ранѣе петербургскихъ. О важности такого преимущества излишне говорить.

Газета „ДЕНЬ“ будетъ выходить ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ, въ годъ свыше 360 №№.

Кромѣ ежедневной газеты, подписчики будутъ получать еженедѣльно

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

Составъ сотрудниковъ въ газетѣ „ДЕНЬ“, какъ и въ журналѣ „Родная Рѣчь“, будетъ исключительно изъ русскихъ писателей и публицистовъ, въ настоящее время уже изъявившихъ согласіе. При давнишнихъ и прочныхъ литературныхъ отношеніяхъ редактора Ф. Н. Берга, къ этому представляется широкая возможность. **Постояннымъ и спеціальнымъ нашимъ корреспондентомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій будетъ** состоящій при штабѣ Главнокомандующаго манчжурской арміей, дѣйств. ст. сов. докт. **М. Н. Гвоздановичъ.** Заграничные корреспонденты есть во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ „ДЕНЬ“

съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи **НА ГОДЪ** съ 1-го января . . . . . **4 р.**

на 1/2 года 2 рубля, на три мѣсяца 1 рубль.

ПОДПИСКУ ПРОСИМЪ АДРЕСОВАТЬ ВЪ КОНТОРУ ГАЗЕТЫ „ДЕНЬ“,

Москва, Петровка, Кузнецкій переулокъ, домъ **СОКОЛЪ.**

ВЪ 1905 ГОДУ

„ПРАВОСЛАВНО-РУССКОЕ СЛОВО",

духовный и церковно-общественный журналъ, основанный „*Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви*" (въ 1902 г.), съ отдѣльными приложеніями,— будетъ издаваться по той же программѣ, преслѣдуя поставленную цѣль служенія религіозно нравственному просвѣщенію преимущественно образованнаго православно-русскаго общества и защиты православной истины и ея служителей отъ современныхъ отрицательныхъ и враждебныхъ отношеній къ ней. Отдѣлы журнала слѣдующіе:

1. *Церковно общественный*, въ который входятъ сужденія и отзывы съ православно-христіанской точки зрѣнія о текущихъ событіяхъ и явленіяхъ церковно-общественной жизни.

2. *Религіозно-философскій*, въ которомъ помѣщаются статьи основоположительнаго характера по богословскимъ, религіозно-нравственнымъ и церковно-общественнымъ вопросамъ, возникающимъ въ современной русской жизни и печати; проповѣди, имѣющія живой современный интересъ; извлеченія изъ твореній св отцевъ и учителей Церкви, дающія руководительныя начала для правильнаго пониманія и разрѣшенія означенныхъ вопросовъ; беллетристическія произведенія и стихотворенія, посвященныя тѣмъ же вопросамъ

3. *Обозрѣнія выдающихся статей изъ текущей духовной журналистики и свѣтской печати*, а также вновь выходящихъ книгъ.

4. *Извѣстія и замѣтки*: краткій обзоръ текущихъ событій и прав. распоряженій, дѣятельности „Общества рел.-нравственнаго просвѣщенія" и его учрежденій (каковы—собранія пастырскія, проповѣдническія, „Христіанскаго Содружества учащейся молодежи" и др.), равно и иныхъ духовно просвѣтительныхъ обществъ и ихъ членовъ; также сообщенія и отзывы о лицахъ, заявившихъ себя духовно просвѣтительною дѣятельностью и проч; отвѣты редакціи на недоумѣнные вопросы, предлагаемые читателями изъ области богословской и церковно-практической.

Журналъ выходитъ книжками въ 5—7 листовъ каждая, in 8°, по двѣ книжки въ мѣсяцъ, около 1 и 15 чиселъ, за исключеніемъ мѣсяцевъ предъ праздниками Св. Пасхи и Рождества Христова, іюня, и іюля, въ которые будетъ выходить по одной книжкѣ (всего 20 книжекъ).

Въ качествѣ отдѣльнаго безплатнаго приложенія 1905 г. предполагается дать сочиненія о. **ІОАННА ИЛЬИЧА СЕРГІЕВА** (Кронштадтскаго). Первый томъ приложенія будетъ разосланъ со второй (январской) книжкой журнала.

Журналъ „Православно-Русское Слово" Учебнымъ Комитетомъ при Св Сунодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій. Особымъ отдѣломъ ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ допущенъ въ ученическія библіотеки учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Финансовъ.

Цѣна на журналъ съ приложеніями 5 р. въ годъ безъ доставки и пересылки, 6 р.—съ доставкой и пересылкой въ Россіи, и 7 р.—за границу. Въ розничной продажѣ 30 коп. за №.

Адресъ редакціи и конторы, С.-Петербургъ, Стремянная улица, д. № 20.

Редакторы: Протоіерей Александръ Дерновъ. Священникъ Павелъ Лахостскій. Ст. сов. Александръ Надеждинъ.

Открыта подписка на 1905 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

журналъ общества счетоводовъ

„ПРАКТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ",

издающійся по слѣдующей программѣ.

1. Счетоводная жизнь. Сцены и разсказы изъ нея.
2. Научный отдѣлъ: счетоводство, финансы, контроль, коммерческія науки, мораль и законы нравственности, экономія, статистика.
3. Обзоръ смѣтъ, отчетовъ земскихъ и городскихъ учрежденій, товариществъ, компаній и обществъ на паяхъ, акціяхъ, взаимнаго кредита и т. п.
4. Судебный отдѣлъ, безъ права обсужденія рѣшеній. Судебно-счетоводная экспертиза.
5. Библіографія: новыя книги и рецензіи на изданія, соотвѣтствующія программѣ изданія.
6. Справочный отдѣлъ: практическія свѣдѣнія, а также рекламы и объявленія. Хроника, по спеціальности журнала.

При журналѣ выдаются подписчикамъ особыя приложенія, состоящія изъ учебниковъ, руководствъ, пособій и сочиненій по счетоводству.

Цѣль органа обсуждать практическіе вопросы и задачи и все достойное подражанія, примѣненія, введенія въ жизнь.

Научный отдѣлъ посвященъ финансамъ, счетоводству, контролю, коммерческимъ наукамъ, статистикѣ, экономіи, морали и законамъ нравственности.

Въ судебномъ отдѣлѣ помѣщаются отчеты о выдающихся дѣлахъ, затѣмъ дается разборъ отчетовъ, преимущественно образцовыхъ, достойныхъ подражанія, и, наконецъ, имѣются отдѣлы: библіографическій, справочный и объявленій.

Вся чистая прибыль отъ изданія журнала обращается во вспомогательный капиталъ Общества для выдачи безвозвратныхъ пособій нуждающимся Членамъ Общества.

Подписная цѣна: на годъ **6** руб., полгода **3** руб., **2** мѣс. **1** руб.

Съ подпиской адресоваться въ редакцію журнала: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 43; МОСКВА, В. Тверская, № 18, д. Ѳ. Езерскаго.

Редакторъ *Ѳ. В. Езерскій.* Издатель *Общество Счетоводовъ.*

3—1

Открыта подписка на 1905 г. на журналъ

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ".

Издаваемый при С.-Петербургской духовной академіи ежемѣсячный журналъ „Христіанское Чтеніе", старѣйшій изъ всѣхъ русскихъ духовныхъ журналовъ, вступая въ 1905 году въ 85-й годъ изданія, по прежнему будетъ давать статьи богословскія, философскія и историческія, принадлежащія преимущественно профессорамъ академіи и имѣющія, кромѣ научнаго, значеніе для рѣшенія вопросовъ современной церковно-общественной жизни, а также обзоръ духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ и отзывы о болѣе крупныхъ произведеніяхъ богословской и исторической литературы. Выходя въ количествѣ 12 книжекъ, каждая отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ, Христіанское Чтеніе" даетъ въ годъ до 132 печатныхъ листовъ (болѣе 2000 стр.), составляющихъ два тома (по двѣ части въ каждомъ) научно-богословскихъ статей въ доступномъ изложеніи и, кромѣ того, одинъ томъ журналовъ Академическаго Совѣта, печатаемыхъ въ приложеніяхъ къ журналу съ особымъ счетомъ страницъ.

Подписная цѣна 5 руб., съ приложеніемъ одиннадцатаго тома твореній Златоуста 6 руб. 50 коп., въ изящномъ переплетѣ 7 руб. Подписчики на 1905 годъ, желающіе имѣть и первые 10 томовъ твореній Златоуста, уплачиваютъ за каждый томъ по два рубля.

Еженедѣльнымъ журналовъ С.-Петербургской духовной академіи служитъ „**Церковный Вѣстникъ**", органъ церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей. Цѣна **5** руб. съ 11-мъ томомъ Златоуста **6** руб. **50** коп., въ переплетѣ **7** руб. Выписывающія оба журнала вмѣстѣ уплачиваютъ **8** руб., съ 11-мъ томомъ Златоуста **9** руб. Цѣна каждаго тома Златоуста въ отдѣльной продажѣ **3** рубля.

Редакторъ профессоръ ***Петръ Смирновъ.***

Открыта подписка на 1905 годъ на духовный ежемѣсячный журналъ

„СТРАННИКЪ"

(46 годъ изданія).

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„Общедоступной Богословской Библіотеки".

Духовный журналъ „Странникъ" будетъ издаваться въ 1905 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служитъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ. При журналѣ, въ качествѣ безплатнаго приложенія, издается **„Общедоступная Богословская Библіотека"**, имѣющая своею цѣлью сдѣлать вполнѣ доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы.

Въ 1905 г. подписчикамъ будутъ даны безплатно три капитальныхъ сочиненія:

I. **«Православная Богословская Энциклопедія»**. Шестой томъ, въ который имѣютъ войти статьи начиная съ буквы і.

Ученое руководство въ изданіи Энциклопедіи принято давнимъ сотрудникомъ ея ординарнымъ профессоромъ С.-петербургской духовной академіи, докторомъ богословія Н. Н. Глубоковскимъ, которому предоставлены Св Синодомъ и права независимой цензуры для этого изданія.

II. **Толковая Библія**, или Комментарій на всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Томъ второй, въ который войдутъ Историческія книги Ветхаго Завѣта.

Кромѣ того редакція, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, дастъ особое безплатное приложеніе изъ серіи

Христіанство, наука и невѣріе

НА ЗАРѢ XX ВѢКА.

Въ 1905 году подписчики получатъ трактатъ, въ которомъ будетъ подвергнутъ критикѣ новой „кумиръ" такъ называемой нашей и заграничной „интеллигенціи":

III. Фридрихъ Ницше.

Цѣна: а) въ Россіи за журналъ **„Странникъ"** съ приложеніемъ трехъ томовъ **„Общедоступной Богословской Библіотеки"** восемь (8) руб. съ перес; б) за границею 11 руб. съ перес.

Адресоваться: Въ редакцію журнала „Странникъ": С.-Петербургъ, Невскій Проспектъ, д. № 182

Городскіе СПБ. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи—Невскій пр., 182.

За редактора *О. Артемьевъ.*
Издательница *Р. А. Артемьева.*
урожд. *Лопухина.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
на 1905 годъ (сорокъ шестой)

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ".

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., за границу 8 руб. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 листовъ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библіотека твореній свв. отцовъ и учителей церкви Западныхъ".

Указомъ Св Синода отъ 3/29 февраля 1884 г. подписка какъ на „Труды", такъ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей церкви Западныхъ" рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

ПРИ ПОЧАЕВО-УСПЕНСКОЙ ЛАВРѢ
издается журналъ для назидательнаго чтенія

Почаевскій Листокъ

ВЪ ГОДЪ ВЫХОДИТЪ

52 номера Почаевскаго листка 52
52 номера приложеній къ нему 52

Кромѣ того подписавшимся на Почаевскій Листокъ за 1905 годъ безплатно будетъ выслань за первое полугодіе молитвословъ крупной гражданской печати въ 8 долю листа, въ 380 страницъ, а за второе полугодіе крестная пѣснь (написанное стихами повѣствованіе о страданіяхъ Спасителя), съ приложеніемъ нотъ для пѣнія.

Въ Почаевскомъ Листкѣ и приложеніяхъ къ нему будутъ помѣщаться: поученія, сказанія, житія святыхъ, назидательныя повѣсти, извѣстія о выдающихся церковныхъ и государственныхъ событіяхъ, описанія жизни и службъ въ Почаевской Лаврѣ, отвѣты на запросы подписчиковъ. Желающіе получать въ теченіи 1905 года Почаевскій Листокъ съ приложеніями къ нему еженедѣльно—благоволятъ выслать 1 руб. 50 коп., ежемѣсячно (по 4 номера за одинъ разъ —только 1 р. по адресу: Почаевъ Волынской губ., Редакція Почаевскаго Листка.

За 1 р. будетъ выслано все то, что и за 1 р. 50 к., разница только въ пересылкѣ: еженедѣльно или ежемѣсячно.

Пробные номера высылаются безплатно.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1905 ГОДУ НА ЖУРНАЛЪ

МИССІОНЕРСКІЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый Братствомъ св. Василія, Епископа Рязанскаго.

(15 годъ изданія).

„Миссіонерскій сборникъ" имѣетъ своею цѣлью служить интересамъ св. Церкви Христовой въ ея борьбѣ съ расколомъ старообрядчества, русскимъ сектантствомъ раціоналистическаго и мистическаго направленій и магометанствомъ.

Въ журналѣ примутъ участіе Профессора Духовныхъ Академій Громогласовъ И. М. (Московскій) и Ивановскій Н. И. (Казанской).

„Миссіонерскій Сборникъ" издается по программѣ, которая утверждена Св. Синодомъ и состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ.

Отд I. Узаконенія и распоряженія гражданской и церковной власти. Оффиціальные отчеты. Отд. II (литературный). Собесѣдованія и бесѣды съ сектантами и раскольниками Слова и поученія, направленныя противъ нихъ.—Научно-литературныя статьи и замѣтки по исторіи и обличенію сектантства и раскола. — Библіографическія замѣтки о книгахъ, журнальныхъ статьяхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ миссіонерскому дѣлу и полезны для миссіонеровъ и пастырей Церкви въ ихъ борьбѣ съ расколомъ, сектантствомъ и магометанствомъ. Списки для миссіонерскихъ библіотекъ книгъ и брошюръ.- Неизданные матеріалы для исторіи сектантства и раскола, а также и полемики съ ними Отд III Извѣстія по Рязанской епархіи Отд. IV. Обзоръ текущихъ событій въ иныхъ епархіяхъ.

„Третій Всероссійскій миссіонерскій Съѣздъ (въ г. Казани), признавая журналъ этотъ полезнымъ пособіемъ при борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ рекомендовалъ его для пріобрѣтенія во всѣ церковно-приходскія и благочинническія противораскольническія и противосектантскія библіотеки.

„Миссіонерскій Сборникъ" выходитъ разъ въ два мѣсяца книжками не менѣе *пяти* печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за годовое изданіе ДВА РУБЛЯ съ пересылкой Адресъ: Г. Рязань. Редакція журнала „Миссіонерскій Сборникъ".

Редакторъ В. Воробьевъ.

Открыта подписка на 1905 годъ на журналъ

Новый Міръ

VII ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Большой иллюстрированный вѣстникъ литературы, науки, искусства, современной жизни политики и прикладныхъ знаній, издаваемый при участіи извѣстныхъ русскихъ писателей и ученыхъ, подъ редакціей П. М. Ольхина. Во многихъ слояхъ русскаго общества чувствуется въ послѣднее время потребность въ періодическомъ изданіи, которое удовлетворяло бы болѣе строгимъ умственнымъ и эстетическимъ требованіямъ современнаго интеллигентнаго читателя, какъ въ отношеніи внутренняго содержанія, такъ и въ отношеніи внѣшности, и отличалось бы отъ шаблоннаго типа иллюстрированныхъ журналовъ. Создать—при дѣятельномъ участіи избраннаго круга писателей, ученыхъ и художниковъ—такое именно изданіе ставитъ себѣ цѣлью редакція „Новаго Міра". **Въ годъ ! выпуска, изъ которыхъ:** 1) **24 №№ „Новаго Міра"**, богато иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала, въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій, заключающаго въ себѣ: беллетристику, поэзію, исторію, критику и статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, съ приложеніями: **Живописная Россія** посвященная отчизновѣдѣнію, исторіи, культурѣ, государственной, обществ. и экономич. жизни Россіи, съ иллюстр. **Мозаика** иллюстрированный отдѣлъ прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, съ хроникой самообразованія и со справочнымъ отдѣломъ. **Современная лѣтопись** иллюстрированный обзоръ текущей жизни — политической, общественной и художественной. „Новый міръ" съ „Живописной Россіей", „Мозаикой" и „Современной Лѣтописью" выходитъ 1-го и 16-го каждаго мѣсяца 2) **24 №№ „Вѣстника Литературы"**, выходящихъ 8-го и 23-го каждаго мѣсяца. Изданіе это имѣетъ своей задачей объединить все, что касается литературнаго міра, русскаго и иностраннаго, критику, литературныя воспоминанія статьи и корреспонденціи по вопросамъ изящной словесности, библіографіи и пр. и 3) **24 книги „Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей"**, которыя будутъ заключать въ себѣ серію оригинальныхъ и переводныхъ историческихъ, бытовыхъ и соціальныхъ романовъ, повѣстей, очерковъ и т. д. Изданіе это будетъ разсылаться вмѣстѣ съ „Вѣстникомъ Литературы", т. е. каждаго 8-го и 23 числа. **Особыя преміи:** въ продолженіе года при журналѣ будутъ прилагаться: **Большія полихромныя картины, Акварельныя копіи въ краскахъ**, наклеенныя на особые картонные листы **Геліогравюры-mezzotinto и пр., и пр.** Всѣ преміи къ „Новому Міру" заказаны лучшимъ заграничнымъ полиграфическимъ заведеніямъ и будутъ представлять большую художественную цѣнность. Подписная цѣна „Новаго Міра" съ дост. и перес.: на годъ 14 р., на полгода — 7 р., на четверть года — 3 р. 50 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается льготная разсрочка, именно — при подпискѣ и ежемѣсячно, до уплаты всей подписной стоимости, по 2 р. Съ требованіями обращаться: въ контору журнала „Новый Міръ", при книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. Вольфъ, — С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ № 18

Отвѣтственный редакторъ П. М. Ольхинъ.

Издатели: Товарищество М. О. Вольфъ.

Открыта подписка на большую ежедневную политическую, общественную и литературную газету

СЛОВО

выходящую безъ предварительной цензуры.

Основою дѣятельности нашей газеты является служеніе прогрессу родной земли на почвѣ историческихъ и бытовыхъ русскихъ началъ, согласованныхъ съ потребностями нашего времени, и въ духѣ полной терпимости къ вѣрованіямъ, языку и бытовымъ особенностямъ каждой народности. Не поступаясь устойчивостью принятаго направленія, свободная въ своихъ сужденіяхъ отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній, редакція „Слова" охотно даетъ въ газетѣ мѣсто искреннимъ, независимымъ голосамъ людей практики и опыта, сторонниковъ свѣта и гласности, къ какой бы общественной группѣ они ни принадлежали. Особенное вниманіе обращено будетъ на дѣла и нужды провинціи, гдѣ ростъ общественности и государственнаго пониманія составляетъ такое замѣтное явленіе въ наши дни. Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ газетѣ получатъ тщательную разработку вопросы самоуправленія, выдвинутые въ настоящее время жизнью на первую очередь. Въ области экономической политики редакція придаетъ первостепенное значеніе развитію производительныхъ силъ страны на почвѣ возможнаго простора личной энергіи и хозяйственной самодѣятельности населенія. Видное мѣсто отведено будетъ вопросамъ внѣшней политики, обзору и оцѣнкѣ великихъ міровыхъ событій на берегахъ Тихаго океана, съ точки зрѣнія національныхъ русскихъ интересовъ и въ связи съ историческими началами Россіи на Ближнемъ Востокѣ, и положенію внутри страны. Газета „Слово" будетъ выходить (съ конца ноября с. г.) нумерами въ 8 и болѣе страницъ текста съ иллюстраціями. Цѣна на годъ съ пер. и дост. 12 руб., на 6 мѣсяцевъ—6 руб., на 2 мѣсяца 2 руб., на 1 мѣсяцъ—1 руб. Заграницу на годъ 20 руб.

Допускается также подписка на газету безъ приложеній (4 страницы текста), цѣна на годъ 5 руб., на 6 мѣсяцевъ—3 руб., на 2 мѣсяца—1 руб., на 1 мѣсяцъ—50 коп. Это дешевое (2-е) изданіе имѣетъ своей задачей идти на встрѣчу назрѣвшей среди интеллигентной провинціальной публики потребности въ доступномъ по цѣнѣ, но вполнѣ серьезномъ руководящемъ органѣ общественной мысли.

Годовые подписчики на 1905 г. получатъ газету за конецъ 1904 г. безплатно со дня полученія отъ нихъ требованій. Лица желающія ознакомиться съ изданіемъ, благоволятъ присылать свои адреса, по коимъ и будетъ имъ выслано безплатно нѣсколько №№.

Объявленія принимаются въ конторѣ редакціи по 60 коп. за строку петита передъ текстомъ и по 20 коп. за строку петита позади текста.

Редакція открыта для личныхъ объясненій ежедневно отъ 4 до 6 час. Контора редакціи открыта для пріема подписки и объявленій ежедневно отъ 10 до 5 час. (по праздникамъ отъ 1 до 3 час.).

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 92.

Редакторъ-издатель **И. В. Скворцовъ**. Издатель **Н. Н. Перцовъ**.

„Душеполезное Чтеніе"

въ 1905 году годъ изданія сорокъ шестой.

Изданіе журнала **„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ"** въ 1905 году, сорокъ шестомъ съ начала его изданія, будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ. При благословеніи преосвященнѣйшаго Виссаріона, епископа Костромскаго и Галичскаго, несшаго труды по редакціи „Душеполезнаго Чтенія" ровно тридцать лѣтъ, и при его полномъ и постоянномъ содѣйствіи, редакція и въ слѣдующемъ году будетъ продолжать то же святое дѣло, какое предназначалъ журналу и святитель **ФИЛАРЕТЪ**, митрополитъ Московскій: „И правительствомъ и частными людьми усиленно распространяемая грамотность и любовь къ чтенію, писалъ онъ Святѣйшему Синоду, требуютъ здравой пищи, в особенно тогда, когда свѣтская литература повсюду предлагаетъ чтеніе большею частію суетное и неблагопріятное для истиннаго назиданія народа. Посему предлагаемое повременное изданіе, - Душеполезное Чтеніе можетъ соотвѣтствовать современнымъ настоятельнымъ потребностямъ—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности назидательнаго и понятнаго духовнаго чтенія" Въ изданныхъ доселѣ болѣе чѣмъ пятистахъ книгахъ Душеполезнаго Чтенія уже имѣется твердое основаніе для сужденія о журналѣ и только для лицъ, незнакомыхъ съ нимъ, считаемъ необходимымъ сообщить, что

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св Писанія, твореній св отцевъ и православнаго Богослуженія. 2) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на современныя явленія въ общественной и частной жизни. 3) „Публичныя богословскія чтенія". 4) Церковно-историческіе разсказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ. 5) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно нравственной жизни. 6) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго **Өеофана** Затворника, іеросхимонаха о. **Амвросія** Оптинскаго, „Бесѣды" Вселенскаго патріарха **Анеима** VII, достойнаго преемника святѣйшаго патріарха Фотія и мудраго не восиятителя православной Церкви; Уроки благодатной жизни по руководству о. **Іоанна Кронштадтскаго**, слова, поученія и внѣбогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболѣе знаменитыхъ пастырей Церкви 7) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ и „богоспасаемымъ градамъ". 9) Новыя данныя о расколѣ, при содѣйствіи спеціалиста по расколу профессора Московской духовной Академіи Н М. Громогласова. 10) По возможности документальныя и въ то же время понятныя свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, многоразличныхъ сектахъ съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ. 11) Отклики на современность. Во исполненіе желанія очень многихъ читателей „Душеполезнаго Чтенія въ приложеніи къ журналу печатается особымъ изданіемъ **полное собраніе резолюцій Филарета, митрополита Московскаго**, съ примѣчаніями Протопресвитера Московскаго Большого Успенскаго собора В С. Маркова. По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1905 году въ „Душеполезномъ Чтеніи" нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соотвѣтственными рисунками. Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 16--19 іюня 1898 года за № 417, утвержденнымъ Г. Оберъ Прокуроромъ Св Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ „Душеполезное Чтеніе"—одобрить, въ настоящемъ его видѣ, для библіотекъ церковно приходскихъ школъ. Годовая цѣна журнала за 12 книгъ, 4 рубля съ пересылкой За границу - 5 рублей. Адресъ: Москва. Въ редакцію журнала: „Душеполезное Чтеніе" при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ. Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

Редакторъ Докторъ Богословія, профессоръ Московской Духовной Академіи **Алексѣй ВВЕДЕНСКІЙ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

— НА —

духовный богословско-апологетическій журналъ:

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ.

Журналъ имѣетъ своею задачею отвѣчать на запросы религіозной мысли и духовной жизни современнаго общества въ противодѣйствіе раціонализму и невѣрію.

Въ первомъ научно-богословскомъ отдѣлѣ его помѣщаются статьи по всѣмъ отдѣламъ богословія (въ широкомъ значеніи этого слова), служащія къ разъясненію въ строго-православномъ духѣ преимущественно такихъ духовныхъ вопросовъ, которые подвергаются несогласнымъ съ ученіемъ православной Церкви толкованіямъ въ современной жизни и мнимо-либеральной печати. Здѣсь, между прочимъ, печатаются статьи и по естественно-научной апологетикѣ.

Второй отдѣлъ, церковно-общественный, посвящается обозрѣнію выдающихся явленій церковной жизни современнаго общества. Въ немъ отмѣчаются, а по мѣрѣ нужды и обсуждаются, на ряду съ типами и фактами положительнаго характера, и встрѣчающіяся въ жизни отклоненія отъ устоевъ церковности, преимущественно засвидѣтельствованныя печатнымъ словомъ. Въ числѣ вопросовъ церковной жизни, подлежащихъ обсужденію, имѣетъ мѣсто и вопросъ о воспитаніи современнаго юношества въ духѣ православной вѣры.

Третій—библіографическій отдѣлъ составляетъ духовная библіографія, имѣющая предметомъ своимъ вновь выходящія книги и журнальныя статьи богословско-апологетическаго, нравственно-назидательнаго и учебнаго содержанія.

Въ журналѣ печатаются, между прочимъ, «публичныя богословскія чтенія для свѣтскаго образованнаго общества», изъ круга ведущихся въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, рефераты читаемые въ „Отдѣленіи Педагогическаго Общества при Московскомъ университетѣ по вопросамъ религіозно-нравственнаго образованія" и такъ называемыя „богословскія чтенія для рабочихъ; о чтеніяхъ не напечатанныхъ даются библіографическіе отчеты".

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ журналъ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки духовныхъ семинарій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Многими епархіальными преосвященными онъ рекомендованъ для церковныхъ и благочинническихъ библіотекъ.

Журналъ выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ іюня и іюля мѣсяцевъ) книжками не менѣе десяти печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на годъ пять рублей, а съ доставкой и пересылкой шесть рублей.

Подписка принимается у редактора-издателя, законоучителя Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, въ Москвѣ, протоіерея Іоанна Ильича Соловьева (Москва, Остоженка, зданіе Лицея) и въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга.

Въ редакціи продаются оставшіеся экземпляры журнала за 1900, 1901, 1902 и 1903 г.г., цѣна 5 руб. съ перес. за годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Толкованій на Новый Завѣтъ бл. Ѳеофилакта Болгарскаго.

Въ 1905 году при Казанской Духовной Академіи будетъ продолжаться изданіе журнала „Православный Собесѣдникъ“, который будетъ выходить, какъ и ранѣе, ежемѣсячно книжками до 15 печатныхъ листовъ въ каждой.

Программа журнала:

1. **Творенія св. отцовъ и церковныхъ писателей въ русскомъ переводѣ.** Будетъ продолжаться изданіе знаменитаго апологетическаго произведенія Оригена „Противъ Цельса“.—2. **Статьи богословскаго, философскаго, церковно-историческаго и миссіонерскаго содержанія.** Между прочимъ, будутъ печататься нигдѣ еще не изданные письма, проэкты и оффиціальныя донесенія Св. Синоду Иннокентія, митрополита Московскаго († 1879), за время его управленія Камчатскою епархіей. Эти произведенія Высокопреосвященнаго Иннокентія составятъ весьма цѣнный матеріалъ для изученія исторіи Дальняго Востока.—3. **Очерки текущей церковно-общественной жизни:** а) Россіи, б) Запада и в) православнаго востока. 4. **Обзоръ миссіонерской** (главнымъ образомъ—внѣшней, инородческой) **дѣятельности въ Россіи** въ связи съ изученіемъ жизни русскихъ инородцевъ.—5. **Хроника академической жизни**.—6. **Критическія статьи и библіографическія сообщенія** изъ области духовной литературы и журналистики, какъ русской такъ и заграничной.

Въ видѣ особаго приложенія всѣ годовые подписчики на журналъ: «Православный Собесѣдникъ“ получатъ въ 1905 г. два большихъ (не менѣе 50 печатныхъ листовъ) тома (пятый и шестой), входящихъ въ составъ общаго восьмитомнаго, предпринятаго Казанской Академіей, изданія «**Толкованій на Новый Завѣтъ бл. Ѳеофилакта Болгарскаго**“. Въ составъ этихъ томовъ—пятаго и шестого—войдутъ: Толкованія на Дѣянія апостольскія, Соборныя посланія, Посланія ап. Павла къ Римлянамъ и Коринѳянамъ.

Цѣна на полное годовое изданіе «Православнаго Собесѣдника» съ доставкой и пересылкой: безъ приложенія „Толкованій бл. Ѳеофилакта“—въ Россію **семь рублей**, за границу—**десять рублей**; съ приложеніемъ же двухъ томовъ „Толкованій“—въ Россію **восемь рублей**, за границу **одиннадцать рублей**.

Отдѣльныя книжки журнала продаются по 80 к.

Адресъ редакціи: Казань, Духовная Академія.

Редакторъ профессоръ **А. Писаревъ**.

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ ВЪ 1905 ГОДУ

будутъ выходить четыре раза въ мѣсяцъ, нумерами до двухъ печатныхъ листовъ въ каждомъ. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **пять рублей**; вмѣстѣ съ „Православнымъ Собесѣдникомъ“, но безъ приложенія «Толкованій бл. Ѳеофилакта» —**восемь рублей** съ приложеніемъ же двухъ томовъ «Толкованій»—**девять рублей**.

Адресъ: Казань, Духовная Академія.

О ИЗДАНІИ БОГОСЛОВСКО-МИССІОНЕРСКАГО ЖУРНАЛА

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

въ 1905 году.

Годъ изданія третій.

Въ теченіе двухъ лѣтъ изданія характеръ, направленіе и содержаніе нашего журнала выяснились съ достаточною полнотою; въ томъ же духѣ и направленіи онъ будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1905 г.

Программа журнала:

ОТДѢЛЪ I (оффиціальный). 1) Узаконенія и распоряженія центральнаго и епархіальнаго начальства по дѣламъ раскола, сектантства и миссіи. ОТДѢЛЪ II (общебогословскій). 2) Слова и бесѣды на воскресные, праздничные и высокоторжественные дни, преимущественно противораскольническаго и противосектантскаго содержанія. 3) Изъясненіе Священнаго Писанія. 4) Статьи объ истинахъ вѣры и нравственности. 5) Статьи по изъясненію богослуженія и церковныхъ каноновъ. ОТДѢЛЪ III (историческій) 6) Статьи по общей и русской церковной исторіи. 7) Жизнь и дѣятельность борцовъ съ расколомъ. 8) Русскій расколъ старообрядчества и сектантство въ его прошломъ и настоящемъ. 9) Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ и сектантствѣ событій. ОТДѢЛЪ IV (апологетико-полемическій) 10) Разборъ ученія раскольниковъ и сектантовъ. 11) Миссіонерскія бесѣды. ОТДѢЛЪ V (миссія). 12) Мысли и сужденія по вопросамъ внутренней миссіи. 13) Обозрѣніе современной постановки миссіонерскаго дѣла въ Россіи 14) Сужденія свѣтскихъ писателей по вопросамъ миссіи и расколо-сектантства. ОТДѢЛЪ VI. 15) Впечатлѣнія и замѣтки дѣятелей миссіи. 16) Воспоминанія обратившихся изъ расколо-сектантства въ православіе о жизни въ расколѣ и сектантствѣ. 17) Очерки и разсказы изъ современной религіозно-бытовой жизни православныхъ, раскольниковъ и сектантовъ. ОТДѢЛЪ VII. 18) Отвѣты редакціи на вопросы изъ церковно-приходской практики. ОТДѢЛЪ VIII. 19) Критика и библіографія съ обзоромъ духовныхъ журналовъ. ОТДѢЛЪ IX. 20) Извѣстія и замѣтки. ОТДѢЛЪ X. 21) Объявленія. ПРИЛОЖЕНІЕ. 22) Миссіонерскія поученія по Прологу и Четіи-Минеямъ.

Оставаясь вѣрною программѣ, цѣли и задачамъ своего журнала, Редакція въ минувшемъ году обратила особенное вниманіе на противосектантскій отдѣлъ и поставила его шире, полнѣе, разнообразнѣе, а въ нынѣшнемъ постарается сравнять съ противораскольническимъ.

Кромѣ того, въ виду скудости проповѣднической литературы по вопросамъ, пререкаемымъ раскольниками и сектантами, Редакція рѣшила дать ОКОНЧАНІЕ ДВУХЪ своихъ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, данныхъ въ прошломъ году, именно:

1) Сборникъ проповѣдей подъ заглавіемъ: **Архипастырскій гласъ по главнѣйшимъ вопросамъ вѣры, пререкаемымъ сектантами**, подъ редакціей извѣстнаго знатока сектантства, свящ. В. А. Прохорова. Вып. второй.

и 2) **Миссіонерскія поученія по Прологу** (мѣс. Май—Августъ) К. И. Плотникова.

Журналъ будетъ выходить по прежнему, 1 числа каждаго мѣсяца (январская книжка около 10 числа), а приложенія будутъ даны: одно въ первой половинѣ года, а другое—во второй.

Объемъ книжекъ прежній (отъ 8 до 12 л.).

Цѣна за журналъ съ приложеніями 5 руб. съ доставкой и пересылкой по Россіи, а за границу 6 руб. 50 коп. (Допускается разсрочка).

Требованія и деньги адресовать: С.-Петербургъ, Суворовскій просп., д. 65, кв. 15, въ редакцію журнала **„Православный Путеводитель“**.

Городскіе (СПБ.) подписчики могутъ подписываться у свящ. П. С. Туманова (Боровая, д. 52, свящ. М. П. Чельцова (Забалканскій пр., д. 29) и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Имѣются полные экземпляры журнала за 1903 г., ц. 4 р. съ пер., и за 1904 г. съ приложеніями ц. 5 р., а безъ приложеній—4 р. съ пересылкой.

Редакторы-Издатели: **священникъ П. С. Тумановъ.**
священникъ М. П. Чельцовъ.
Стат. Совѣт. К. Н. Плотниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Миссіонерское Обозрѣніе,

вступая въ X годъ своего посильнаго служенія Церкви и отечеству, въ 1905 году будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ истекшіе годы. Давно переставъ быть, въ силу разносторонности и жизненности своего содержанія, узкимъ спеціальнымъ органомъ „Мисс. Обозр." нынѣ заключаетъ въ себѣ, наряду съ всестороннимъ изслѣдованіемъ и обличеніемъ расколо-сектантскихъ заблужденій, православно-апологетическое обозрѣніе выдающихся событій современной церковно-общественной жизни. Понимая внутреннюю миссію церкви въ широкомъ смыслѣ и значеніи, редакція „Мисс. Обозр." считаетъ главнѣйшими и существеннѣйшими своими задачами въ наше духовно-смятенное время—1) миссію среди интеллигенціи, примиреніе ея съ церковью путемъ удовлетворенія ея религіозныхъ запросовъ всестороннимъ выясненіемъ вопросовъ вѣры и духовной жизни; 2)—объединеніе съ православною церковью русскихъ людей, отторгшихся отъ православія; 3) огражденіе вѣрныхъ чадъ отъ вовлеченія въ расколъ и ереси; 4) охраненіе нетвердыхъ въ вѣрѣ отъ соблазна и колебаній, и, наконецъ, 5) возвращеніе къ истинѣ заблудшихъ отщепенцевъ.

Въ 1905 году „Миссіонерское Обозрѣніе" будетъ выходить двухнедѣльными выпусками въ объемѣ 8—10 и болѣе листовъ (за исключеніемъ пасхальныхъ и лѣтнихъ каникулъ, когда журналъ выходитъ по 1 книгѣ въ мѣсяцъ); всего въ теченіе года подписчики получатъ:

1) **20 книгъ журнала (около 200 печатныхъ листовъ).**

2) **Два БЕЗПЛАТНЫХЪ приложенія:**

I. **„Миссіонерскій путеводитель по св. Библіи".** Діак. І. Смолина, въ 4 отдѣлахъ. Изд. въ портативномъ форматѣ и разослано будетъ въ переплетѣ.

II **„Церковная исторія въ пастырскихъ поученіяхъ",** прот. Н. Русанова,—книжка заключающая въ себѣ поученія и бесѣды о жизни и дѣятельности святыхъ угодниковъ и церковныхъ учителей, начиная съ Климента Александрійскаго и кончая св. Серафимомъ Саровскимъ.

Подписная цѣна за годъ съ приложеніями—6 руб., за границу 8 руб. Для бѣдныхъ церквей и причтовъ - разсрочка: 3 руб. при подпискѣ, и 3 руб. къ св. Пасхѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (С.-П-бургъ Невскій, 153), въ Москвѣ—въ Синодальной Типографіи, а также въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ во всѣхъ городахъ.

Подробные проспекты на 1905 годъ—безплатно. Пробная книжка журнала высылается за 50 коп. почт. марк., съ наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. Комплекты журнала за прежніе годы (кромѣ 1897 и 1900) продаются по 4 руб. за годовой экземпляръ (безъ пересылки).

Редакторъ-издатель В. М. Скворцовъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

ВѢРА и РАЗУМЪ

въ 1905 году.

Вступая съ Божіею помощію въ XXII-й годъ изданія журнала „Вѣра и Разумъ“, редакція по прежнему сохраняетъ убѣжденіе, что современное наше образованное общество, кромѣ религіозно-нравственнаго назиданія, нуждается въ опроверженіи различныхъ религіозное нравственныхъ заблужденій, въ оправданіи и выясненіи христіанскихъ началъ жизни и вообщевъ указаніи на гармоническое единеніе вѣры и знанія, богооткровенной истины и человѣческой науки. Это направленіе дано нашему журналу славнымъ основателемъ его, въ Бозѣ почившемъ Архіепископомъ Амвросіемъ. Оно же далѣе нашло одобреніе и бывшаго преемника его по святительской каѳедрѣ, Высокопреосвященнаго Флавіана, нынѣ митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Оно же затѣмъ находитъ благосклонное одобреніе, архипастырское благословеніе и просвѣщенное покровительство въ лицѣ Высокопреосвященнаго Арсенія, нынѣшняго Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Соотвѣтственно съ этимъ, журналъ нашъ по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1. Отдѣла церковнаго, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ

2. Отдѣла философскаго. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстій по Харьковской епархіи“. Этотъ отдѣлъ журнала (3-й), по предложенію Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, будетъ расширенъ редакціею на 24 печатныхъ листа въ годъ, съ цѣлію дать мѣстному духовенству большую возможность высказывать свои сужденія, наблюденія и пожеланія.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годичное изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 202 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: **въ Харьковѣ:** въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; **въ Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи: **въ Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 руб. за 1890—1896 г., по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 и 1903 г. 9 р. и за 1903 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 185 р. съ пересылкою.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ **„МИРНЫЙ ТРУДЪ“** ГОДЪ ПЕРВЫЙ

Повременное научно-литературное изданіе.

Въ „Мирномъ Трудѣ“ за первый годъ были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: *проф. А. С. Вязигина* Отъ редакціи. „Два слова о культѣ новизны“, „Ѳ. И. Фортинскій“, „Итоги перваго года“. *Клеменса Юноши* повѣсть „Черное болото“. *А. Игнатьева* „Былинка“. *Проф. И. В. Нетушила* „Этика въ дисциплинѣ“, „Миѳологическія теоріи“. *М. Кайсарова* „Шутка“ разсказъ. *Киплинга* „Вильгельмъ завоеватель“. *В. Харцiева* „Ученіе А. А. Потебни о народности и націонализмѣ“ *Проф. С. Соловьева* „В. Гюго“ и „Послѣдній Миннезингеръ“. *Ладислава-Струпежницкаго* „Цвиковскій бѣсенокъ“. *П. Каменскаго* „Въ поискахъ христіанъ на Западѣ“. *Н. Горинскаго* „Происхожденіе нѣкоторыхъ особенностей національнаго характера англичанъ“. *К. Бичъ-Лубенскаго* „Дядя изъ Калькутты“ святочный разсказъ. *О. Петрова* „О средней школѣ“. *А. Каута.* Рядъ замѣтокъ. Беллетристическія новости. Обозрѣніе журналовъ. Дѣятельность Обществъ. Библіографія.

Въ виду многочисленныхъ просьбъ, редакція „Мирнаго Труда“ доводитъ до свѣдѣнія г.г. новыхъ подписчиковъ, что для нихъ полный экземпляръ за первый годъ уступается

за три рубля съ пересылкой.

Такая-же уступка дѣлается г.г. студентамъ, учителямъ, военнымъ, священникамъ, рабочимъ и книгохранилищамъ.

Подробное оглавленіе и статья „Итоги перваго года“ высылаются за ОДНУ семикопѣечную марку.

Принимается подписка на „МИРНЫЙ ТРУДЪ“ въ 1905 году (третій годъ изданія) 6 руб. съ перес. за 10 книгъ.

37

Вступая
по прежн
религіоз-
ственныхъ
указаніи
науки. Э
семъ Арх
по святи
Галицкі
овеніе и
го Архіев

Отдѣла
смыслѣ
Отдѣла
частно
ѣвія о
Такъ и
имъ, имѣ
ъ немъ,
ся отдѣ
(3-8), и
и Ахт
ыю да

налъ въ
е печат
ъ изъ

а за

ИСКА
ъ» пр
овскаго
ьныхъ
нскихъ
: въ
стальн
ѣстныхъ
едакці
и ея и
ой цѣ
р. 8

мъ же

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1905 годъ на

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТІ

газету политическую, общественную и литературную

ИЗДАНІЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1) Послѣдняя по- 2) Телеграммы: Петербургскаго и Россійскаго агентствъ. 3) Ста по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 4) Отдѣлы статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросо 5) Свѣдѣнія о войнѣ 6) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слу проекты и т п.). 7) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздо 8) Мнѣнія печати (столичной и провинціальной) 9) Коррес денціи. 10) Новости науки, литературы и искусства. 11) Теа и музыка. 12) Внутреннія извѣстія. 13) Внѣшнія извѣстія. 14) дебный отдѣлъ. 15) Фельетонъ. 16) Библіографическія замѣ 17) Смѣсь. 18) Справочный отдѣлъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	1
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р
Съ пересылкою . . .	1 20	2 10	3 —	4 —	5 —	5 75	6 20	7 —	8 —	9 —	9 50	1
Съ доставкою . .	1 —	2 —	2 50	3 50	4 —	5 —	5 50	6 50	7 —	8 —	8 50	
Безъ достав. и пересылки.	— 80	1 50	2 25	3 —	3 75	4 50	5 25	6 —	6 50	7 50	8 —	

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ книжн. магазинахъ „Новаго Времени“ и въ Харько въ конторѣ „Харьк. Губ. Вѣд.“, Петровскій пер. № 1

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсроч

3—1

JUN 1 5 ...

044 092 939 933